947.005
RUSK
1909
no.11

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XL-й. НОЯБРЬ. 1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.** А. Ѳ. Кони. . . . 231—247

II. **Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.).** Ивана Янжула. . . . . 249—272

III. **Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.** Казиміръ Васильевичъ Левицкій. А. Витмера. . . . . 273—285

IV. **Записки сенатора Есиповича** . . . . . 287—296

V. **На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.** Д. А. Скалона . . . . . 297—309

VI. **Темное Царство.** (Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII в.ка). Сообщ. В. Шереметевскій . . . . . 311—318

VII. **Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера** . . . . . 319—331

VIII. **Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Абаза.** . . . . . 332—334

IX. **М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877—78 г.г.** (Изъ воспоминаній). А. Е. К. . . . 335—342

X. **Грандіозный замыселъ Рыкоса.** (Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора). А. К. Хросницкаго. . . . . 343—346

Письма Ѳ. В. Булгарина. Н. О. Лернера. . . 347—357

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года. Сообщила В. Т. 358—376

Матеріалы для Исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Письма П. А. Катенина къ П. И. Бахтину. А. Чебышева. . . . 377—387

XIV. **Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища.** И. Ф. . . . . 390—400

XV. **Изъ исторіи Новгорода.** (Самоуправленіе и власть княжеская). И. С. Бѣляева. . . . . 401—414

XVI. **Семь лѣтъ неурожайныхъ.** (Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ). П. Л. Юдина . . . . . 415—427

XVII. **Андрей Денисьевичъ Виніусъ.** (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е Вильчинскаго. . . 428—439

XVIII. **Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.** П. П. Козловскаго. . . 440—459

XIX. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**

а) **1. Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича.** (Ночь на камеръ-юнкерской постели).

2. Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ. Сообщ. Мих. Соколовскій. 248

б) **Послѣднія минуты Суворова.** Сообщ. А. . . . 286

в) **Шамиль полвѣка назадъ въ Москвѣ.** Сообщ. — ій. 310

г) **«Вѣчная память».** Сообщ. Арсеній П. . . . 388—389

XX. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложеніе: Портретъ Якова Григорьевича Есиповича.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

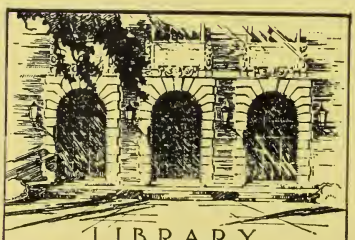
XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1909 г.

1959

05
P89

№1889 ж.ф.

Русская старина
1909, кн. 11 3р.



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
947.005
RUSK
1909
no. 11

Return this book on or before the
Latest Date stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.

University of Illinois Library

MAY -3 1966

L161—O-1096

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/russkaiastarina1909unse_2

Яковъ Григорьевичъ
Есиповичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „**Русская Старина**“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга.** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“.—„Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова. П. М. Ковалевскаго.**—„Встрѣча на жизненномъ пути.“—„Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго. Д. А. Скалонъ**—„Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула.** „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ѳ. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ. Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой. М. В. Безобразовой**—„Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга**—„Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова**—„Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ**—„Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“.**А. Г. Полянская**—„Къ біографіи Л. А. Мея.“—„Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева**—„Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ Министра Финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—**„ Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій**—„Записки гр. Ланжерона 1812 г.—Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **В. Ф. Рудневъ**—„На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій**—„Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Левашовскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ИЮЛ 1939

НА

Проверено 1936 г.

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

05
Р-89
Р89 947.005
RUSK
1909
no. 11

№ 1889 ж.ф.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля[1]).

X.

Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Берлинѣ засѣдалъ *конгрессъ историковъ*. Членамъ его былъ, между прочимъ, показанъ секретный архивъ Прусской монархіи, и предъявлены нѣкоторые документы, пріобрѣвшіе историческую извѣстность. Между ними было и представленіе королю отъ 22 іюня 1740 года, въ которомъ государственный министръ фонъ Брандъ и президентъ лютеранской консисторіи фонъ Рейхенбахъ, находя, что существованіе католическихъ школъ угрожаетъ возможностью отпаденія лютеранъ отъ религіи, къ которой они оффиціально принадлежатъ, возбуждали вопросъ о томъ, могутъ ли эти школы продолжать существовать. На поляхъ этого представленія написана рукою Фридриха II слѣдующая знаменательная, хотя и не совсѣмъ грамотная резолюція: „Die Religionen müssen alle Tolleriret werden und man muss mehr das Auge darauf haben das keine der andren abrug (abbruch) Tuhe *den hier mus ein jeder nach Seiner Fasson Selich werden*“.

Несмотря на почти 170 протекшихъ лѣтъ, взглядъ, выказанный великимъ королемъ, до сихъ поръ не утратилъ значенія по отношенію къ текущей дѣйствительности. Еще пять лѣтъ назадъ правильность такого взгляда у насъ безусловно отрицалась законодательствомъ, подъ игомъ котораго обязаны были дѣйствовать суды, да и въ настоящее время, несмотря на Высочайшій указъ Сенату отъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1907 г. — II, X, XII. 1908 г. — III, XI, XII. 1909 г.—I, IV и X.

17 апрѣля 1905 года, часто раздаются голоса людей, которымъ кажется, что „обезпеченіе каждому изъ русскихъ подданныхъ свободы вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“ идетъ въ разрѣзъ съ коренными устоями нашей родины и является совершенно непріемлемымъ на практикѣ.

Я говорилъ уже о томъ, какъ повліяли подобные взгляды на возбужденіе преслѣдованій противъ уніатовъ и штундистовъ; продолжаю длинную вереницу моихъ воспоминаній по другимъ дѣламъ, въ которыхъ возникали вопросы вѣротерпимости и свободы совѣсти. Къ такимъ относились, между прочими, и такъ называемыя *пасторскія дѣла.*

Различныя бытовыя, экономическія и правовыя причины, въ связи съ народнымъ бѣдствіемъ—голодомъ, вслѣдствіе двухлѣтняго полнаго неурожая—вызвали въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края, населенныхъ эстами и латышами, усиленное стремленіе крестьянъ къ переходу въ православную вѣру. Послѣдніе были увѣрены, что такой переходъ вызоветъ значительное улучшеніе ихъ матеріальной судьбы, и надѣялись, что правительство, придавъ особую цѣну ихъ добровольному присоединенію, отвѣтитъ на него съ своей стороны улучшеніемъ ихъ участи и заботой объ упорядоченіи ихъ быта. Но „spes est incerta et dubia“ — внушаетъ еще старикъ Кюнеръ, и когда новообратившіеся убѣдились въ тщетѣ своихъ упованій, и ихъ безчисленныя обращенія къ своимъ новымъ пастырямъ о помощи и защитѣ возымѣли такой же отрицательный результатъ, какъ и жалобы властямъ свѣтскимъ, началось обратное движеніе въ лютеранство. Оно вскорѣ дошло до того, что изъ ста тысячъ, принявшихъ православіе въ концѣ сороковыхъ годовъ, считали себя православными лишь около тридцати тысячъ, да и это число замѣтно таяло съ каждымъ годомъ, ибо дѣти родителей, православныхъ только по имени, настойчиво продолжали посѣщать лютеранскія церкви и не числить себя въ „русской вѣрѣ“, какъ принято было между ихъ отцами называть православное исповѣданіе. Такимъ образомъ значительная часть мѣстнаго крестьянскаго населенія оказывалась въ состояніи безправія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда юридическое положеніе ихъ должно было опредѣляться ихъ вѣроисповѣднымъ состояніемъ. Временно отпавшіе отъ „Лютеровой ереси“ и снова въ глубинѣ души вернувшіеся къ вѣрѣ отцовъ, они очутились между двумя берегами и ни къ одному пристать не могли. Отсутствіе внутренняго убѣжденія не позволяло идти за необходимыми требами къ православному священнику, не умѣвшему или не имѣвшему возможности пріобрѣсти нравственное вліяніе на свою фиктивную паству, а къ

пастору обращаться за этимъ воспрещалъ законъ. Такимъ образомъ создался особый классъ населенія, который на оффиціальномъ языкѣ сталъ носить названіе „колеблющихся“, изъ которыхъ обыкновенно выдѣлялась еще часть, названная „упорствующими“, при чемъ выходило, что, отпавъ отъ лютеранства, они какъ бы упорствуютъ присоединиться къ православію. Мѣры начальственнаго вразумленія—не встрѣтившія при томъ, что̀ и весьма понятно, никакой поддержки со стороны мѣстныхъ помѣщиковъ-лютеранъ,—административныя взысканія и разныя ограниченія не достигали своей цѣли. Напротивъ, въ „колеблющихся“ онѣ укореняли религіозный индифферентизмъ, и безъ того довольно сильный среди эстовъ и латышей, а въ „упорствующихъ“ вселяли озлобленіе и вражду къ господствующей церкви, немногіе храмы которой были разбросаны на огромныхъ пространствахъ и нерѣдко пустовали за недостаткомъ священнослужителей.

При массовомъ переходѣ мѣстныхъ жителей въ православіе представители лютеранской церкви, повидимому, предвидя безплодность такого перехода по результату и его безпочвенность по существу, не сложили оружія, а заняли лишь выжидательное положеніе, конечно, при случаѣ разъясняя отпавшимъ и колеблющимся практическое и нравственное значеніе сдѣланной ими или ихъ отцами ошибки. Когда же послѣдніе, желая выйти изъ своего двойственнаго положенія, заявляли пасторамъ, что по совѣсти считаютъ себя лютеранами и просятъ совершить надъ ними тотъ или другой религіозный обрядъ, они имъ въ этомъ не отказывали. Такимъ путемъ явился въ краѣ рядъ оффиціально православныхъ людей, которые оказались допущенными къ покаянію или причастію, или повѣнчаны по лютеранскому обряду, при чемъ ихъ исповѣди и причащенію всегда предшествовала и *конфирмація*. Отсюда возникли дѣла объ уголовномъ преслѣдованіи противъ евангелическо-лютеранскихъ проповѣдниковъ (пасторовъ) за совершеніе требъ надъ уклоняющимися отъ православія. Дѣла эти производились медленно, старымъ порядкомъ обветшавшаго сословнаго суда и, заканчиваясь нерѣдко оправдательными приговорами, въ остальныхъ случаяхъ обыкновенно сопровождались ходатайствами о смягченіи наказанія. Практическихъ результатовъ въ смыслѣ укрѣпленія православія въ краѣ это не имѣло, и 22 іюля 1874 года Высочайше было повелѣно прекратить всѣ подобныя дѣла, возникшія или начатыя производствомъ. Подъ вліяніемъ распространительнаго толкованія этого повелѣнія, дѣла этого рода перестали и возникать.

Такъ продолжалось до начала восьмидесятыхъ годовъ, когда при производствѣ памятной сенаторской ревизіи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ было высказано мнѣніе, что указываемое мѣстною высшею

епархіальною властью вредное участіе пасторовъ въ совершеніи требъ только тогда подходитъ подъ дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія 1874 года, когда не содержитъ въ себѣ признаковъ спеціальнаго преступленія, т. е., напримѣръ, *совращенія*, совершенія брака православнаго съ лютераниномъ, прежде совершенія такового православнымъ священникомъ и т. д. Это указаніе, совпадавшее съ общимъ направленіемъ нашей внутренней политики того времени относительно окраинъ, было принято къ свѣдѣнію и руководству мѣстной администраціей, когда во главѣ ея сталъ бывшій сѣдлецкій губернаторъ Зиновьевъ. Найдя у себя въ Лифляндской губерніи около 18.800 „уклоняющихся“, онъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ пасторовъ въ 90 приходахъ (3/5 всего числа) по 130 дѣламъ о *совращеніи* изъ православія путемъ *совершенія требъ*. При слѣдствіи обнаруживалось обыкновенно, что дѣйствіе, совершеніе котораго вмѣнялось въ вину пастору, состояло въ конфирмаціи, какъ неизбѣжной принадлежности допущенія къ покаянію и причастію, каковыя въ свою очередь были необходимы для вступленія въ бракъ. Къ пастору являлись по большей части молодые люди — крестьянскій парень и дѣвушка — и просили ихъ обвѣнчать. При разспросахъ пастора оказывалось, что они крещены въ православной вѣрѣ или записаны въ православныя метрики. Тогда пасторъ объяснялъ, что имъ, какъ православнымъ, слѣдуетъ вѣнчаться у православнаго священника, и на просьбы ихъ о конфирмаціи отвѣчалъ отказомъ. Молодые люди, заявивъ ему, что они себя православными не считаютъ, никогда въ православной церкви не были и ея обрядовъ не исполняли, уходили опечаленные, но по прошествіи нѣкотораго времени возвращались съ тѣми же просьбами вновь. Иногда это доходило до трехъ разъ, при чемъ на окончательный отказъ пастора они заявляли ему, что если такъ, то они все-таки не пойдутъ въ православную церковь, а будутъ жить блудно. Для пасторовъ, какъ они объясняли, являлась, вслѣдствіе этого, такая альтернатива: или попустить возникновенію грѣховной связи или же подвергнуться отвѣтственности по 193 ст. улож. о наказ., въ силу которой священнослужители другихъ (кромѣ православнаго), христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые завѣдомо допустятъ православныхъ къ исповѣди, причащенію или елеосвященію, или же дѣтей ихъ къ крещенію или муропомазанію по своимъ обрядамъ, подвергаются въ первый разъ удаленію отъ мѣстъ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а во второй—лишенію духовнаго сана и отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Обвиняемые пасторы избирали второй исходъ, заранѣе соглашаясь претерпѣть указанныя въ ст. 193 взысканія. Въ томъ, что къ нимъ должна примѣняться

именно эта статья, у нихъ не могло быть сомнѣній, ибо въ уложеніи о наказаніяхъ въ нѣмецкомъ переводѣ, изданномъ вторымъ отдѣленіемъ канцеляріи Е. И. В. для употребленія въ Прибалтійскомъ краѣ, въ перечисленіи требъ прямо значилось: „und Confirmation“. Прокурорскій надзоръ, вновь введенныхъ судовъ, посмотрѣлъ на это иначе, и взглядъ его раздѣленъ былъ и рижскимъ окружнымъ судомъ. Они нашли возможнымъ не придавать никакого значенія слову „конфирмація“, помѣщенному въ нѣмецкомъ текстѣ, а самое дѣйствіе конфирмаціи, т. е. наставленіе и испытаніе въ законѣ Божіемъ, признали совращеніемъ.

Въ 1890 году первымъ изъ осужденныхъ по этому „новому курсу“ оказался 70-лѣтній пасторъ Вильгельмъ Гриммъ, обвиняемый въ томъ, что за *десять лѣтъ* назадъ, выслушавъ крещеную въ православную вѣру крестьянку Вассиловскую, явившуюся къ нему вмѣстѣ со своимъ женихомъ Юргенсомъ и просившую о принятіи ея на конфирмацію, посовѣтовалъ ей предварительно отказаться отъ этой мысли, но впослѣдствіи согласился, по ея упорнымъ настояніямъ, конфирмовать ее и записалъ ее въ церковныя книги своего прихода. Рижскій окружной судъ призналъ его совратителемъ и приговорилъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Судебная палата, разсмотрѣвъ жалобу Гримма на этотъ приговоръ, не нашла признаковъ совращенія въ дѣяніи осужденнаго и приговорила его на основаніи 193 ст. къ удаленію отъ мѣста на 8 мѣсяцевъ, но за пятикратнымъ истеченіемъ двухлѣтней давности, постановила никакому взысканію его не подвергать.

Прокуратура Петербургской судебной палаты, признавая такой приговоръ колеблющимъ интересы православія въ Прибалтійскомъ краѣ и явно нарушающимъ законъ, рѣшилась опротестовать его передъ кассаціоннымъ судомъ. Но предварительно подачи протеста одинъ изъ дѣятелей этой прокуратуры посѣтилъ меня и объяснилъ мнѣ, что какъ министръ юстиціи, такъ и рижскій преосвященный находятъ приговоръ палаты совершенно неправильнымъ въ виду того, что дѣйствія Гримма составляютъ несомнѣнное совращеніе. Я зналъ уже объ этомъ дѣлѣ и о приговорѣ палаты и, составивъ себѣ на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе, заявилъ моему собесѣднику, что считаю взглядъ судебной палаты совершенно правильнымъ, такъ какъ подъ совращеніемъ необходимо понимать активную дѣятельность обвиняемаго. Эта дѣятельность, очерченная въ 184 ст. уложенія, можетъ быть не насильственной и насильственной. Въ *первомъ* случаѣ она выразится въ своего рода заманиваніи и завлеченіи въ вѣру совратителя. Это будутъ тѣ подговоры, обольщенія или иные

способы, о которыхъ говорится въ законѣ. Характеризуя подговоръ, уголовный законъ въ ст. 13 уложенія называетъ подговорщиками тѣхъ лицъ, которыя употребляютъ для достиженія своихъ цѣлей просьбы, убѣжденія, подкупъ, обѣщанія выгодъ, обольщенія или обманъ. Во *второмъ* случаѣ это будутъ разные виды психическаго принужденія и угрозы. Поэтому дѣятельность совратителя по самой этимологіи этого слова должна быть направлена на то, чтобы лицо, идущее въ дѣлѣ вѣры по прямому, съ точки зрѣнія господствующей церкви, пути или стоящее, съ той же точки зрѣнія, въ вѣрномъ положеніи, сбить съ этого пути и сдвинуть съ этого положенія посредствомъ воздѣйствія на его духовную сторону или на его эгоистическія чувства или, наконецъ, на его физическую природу. Воздѣйствіе перваго рода выражается въ просьбахъ, убѣжденіяхъ, обманахъ и обольщеніяхъ, а также въ подкупахъ и обѣщаніи выгодъ, а второго рода — въ угрозахъ, принужденіи и насиліи. Поэтому дѣйствія совратителя должны состоять въ употребленіи средствъ, подъ давленіемъ которыхъ осуществляется его намѣреніе отвлечь отъ одной вѣры и совратить въ другую, при чемъ судомъ должно быть установлено, что обвиняемый настаивалъ на отступленіи отъ вѣры, и дѣйствія его, по свойству своему, должны были имѣть на совращеннаго рѣшительное вліяніе, побудившее его къ отпаденію. Очевидно, что всѣ эти дѣйствія должны быть активны, и хотя ихъ нельзя предустановить и заключить въ рамки точныхъ указаній закона, но всѣ они требуютъ почина совратителя. Законъ о совращеніи, какъ идущій въ разрѣзъ съ общимъ началомъ вѣротерпимости, выраженнымъ въ ст. 45 Основныхъ законовъ, не можетъ быть толкуемъ распространительно,—но даже, если и прибѣгнуть къ такому толкованію, то надо признать, что, говоря о совращеніи, законъ имѣетъ въ виду тотъ случай, когда въ душѣ православнаго, дотолѣ не смущаемой никакими сомнѣніями, иновѣрецъ сѣетъ сѣмена сомнѣнія и, содѣйствуя ихъ росту своими уговорами и увѣщаніями, толкаетъ православнаго на дорогу иновѣрія, при чемъ плодомъ этого является отреченіе отъ родной церкви. Но если сомнѣніе возникло безъ содѣйствія обвиняемаго, если пасторъ лишь уступилъ просьбамъ отрекающагося отъ своей церкви и принялъ его въ свою паству послѣ увѣщаній обдумать свое намѣреніе, тогда наличности совращенія не существуетъ. Еще въ 1888 году Сенатъ по дѣлу Гребенюка — въ случаѣ гораздо болѣе остромъ (было совершено вторичное крещеніе надъ нѣсколькими лицами) — призналъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, что совершеніе сектантомъ обряда, знаменующаго присоединеніе къ какой-либо сектѣ или толку, надъ лицомъ, находящимся въ такомъ воз-

растѣ, когда оно сознавало значеніе совершаемыхъ надъ нимъ дѣйствій, служа знакомъ совершившагося отпаденія, не даетъ основанія видѣть въ совершителѣ обряда совратителя, покуда не будетъ установлено, что согласіе присоединяющагося на совершеніе обряда было послѣдствіемъ дѣятельности или проповѣди обвиняющагося въ совращеніи.

Затѣмъ, по поводу дальнѣйшихъ между нами разномыслій, я высказалъ моему посѣтителю, что съ точки зрѣнія догматической — конфирмація, въ силу которой юноши и дѣвицы въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ должны быть, до пріобщенія св. Таинъ, наставляемы въ законѣ Божьемъ, есть простой обрядъ, а не таинство, такъ какъ лютеранство, кромѣ крещенія и причащенія, другихъ таинствъ не признаетъ. Обрядъ этотъ не выходитъ по своей важности изъ предѣловъ обрядовъ, указанныхъ въ 193 ст. улож. о наказ., такъ какъ, конечно, упомянутые въ ней—изъ коихъ два послѣдніе и у лютеранъ являются таинствами,—несомнѣнно важнѣе, чѣмъ экзаменъ изъ закона Божія, удостовѣряющій, что достигшіе сознательнаго возраста молодые люди приступаютъ къ таинству причащенія съ пониманіемъ его святости и значенія. Очевидно, что и законъ не можетъ признать конфирмацію ни въ какомъ случаѣ за совращеніе, такъ какъ иначе онъ впалъ бы въ непримиримое противорѣчіе самъ съ собою, т. е. каралъ бы удаленіемъ отъ мѣста за совершеніе надъ православнымъ таинства крещенія и причащенія и въ то же время ссылалъ бы въ Сибирь за совершеніе обряда, безъ котораго самое причащеніе невозможно. Оказалось бы, что, разрѣшивъ каяться по обрядамъ своей вѣры и допустивъ къ причащенію, лютеранскій священникъ совершалъ бы меньшее вторженіе въ область православія, чѣмъ провѣривъ знаніе закона Божія у причащаемаго. Сверхъ того, наконецъ, существуетъ ст. 190, говорящая о наказаніи родителей, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать своихъ дѣтей по вѣрѣ православной, будутъ крестить или приводить ихъ къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія. Однако эти родители не считаются совратителями, точно такъ же, какъ и священники инославныхъ исповѣданій, изобличенные въ преподаваніи катихизиса малолѣтнимъ православнымъ или въ дѣланіи имъ противныхъ православію внушеній (ст. 194 улож.), между тѣмъ какъ подводить эти случаи подъ понятіе совращенія было бы, конечно, несравненно легче и логичнѣе. Я закончилъ нашу бесѣду указаніемъ на то, что по отношенію къ юридическому толкованію понятія о совращеніи для меня большой авторитетъ имѣли бы взгляды Спасовича, Неклюдова или Таганцева, и я задумался бы надъ основательностью моего взгляда,

если бы ими былъ высказанъ противоположный, но ни рижскій преосвященный, ни Н. А. Манасеинъ такимъ авторитетомъ для меня не являются, такъ какъ глубина юридическихъ познаній перваго мнѣ неизвѣстна, а во второмъ я признаю дѣятельнаго и энергическаго представителя судебнаго управленія, но не имѣлъ случая ознакомиться съ его научными познаніями въ уголовномъ правѣ. При этомъ, такъ какъ мой собесѣдникъ придавалъ взгляду министра юстиціи характеръ указанія, сообщаемаго мнѣ къ руководству, я обратилъ его вниманіе на то, что руководствомъ для оберъ-прокурора, призваннаго истолковывать законъ передъ кассаціонными судьями, являются исключительно—этотъ законъ въ его истинномъ смыслѣ и убѣжденіе совѣсти, но не мнѣніе министра, передаваемое при томъ чрезъ представителя одной изъ сторонъ въ дѣлѣ.

На другой день я счелъ однако нужнымъ объясниться по этому поводу съ министромъ юстиціи и высказать ему, что я не могу раздѣлить его взгляда, переданнаго мнѣ довольно необычнымъ въ нашихъ отношеніяхъ образомъ, и предъявлю заключеніе объ оставленіи протеста, если онъ будетъ принесенъ, безъ послѣдствій. При этомъ, изложивъ ему приведенныя выше юридическія соображенія, я остановился на нравственной и политической сторонѣ пасторскихъ дѣлъ.—„Наше законодательство,—говорилъ я,—не допуская въ принципѣ отступленія отъ православія, не вмѣшивается вмѣстѣ съ тѣмъ въ догматическую и обрядовую сторону инославныхъ вѣроученій, предоставляя упорядоченіе этой области надзору и наблюденію духовныхъ установленій этихъ исповѣданій. При недопустимости, по толкованію нашей церкви, окончательнаго отступленія отъ православія и при взглядѣ церкви на отступившихъ, какъ на близкихъ и родныхъ, хотя и заблудшихъ чадъ, законъ гражданскій озабоченъ лишь тѣмъ, чтобы инославные пастыри, обязанные вести акты гражданскаго состоянія, не вносили въ нихъ своими дѣйствіями безпорядка. Поэтому въ глазахъ гражданской власти инославный священникъ, совершающій надъ православными обряды, съ которыми связаны измѣненія или отмѣтки въ документахъ, входящихъ въ составъ актовъ гражданскаго состоянія, является нерадивымъ или сознательно нарушающимъ свои обязанности должностнымъ лицомъ, ведущимъ акты послѣдняго рода. Вотъ почему въ первой части 193 ст. улож. указаны служебныя, а не исправительныя или уголовныя наказанія—срочное удаленіе отъ мѣста и лишеніе духовнаго званія,—а для совершающихъ указанныя въ ней нарушенія по невѣдѣнію—строгій выговоръ „за несогласную съ важностью духовнаго званія неосмотрительность“. Можно быть разнаго мнѣнія о справедливости и цѣлесообразности такого взысканія, но нельзя

отрицать за государствомъ права подвергать своихъ агентовъ взысканію за преступленія должности. Поэтому принципіально возражать противъ примѣненія 193 ст. до тѣхъ поръ, покуда у насъ существуетъ формальная вѣротерпимость и не существуетъ свободы совѣсти,—нельзя. Но иначе будетъ обстоять дѣло при признаніи Гримма и слѣдующей за нимъ вереницы пасторовъ виновными въ совращеніи. Здѣсь вопросъ переносится уже на религіозную почву и долженъ вызывать къ себѣ совсѣмъ другое отношеніе со стороны мѣстнаго населенія, не желающаго принадлежать къ православной церкви. Пасторъ, совершающій конфирмацію по настойчивой просьбѣ фиктивныхъ православныхъ, находится здѣсь подъ угрозой не только служебныхъ непріятностей и потери мѣста, но и ссылки въ Сибирь, потери правъ состоянія и разбитія всей его личной жизни. Нерадивое должностное лицо обращается въ жертву исполненія своего религіозно-нравственнаго долга, въ пастыря церкви, идущаго въ Сибирь искупать вину, состоящую въ томъ, что онъ не остался глухъ къ духовной потребности темныхъ людей и, наставивъ ихъ въ словѣ и ученіи Господнемъ, не подалъ имъ „вмѣсто хлѣба камень“. Всѣхъ пасторовъ привлечено за *совращеніе* свыше 50 человѣкъ; осужденіе Гримма равносильно осужденію ихъ всѣхъ. Ссылка ихъ въ Сибирь была бы не только юридической несправедливостью и результатомъ судебной натяжки, но была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и большой политической ошибкой, которая одновременно вызвала бы, вѣроятно, негодованіе и въ культурныхъ и въ народныхъ слояхъ населенія Лифляндской губерніи“.

Н. А. Манасеинъ выразилъ полное согласіе съ моими доводами, добавивъ, что вовсе не думалъ навязывать мнѣ свои взгляды, отъ которыхъ безъ затрудненія отказывается, а лишь посовѣтовалъ лицу, бывшему у меня, узнать мое мнѣніе по дѣлу. Тѣмъ не менѣе протестъ былъ принесенъ, и по соглашенію моему съ первоприсутствующимъ сенаторомъ Розингомъ дѣло Гримма было назначено къ слушанію на 12 марта 1891 года. Членомъ-докладчикомъ первоприсутствующій хотѣлъ избрать сенатора А. В. Волкова, человѣка весьма трудолюбиваго, но больного, и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ и узнать отъ него, согласится ли онъ, въ виду состоянія его здоровья, принять на себя докладъ по этому сложному и важному дѣлу, требующему изученія источниковъ закона и затѣмъ большой письменной работы. Волковъ, ознакомясь съ дѣломъ изъ моего подробнаго разсказа, изъявилъ полное согласіе и въ то же время выразилъ, что вполнѣ раздѣляетъ мой взглядъ на неуважительность протеста противъ приговора палаты. Передъ слушаніемъ дѣла на имя первоприсутствующаго поступило письмо отъ К. П. Побѣдо-

носцева, въ которомъ, въ виду важности дѣла Гримма, разбирался вопросъ о значеніи конфирмаціи и указывалось на то, что она не имѣетъ значенія духовной требы, ибо 193 ст. улож., говорящая о допущеніи къ причащенію, должна быть толкуема въ смыслѣ исключительнаго, хотя и возможнаго случая, когда пасторъ допуститъ къ этому таинству православнаго безъ предварительной конфирмаціи. Считая затѣмъ, что рѣшеніе вопроса о томъ, имѣло ли мѣсто въ каждомъ данномъ случаѣ *совращеніе* православнаго, принадлежитъ суду, Побѣдоносцевъ указывалъ на то, что всякое присоединеніе православнаго къ лютеранству предусмотрѣно 389 ст. Устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ которой говорится о немедленномъ отрѣшеніи отъ должности и сана евангелическо-лютеранскаго проповѣдника, присоединившаго къ своей церкви члена православной церкви. Этотъ взглядъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода, несмотря на весь авторитетъ К. П. Побѣдоносцева въ каноническихъ вопросахъ, не поколебалъ моего мнѣнія. Слѣдуя этому взгляду надлежало примѣнить къ пастору Гримму уже не статью уложенія о наказаніяхъ, а постановленіе, не имѣющее соотвѣтственной статьи въ уголовномъ законѣ и слѣдовательно самостоятельнаго карательнаго значенія, такъ какъ по закону уголовно-наказуемыми дѣяніями признаются лишь воспрещенныя подъ страхомъ наказанія уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ въ силу принципа nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege. Кромѣ того этотъ взглядъ страдалъ и внутреннимъ противорѣчіемъ. Какъ уже указано, по ученію нашихъ богослововъ и по смыслу уложенія о наказаніяхъ 1866 года окончательнаго и рѣшительнаго отпаденія отъ православія существовать не можетъ, и церковь постоянно уповаетъ на возвращеніе въ ея нѣдра заблудшихъ, не исключая ихъ изъ своихъ метрическихъ списковъ и не разрѣшая вносить въ списки другихъ исповѣданій, какъ это неоднократно разъяснялъ и К. П. Побѣдоносцевъ. Но о какомъ же *присоединеніи* въ такомъ случаѣ можетъ идти рѣчь? Вотъ почему наше уложеніе, конечно вполнѣ сознательно, нигдѣ и не говоритъ о совершеніи присоединенія, какъ о наказуемомъ дѣяніи. Наконецъ, этотъ взглядъ опровергается и тѣмъ, что постановленія, содержащагося въ ст. 389 Устава евангелическо-лютеранской церкви, *не содержится* въ уставахъ другихъ не православныхъ церквей, и что такимъ образомъ пасторы подлежали бы исключительному наказанію за такое дѣяніе, которое сопровождалось бы для католическихъ и армяно-грегоріанскихъ священниковъ безнаказанностью. Я сообщилъ эти мои соображенія министру юстиціи, вслѣдствіе запроса его, вызваннаго письмомъ къ нему Побѣдоносцева.

За нѣсколько дней до засѣданія дѣло приняло, однако, болѣе

острый оборотъ. По порученію Манасеина вице-директоръ департамента министерства юстиціи привезъ мнѣ показать сообщеніе Комитета Министровъ министру юстиціи „къ надлежащему исполненію". Это сообщеніе содержало въ себѣ слѣдующее мѣсто изъ всеподданнѣйшаго отчета лифлянскаго губернатора Зиновьева за 1889 годъ: „Съ преобразованіемъ судебныхъ учрежденій получили, наконецъ, свое законное теченіе многочисленныя, возникшія въ Лифляндской губерніи, дѣла о совращеніяхъ православныхъ въ лютеранство, о совершеніи надъ православными требъ по лютеранскому обряду и т. п., искусственно до сихъ поръ задерживаемыя прежними судами. Вслѣдствіе этого, страшась уголовной отвѣтственности, пасторы временно пріостановили нѣсколько свою дѣятельность по совершенію преступленій, предусмотрѣнныхъ Отд. 2, Гл. 2, Разд. II Улож. о наказ. Рижскій окружной судъ уже разобралъ множество такихъ дѣлъ, постановивъ виновнымъ строгія по закону наказанія, но мѣстная консисторія, какъ слышно, дала всѣмъ состоящимъ подъ судомъ пасторамъ предписаніе аппелировать на приговоры въ судебную палату, что̀ пасторы и исполнили. Если судебною палатою и Сенатомъ, куда дѣла эти могутъ перейти по протестамъ прокурора, приговоры эти не будутъ оставлены въ силѣ, то пріостановившіяся на время совращенія православныхъ, по всей вѣроятности, начнутся съ прежнею силою, и тогда придется отказаться отъ надежды при помощи суда прекратить то повальное нарушеніе пасторами законовъ объ охраненіи православной вѣры, которая имѣетъ нынѣ мѣсто въ Лифляндской губерніи". На этомъ мѣстѣ отчета имѣлась Высочайшая помѣта: „Обратить вниманіе Министра Юстиціи". Я объяснилъ г. вице-директору, что это уже исполнено и что, какъ министромъ юстиціи, такъ и мною своевременно было обращено особое вниманіе на это дѣло, которое въ виду его важности назначено къ слушанію не въ отдѣленіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, а прямо при участіи всѣхъ членовъ департамента. Вслѣдъ за тѣмъ я немедленно написалъ Манасеину письмо, въ которомъ, вновь излагая письменно всѣ мои соображенія по дѣлу, заявлялъ, что, несмотря на пріемъ, употребленный лифляндскимъ губернаторомъ для полученія желаемаго имъ рѣшенія Сената, я не могу дать иного заключенія, какъ то, о которомъ его давно уже предупредилъ. Если онъ находитъ неизбѣжнымъ разрѣшеніе дѣла въ смыслѣ, желательномъ для лифляндскаго губернатора, то у него еще есть время воспользоваться принадлежащимъ ему по закону правомъ поручить дать заключеніе по этому дѣлу одному изъ двухъ другихъ кассаціонныхъ оберъ-прокуроровъ—гражданскаго департамента или общаго собранія. Я закончилъ письмо указаніемъ на то, что содѣйствіемъ къ отмѣнѣ приговора

Петербургской палаты я, съ моей точки зрѣнія, совершилъ бы нарушеніе своихъ обязанностей толкователя закона и гражданина, для котораго не можетъ быть безразличной ошибочная и пагубная политика на окраинѣ государства, и который не можетъ ей содѣйствовать услужливымъ извращеніемъ истиннаго смысла законовъ.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ приглашеніе министра на слѣдующее утро. „Я не могу послѣдовать вашему указанію на возможность замѣны васъ другимъ оберъ-прокуроромъ“, сказалъ мнѣ Манасеинъ.— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я ему, такъ какъ дѣло идетъ о лютеранахъ, то придется повторить историческія слова: „hier stehe ich, ich kann nicht anders, Gott helfe mir, amen!“.—Я объ этомъ-то и хотѣлъ поговорить съ вами,—продолжалъ Манасеинъ,—я рѣшился доложить о вашемъ взглядѣ и заявить, что вполнѣ присоединяюсь къ нему. Если, однако, послѣдуетъ несогласіе, то я извѣщу васъ и попрошу васъ и Розинга отложить засѣданіе, чтобы обдумать, какъ поступить. Увѣрены ли вы, что Сенатъ съ вами согласится?.— Быть безусловно увѣреннымъ трудно, отвѣчалъ я, но есть много основаній думать, что послѣдуетъ согласіе, такъ какъ и первоприсутствующій и членъ-докладчикъ—оба за оставленіе протеста прокурора безъ послѣдствій.—Но какъ доложить о могущемъ состояться рѣшеніи?—вопросительно отнесся ко мнѣ Манасеинъ—того, о чемъ мы говоримъ, вѣдь нельзя облечь въ форму всеподданнѣйшей записки.— Доложите, отвѣчалъ я, мое письмо къ вамъ и объясните, что возникаетъ возможность согласія Сената со мной.—Я такъ и сдѣлаю, сказалъ Манасеинъ своимъ рѣшительнымъ тономъ, оставляя меня подъ отраднымъ впечатлѣніемъ, такъ какъ на то, чтобы возымѣть подобную рѣшимость отказаться отъ своего мнѣнія, убѣдившись въ его неправильности, и прямодушно заявить объ этомъ Монарху былъ бы способенъ далеко не каждый министръ въ то время. Черезъ три дня онъ разсказалъ мнѣ о своемъ докладѣ, при чемъ, по его словамъ, онъ прочелъ большія выдержки изъ моего письма и съ радостью выслушалъ, что если оберъ-прокуроръ находитъ, что приговоръ палаты правиленъ и согласенъ со смысломъ закона, и онъ, Манасеинъ, раздѣляетъ такое мнѣніе, то и Сенату, конечно, приходится съ этимъ согласиться.

Насталъ день засѣданія, привлекшаго массу посѣтителей, такъ что большая зала департаментскихъ засѣданій Сената была переполнена. Въ публикѣ было много духовныхъ лицъ различныхъ исповѣданій, а также и чиновниковъ православнаго вѣдомства. Но при самомъ открытіи засѣданія явилось новое и совершенно неожиданное препятствіе къ правильному, по моему мнѣнію, разрѣшенію дѣла. Ко мнѣ въ кабинетъ пришелъ Волковъ и совершенно неожиданно сооб-

пилъ мнѣ, что послѣ тщательнаго изученія дѣла онъ измѣнилъ свой взглядъ на него и будетъ стоять за отмѣну приговора палаты. Это сообщеніе, сдѣланное, какъ выразился Волковъ, de bonne guerre за двадцать минутъ до открытія засѣданія, имѣло зловѣщее значеніе. Докладчикъ по самому существу своихъ обязанностей всегда имѣетъ вліяніе на членовъ коллегіи, въ особенности если въ ней нѣтъ другого лица, которое точно также изучило бы предметъ доклада во всѣхъ подробностяхъ. Въ практикѣ отдѣленій нашего кассаціоннаго суда придается согласію товарища оберъ-прокурора, дающаго заключеніе, съ сенаторомъ-докладчикомъ почти всегда предрѣшающее исходъ дѣла значеніе. Во многихъ случаяхъ такое значеніе получало это согласіе и при слушаніи дѣлъ въ составѣ всего департамента, когда и заключеніе оберъ-прокурора и докладъ, подробно разъясняемый и дополняемый при совѣщаніи, представляли всестороннюю разработку матеріала, изложеннаго въ печатной запискѣ. По дѣлу Гримма оказывалось, что мое заключеніе встрѣтитъ въ совѣщаніи сильное противодѣйствіе въ лицѣ докладчика, котораго, конечно, будутъ поддерживать поборники суровой защиты исключительныхъ правъ господствующей церкви и возражать которымъ я буду лишенъ возможности. Отмѣна приговора судебной палаты, помимо своихъ послѣдствій по отношенію къ пятидесяти слишкомъ пасторамъ, авторитетно и непререкаемо увеличивала бы размѣры понятія о совращеніи до самыхъ крайнихъ, претящихъ правовому чувству, предѣловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она ставила бы министра юстиціи, въ виду сдѣланнаго имъ доклада, въ крайне щекотливое положеніе въ вопросѣ, къ которому онъ отнесся съ такой благородной широтой воззрѣній и дѣйствій.

Не скажу, чтобы у меня не было тревожно на душѣ, когда я приступилъ къ дачѣ моего длиннаго, почти двухчасового заключенія передъ 16 сенаторами, въ торжественной обстановкѣ публичнаго департаментскаго засѣданія. Сенаторы совѣщались четыре часа и послѣ долгихъ и оживленныхъ преній вынесли резолюцію объ оставленіи протеста безъ послѣдствій, состоявшуюся большинствомъ 11 голосовъ противъ 5. Эти послѣдніе подали обширное особое мнѣніе, составленное Волковымъ. Въ этомъ особомъ мнѣніи было высказано между прочимъ, что Гриммъ, допустивъ Вассиловскую къ конфирмаціи, упоминаніе о которой въ 193 ст. улож. касается будто бы исключительно дѣтей, совершилъ присоединеніе, т. е. преступленіе не менѣе важное, чѣмъ совращеніе, послѣдствіемъ котораго должно явиться признаніе брака Вассиловской съ лютераниномъ Юргенсомъ незаконнымъ, что̀ указываетъ на особо-преступную дѣятельность Гримма, хотя въ совершеніи этого брака онъ и былъ

признанъ невиновнымъ, и оправдательный приговоръ палаты не опротестованъ.

Рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ или другомъ разрѣшеніи вопроса лицъ. Оно вызвало даже ходатайство лифляндскаго губернскаго предводителя дворянства предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи разъ на всегда покончить съ вопросомъ объ „уклоняющихся“, перечисливъ ихъ въ лютеранское исповѣданіе, и тѣмъ прекратить „пасторскія дѣла“, вносящія столько скорби и раздраженія въ мѣстное населеніе. Противъ этого предположенія съ особенною силою возсталъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ Зиновьевъ. Онъ находилъ, что это перечисленіе придется основывать исключительно на заявленіи „уклоняющихся“ о томъ, къ какой церкви желаютъ они принадлежать. Но это было бы равносильно отказу правительства отъ своей, исторіей завѣщанной, обязанности, а также провозглашенію полной равноправности христіанскихъ исповѣданій и полной вѣротерпимости. „Въ жизни каждаго государства могутъ быть историческіе моменты,—писалъ лифляндскій губернаторъ,—когда въ силу роковыхъ событій оно ставится въ необходимость отречься отъ своихъ традицій и поступиться коренными чертами своего законодательства. Но существованіе уклоняющихся въ Лифляндіи такого момента не представляетъ. Бывали періоды, когда такіе важные вопросы съ особой остротой выдвигались впередъ. Такъ въ XVII столѣтіи сотни тысячъ коренныхъ русскихъ людей, разорвавъ связь съ господствующей государственной церковью, перешли въ *расколъ*. Упорно держась своихъ ложныхъ вѣроученій и не захотѣвъ подчиниться волѣ правительства, эти сотни тысячъ съ пожертвованіемъ всѣхъ экономическихъ условій своего быта бѣжали въ лѣса сѣверныхъ губерній, оставляя навсегда свое отечество, и селились на берегахъ Дуная, въ старинной Ливоніи, въ Малой Азіи и т. п. Съ начала нынѣшняго столѣтія возникъ *уніатскій вопросъ*, тревожащій Холмскую Русь и дающій поводъ къ немалымъ замѣшательствамъ въ отправленіяхъ гражданской жизни. Въ этихъ случаяхъ русское правительство, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ и твердо держась одной системы, не дѣлало и не дѣлаетъ какихъ-либо уступокъ. Принимаемыя по отношенію къ этимъ вопросамъ нѣкоторыя отдѣльныя мѣры, можетъ быть, и были ошибочны, но, не противорѣча разъ принятой системѣ, онѣ во всякомъ случаѣ были послѣдовательны“.—Критикуя затѣмъ рѣшеніе Сената по дѣлу Гримма, называя его *случайнымъ* и позволяя себѣ удостовѣрять передъ Монархомъ, что голоса сенаторовъ раздѣлились поровну, и лишь голосъ первоприсутствующаго далъ перевѣсъ, губернаторъ ука-

зывалъ, что необходимо начертаніе особой спеціальной статьи уложенія, карающей за конфирмацію, такъ какъ вся система дѣйствій правительства въ Лифляндской губерніи для возстановленія нарушеннаго религіознаго мира преимущественно основана на удержаніи пасторовъ страхомъ наказанія отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ дѣла уклоняющихся. Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что за возстановленіемъ въ губерніи полнаго спокойствія лютеранское духовенство составляетъ *единственный* элементъ безпорядка въ странѣ, и только качествамъ населенія надо приписать, что безпорядки эти не принимаютъ большихъ размѣровъ, генералъ Зиновьевъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что возстановленію религіознаго мира, кромѣ наказаній за конфирмацію, будутъ содѣйствовать—назначеніе президентовъ лютеранскихъ консисторій отъ правительства, а не по выборамъ дворянства, и коренное преобразованіе Дерптскаго университета, какъ питомника для исключительнаго комплектованія мѣстныхъ проповѣдниковъ... Оригинальные взгляды лифляндскаго губернатора на способы поддержанія религіознаго мира и его тревожныя опасенія, какъ бы—чего Боже сохрани—правительство не заразилось вѣротерпимостью, нашли себѣ законодательный отголосокъ. Въ 1892 году, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, ст. 193 улож. была дополнена ст. 194[1], въ которой сказано, что „священнослужители иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, которые совершатъ по своимъ обрядамъ надъ православнымъ конфирмацію, муропомазаніе, или иное священнодѣйствіе, знаменующее принятіе въ исповѣданіе иновѣрной христіанской церкви, или же допустятъ совершить или совершатъ по своимъ обрядамъ крещеніе надъ дѣтьми православныхъ, подвергаются за сіе отрѣшенію отъ должности или лишенію духовнаго сана“, т. е. наказанію значительно болѣе строгому, чѣмъ то, которое опредѣлялось въ прежней 193 ст.

Затѣмъ за время пребыванія моего въ составѣ кассаціоннаго департамента вопросъ о примѣненіи 193 и новой 194[1] статей возникалъ два раза. Въ 1893 году пасторъ Лютеръ былъ осужденъ за окрещеніе по лютеранскому обряду дочери крестьянина Вольмара, женатаго на православной. Изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что до 19 марта 1865 года въ Остзейскомъ краѣ строго примѣнялась 67 ст. т. X ч. I законовъ гражданскихъ объ отобраніи у вступающихъ въ смѣшанный бракъ подписки о непремѣнномъ крещеніи и воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ. Затѣмъ Императоръ Александръ II повелѣлъ не требовать такихъ подписокъ отъ брачущихся, предоставивъ имъ свободный выборъ вѣроисповѣданія для дѣтей. Но 8 августа 1885 года правило

№ 1899 ж. ф.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

объ отобраніи подписокъ было возстановлено во всей силѣ. Однако и въ этотъ періодъ нѣкоторые православные священники при совершеніи смѣшанныхъ браковъ продолжали отбирать такія недѣйствительныя подписки, и когда Вольмаръ, давши такую подписку, не сознавая ея недѣйствительности,—принесъ впослѣдствіи свою дочь пастору Лютеру, и тотъ ее окрестилъ по лютеранскому обряду, то послѣдняго привлекли къ отвѣтственности по 193 ст. Само собою разумѣется, что Сенатъ отмѣнилъ этотъ приговоръ.

Въ 1900 году на разсмотрѣніе Сената поступило дѣло по обвиненію пастора Роберта Гольста въ томъ, что онъ допустилъ крестьянку Алиду Таухвальдъ къ причащенію и конфирмаціи по лютеранскому обряду, зная, что она происходитъ отъ православныхъ родителей и должна воспитываться въ православной вѣрѣ. Оказалось, что родители Алиды, принадлежавшіе къ „уклоняющимся“, были въ 1894 году осуждены за то, что крестили дочь по лютеранскому обряду, при чемъ она была по опредѣленію суда у нихъ отобрана и отдана одному изъ родственниковъ, несомнѣнно не „уклоняющемуся“, на воспитаніе въ духѣ православной вѣры.—Воспитаніе это было, повидимому, не вполнѣ успѣшно, такъ какъ Алида, достигнувъ вполнѣ сознательнаго возраста, обратилась къ пастору Гольсту съ просьбой конфирмовать ее и причастить. Послѣдній, имѣя въ виду, что Алида *по метрическому свидѣтельству* значится лютеранкой, исполнилъ ея желаніе. Сенатъ отмѣнилъ обвинительный по ст. 193 и 194[1] приговоръ палаты, найдя совершенно основательно, что, за отсутствіемъ присоединенія Алиды установленнымъ порядкомъ къ православію, она не можетъ считаться не принадлежащей ни къ какому вѣроисповѣданію, и что отдача родственнику для религіознаго воспитанія еще не составляетъ причисленія ея къ православной паствѣ, почему пасторъ Гольстъ имѣлъ основаніе считать ее лютеранкой и допустить къ причастію.

Я очертилъ въ моихъ воспоминаніяхъ уніатскія, пасторскія и штундистскія дѣла постольку, поскольку мнѣ приходилось принимать въ нихъ участіе. Конечно, мой разсказъ представляетъ лишь уголокъ общей большой картины. Но по нему, однако, можно судить о ея содержаніи и о характерѣ нашей вѣроисповѣдной политики до начала 1905 года на нашей западной и прибалтійской окраинахъ. Съ одной стороны дѣятельно выступала духовная власть, водворяющая и укрѣпляющая господство церкви не столько путемъ примѣра, поученія и подъема народной нравственности и религіознаго сознанія, сколько путемъ административныхъ взысканій и судебныхъ приговоровъ,

предпочитающая духовному вразумленію—вразумленіе полицейское,—а съ другой стороны существовала пестрая масса „упорствующихъ“, „уклоняющихся“ и „колеблющихся“, поражаемыхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и стѣсняемыхъ въ чувствѣ преданности вѣрѣ отцовъ. Эта власть, считая согласнымъ со своимъ призваніемъ и достоинствомъ взывать къ полицейскому вмѣшательству, попускала явное попраніе свободы совѣсти для насильственнаго удержанія людей въ предѣлахъ своей компетенціи противъ ихъ воли и убѣжденія. Въ союзѣ съ нею и единомысліи дѣйствовали мѣстные высшіе представители администраціи, возбуждая уголовныя преслѣдованія, относясь съ недовѣріемъ и осужденіемъ къ высшему изъ нормальныхъ судовъ въ Имперіи, когда онъ не удовлетворялъ ихъ намѣреніямъ, и побуждая законодательную власть къ изданію скороспѣлыхъ и исключительныхъ законовъ въ то время, когда самыя важныя потребности страны тщетно ждали себѣ законодательнаго отвѣта. Эти своеобразные бюрократическіе ученые, любящіе ссылаться на историческіе завѣты и примѣры, почерпали изъ исторіи одни факты и не понимали ея философіи. Вводя въ заблужденіе Монарха неточными свѣдѣніями и утвержденіями, они считали въ своей близорукости главнымъ врагомъ мира и порядка—вѣротерпимость! Какой ребяческой недогадливостью звучитъ, напримѣръ, утвержденіе одного изъ нихъ, что пасторы являются *единственными* сѣятелями смуты въ краѣ, который черезъ нѣсколько лѣтъ, въ недавно пережитое нами время, сдѣлался ареной кровавыхъ потрясеній, одними изъ первыхъ жертвъ коихъ были именно пасторы. Наконецъ, какимъ недомысліемъ вѣетъ отъ тѣхъ ревнителей вѣры, которые предпочитали, чтобы значительная масса населенія оставалась въ христіанскомъ государствѣ безъ возможности осуществлять христіанскую религію потому, что люди, принадлежащіе къ этой массѣ, записаны „на приходъ“ въ православіе, которому чужды и къ которому принадлежать не хотятъ, а душой стремятся къ лютеранству, къ которому принадлежать имъ запрещаютъ. Дай Богъ, чтобы обо всемъ этомъ можно было, въ самомъ скоромъ времени, сказать съ радостной увѣренностью: „Tempi passati“....

А. Ѳ. Кони.

Къ біографіи Цесаревича Константина Павловича.

(Ночь на камердинерской постели).

Эксцентричность Цесаревича Константина Павловича общеизвѣстна. Е. Доде въ своей статьѣ, посвященной Ахенскому конгрессу (Autour du congrès d'Aix-la-Chapelle; Er. Daudet. Le Correspondant, 1907, 10 juillet), сообщаетъ однако еще новый эпизодъ въ жизни Цесаревича.

Константинъ Павловичъ, прибывъ въ отведенный, для его пребыванія въ Ахенѣ, домъ, очевидно очень усталый съ дороги, быстро снялъ свои сапоги и бросился совершенно одѣтымъ на первую попавшуюся ему на глаза постель. Цесаревичу тотчасъ доложили, что эта кровать приготовлена для его камердинера. „Пусть ложится на мою!" отвѣчалъ Цесаревичъ и проспалъ на этой постели до утра.

На слѣдующій день, только-что проснувшись, Цесаревичъ потребовалъ парикмахера. Разговорившись съ нимъ и узнавъ, что онъ былъ солдатомъ, Цесаревичъ заставилъ его продѣлать воинскія экзерциціи, а затѣмъ, разставшись съ нимъ и будучи доволенъ, послалъ ему въ награду шесть дукатовъ.

Мнѣніе графа И. И. Дибича о непомѣщеніи въ приказахъ свѣдѣній объ убитыхъ и умершихъ генералахъ [1].

Замѣтивъ изъ Высочайшихъ приказовъ, что до сего времени не исключены еще многіе генералы, убитые или умершіе въ теченіе нынѣшней кампаніи, я полагалъ бы полезнымъ, для избѣжанія недоразумѣній, имѣющихъ нехорошее вліяніе на образъ мыслей и подающихъ тѣмъ поводъ къ противнымъ сужденіямъ, исключеніе генераловъ сихъ вносить въ приказъ, какъ можно рѣже, или даже вовсе въ оные не помѣщать, а просто исключать и собирать о томъ только для свѣдѣнія, кому слѣдовать будетъ.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

[1]) (Письмо гр. И. И. Дибича гр. А. И. Чернышеву, 14 ноября 1828 г., № 1362, изъ Яссъ).

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.) [1]).

Если молодость, несмотря даже на случайныя лишенія и невзгоды, вродѣ мною описанныхъ выше, представляетъ лучшую пору жизни, то и воспоминанія о ней, въ свою очередь, невольно вызываютъ въ моемъ постарѣвшемъ сердцѣ лишь одну радость и умиленіе... Главный центръ и условія пріятности жизни въ это счастливое время, помимо здоровья, которымъ я вообще пользовался, въ видѣ цѣннаго подарка отъ природы, заключались въ обществѣ моихъ милыхъ товарищей... Какъ у рязанца по гимназіи, гдѣ я получилъ воспитаніе, естественно кругъ моихъ товарищей въ Московскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, состоялъ также изъ рязанцевъ, по крайней мѣрѣ изъ пріятелей, наиболѣе короткихъ, хотя при той легкости, съ которой завязываются всѣ связи и знакомства между молодыми людьми, много тоже друзей и пріятелей было пріобрѣтено мною въ дни студенчества между лицами и изъ другихъ краевъ Россіи, какъ бывшими гимназистами, такъ и семинаристами... (напр. костромичъ М. О. Перфильевъ, тверитянинъ изъ семинаристовъ Д. Сиверцовъ, симбирецъ И. Е. Цвѣтковъ и мн. др., нѣсколько кавказцевъ-армянъ и грузинъ, черкесъ и нѣсколько поляковъ изъ Западнаго края и пр., не помню только евреевъ, которыхъ въ мое время вообще было въ университетѣ весьма мало).

Въ Рязанскомъ кружкѣ студентовъ собственно сближенію сильно содѣйствовало такъ называемое „рязанское землячество“, т. е. взаимно-благотворительное общество бывшихъ воспитанниковъ Рязан-

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1909 г.

ской гимназіи, ибо въ мое время рѣшительно никакой политикой мы *не занимались*, мало интересовались ею и не знали ее, обратно съ теперешней молодежью, которая изъ-за политики забываетъ свое настоящее дѣло и обязанности... Очень долго старостой или казначеемъ у насъ былъ высокоуважаемый нынѣ сенаторъ Вл. Ник. Варваринъ, извѣстный судебный дѣятель... Мы собирали деньги, добываемыя и присылаемыя изъ Рязани для бѣдныхъ товарищей, и дѣлили ихъ между собой, удовлетворяя наиболѣе насущной потребности, въ общемъ, на сколько помню, наиболѣе справедливымъ образомъ... Между прочимъ въ очень тяжелое время моего собственнаго пребыванія въ университетѣ первый годъ, я обязанъ былъ землячеству, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, маленькой стипендіей, которая, можетъ быть, дала мнѣ возможность—не умереть съ голоду...

Назову имена моихъ ближайшихъ друзей и товарищей, преимущественно изъ Рязанской гимназіи въ первые годы моей студенческой жизни. На первомъ мѣстѣ надо поставить Николая Игнатьевича *Родзевича*, съ которымъ я былъ уже друженъ въ гимназіи и о которомъ много говорилъ въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства („Вѣст. Восп.“). У него былъ братъ Игнатій, моложе насъ, съ которымъ я сблизился уже въ позднѣйшее время, на старшемъ курсѣ и во время приготовленія къ профессурѣ. Н. И. Родзевичъ очень рано сдѣлался достаточно прилежнымъ и исправнымъ юристомъ, не задаваясь, подобно мнѣ, какими-либо мечтаніями заниматься спеціально науками, или посвятить себя той или иной отрасли знанія; въ то время какъ я уже въ гимназіи въ шутку иногда именовался профессоромъ и часто питалъ дерзкія мысли впереди сдѣлаться таковымъ, Н. И. Родзевичъ усердно занимался профессорскими курсами и изучая преимущественно Судебные Уставы и X томъ, онъ отличался большой основательностію и знаніемъ статей закона по всѣмъ важнымъ поводамъ и случаямъ. Экзамены его сходили въ срокъ благополучно, и онъ кончилъ отлично кандидатомъ, съ надлежащей подготовкой для своей будущей практической дѣятельности въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго (нынѣ онъ состоитъ, какъ извѣстно, по выборамъ городскимъ головой Рязани). Изъ другихъ товарищей назову Меркулова, Шубина, Рожественскаго, Поспѣлова и Алексѣевыхъ, которые въ большей или меньшей степени вращались въ нашемъ кружкѣ, или поддерживали пріятельскія отношенія.

Михаилъ Моисеевичъ *Меркуловъ*, сынъ крестьянина, былъ вообще очень хорошимъ ученикомъ въ гимназіи и остался такимъ же студентомъ, но почему-то къ концу университетскаго курса отдалился отъ нашего кружка. Сначала онъ сдѣлалъ на службѣ быстро

большую карьеру, за участіе свое въ политическихъ слѣдствіяхъ и процессахъ (подъ руководствомъ извѣстнаго Жихарева), очень быстро получилъ постъ саратовскаго прокурора, а затѣмъ почему-то покинулъ судебную службу и превратился въ администратора, сначала правителя дѣлъ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, а затѣмъ занялъ мѣсто, кажется, волынскаго губернатора и скоро скончался еще въ полной силѣ лѣтъ...

Н. И. *Шубинъ* и Г. Г. *Рожественскій* (послѣдній кончилъ курсъ на математическомъ фак.) посвятили себя также практической службѣ и оба, кажется, принадлежали къ прокуратурѣ... Алексѣй Ив. *Поспѣловъ*, сынъ нашего гимназическаго и пансіонскаго врача, изучилъ основательно въ Москвѣ и за границей одинъ изъ отдѣловъ медицины и сдѣлался въ Москвѣ извѣстнѣйшимъ врачемъ—практикомъ по накожнымъ болѣзнямъ и профессоромъ этой спеціальности... Изъ другихъ рязанцевъ, болѣе или менѣе соприкасавшихся съ нами, назову лишь двухъ *Алексѣевыхъ*: Семена Михайловича и Николая Петровича; первый Алексѣевъ былъ извѣстнымъ въ Москвѣ адвокатомъ-присяжнымъ повѣреннымъ,—второй поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и рано какъ-то потерялъ связь съ прочими товарищами... Изъ другихъ лицъ по Рязанской гимназіи, отчасти державшихся въ нашемъ кружкѣ, слѣдуетъ упомянуть также двухъ *Соколовыхъ*, *Кочергина и Трескинскаго*... Въ нашу же компанію случайно попалъ одинъ псковитянинъ, всѣми любимый за свое добродушіе, Александръ Петровичъ *Квашнинъ-Самаринъ*, юристъ (нынѣ членъ окружнаго суда въ Ригѣ), *Кедровъ*, изъ бывшихъ семинаристовъ, *Богдановъ*, *Сакульскій*, *Джаксонъ* (совершенно обрусѣвшій англичанинъ), одинъ вятичъ, Василій Ѳедоровичъ *Клячинъ*, особенно сблизившійся на послѣднихъ курсахъ съ Н. И. Родзевичемъ и мной, и мн. др. Къ числу моихъ товарищей по университету однокурсниковъ принадлежали также Н. П. *Боголѣповъ*, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, и старше меня нѣсколькими курсами Вячеславъ Константиновичъ *Плеве* и Алек. Ив. *Чупровъ*... Въ университетѣ я съ ними однако не былъ знакомъ и сблизился, по крайней мѣрѣ съ первыми двумя, гораздо позднѣе, почему и буду говорить о нихъ много дальше.

Всѣ выше переименованные мои товарищи жили между собой болѣе или менѣе согласно и почти никогда не ссорились серьезно. Кромѣ помянутаго раньше рязанскаго землячества, мы не имѣли болѣе какихъ-либо обществъ, или благотворительныхъ учрежденій, но охотно съ полной готовностію помогали другъ другу, такъ что критическое положеніе, въ которомъ я находился зеленымъ новичкомъ на первомъ курсѣ лѣтомъ 1865 г., уже сдѣлалось далѣе рѣдко

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

возможнымъ, ибо почти всегда въ минуту жизни трудную представлялась вѣроятность перехватить что-либо у товарищей, если даже и истощились собственные денежные ресурсы. По мысли М. М. Меркулова, помнится, мы пытались образовать у себя „потребительное товарищество“, но, вѣроятно, вслѣдствіе неудачнаго выбора предметовъ потребленія изъ этой затѣи не вышло ничего путнаго и ее скоро бросили: наша потребительская лавочка въ лицѣ завѣдующаго ею Меркулова, для перваго начала, выбрала три ходкихъ между студентовъ товара—водка, колбаса и табакъ, на пріобрѣтеніи которыхъ по мелочамъ приходилось особенно сильно переплачивать... Въ результатѣ, однако, у насъ начался такой быстрый оборотъ торговли, и развилось скоропалительное пьянство, что мы испугались послѣдствій, а Меркуловъ отказался хозяйничать, и дѣла быстро ликвидировали...

Очень въ ходу въ нашемъ студенческомъ кружкѣ между прочимъ былъ довольно странный способъ помощи ссуженіемъ подходящими закладами. Такъ я помню, напр. на урокѣ у одного зажиточнаго священника въ Замоскворѣчьѣ, я однажды получилъ въ подарокъ за успѣшные уроки и усердіе старинный золотой въ 10 рублей, который я очень берегъ за его рѣдкость... Золотой этотъ скоро сдѣлался, какъ говорится въ нашихъ сказкахъ, „неразмѣннымъ“ на очень продолжительное время. Я его отпускалъ часто кому-либо изъ нуждавшихся товарищей, или пользовался самъ, отправляя его для временнаго обладанія Чистякову подъ вѣрную ссуду въ нѣсколько рублей. Другой случай заклада на моей памяти, болѣе непріятный, произошелъ относительно моего весьма цѣннаго имущества, случайно пріобрѣтеннаго уже на 4-мъ курсѣ. Я имѣлъ рѣдкое счастье, взявши за полтинникъ билетъ въ лотерею какихъ-то дѣтскихъ пріютовъ, выиграть на него *одинъ* билетъ *внутренняго займа* (стоимостью тогда уже болѣе 200 руб.). Этотъ билетъ немедленно почти поступилъ въ выше описанный кредитный оборотъ, т. е. добрые товарищи и я самъ начали при нуждѣ занимать подъ его залогъ деньги, на этотъ разъ даже у банкировъ, минуя посредничество Чистякова... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока одинъ мой пріятель, для котораго билетъ однажды былъ заложенъ, оказался несостоятельнымъ сразу внести сто съ чѣмъ-то рублей и сталъ расплачиваться со мною по мелочамъ, ну, а я, разумѣется, не могъ по частямъ его выкупать, и мой счастливый выигрышъ пропалъ въ залогѣ.

Еще важнѣе была впрочемъ помощь отъ любезныхъ товарищей дѣломъ, чѣмъ деньгами: за немногими исключеніями, всѣ почти уроки, корректуры, переводы, которые я получалъ въ теченіе моей

продолжительной борьбы съ бѣдностію, большею частію получались мной именно отъ товарищей или черезъ товарищей и только въ видѣ исключенія отъ лицъ постороннихъ.

Наконецъ товарищи были для меня, сверхъ сказаннаго, главными поставщиками новыхъ книгъ и новыхъ журналовъ въ дни моего студенчества. Правда, это не исключало необходимости личныхъ заботъ и тратъ по этому поводу. Я между прочимъ отличался всегда большой жадностію къ чтенію и потому большею частію всегда былъ подписчикомъ какихъ-нибудь летучихъ библіотекъ и даже не одной (всегда Ушаковыхъ), а цѣлыхъ двухъ. Для залога въ обезпеченіе чтенія у меня служили обыкновенно мои подарочныя книги изъ гимназіи, выданныя мнѣ на актахъ заведенія за успѣхи и благонравіе, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большую цѣну. Въ особенномъ ходу для этой надобности было два весьма толстыхъ фоліанта въ прекрасныхъ переплетахъ—какое-то сочиненіе въ двухъ томахъ проф. *Буслаева*; это многоцѣнное сочиненіе вездѣ охотно принимали въ обезпеченіе, пока, наконецъ, къ моему великому сокрушенію, оно въ библіотекѣ Алалыкина пропало, и я такимъ образомъ теперь лишился сочиненія цѣннаго вдвойнѣ (хотя я даже его названіе забылъ—„Очерки"), по воспоминанію и какъ важнаго оборотнаго средства для полученія книгъ изъ частныхъ библіотекъ... Товарищи, впрочемъ, хотя и не всѣ, изрѣдка покупали особенно ходкія и модныя книги, или даже въ складчину выписывали журналы, или лично или ихъ родственники, а потому очень часто можно было пополнить заимствованіями у нихъ дефекты, недостающіе для чтенія изъ частныхъ библіотекъ. Казенныя же библіотеки, спеціально университетская, всегда страдали худосочіемъ и отсутствіемъ нужныхъ руководствъ и общихъ сочиненій...

Само собою разумѣется, что помимо своего рязанскаго кружка, котораго я преимущественно держался все время своего студенчества, мнѣ приходилось попадать и въ другіе кружки студентовъ, но большею частію лишь мимолетно, и долго я въ нихъ не оставался, не завязывая прочныхъ связей и симпатій. Такъ на первомъ еще курсѣ и на одной изъ первыхъ лекцій, мною посѣщенныхъ, извѣстнаго историка нашего Сергѣя Михайловича *Соловьева*, я познакомился съ маленькимъ студентомъ, мнѣ любезно уступившимъ мѣсто для сидѣнія, въ которомъ я нуждался. Это оказалось впослѣдствіи былъ нѣкто *П. Г. Успенскій*, получившій скоро широкую извѣстность, что̀ по тогдашнимъ временамъ было еще рѣдкостію, какъ революціонный дѣятель (по извѣстному процессу Нечаева)... Наше знакомство, которое началось съ этой лекціи, поддерживалось нѣсколько лѣтъ, но въ сближеніе, къ счастію моему, не перешло...

Г. Успенскій былъ любезенъ и милъ со мной всегда: такъ года черезъ два послѣ первой встрѣчи, я его случайно встрѣтилъ, къ моему удивленію, въ качествѣ приказчика въ книжной торговлѣ и библіотекѣ Черкесова, открывшейся въ Москвѣ на Лубянкѣ и очень бойкой по своему обороту и множеству книжныхъ новостей... Успенскій немедленно меня узналъ (обратно со мной), и тотчасъ предложилъ, какъ добрый товарищъ, брать книги изъ ихъ библіотеки *безъ всякаго залога* и на самыхъ льготныхъ условіяхъ... (а я въ это время уже лишился Буслаева и нуждался въ залогѣ, безъ котораго ни одна библіотека книгъ не довѣряла). Тутъ же онъ меня познакомилъ съ лицами, не помню точно, или служившими также у Черкесова, или имѣвшими только личное отношеніе къ Успенскому, именно: *Волховскимъ*, *Прыжовымъ* (котораго кстати я ни разу, кажется, вполнѣ трезвымъ не видѣлъ) и другими также попавшими черезъ нѣсколько лѣтъ въ крупный политическій процессъ, въ дѣло т. н. Нечаева, о тайной организаціи и убійствѣ студента Иванова въ Петровско-Разумовской академіи... Я началъ было изрѣдка по ихъ приглашенію посѣщать ихъ въ свободные вечера, но насколько мнѣ нравился лично самъ Успенскій, на столько же претили его товарищи, напримѣръ, вѣчно пьяный Прыжовъ и особенно Волховской—большой фатъ, который, усѣвшись на стулъ верхомъ среди комнаты, въ присутствіи молоденькихъ дѣвицъ, излагалъ съ пафосомъ о фаланстерахъ французскихъ соціалистовъ, съ видомъ знатока сопровождая ихъ критикой, похвалами или замѣчаніями самаго общаго свойства; мнѣ, какъ лицу уже довольно начитанному въ подобной литературѣ и знавшему относительно порядочно французскій языкъ, всѣ его объясненія и выходки отдавали ложью и скоро дѣлались противными... Въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ зазыванія и приглашенія Успенскаго, я черезъ нѣкоторое время совсѣмъ пересталъ къ нему ходить и даже кончилъ абонементъ у Черкесова, какъ разъ во время, вскорѣ оказалось, незадолго передъ арестомъ служащихъ книжной торговли Черкесова и закрытіемъ самой библіотеки...

Другое знакомство и весьма пріятнаго для меня свойства, съ лицами изъ студентовъ-нерязанцевъ совершилось совсѣмъ при другой обстановкѣ. Также новичкомъ на первомъ курсѣ, я получилъ приглашеніе отъ своего старшаго товарища, такъ же рязанца, студента 4-го курса юрид. факультета Константина Дмитріевича Анциферова—приглашеніе принять участіе въ юридической комедіи, которую затѣвало устроить недавно передъ тѣмъ учрежденное юридическое общество. Какъ извѣстно, въ 1864 году прошли наши Судебные уставы, и введенъ впервые судъ присяжныхъ... Московское юри-

дическое общество, открывая свою дѣятельность, задумало познакомить публику, а кстати ближе познакомиться и самимъ со всей процедурой судоговоренія и новаго судебнаго порядка. Для этой цѣли оно назначило нѣсколько засѣданій и нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, и вотъ въ первомъ изъ нихъ именно мнѣ и пришлось участвовать. Юридическое общество вытребовало или выпросило себѣ изъ архива стараго Сената, находившагося въ Москвѣ, нѣсколько уже совсѣмъ законченныхъ дѣлъ и одно изъ нихъ назначило для перваго раза. На сколько помню, это было дѣло объ ограбленіи какого-то злосчастнаго совѣтника въ городѣ Симферополѣ, въ собственномъ домѣ, при чемъ онъ былъ найденъ утромъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ на собственной его кровати и собственными веревками, взятыми на дворѣ изъ его собственной же старой палатки; въ то же самое время все цѣнное имущество изъ квартиры было унесено ворами, въ числѣ которыхъ между прочимъ сильно подозрѣвались въ соучастіи преступленію собственная же прислуга, или точнѣе служанка этого титулярнаго совѣтника, нѣкая Юлія Жадовская, одинъ изъ любовниковъ которой попался здѣсь съ поличнымъ...

Дѣло это велось цѣлый длинный вечеръ подъ предсѣдательствомъ почтеннаго предсѣдателя общества Василія Николаевича Лешкова. Позднѣе, на другихъ засѣданіяхъ, какъ я слышалъ, предсѣдателемъ бывалъ также и проф. С. И. Баршевъ. Другими главными дѣйствующими лицами въ этой оригинальной юридической комедіи были также разные господа изъ служащихъ юристовъ, но весь остальной персоналъ комедіи велся исключительно студентами, т. е. подсудимые, присяжные, свидѣтели, а равно и публика, однимъ словомъ, всѣ, кромѣ защиты и обвиненія. Мнѣ назначена была роль довольно легкая: *свидѣтеля*-дворника Ѳомы *Кирюшкина*. Уважаемый и извѣстный нынѣ всей Россіи, какъ почтенный судебный дѣятель и ученый—Анатолій Ѳедоровичъ *Кони*, тогда московскій студентъ 4-го курса, выбралъ себѣ въ этой комедіи, почему и какъ—не знаю, весьма неблагодарную роль, именно обвиняемой служанки Жадовской... Ему и пришлось все время говорить въ женскомъ родѣ, почему онъ безпрестанно ошибался, и путалъ съ мужскимъ „я видѣлъ“, „я видѣла“, „я говорилъ“, „я говорила“ и т. п. Кромѣ того бѣдному Анатолію Ѳедоровичу приходилось также отвѣчать на множество крайне неудобныхъ для мужчины разспросовъ, по поводу, напр., своего бѣлья, отношеній къ одному изъ господъ подсудимыхъ, что̀ прерывалось постояннымъ громкимъ хохотомъ публики, несмотря на усердный звонокъ предсѣдателя... Кто глядя на этого маленькаго студентика, серьезно игравшаго забавную роль Жадовской, могъ бы

предсказать тогда, что онъ превратится со временемъ въ такого *крупнаго* общественнаго дѣятеля, талантливаго оратора и популярнѣйшаго публициста?!!

Что очень характерно для нашего будущаго тогда суда присяжныхъ, что это фиктивное дѣло кончилось, несмотря на очевидныя улики и обвиненія, поголовнымъ оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Мнѣ лично пришлось въ немъ играть, какъ было уже упомянуто. небольшую, весьма наивную роль, отвѣчая почти на всѣ вопросы классическимъ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“... Студентъ А. Ѳ. Кони, съ которымъ я познакомился наканунѣ этого судилища у К. Д. Анциферова, произвелъ на меня уже тогда глубоко-симпатичное впечатлѣніе своимъ умомъ, знаніями, живой рѣчью и наблюдательностію: онъ первый, напр., въ моей жизни познакомилъ меня съ содержаніемъ лекцій извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, весьма почитаемаго тогда молодежью, въ Петербургѣ, въ Городской Думѣ и слышанныхъ имъ тамъ, послѣ временнаго закрытія университета. Кони былъ въ Петербургѣ собственно на математическомъ факультетѣ и потомъ въ Москвѣ уже, къ счастію, несомнѣнно, для Россіи, перешелъ на юридическій...

Рядомъ съ товариществомъ важную роль въ жизни студентовъ играютъ (въ учебно-научномъ отношеніи, конечно, еще выше) наставники, профессора, но такъ какъ я по просьбѣ редакціи обѣщалъ по возможности учебной части не касаться, то я ограничусь относительно своихъ преподавателей однимъ лишь переименованіемъ ихъ и краткими характеристиками лицъ, изъ нихъ особенно выдававшихся въ какую-либо сторону. Буду ихъ называть по времени ознакомленія съ ними, начиная съ перваго курса. Конечно, изъ профессоровъ на первомъ курсѣ первое мѣсто занимаетъ всеобщій профессоръ для всѣхъ четырехъ факультетовъ — *Богословія* — въ мое время почтенный протоіерей *Сергіевскій*, несомнѣнно человѣкъ весьма образованный и корректный, ровный, спокойный, съ хорошимъ даромъ слова, но который, къ сожалѣнію, не могъ справиться съ своей трудной задачей — знакомить многочисленную молодежь, вовсе не проникнутую, какъ это встрѣчается за границей, хотя бы въ Англіи, религіознымъ чувствомъ и вовсе не желавшую учиться. Мнѣ неизвѣстно, какъ Богословіе преподается въ другихъ нашихъ университетахъ, но въ Московскомъ — въ мое время оно преподавалось исключительно почти въ полемической формѣ. Въ виду безбожія, развитаго тогда особенно сильно въ русскомъ обществѣ и пропагандируемаго въ печати, московскій профессоръ взялъ на себя непосильную Сизифову работу воевать и опровергать не только противниковъ православія, но всякихъ безбожниковъ, гдѣ бы они

ни оказались, — въ философіи, естественныхъ наукахъ, наконецъ, въ русской журналистикѣ. Сегодня онъ воевалъ, напримѣръ, съ Шопенгауеромъ или Фихте, завтра съ Дарвиномъ или Геккелемъ, послѣ завтра съ Бюхнеромъ и Фейербахомъ и затѣмъ съ выходками „Современника“ или „Русскаго Слова“ и т. д. и пр. Отсюда получался понятный результатъ: почтенный нашъ богословъ не въ состояніи былъ справиться съ столькими противниками и лжеучителями, и въ концѣ концовъ „ослабъ и изнемогъ“... т. е. все оставалось незаконченнымъ, а собственно въ области Богословія, пройдя университетъ, мы не получали никакого понятія и только задавались тщетно вопросомъ — зачѣмъ у насъ убито было столько времени безъ всякой существенной пользы для нашихъ знаній??..

Собственно изъ юристовъ-профессоровъ на первомъ курсѣ (нѣсколько филологовъ, которые преподавали, каждогодно мѣняя отдѣльные курсы, какъ Соловьевъ, Тихонравовъ и пр. — въ счетъ нейдутъ), важнѣйшее мѣсто по числу часовъ занятій и, пожалуй, своему вліянію занималъ добрѣйшій и милѣйшій старецъ Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, преподававшій Исторію Русскаго Права... Обладая крайне невзрачной наружностію и какъ бы изломаннымъ тѣломъ, онъ не ходилъ, а ковылялъ изъ стороны въ сторону, размахивая руками („побывалъ подъ двумя жерновами“, острили студенты). Иванъ Дмитріевичъ обладалъ такой теплой душой и искренной любовью къ своей наукѣ, что невольно, несмотря ни на что, привлекалъ симпатіи почти всѣхъ слушателей и сообщалъ имъ даже интересъ и расположеніе къ самой Исторіи Русскаго Законодательства, преимущественно въ ранній періодъ нашей исторіи.

Главный трудъ Бѣляева, „Крестьяне на Руси“, клалъ сильный отпечатокъ на его курсъ, гдѣ крестьяне, по крайней мѣрѣ, въ его изложеніи, играли всегда большую роль, имъ давалось много мѣста... Иванъ Дмитріевичъ былъ всегда дома для студентовъ и готовъ имъ помогать, чѣмъ можетъ. Позднѣе мнѣ придется говорить, какъ усердно эта добрая душа искала для меня лично заработка въ одинъ изъ позднѣйшихъ, временныхъ періодовъ безработицы, какъ онъ ввелъ меня въ Литературный кружокъ Юрьевской „Бесѣды“... Замѣчая, вѣроятно, у меня, во время разговоровъ съ нимъ, нѣкоторые проблески любви къ старинѣ, И. Д. Бѣляевъ, уговорилъ меня начать слушать курсъ профессора Анатолія Петровича Богданова, который предполагалъ читать въ университетѣ о своихъ курганныхъ раскопкахъ и результатахъ изученія найденныхъ череповъ. Я пріобрѣлъ немедленно черепъ и одно время

усердно занялся краніологіей, чтобы лучше разбирать и понимать со словъ изслѣдователей „долихоцефальные“, „брахицефальные“ и другіе черепа разныхъ этнографическихъ особей. Самъ лично наконецъ я раскопалъ ближайшее лѣто, проживая на урокѣ въ Зарайскомъ уѣздѣ, одинъ курганъ, строго по наставленіямъ въ книжкѣ Богданова, изданной для этой цѣли (кажется, пер. *Брока*), въ деревнѣ Перевитской Зарайскаго у. Рязанской губ. (древнемъ городищѣ Перевитебскѣ по словамъ Ивана Дмитріевича) и все это, т. е. кости, доставилъ Бѣляеву, къ его величайшему удовольствію. Добрѣйшій старикъ всѣми мѣрами старался также сдѣлать меня археологомъ, но тщетно и, совѣтуя наиболѣе всего заняться исторіей старыхъ русскихъ финансовъ, подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ тетрадей съ матеріаломъ по этому предмету и обѣщалъ впослѣдствіи передать и другія. Къ сожалѣнію, скоро наступившая смерть помѣшала ему выполнить благое намѣреніе: подаренныя тетради были вытребованы у меня обратно его братомъ и наслѣдникомъ, а затѣмъ разнородныя причины отвлекли меня на всю жизнь отъ выполненія его прекраснаго совѣта заняться исторіей русскихъ финансовъ...

Самой крупной величиной на первомъ курсѣ Юридическаго факультета въ Москвѣ 1860-хъ годовъ являлся, по распространенному мнѣнію, знаменитый Никита Ивановичъ *Крыловъ*, „солнце“,—какъ его назвали въ рѣчахъ на его похоронахъ,—Юридическаго факультета, но таковое, впрочемъ, далеко не безъ пятенъ во всѣхъ отношеніяхъ... Несомнѣнно, Н. И. Крыловъ, много лѣтъ занимавшій каѳедру римскаго права въ Москвѣ, былъ человѣкъ талантливый, весьма хорошо усвоилъ суть и духъ римскаго права и умѣлъ его хорошо передавать, ловкимъ, образнымъ языкомъ, уснащая множествомъ наглядныхъ примѣровъ, сопоставленій, смотря по характеру передаваемыхъ институтовъ. Его лекціи посѣщались охотно, какъ спектакль какой-нибудь хорошей комической труппы, съ цѣлью прежде всего посмѣяться, а мимоходомъ, глядишь, что-нибудь въ головѣ и останется...

Въ своемъ стремленіи смѣшить Н. И. очень часто, впрочемъ, переходилъ предѣлы дозволительнаго, не стѣсняясь скабрезными подчасъ примѣрами и произвольно неприличными сравненіями. Науку свою онъ давно уже оставилъ втунѣ, вѣроятно, еще задолго до знаменитыхъ статей Бай-Бороды въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, временъ Каткова-Леонтьева, доказавшимъ всю его отсталость и малознаніе... Когда старые ученики соберутся, вспоминая и говоря о Никитѣ, то непремѣнно на языкѣ ихъ прежде всего вертятся и припоминаются какіе-либо смѣшные анекдоты, а вовсе не пробужденіе любви и

любознательности, какъ бы слѣдовало, подъ вліяніемъ его чтеній, къ этой болѣе точной и обработанной наукѣ на всемъ юридическомъ факультетѣ. Въ этомъ послѣднемъ, можетъ быть, заключаются главнымъ образомъ, какъ значеніе и цѣнность, такъ и причины большой популярности этого даровитаго, несомнѣнно, старца для Московскаго университета. Нельзя также не сказать правду, что Н. И. былъ съ давнихъ поръ морально грязноватъ, и эта сторона вовсе не составляла секрета для его слушателей моего времени. Не говоря о старыхъ, распространенныхъ разсказахъ о его будто-бы нѣкогда взяточничествѣ, подъ видомъ „нахлѣбниковъ“ и прочее въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, достаточно напомнить, а многіе еще изъ наличныхъ его учениковъ могутъ засвидѣтельствовать, его непозволительную нетерпимость и невѣжливость къ „жидамъ“ и „армяшкамъ“, какъ онъ безъ церемоніи въ глаза, одинъ разъ въ моемъ присутствіи обзывалъ представителей этихъ расъ...

Если не ограничиваться перечисленіемъ профессоровъ на первомъ курсѣ только, а называть всѣхъ болѣе извѣстныхъ, то нельзя, разумѣется, прежде всего не упомянуть о такомъ блестящемъ представителѣ науки, какъ былъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, извѣстный столько же, какъ спеціалистъ по государственному праву, сколько и русскій историкъ. Ограничусь, согласно взятой мною программѣ, лишь немногими словами объ этомъ замѣчательномъ нашемъ ученомъ. Онъ читалъ, начиная со второго курса, государственное право и политическія ученія, и то и другое серьезно и увлекательно. Всегда щегольски одѣтый, въ лаковыхъ сапожкахъ, онъ поражалъ всегда насъ студентовъ, между прочимъ, своимъ джентльменствомъ, что̀ особенно рѣзало глаза рядомъ съ такими великими неряхами, какъ И. Д. Бѣляевъ и Н. И. Крыловъ. Лекціи его какъ-бы соотвѣтствовали его внѣшности, были красиво отдѣланы и изобиловали множествомъ фактовъ и требовали значительнаго вниманія и вдумчивости, чтобы постигнуть духъ и цѣль излагаемаго имъ. Въ то либеральное время мы, юноши, были настроены на самый либеральный камертонъ. До нашего свѣдѣнія уже дошло извѣстіе, какъ Чичеринъ ѣздилъ въ Лондонъ къ Герцену и какъ онъ разошелся съ нимъ во взглядахъ, а такъ какъ А. И. Герценъ въ то время былъ еще полубогъ, то мы натурально относились къ Борису Николаевичу съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, или по крайней мѣрѣ недовѣріемъ... Но вотъ онъ излагаетъ свой обширный и серьезный курсъ. Насколько мы при этомъ понимаемъ, онъ ничего не искажаетъ и не подводитъ непремѣнно подъ желательный ранжиръ, а въ каждомъ мнѣніи взвѣшиваетъ нелицепріятно доводы обѣихъ спорящихъ сторонъ, приводя ихъ часто къ извѣстному компромиссу

и при томъ иногда вовсе не консервативнаго свойства. Такъ какъ Чичеринъ начиналъ читать со второго курса, а конституціонное право—Дмитріевъ—лишь на четвертомъ, то собственно мы довольно рано въ университетѣ знакомились тогда отъ Чичерина со всѣми выгодными сторонами и важностію для государства *представительныхъ учрежденій*; Чичеринъ своими серьезными и спокойными лекціями, idem per idem, повторяя множество разъ, сдѣлалъ гораздо больше для пропаганды и популярности между тогдашнихъ студентовъ—конституціонализма,—чѣмъ всѣ остальные—въ университетѣ, не говоря уже о придавленной печати того времени, которая старательно, по неволѣ, подобныхъ вопросовъ избѣгала...

Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда Б. Н., сдѣлавшійся, какъ извѣстно, московскимъ городскимъ головой, былъ внезапно и такъ несправедливо удаленъ отъ этой должности, которую съ честью занималъ, за невинные намеки на конституцію въ своей извѣстной рѣчи передъ пріѣзжими братьями славянами, мы, бывшіе ученики Чичерина, крайне соболѣзновали объ этомъ и тщетно надѣялись, что будутъ какіе-либо рѣзкіе протесты противъ этого отъ славянъ; но увы! тутъ мы ничего не дождались!.. и способный и дѣятельный Б. Н. вмѣсто московскаго благоустройства занялся въ деревнѣ химіей!..

Изъ другихъ извѣстныхъ профессоровъ-юристовъ моего времени назову еще В. Н. Лешкова, С. И. Баршева, В. А. Легонина, М. Н. Капустина, Ф. Б. Мильгаузена и И. К. Бабста. Первый изъ переименованныхъ — В. Н. Лешковъ — извѣстнѣйшій по своему чрезвычайному добродушію и привязанности къ наукѣ, полицейскому праву, которое онъ до гроба не хотѣлъ называть такимъ противнымъ именемъ, обратно съ огромнымъ числомъ представителей этой науки въ Европѣ и Америкѣ, а именовалъ всегда „общественнымъ правомъ“ и старался подвести подъ нее всю ту разнообразную дѣятельность (что, разумѣется, въ сущности представляло невозможную невыполнимую задачу), которая совершается въ странѣ не государственной властію и не исключительно частной иниціативой. Онъ былъ всю свою жизнь, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Андреевичемъ Юрьевымъ, поклонникомъ „общественнаго духа“ и „хорового начала“ у русскаго народа и большой также защитникъ земельной общины, безъ которой видимо не могъ себѣ представить русскаго мужика. Можно не соглашаться со многими его взглядами, но отнюдь нельзя отказать ему въ послѣдовательности, въ стремленіи къ оригинальности и добрыхъ намѣреніяхъ, которыя оказывали вліяніе на его воззрѣнія и приводили иногда, можетъ быть, къ страннымъ заключеніямъ. Во всякомъ случаѣ я не могу соглашаться съ рѣзкимъ мнѣніемъ, которое гро-

могласно и почти публично объ этомъ почтеннѣйшемъ старикѣ высказывалъ когда-то на раутѣ у Я. П. Полонскаго въ моемъ присутствіи Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, о чемъ я буду сообщать въ настоящихъ своихъ запискахъ позднѣе...

Другой старецъ на нашемъ факультетѣ, современникъ Никиты Крылова и его сотоварищъ по происхожденію, Сергѣй Ивановичъ *Баршевъ*, довольно извѣстенъ во всей Россіи своею дѣятельностью, чтобы о немъ много распространяться; скажу только, что онъ никогда не принадлежалъ и не относился къ числу порядочныхъ профессоровъ Московскаго университета по своей узкости и ограниченности. Лекціи его въ мое время представляли собой довольно скудный и краткій курсъ изложенія немногихъ теоретическихъ началъ уголовнаго права, а главное уголовныхъ уложеній, и все это было обильно уснащено ради развлеченія анекдотами съ той разницей отъ пріемовъ и пристрастія къ анекдотамъ Никиты Крылова, что у того приводимыя имъ подчасъ остроумныя сопоставленія и исторійки были дѣйствительно смѣшны сами по себѣ, per se, тогда какъ анекдоты и остроты Баршева были лишь смѣшны по отношенію къ разсказчику, который былъ такъ наивенъ, что не замѣчалъ, что слушатели смѣются собственно надъ нимъ, а не отъ его разсказа, какъ напримѣръ, въ извѣстномъ и любимомъ его анекдотѣ о „тайномъ совѣтникѣ“, захваченномъ полиціей подъ воротами дома, когда онъ лѣзъ на любовное свиданіе (а когда подъ той же подворотней захваченъ „неизвѣстный подозрительный субъектъ“ какого-либо низкаго званія, то можно заключить, что онъ лѣзъ для воровства!?!). Несмотря на добросовѣстное отношеніе къ его лекціямъ и интересъ къ самому предмету уголовнаго права, у меня съ окончаніемъ курса ровно ничего не осталось въ головѣ, кромѣ нѣсколькихъ подобныхъ анекдотовъ. Какъ смотрѣли на Баршева его товарищи-профессора, изъ которыхъ двое наилучшихъ были вынуждены удалиться изъ университета благодаря этому самому Баршеву во времена его ректорства, можно судить по остротѣ чрезвычайно популярной въ Москвѣ профессора Дмитріева, когда Баршевъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ Воспитательнаго Дома: „наконецъ-то университетъ подкинулъ Баршева въ Воспитательный Домъ!!“ Московскому университету Баршевъ оставилъ на память одно: упадокъ юридическаго факультета и портретъ Филарета, вывѣшенный въ Актовомъ залѣ по его иниціативѣ при шиканьѣ студентовъ.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ, нашъ профессоръ энциклопедіи права и международнаго права, былъ впослѣдствіи директоромъ

Ярославскаго лицея и попечителемъ сначала Юрьевскаго, а потомъ Петербургскаго учебнаго округа. Добрѣйшій Василій Николаевичъ Лешковъ, о которомъ мы говорили, неспособный, повидимому, убить мухи, при мнѣ, однако, два раза острилъ надъ тѣмъ, что фамилія М. Н. Капустина, нѣтъ сомнѣнія, происходитъ отъ двухъ русскихъ словъ „какъ пусто“, и дѣйствительно нельзя по совѣсти не согласиться съ этимъ предположеніемъ. Изъ двухъ предметовъ юридическаго факультета, читанныхъ Капустинымъ, я рѣшительно не сохранилъ ничего въ головѣ ни въ то время, когда учился, ни впослѣдствіи, не усваивая также ничего изъ преподаваемаго имъ въ своихъ книжкахъ. Я нѣсколько разъ впадалъ въ отчаяніе, приписывая это обстоятельство собственному недомыслію, скажемъ — тупости, но изъ разспросовъ всѣхъ моихъ товарищей, которыхъ я успѣлъ спросить, получалось въ отвѣтъ то же самое. Никто почти ничего изъ курса Капустина не могъ усвоить, и долженъ былъ, какъ и я, взять на память. И дѣйствительно, я помню, одолѣлъ настолько его курсъ энциклопедіи права, что цѣлыя страницы могъ говорить не останавливаясь, въ то же время, ничего не понимая. Собственно говоря, Михаилъ Николаевичъ, если оставить въ сторонѣ его ученую дѣятельность, былъ человѣкомъ весьма доброжелательнымъ, готовымъ, насколько отъ него зависитъ, быть полезнымъ всѣмъ и каждому. Онъ стоялъ въ Москвѣ весьма долго во главѣ разныхъ благотворительныхъ начинаній и учрежденій въ пользу студенчества, какъ-то: „частныхъ общежитій, кассъ, временныхъ пособій“ и т. д. Каждый студентъ могъ смѣло къ нему явиться въ положенное время, съ надеждой, что онъ выслушаетъ или даже сдѣлаетъ что-нибудь. Впрочемъ, я долженъ сказать, что я нѣсколько разъ лично обращался къ нему съ просьбами, онъ всегда принималъ очень любезно и давалъ мнѣ рекомендацію уроковъ, но почему-то ни разу ни изъ одной рекомендаціи не вышло толку.

Намъ остается охарактеризовать изъ болѣе видныхъ преподавателей, которыхъ пришлось слушать въ Московскомъ университетѣ, двухъ лицъ, до нѣкоторой степени соспеціалистовъ: профессора финансоваго права Мильгаузена, моего бывшаго патрона, Ивана Кондратьевича Бабста, профессора политической экономіи и статистики и В. А. Легонина, профессора судебной медицины.

Ѳедоръ Богдановичъ Мильгаузенъ представлялъ собой весьма почтенный типъ профессора добраго, стараго времени. Человѣкъ безспорно очень умный, съ огромнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, онъ могъ, кажется, читать по желанію любой предметъ юридическаго факультета и читалъ ихъ по временамъ въ своей жизни нѣсколько разъ, и въ то же время получилось какъ-то весьма мало

видимыхъ результатовъ отъ всей его обширной энциклопедичности и учености. За исключеніемъ одной лишь актовой рѣчи о подоходныхъ налогахъ (но въ которой, я долженъ теперь сознаться, я ему нѣсколько помогалъ), онъ рѣшительно не написалъ ни одной печатной строки въ жизни. Его страшила даже самая мысль что-нибудь печатать. Когда-то, въ его молодости, кажется въ 40-хъ годахъ, профессоровъ преслѣдовали въ Россіи, если они много писали, и съ тѣхъ поръ почтенный Ѳедоръ Богдановичъ какъ бы выставилъ своимъ правиломъ: „учись, но не показывай, по возможности, своей учености, ничего не печатай!“—что онъ и сдѣлалъ; между тѣмъ въ дѣйствительности Ѳедоръ Богдановичъ происходилъ изъ очень почтенной и образованной нѣмецкой семьи въ Москвѣ (отецъ его былъ извѣстный врачъ), родная сестра его, Елисавета Богдановна сдѣлалась супругой знаменитаго Грановскаго, въ домѣ котораго отчасти и проводилъ свою юность Ѳедоръ Богдановичъ; все вмѣстѣ, однимъ словомъ, предзнаменовало для него блестящую ученую будущность. Посланный за границу на нѣсколько лѣтъ, онъ объѣхалъ лучшіе германскіе университеты, учился довольно долго въ Англіи, но вернулся въ Москву и занялъ каѳедру, при чемъ никто и не подумалъ, какъ отъ насъ грѣшныхъ въ мое время потребовать диссертаціи, вообще видимыхъ знаковъ его работоспособности для замѣщенія должности профессора.

Собственно въ области своей науки финансовъ Мильгаузенъ обладалъ весьма обширными свѣдѣніями и составилъ курсъ столь большой, что никогда не въ состояніи былъ прочесть его цѣликомъ, при чемъ курсъ этотъ годъ-отъ-году мѣнялся и обновлялся новыми отдѣлами или экскурсіями въ побочныя науки, хорошо знакомыя профессору. Такъ, одно время Ѳ. Б. читалъ студентамъ древнюю исторію, другое—части науки полицейскаго права и т. д. Вообще, обратно, со многими изъ тогдашнихъ профессоровъ, Мильгаузенъ, подъ руководствомъ котораго пришлось мнѣ готовиться къ каѳедрѣ, отличался истинно нѣмецкимъ трудолюбіемъ, былъ занятъ постоянно и при томъ самымъ разнообразнымъ образомъ. Одно время, напримѣръ, онъ очень долго изучалъ новѣйшія путешествія по „Черному континенту“ Африки и очень охотно любилъ бесѣдовать обо всѣхъ, въ этомъ отношеніяхъ, открытіяхъ. Большой помѣхой, впрочемъ, для его занятій въ университетѣ являлась одна извѣстная русская слабость, которой онъ былъ преданъ—любилъ выпить и, къ сожалѣнію, много въ этомъ грѣшилъ. Но намъ придется о немъ говорить еще разъ далѣе по поводу оставленія моего при университетѣ и приготовленія къ профессурѣ.

*

И. К. Бабстъ, извѣстный одинаково съ Мильгаузеномъ по своей слабости къ рюмочкѣ, отличался отъ него, къ своей невыгодѣ, очень многими качествами, которыя вовсе не окупались многими достоинствами прекраснаго курса и учености Ѳедора Богдановича. Обратно съ нимъ Бабстъ заботился только видимо о томъ, чтобы поменьше дѣлать и побольше зарабатывать денегъ, потому все его время профессуры при мнѣ онъ весьма мало посвящалъ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и очень много постороннимъ занятіямъ, дававшимъ ему, вѣроятно, большія деньги. Курсъ политической экономіи и статистики, имъ читаемой, по моему убѣжденію, былъ крайне низкопробнымъ. Политическая экономія представляла собою какой-то скудный конспектъ науки, изложенный, правда, понятнымъ языкомъ, но безъ всякой попытки къ полнотѣ ея изложенія и къ оригинальности. Статистика же была отрывкомъ географіи съ большой примѣсью при томъ этнографическихъ свѣдѣній о народахъ, населяющихъ Россію, особенно вдоль Волги. Изъ этого курса отъ студентовъ требовалось самое легкое знаніе: достаточно было разинуть ротъ и сказать два слова, чтобы Бабстъ ставилъ уже 5 и отпускалъ. Сочиненія же, которыя писались, какъ мы говорили о личномъ примѣрѣ, имъ совершенно не читались, и всегда ставились безъ разговоровъ высшія отмѣтки, чтобы скорѣе сплавить экзаменующагося домой. Естественно поэтому, Бабстъ получалъ студенческихъ сочиненій больше всѣхъ другихъ профессоровъ юридическаго факультета.

Перейдя на 2-й курсъ, я не оставилъ еще охоты добросовѣстно заниматься наукой, что̀, очевидно, въ то время не всѣми профессорами считалось за обязанность студентовъ. Я выбралъ другую тему для годичнаго сочиненія, которая мнѣ очень приглянулась, въ виду начавшихся тогда русскихъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, предшественниковъ будущихъ завоеваній ея и присоединенія къ Россіи. Я намѣтилъ темой „Торговые пути Россіи съ Средней Азіей“ и добросовѣстно сталъ изучать литературу, сюда относящуюся; главнымъ образомъ русскую историческую часть по Соловьеву и Карамзину, а географическую—по многимъ русскимъ описаніямъ и путешествіямъ, отчасти и по послѣднимъ англійскимъ источникамъ. Къ концу года у меня составилась весьма изрядная работа, которая знакомила основательно съ этимъ вопросомъ со всѣхъ сторонъ, и я подалъ ее опять Бабсту. Повторилось то же, къ сожалѣнію, что и съ первымъ моимъ трудомъ: ни отвѣта, ни привѣта. Бабстъ, видимо, не прочелъ работы, не говорилъ со мной о ней ни полслова, спросилъ, кажется, только, въ какой гимназіи я воспитывался, и поставилъ мнѣ 5, что̀ ставилъ и всѣмъ моимъ товарищамъ несомнѣнно ниже меня по знанію и своей работѣ. Этотъ индифферен-

тизмъ и равнодушіе профессора къ прямой его обязанности, тѣмъ болѣе, что въ одно время со мной, насколько мнѣ извѣстно, никто ему такихъ большихъ и оригинальныхъ сочиненій не подавалъ, подѣйствовалъ на меня убійственно,—у меня совершенно опустились руки къ продолженію моихъ дальнѣйшихъ занятій и штудій.

Весьма рано, еще въ Рязанской гимназіи, когда я отличался своими отвѣтами на экзаменахъ, напримѣръ, или ученическими сочиненіями, и наставники серьезно поощряли меня къ дальнѣйшему труду и прилежанію, у меня уже мелькала въ головѣ гордая честолюбивая мысль, а почему бы мнѣ не сдѣлаться со временемъ профессоромъ, какъ шутя называли меня иногда товарищи и даже директоръ Ѳедюкъ?! Въ университетѣ эта мысль еще чаще и непрестаннѣе приходила мнѣ въ голову, когда я изучалъ иностранные языки, поглощалъ цѣлые ворохи книгъ и писалъ свои сочиненія; но дважды повторенный опытъ небрежности и недобросовѣстнаго отношенія И. К. Бабста ко всѣмъ моимъ трудамъ рѣшительно охладилъ всѣ мои планы и разбилъ надежды. Я невольно пришелъ къ заключенію, что ничего путнаго изъ моихъ мечтаній о профессурѣ быть не можетъ, и я никогда не добьюсь, при полной невнимательности профессора, этого высокаго положенія. Я въ заключеніи сложилъ руки, и переставъ заниматься, началъ понемногу, подражая другимъ товарищамъ, чаще вспоминать о хлѣбныхъ предметахъ и долбить X т. Гражданскихъ законовъ и Судебные Уставы. „Увы, прощайте, науки, вмѣстѣ съ мечтами о профессорствѣ, болѣе недостижимомъ!?!“

Изъ старыхъ профессоровъ, еще заслуживающихъ вниманіе, назову лишь двухъ: Викторъ Алексѣевичъ Легонинъ, бывшій продолжительные годы секретаремъ юридическаго факультета и вполнѣ добросовѣстно относившійся къ молодымъ людямъ вродѣ меня, впослѣдствіи сдѣлавшимся его товарищами; онъ помогалъ, гдѣ можетъ, словомъ и дѣломъ. Такое же значеніе имѣлъ и профессоръ канонического права Н. А. Соколовъ, который, къ сожалѣнію, пробылъ при мнѣ лишь короткое время и совершенно неожиданно, къ общему сожалѣнію, скончался.

Что, наконецъ, касается, до такъ называемыхъ молодыхъ профессоровъ Московскаго университета 70-хъ и 80-хъ годовъ, моихъ сверстниковъ и товарищей, какъ А. И. Чупровъ, Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, и проч., то о нихъ будетъ мною упомянуто впереди, въ слѣдующихъ главахъ моихъ записокъ.

Вторая половина моего студенчества, 3-ій и 4-ый курсъ не при-

несли мнѣ, къ сожалѣнію, ничего хорошаго. Надежды и вѣра въ затаенный планъ возможности посвятить себя наукѣ и сдѣлаться когда-нибудь профессоромъ были у меня разбиты объясненнымъ выше образомъ, и я не видѣлъ никакой возможности что-либо сдѣлать для ихъ осуществленія.

Между тѣмъ мои ближайшіе товарищи замѣтно опережали меня въ знаніяхъ чисто юридическихъ предметовъ, необходимыхъ для будущей ихъ дѣятельности въ судѣ. И вотъ, подражая имъ, и я забросилъ политическую экономію со всѣми ея отраслями и началъ почитывать книги по юриспруденціи, вникать въ тонкія построенія римскаго права и критиковать съ важностью X томъ, въ то же время не имѣя болѣе никакихъ занятій, которыя бы захватывали мою умственную жизнь и возбуждали интересъ, я уменьшилъ значительно чтеніе, началъ чаще съ товарищами покучивать и усердно посѣщать театръ и разныя увеселительныя собранія и мѣста. То, что сначала претило, скоро вошло во вкусъ, и на третьемъ курсѣ я уже сдѣлался весьма изряднымъ кутилой, который часто шелъ впереди своихъ товарищей во всякихъ дурачествахъ, тѣмъ болѣе, что фортуна за это время мнѣ благопріятствовала, я имѣлъ хорошіе уроки и большіе заработки, получая въ мѣсяцъ доходу иногда болѣе ста рублей. Несмотря на всѣ хорошіе задатки моей прежней жизни, окружающая тина меня мало-по-малу, видимо, затягивала. Исчезли прежніе честолюбивые импульсы о профессурѣ въ будущемъ, а затѣмъ ослабѣло какъ-то самолюбіе и самоуваженіе. Я уже не стыдился скоро своей пустой безсодержательной жизни и въ товарищескихъ пирушкахъ не отставалъ отъ другихъ въ глупой похвальбѣ количеству выпитаго и разныхъ выходокъ!

Весь третій курсъ прошелъ самымъ печальнымъ образомъ, безъ серьезныхъ занятій. Наступили экзамены, надо было опомниться и быстро наспѣхъ готовиться, чтобы не провалиться и не потерпѣть всѣхъ неудобныхъ отсюда послѣдствій. Но я уже давно убѣдился по опыту, что университетскіе экзамены несравненно, въ сотни разъ, легче и снисходительнѣе гимназическихъ и при моей хорошей памяти, изъ многихъ предметовъ мнѣ требовалось только нѣсколько часовъ для отвѣта на цѣлыхъ пять балловъ, но гораздо болѣе трудно рѣшить иной вопросъ относительно сочиненій, которыя продолжали требоваться и на третьемъ курсѣ. И вотъ, къ довершенію своего нравственнаго паденія, я рѣшился на прямой подлогъ — обмануть профессора. Проф. Бабстъ, которому я подавалъ такъ неудачно раньше свои труды, въ этотъ годъ (1867 г.) съ Е. В. Наслѣдникомъ, Николаемъ Александровичемъ, у котораго былъ преподавателемъ, уѣхалъ, если не ошибаюсь, путешествовать по Россіи,

поэтому всѣ сочиненія по политической экономіи уже поступали къ почтеннѣйшему Ѳедору Богдановичу Мильгаузену, мною упомянутому профессору финансоваго права. И вотъ, основавши на этомъ разсчетѣ свой обманъ, я старое сочиненіе „О Торговыхъ путяхъ въ Средней Азіи“, разъ уже поданное Бабсту, предъявилъ вновь на третьемъ курсѣ профессору Мильгаузену. Но тутъ вышла совсѣмъ другая исторія, или какъ говоритъ поговорка „совсѣмъ изъ другой оперы“... Добросовѣстный нѣмецъ, обратно съ Бабстомъ, прочелъ мое сочиненіе, мало того, заинтересовался имъ и, когда я явился къ нему на экзаменъ, то, по окончаніи его, онъ вступилъ со мною въ длинный по поводу него разговоръ и изъявилъ желаніе, чтобы я пришелъ къ нему на квартиру объясниться и для дальнѣйшей бесѣды. Разумѣется, крайне озадаченный и пріятно возбужденный, я поспѣшилъ исполнить его желаніе и немедленно явился къ профессору Мильгаузену въ назначенное время. Оказалось, дѣйствительно, Мильгаузенъ внимательно, слово за слово прочелъ довольно объемистый трудъ мой о торговыхъ путяхъ и испестрилъ рукопись разными замѣтками, ссылаясь на то, что будто бы онъ этимъ вопросомъ не занимался, требовалъ отъ меня разъясненій и подтвержденій того или иного моего мнѣнія. Я ему охотно, съ великимъ удовольствіемъ, какъ человѣкъ, влюбленный въ свое дѣло, давалъ требуемыя объясненія, и въ результатѣ Мильгаузенъ объявилъ мнѣ, что сочиненіе мое настолько выдается между студенческими, что я такъ добросовѣстно и сознательно изучилъ выбранный мною матеріалъ и во всемъ отдаю отчетъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія юридическаго факультета и просить въ видѣ отличія и поощренія напечатать мое сочиненіе въ издаваемыхъ тогда „Университетскихъ Извѣстіяхъ“.

Итакъ, увы, оправдалось, къ сожалѣнію, іезуитское правило „ложь во спасеніе“ и благодаря моему обращенію къ Ѳедору Богдановичу, я сразу получилъ то, о чемъ такъ жадно мечталъ и чего не имѣлъ, вслѣдствіе недобросовѣстности профессора политической экономіи. Онъ обратилъ вниманіе на меня, на мой трудъ и просилъ меня, о чемъ ни разу даже не упомянулъ Бабстъ, если нужно, посѣщать его, чтобы брать книги изъ его библіотеки (особенно новыя нѣмецкія) и, если нужно, съ нимъ посовѣтоваться. При одномъ изъ слѣдующихъ свиданій онъ уже довольно непризрачно намекалъ мнѣ, что „если я такъ буду заниматься до окончанія университета, то онъ охотно такого студента можетъ предложить *для оставленія при университетѣ и приготовленія къ профессорскому званію*“. Вотъ что значитъ прямо „быка взять за рога!“

Не буду описывать своего восторга послѣ этого приключенія, при воспоминаніи о которомъ собственно я долженъ краснѣть... Этотъ случай подѣйствовалъ на меня отрезвляющимъ, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, образомъ. Я задумался опять о необходимости возобновить свои занятія надъ политической экономіей и статистикой, началъ вновь усердно почитывать книги и особенно упражняться въ чтеніи по-нѣмецки,—языкъ, который я зналъ всегда слабѣе французскаго съ англійскимъ. Все шло благополучно, и сближеніе съ Мильгаузеномъ, несмотря даже на упомянутую выше его слабость, дѣйствовало на меня благодѣтельно. Я опять началъ больше думать о наукѣ и своими недоумѣніями нерѣдко безпокоить Ѳедора Богдановича. Какъ всѣ молодые люди, напримѣръ, я, разумѣется, также имѣлъ большую склонность и симпатію къ соціализму и не разъ по этому вопросу бесѣдовалъ съ Мильгаузеномъ. Спокойно, самымъ объективнымъ образомъ Ѳ. Б. мнѣ объяснялъ и выставлялъ на видъ слабыя стороны и возраженія противъ обобщенія орудій труда и принудительнаго раздѣленія имущества. Марксъ тогда не существовалъ, какъ извѣстный писатель, и мы о немъ ничего не знали. Точно также, другой разъ припоминаю, у меня происходила съ Мильгаузеномъ длинная бесѣда, на модный нынѣ вопросъ съ легкой руки Генри Джоржа и гр. Толстого, о такъ называемой, „теоріи единаго налога“, противъ котораго рѣшительно и остроумно Мильгаузенъ возражалъ, и подобныя бесѣды естественно поднимали мой духъ, бодрость и увѣренность въ себѣ.

Между тѣмъ, перейдя на 4-й курсъ, я уже болѣе серьезно началъ думать о способахъ утвердить доброе мнѣніе Мильгаузена о моей персонѣ и написать что-нибудь хорошее для курсового сочиненія, которое на этотъ разъ являлось уже кандидатскимъ разсужденіемъ. Темой для своего труда я выбралъ сочиненіе „разсужденіе о незаконнорожденныхъ“, для чего взялъ изъ своего стараго сочиненія, поданнаго на первомъ курсѣ Бабсту, ржевской статистики все, что относилось къ незаконнорожденнымъ, и написалъ совершенно вновь не существовавшій отдѣлъ, юридическій, о законахъ и правахъ незаконнорожденныхъ по международному и русскому законодательствамъ. Такимъ образомъ у меня образовалось совершенно новое, съ матеріаломъ отчасти старымъ, обширное „статистико-юридическое изслѣдованіе о незаконнорожденныхъ“; опять получилось что-то вродѣ 40 мелко исписанныхъ листовъ. Я уже смотрѣлъ свѣтлѣе на будущее и надѣялся, что Мильгаузенъ его одолѣетъ и заблаговременно подалъ ему въ концѣ мая, съ просьбой прочесть до августа, когда я явлюсь-де за отвѣтомъ, узнать о его достоинствѣ.

Четвертый курсъ окончился благополучно, я опять получалъ все пятки, чѣмъ никакъ не могу гордиться, ибо считаю, что университетская оцѣнка успѣховъ ниже всякой критики и отличается такой снисходительностью, о которой среднія учебныя заведенія и не знаютъ. Какъ бы то ни было, я очутился на распутьи, чувствовалъ, что знаній у меня мало и опредѣленнаго пути не было. Лишь однѣ мечты и надежды на Мильгаузена, которыя могли рухнуть. И дѣйствительно ли обращеніе къ этому источнику за помощью? Не надо забывать, что я окончилъ курсъ въ 1869 г., когда сравнительно огромное количество молодыхъ людей требовалось во вновь открытые и преобразованные суды, поэтому мѣста давали сравнительно съ послѣдующимъ довольно скоро и легко, особенно, кто хотѣлъ годикъ потерпѣть и начать со старыхъ учрежденій, гдѣ-нибудь въ провинціи. Мнѣ уже изрядно надоѣла бѣдность или вѣрнѣе необезпеченность заработка; то имѣешь много, то мало, и неизвѣстно, на что будешь обѣдать завтра. Правда, въ цѣломъ большая часть моего университетскаго курса прошла благополучно, я имѣлъ иногда заработокъ, даже превосходящій мои желанія и потребности, но были кратковременно и худыя времена. Помню, напримѣръ, какъ разъ мнѣ чрезвычайно нужно было скорѣе получить свой кандидатскій дипломъ, а для этого слѣдовало заплатить пошлины 6 р., и я очень долго затруднялся ихъ найти, пока внесъ и получилъ желанный дипломъ для поступленія на службу! У меня въ это время были опять до нѣкоторой степени сестры на рукахъ. Одна, младшая, должна была скоро окончить въ пріютѣ и надо было найти ей мѣсто или обезпеченіе, другая, старшая, была безъ занятій, проживала у другой старшей сестры и чрезвычайно тяготилась безработицей, своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ и всячески заклинала меня поскорѣй взять мѣсто и взять ее къ себѣ отъ занятій у чужихъ людей.

Я не могъ, конечно, оставаться глухъ ко всему этому и рѣшился одно время принести въ жертву мои мечты о профессурѣ и сдѣлаться практическимъ юристомъ. Почтенный прокуроръ окружнаго суда въ Москвѣ, въ это время извѣстный ораторъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Громницкій, былъ мой добрый знакомый. Я обучалъ долго его племянника Сергѣя Михайловича Латышева (нынѣ помощникъ статсъ-секретаря). На мои просьбы помочь мнѣ пробить дорогу, М. Ѳ., всегда относившійся ко мнѣ очень добро, объявилъ, что охотно мнѣ можетъ обѣщать, что если я поступлю къ нему кандидатомъ, то въ концѣ года могу разсчитывать на мѣсто судебнаго слѣдователя, если же я хочу непремѣнно имѣть мѣсто немедленно, то это возможно только по старымъ учрежденіямъ и указалъ, между про-

чимъ, мнѣ на возможность совсѣмъ скоро занять мѣсто слѣдователя въ городѣ Астрахани. Я поблагодарилъ его, немедленно подалъ прошеніе о зачисленіи меня кандидатомъ при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда, Громницкомъ. Я былъ утвержденъ кандидатомъ и поступилъ тотчасъ въ канцелярію прокурора для пріученія къ письмоводству, съ жалованіемъ въ 20 р. въ мѣсяцъ, которые къ несчастью тогда довольно долго были единственнымъ моимъ ресурсомъ.

Новая моя должность и занятіе, какъ оказалось, частью были весьма пріятны, потому что давали мнѣ лишній поводъ часто видѣть такого умнаго и милаго человѣка, какъ мой главный начальникъ Михаилъ Ѳедоровичъ, котораго я посѣщалъ еженедѣльно по нѣскольку разъ. Съ другой стороны, однако, оказалось, что я самъ человѣкъ весьма мало пригодный для исполненія принятыхъ на меня обязанностей. Прежде всего я обладалъ такимъ отвратительнымъ почеркомъ, что мнѣ долго не могли придумать въ канцеляріи соотвѣтствующаго занятія. Наконецъ, я обладалъ такой большой разсѣянностью и вольностью въ обращеніи съ разными узаконенными канцелярскими словечками, что безпрестанно путалъ, напримѣръ, „представленіе“ съ „предложеніемъ“ и посылалъ ихъ совсѣмъ по несоотвѣтствующему адресу. Напримѣръ, однажды навлекъ непріятность и выговоръ на своего милѣйшаго начальника Михаила Ѳедоровича, потому что вмѣсто „представленія“ его начальнику, прокурору судебной палаты Манасеину, я послалъ ему, ничто же сумняшеся, „предписаніе“ и т. д.; другой разъ перепуталъ срокъ для товарища прокурора явиться на Торговую площадь для исполненія судебнаго приговора о лишеніи званія и пр. Онъ понапрасну пріѣхалъ туда, ничего тамъ не нашелъ и явился къ намъ въ канцелярію, разнося на всѣ корки виновника этой, какъ онъ увѣрялъ, мистификаціи!..

Между тѣмъ какъ разъ въ это время моя любимая сестра Евгенія, больше всего уговаривавшая меня взять судебное мѣсто, скоропостижно скончалась отъ холеры. Горе мое было очень велико, но я понималъ въ то же время, что я сразу получилъ возможность совершенно свободнаго распоряженія своей особой. Такъ какъ младшую сестру Марію пригласила совсѣмъ къ себѣ жить моя старшая сестра Ал. Ив. Булашевичъ, только-что переселившаяся въ это время въ Москву изъ Черниговской губерніи, мнѣ не было далѣе необходимости стѣсняться болѣе никакими матеріальными соображеніями. Дѣло, которымъ я временно, но нѣсколько мѣсяцевъ все-таки долженъ былъ заниматься въ канцеляріи прокурора, было въ высшей степени не интересно. Какъ я говорилъ, я наносилъ лишь добрымъ людямъ вредъ скорѣе, не-

жели пользу. Какъ разъ въ это время, въ августѣ я навѣстилъ Мильгаузена въ Богородскомъ подъ Москвой; онъ чрезвычайно расхвалилъ на словахъ мое кандидатское разсужденіе о незаконнорожденныхъ, о которомъ гораздо раньше далъ хорошій письменный отзывъ. Онъ вновь, уже на этотъ разъ съ требованіемъ серьезнаго отвѣта, повторялъ предложеніе быть оставленнымъ при университетѣ, посвятить себя наукѣ. Мнѣ было въ высшей степени пріятно это слышать, и въ то же время я колебался, какъ рѣшить, что̀ лучше?!

Впослѣдствіи и начиная съ даннаго момента, я научился во всѣхъ затруднительныхъ въ жизни случаяхъ, по рекомендаціи въ одной книгѣ примѣра и совѣта знаменитаго американца Франклина, рѣшать вопросъ послѣ предварительнаго его обсужденія для себя письменнымъ образомъ: загнуть вдвое листъ бумаги, на одной сторонѣ писать все, что говоритъ за данное предложеніе, на другой— противъ, и въ результатѣ, взвѣсивъ обѣ стороны аргументацій, придти къ тому рѣшенію, на сторонѣ котораго больше вѣскихъ доводовъ.

Я въ первый разъ попытался примѣнить этотъ методъ именно здѣсь по данному случаю, и всѣ важные доводы были за принятіе предложенія Мильгаузена. Не довольствуясь этимъ, я рѣшилъ еще обратиться за совѣтомъ къ наиболѣе мною уважаемому тогда человѣку, какимъ являлся мой почтенный начальникъ прокуроръ М. Ѳ. Громницкій. Едва я ему разсказалъ, въ чемъ дѣло, и спросилъ его мнѣніе, М. Ѳ., не колеблясь ни минуты, объявилъ мнѣ категорически, что тутъ и думать нечего, настолько выгодъ и преимуществъ имѣетъ предложеніе со стороны университета и университетская дорога передъ судебной. „Если бы даже, добавилъ онъ мнѣ, съ моимъ положеніемъ и семействомъ изъ нѣсколькихъ дѣтей, помимо жены, сдѣлали такое предложеніе, то я, очень можетъ быть, принялъ бы его безъ большихъ колебаній. Что же касается до Васъ, молодого человѣка, въ началѣ своей жизни, то я не могу себѣ представить, откровенно, болѣе лестнаго и выгоднаго предложенія, и—бѣгите скорѣй!—вотъ мое мнѣніе!“

Послѣ бесѣды съ Громницкимъ и рѣшенія его, я уже далѣе не колебался и немедленно, какъ теперь помню, въ прекрасный августовскій день вечеромъ я поѣхалъ со своимъ пріятелемъ и товарищемъ В. Ф. Клячинымъ въ Богородское, гдѣ объявилъ Мильгаузену о своемъ желаніи принять его предложеніе, и по студенческой привычкѣ мы вспрыснули окончаніе этого важнаго вопроса полдюжиной пива.

Вскорѣ же за этимъ рѣшеніемъ, какъ гласитъ одинъ оффиціальный документъ: „По ходатайству юридическаго факультета и Совѣта Московскаго университета 14 октября 1869 г. кандидатъ Иванъ Янжулъ оставленъ при университетѣ на 2 года для усовершенствованія въ наукахъ“. Такимъ образомъ моя прокурорская служба въ министерствѣ юстиціи продолжалась менѣе 4-хъ мѣсяцевъ. Мой жребій былъ брошенъ, и я сдѣлался профессорскимъ кандидатомъ.

Иванъ Янжулъ.

скаго раскола, покойный магистръ Н. С. Соколовъ, съ дикимъ вандализмомъ сжегъ масс копій съ документовъ. Онъ былъ членомъ мѣстной архивной комиссіи". Очень интересн „Матеріалы для исторіи саратовской 1-й гимназіи", съ которою связаны имена Пыпин Чернышевскаго, Мордовцева. *Н. Л.*

Н. А. Римскій-Корсаковъ. (Лѣтопись моей музыкальной жизни. 1844—1906) Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой.

Большое оживленіе, вызванное въ музыкальномъ обществѣ этой книгой, объясняетс не только славнымъ именемъ композитора, но и тѣми неожиданными переоцѣнками, кото рымъ подверглись въ ней нѣкоторые наши выдающіеся музыкальные дѣятели. Возникл споры о жесткости, иногда несправедливости корсаковскихъ мнѣній, о преждевременност напечатанія его рукописи. Такъ ли? Лѣтопись не дневникъ, гдѣ авторъ оставляетъ за со бой право разсказывать какъ угодно и о чемъ угодно, а болѣе всего о своихъ душевных явленіяхъ по разнообразнымъ поводамъ. Корсаковъ строго себя ограничилъ. Онъ говорит лишь о томъ, что само касалось его жизни, при томъ не личной, а музыкальной. Слѣдо вательно, мнѣнія о другихъ современникахъ представляются лишь настолько важными справедливыми, поскольку они способствовали, обезцѣнивали или вредили той обществен ной задачѣ и направленію, которое принялъ покойный композиторъ. Напр., онъ очень мал касается дѣятельности Чайковскаго; они шли разными путями, и точекъ встрѣчи у нихъ какъ у композиторовъ, почти не было. Предисловіе, предпосланное супругой покойнаго ясно указываетъ на недостатокъ автобіографическаго матеріала въ этихъ воспоминаніяхъ но для исторіи русской музыки, какъ намъ кажется, книга Корсакова въ смыслѣ субъек тивной правды драгоцѣнна и потому преждевременной быть не можетъ.

Вас. Яковлевъ.

Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревымъ.

Интимный талантъ покойнаго писателя не могъ конечно не сказаться самымъ при влекательнымъ образомъ въ частной перепискѣ,—простота и сердечность чередуются здѣс съ нѣжнымъ юморомъ и мѣткостью характеристикъ. Иныя письма Чехова такъ хороши что заставляютъ вспомнить о письмахъ Пушкина. Картина литературнаго круга восьмиде сятыхъ годовъ пріобрѣла нѣсколько новыхъ красокъ и штриховъ. Составитель придержи вался однако не совсѣмъ удобной системы, вѣроятно, вслѣдствіе того, что осталось ещ много неопубликованныхъ писемъ; хронологическій порядокъ былъ бы болѣе умѣстенъ Ждемъ обѣщаннаго продолженія изданія.

Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ Русской исторіи XV вѣка. Краткій иллюстрированный очеркъ, составленный Гр. Хрептовичемъ Бу теневымъ. Москва. 1909.

Справка, сдѣланная Гр. Хрептовичемъ Бутеневымъ о Флорентійскомъ Соборѣ 1439 г и о бракѣ Софіи Палеологъ съ Іоанномъ III, имѣетъ цѣлью описать тѣ историческіе и ху дожественные памятники, которые сохранились въ двухъ итальянскихъ городахъ, завя завшихъ въ XV вѣкѣ сношенія съ Московской Русью. Попутно авторъ даетъ небольшія характеристики главныхъ итальянскихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ указанныхъ событіяхъ. Очеркъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно, а большое число отчетливыхъ снимковъ даетъ наглядное представленіе о разбираемыхъ памятникахъ, часто весьма крупныхъ образцахъ ранняго Ренессанса. Работъ по исторіи искусства до сихъ поръ на русскомъ языкѣ еще не такъ много, и всякая старательная попытка въ этой области заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, когда рѣчь идетъ о немногочисленныхъ слѣдахъ отношеній Запад ной Европы къ старой Москвѣ. Сборъ отъ продажи книгъ предназначенъ въ пользу об щества вспомоществованія недостаточнымъ учащимся Московскаго Училища Живописи Ваянія и Зодчества.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. („Изъ дальнихъ лѣтъ"). Въ трехъ томахъ Второе изданіе.

Чтобы вызвать изъ памяти далекіе образы своего прошлаго, связать ихъ въ одну цѣльную картину и дать œuvre, нужно особенное даровапіе. Оттого мемуарная литература хотя и велика, но не слишкомъ богата образцовыми произведеніями. Воспоминанія Т. П Пассекъ, печатавшіяся въ свое время въ „Русской Старинѣ", принадлежатъ къ лучшимъ сочиненіямъ этого рода, а кругъ лицъ, въ которомъ вращался ихъ авторъ, дѣлалъ ихъ еще интереснѣе. Въ настоящее время для средняго русскаго читателя явилась возмож ность имѣть въ своихъ рукахъ „Былое и Думы" Герцена, и фактическая сторона книги „Изъ дальнихъ лѣтъ" уже не представляется столь значительною, но главы о личной жизни автора останутся навсегда полными свѣжей прелести и тонкаго, еле уловимаго аромата русской женской души 30—40-хъ годовъ. Кромѣ того книга любопытна боковымъ освѣщеніемъ жизни Герценовскаго кружка, знакомой намъ отъ самихъ его членовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ общимъ отпечаткомъ насыщеннаго лиризма и постояннаго стремленія соединять личные интересы съ общественными, качествами, присущими большинству воспоминаній того времени. „Жизнь—произведеніе искусства", вотъ что всегда думается, когда перелистываешь эти, уже пожелтѣлыя страницы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазин.: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. «**Новое Время**», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «**Русская Старина**», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ— VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,** т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1908 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ.** Тип. т-ва п. ф. „Эл.-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій [1]).

I.

„О мертвыхъ правду, одну только правду“.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій, или просто Казиміръ, какъ его звали въ глаза близкіе люди, а за глаза всѣ—вотъ имя, когда-то всѣмъ извѣстное, имя, которое было нѣкогда на устахъ всей Россіи, представителю котораго приписывались всѣ наши неудачи послѣдней Турецкой войны, неудачи, казавшіяся еще недавно, до ужасовъ войны Японской, такими тяжелыми... имя, которому приписывали даже измѣну.

Теперь это имя всѣми забыто, и только изрѣдка вспомянетъ его недобрымъ словомъ П. Д. Паренсовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ, да тѣмъ же, хотя безпристрастно и безъ раздраженія, помянулъ М. А. Газенкампфъ, въ своихъ недавно вышедшихъ письмахъ.

---

[1]) Авторъ проситъ не забывать, что онъ пишетъ не біографіи извѣстныхъ и интересныхъ личностей, а лишь свои воспоминанія, пріуроченныя къ тому или другому лицу, поэтому и личному „я“ отводится по необходимости довольно значительное мѣсто. Надо смотрѣть на эти очерки не какъ на біографіи, систематически написанныя, а какъ на матеріалъ для біографа, матеріалъ, не лишенный довольно солидной цѣнности.

Переходя въ частности къ характеристикѣ Левицкаго, авторъ счелъ умѣстнымъ не избѣгать воспроизведенія частныхъ бесѣдъ, споровъ и просто разговоровъ, такъ какъ эти бесѣды ярче всего рисуютъ личность человѣка, фактически стоявшаго во главѣ арміи, предназначенной для рѣшенія одной изъ величайшихъ историческихъ задачъ въ борьбѣ нашей съ исконнымъ врагомъ и поработителемъ славянства. *А. В.*

А было время, когда многіе — и стоящіе высоко — не только искали въ „Казимірѣ“, но и заискивали.

Мнѣ довелось близко знать его и, быть можетъ, мой очеркъ дастъ менѣе одностороннее освѣщеніе этой личности, сыгравшей весьма видную роль въ прошлой войнѣ,—чѣмъ то, которое даетъ П. Д. Паренсовъ.

Левицкій выходилъ изъ Академіи Генеральнаго Штаба, когда я поступалъ въ нее. Въ отвѣтъ на вопросы о выпускныхъ офицерахъ, мнѣ указали поручика Павловскаго полка, въ очкахъ, довольно высокаго роста, но не виднаго, съ лицомъ не глупымъ, но скорѣе некрасивымъ,—какъ окончившаго курсъ первымъ.

Это былъ Левицкій. Вторымъ былъ Станкевичъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся профессоромъ Академіи, большой мой пріятель, съ которымъ я былъ не только товарищемъ по каѳедрѣ военной исторіи, но перевелъ даже вмѣстѣ съ нимъ сочиненіе Виго Русильона объ американской войнѣ, дополненное нашими примѣчаніями и имѣвшее значительный успѣхъ.

Тотъ же выпускъ далъ благороднѣйшаго и неустрашимаго Дохтурова, рыцаря безъ страха и упрека, бывшаго потомъ начальникомъ штаба сербской арміи, восторженные отзывы о которомъ я слышалъ отъ бывшаго сербскаго добровольца, нынѣ командира гвардейскаго корпуса В. Н. Данилова. Дохтуровъ былъ, при этомъ, человѣкомъ очень образованнымъ, но большимъ чудакомъ—метафизикомъ, какъ мы его прозвали въ былое время.

Въ томъ же году окончилъ Академію А. К. Гейнсъ, очень бойкій, способный и разносторонній человѣкъ, бывшій одно время товарищемъ министра путей сообщенія и кончившій, однако, довольно печально чуть не на посылкахъ у извѣстнаго инженера.

Но изъ всѣхъ выпускныхъ того 1859 года особенно бросался въ глаза офицеръ уже не первой молодости, въ мундирѣ армейскаго кавалерійскаго полка, вѣчно возбужденный, вѣчно проповѣдывающій въ курилкѣ, собиравшій вокругъ себя массу слушателей и оппонентовъ.

На вопросъ:—кто это? мнѣ отвѣтили—„Сѣраковскій“.

Это былъ тотъ самый Сѣраковскій, который вошелъ потомъ въ особое довѣріе военнаго министра и въ то же время занимался организаціей польскаго возстанія 1863 года. А когда знамя возстанія было поднято—бѣжалъ и сдѣлался „довудцемъ“ (начальникомъ банды). Захваченный въ плѣнъ—онъ кончилъ на висѣлицѣ.

Левицкій, какъ первый ученикъ, поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ и немедленно занялся усиленнымъ преподаваніемъ тактики; но ничѣмъ значительнымъ онъ себя не проявлялъ.

До 1869 года знакомъ я съ нимъ былъ только на поклонахъ.

Въ 1869 году ушелъ изъ академіи М. И. Драгомировъ. Начальникъ Академіи Александръ Николаевичъ Леонтьевъ, крайне озабоченный уходомъ прославленнаго профессора и, не находя никого изъ лекторовъ по тактикѣ, кто бы могъ замѣнить Драгомирова, обратился ко мнѣ.

Я отвѣчалъ, что, любя свой предметъ—военную исторію—я не желалъ бы переходить на другую каѳедру.

— Но сдѣлайте это для пользы Академіи, убѣждалъ Александръ Николаевичъ. Вы выведите насъ изъ большого затрудненія, потому что изъ всѣхъ преподавателей тактики я рѣшительно ни на комъ не могу остановиться. Пожалуйста, выручите насъ. Вѣдь военная исторія даетъ матеріалъ для всѣхъ военныхъ наукъ и особенно для тактики. Да вы же и читаете уже по тактикѣ отдѣлъ о кавалеріи [1]).

Пришлось согласиться.

— Ну, и прекрасно, говорилъ Александръ Николаевичъ. Очень, очень вамъ благодаренъ. Чтобы быть ближе къ войскамъ, не примете ли вы мѣста начальника штаба гвардейской дивизіи? Я это устрою.

Зная, что Генеральный Штабъ занимается въ гвардіи исключительно канцелярщиной, да парадами, и дорожа при томъ, какъ страстный охотникъ, лѣтними вакаціями, я наотрѣзъ отказался.

— Въ такомъ случаѣ прикомандируйтесь къ Великому Князю [2]) по особымъ порученіямъ. Я очень желалъ бы, чтобы Великій Князь узналъ васъ, это будетъ полезно и для вашей карьеры.

Я отвѣчалъ, что, сколько слышно, служащіе у Великаго Князя, вслѣдствіе его большой доброты и деликатности, составляютъ кружекъ лицъ къ нему приближенныхъ, которыхъ онъ посвящаетъ въ свои сердечныя тайны, и что я, никуда негодный царедворецъ, рѣшительно не гожусь для такой роли.

— Какой вы мнительный и несговорчивый человѣкъ, говорилъ Александръ Николаевичъ. Ну, въ такомъ случаѣ, я выхлопочу для васъ лѣтнюю поѣздку за границу, чтобы вы познакомились съ иностранными войсками, съ ихъ тактикой, боевой подготовкой.

На это я конечно не только согласился, но благодарилъ.

Замѣчу кстати, что А. Н. Леонтьевъ—человѣкъ очень умный, доброжелательный, деликатный, но при этомъ твердый, былъ без-

---

[1]) Страстный кавалеристъ, я взялся за этотъ отдѣлъ помимо своего предмета—военной исторіи.

[2]) Николаю Николаевичу. А. Н. Леонтьевъ пользовался большимъ его расположеніемъ и даже имѣлъ на него вліяніе.

спорно лучшимъ, полезнѣйшимъ изъ всѣхъ начальниковъ, стоявшихъ во главѣ Академіи, не исключая Драгомирова и благороднѣйшаго, добрѣйшаго, но безхарактернаго и слабаго Г. А. Лера.

Когда, въ сентябрѣ 1869 года, я возвратился изъ-за границы въ Петербургъ, привезя между прочимъ категорическое заключеніе, что французы при встрѣчѣ съ пруссаками *„обречены на катастрофу“* [1]), начальникъ Академіи объявилъ, что для облегченія меня, онъ пригласилъ въ помощь Левицкаго, бывшаго, какъ сказано, лекторомъ чуть не во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

— Вѣдь и Драгомировъ читалъ не весь курсъ; кавалерію читали вы, говорилъ А. Н., такъ и теперь: какой-нибудь отдѣлъ передайте Левицкому. Онъ, конечно, не профессоръ, но предметъ знаетъ, и преподаватель онъ хорошій. Я предложилъ ему званіе адъюнкта, а диссертацію онъ представитъ впослѣдствіи.

Я поморщился. Во-первыхъ—по правиламъ Академіи, для занятія вакансіи адъюнкта требовалось написать диссертацію, да кромѣ того защитить ее, или заявить себя какимъ-нибудь замѣчательнымъ печатнымъ трудомъ; во-вторыхъ, о Левицкомъ какъ-то мало было слышно отзывовъ въ его пользу.

— Вотъ хитрый полякъ. Какъ умѣлъ себя устроить, думалось мнѣ. Но дѣло было уже сдѣлано,—отмѣнить приглашеніе невозможно; нелѣпо было и возражать.

Пришлось работать вмѣстѣ, и прежде всего надо было выработать программу.

Необходимо замѣтить, что, соглашаясь взять на себя курсъ М. И. Драгомирова, я предупредилъ начальника Академіи о несогласіи моемъ во многомъ съ Драгомировымъ и заявилъ, что не могу вести курса строго въ духѣ моего предшественника.

Авторитетъ Драгомирова былъ такъ высокъ, что А. Н. Леонтьевъ, человѣкъ, какъ сказано, чрезвычайно умный, посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ. Какъ это такъ, не признавать непогрѣшимости Драгомирова! Вѣдь это ересь!

Я объяснилъ, что считаю Драгомировскаго конька—„нравственный элементъ“—достаточно заѣзженнымъ, что и до Драгомирова военные писатели отводили нравственному элементу надлежащее

---

[1]) Я сдѣлалъ по этому поводу два публичныхъ сообщенія; тогда никто мнѣ не повѣрилъ и, хотя заключеніе свое я строго мотивировалъ на основаніи знакомства съ тогдашней тактикой обѣихъ армій, ихъ дисциплиной, внутренними распорядками и командным составомъ—меня упрекали въ пруссофильствѣ и въ поспѣшности выводовъ. Это не помѣшало мнѣ, однако, упорно стоять на своемъ, несмотря на престижъ французской арміи, предъ которой тогда всѣ преклонялись.

мѣсто, не раздувая однако этой темы, что русскія войска всегда были въ этомъ отношеніи на должной высотѣ (чего другого, а храбрости намъ не занимать стать), что намъ надо, не отвергая, конечно, значенія нравственнаго элемента, хлопотать, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы матерьяльная подготовка и умственныя силы были на нашей сторонѣ—вотъ въ чемъ мы постоянно оказывались отсталыми.

Неумѣренная ѣзда на нравственномъ элементѣ, говорилъ я, повела къ тому, что Драгомировъ, по моему глубокому убѣжденію, проповѣдуетъ вещи прямо вредныя. Сюда, прежде всего, отношу проповѣдь Суворова — „пуля дура, штыкъ молодецъ“. При Суворовѣ пуля дѣйствительно была дурой, но при настоящемъ огнѣ великій русскій полководецъ и сердцевѣдъ, конечно, измѣнилъ бы свое мнѣніе; по крайней мѣрѣ этотъ гибкій умъ, воспитанный на линейной тактикѣ, какъ только узналъ о новыхъ тактическихъ пріемахъ, къ которымъ прибѣгаютъ республиканскія арміи,—немедленно издалъ приказъ: „нечестивые французы воюютъ колоннами, и мы будемъ бить ихъ колоннами“. (И такую гибкость ума выказалъ 70-тилѣтній старикъ!)

Точно также я нахожу, продолжалъ я, положительно вреднымъ вселять въ войскахъ убѣжденіе, что они никогда не должны отступать. Многообразныя перипетіи войны неизбѣжно ведутъ, если не къ общему, то къ частнымъ отступленіямъ, а въ 12-мъ году пришлось отступать отъ границы до самой Москвы. Хороши бы мы были, если бы войскамъ было внушено, что они никогда не должны отступать! Подобное воспитаніе грѣшитъ противъ другого принципа, несравненно болѣе важнаго, это—никогда не давать войскамъ ложныхъ представленій о томъ, что ихъ ожидаетъ на войнѣ. Иначе, если имъ внушали, что отступленіе—позоръ, что они никогда не должны отступать, а на дѣлѣ отступать придется—неизбѣжно произойдетъ упадокъ духа, о которомъ, т. е. о духѣ войскъ, такъ заботится Драгомировъ и которымъ, безъ сомнѣнія, такъ слѣдуетъ дорожить. Поэтому войскамъ не только не надо внушать, что отступленіе—позоръ, что отступать никогда не слѣдуетъ, а, напротивъ, нужно говорить, что отступать на войнѣ приходится и иногда очень долго, но что это только простой маневръ, какъ и всякій другой, для достиженія конечной цѣли—побѣды и перехода въ наступленіе.

Нѣсколько удивленный, А. Н. Леонтьевъ не могъ, однако, не признать резонности доводовъ и предоставилъ мнѣ полную свободу въ веденіи курса.

— Стѣснять я васъ не буду, да считаю себя и не въ правѣ стѣснять профессора,—заключилъ онъ.

Разговоръ этотъ я счелъ необходимымъ тогда же передать товарищамъ въ профессорской, и одинъ изъ поклонниковъ прославленнаго профессора поспѣшилъ сообщить о моей ереси М. И. Драгомирову, до сего весьма ко мнѣ благоволившему. Это послужило поводомъ къ значительному охлажденію нашихъ отношеній и къ небольшому, черезъ годъ, столкновенію по поводу пресловутаго „нравственнаго элемента“, о чемъ разскажу когда-нибудь впослѣдствіи.

II.

Возвращаюсь къ Левицкому.

Пришлось, какъ говорилъ, работать вмѣстѣ, и, прежде всего, надъ программой, которая меня не удовлетворяла.

Хотя моложе годами, я былъ чиномъ старше Левицкаго, былъ старше и по службѣ въ Академіи, наконецъ, я былъ женатъ, онъ холостъ; по всѣмъ этимъ причинамъ, для совмѣстной работы, мы стали собираться у меня. Проработавъ первый вечеръ, сѣли ужинать, и вотъ тутъ, къ большому моему удивленію, увидѣлъ я въ Казимірѣ совсѣмъ не того человѣка, какимъ его предполагалъ. Крайнее добродушіе и даже наивность просто поразили меня. Никакой фальши, ни малѣйшаго лукавства, большая искренность, ни тѣни хитрости. Ничего, что бы могло напомнить „ласковаго пана“, а поляковъ въ Варшавѣ я успѣлъ изучить тонко.

Мнѣ прямо совѣстно стало, что я человѣка искренняго, хорошаго, заподозрилъ въ двоедушіи, вопреки своему обыкновенію видѣть въ человѣкѣ, съ которымъ знакомлюсь—человѣка порядочнаго.

Много за долгую жизнь приходилось мнѣ обманываться, много получалъ я отъ близкихъ упрековъ за свою довѣрчивость; но это свойство характера, несмотря на разочарованія, сохранилось у меня до сихъ поръ; самыя разочарованія не заставляютъ меня ни каяться, ни мѣняться въ этомъ отношеніи. Во-первыхъ, это свойство натуры, а натуры насиловать никогда не слѣдуетъ; во-вторыхъ, это еще большой вопросъ—выгоднѣе ли на всѣхъ глядѣть волкомъ, съ недовѣріемъ и не быть, благодаря этому, обманутымъ, или, несмотря на разочарованія, оставаться оптимистомъ, видѣть, въ новомъ знакомомъ человѣка порядочнаго и мѣнять свое мнѣніе только тогда, когда онъ дѣйствительно окажется негодяемъ.

И это совсѣмъ не маниловщина. Это не исключаетъ возможности закипанія священной злобы къ негодяю. Это не нелѣпое непротивленіе злу; но злоба должна закипать только тогда, когда человѣкъ оказался дѣйствительно негодяемъ, а если онъ выяснился только человѣкомъ не важнымъ, то надо помнить, что человѣкъ — живот-

ное, вообще несовершенное, и самъ-то ты вѣдь не Богъ знаетъ что такое.

Какъ бы то ни было, но добродушному отношенію къ людямъ и полному отсутствію зависти—этому презрѣннѣйшему изъ пороковъ, которому подвержены, увы, слишкомъ многіе и который сушитъ человѣка не только нравственно, но и физически, — этимъ свойствамъ своей натуры я приписываю въ значительной степени сохраненіе энергіи нравственныхъ силъ, да, пожалуй, и физическихъ, до возраста, въ которомъ пользуются ими далеко не всѣ мои сверстники.

Такъ вотъ, хотя я и составилъ свое мнѣніе о Левицкомъ не съ вѣтру, а на основаніи отзывовъ другихъ лицъ, мнѣ стало совѣстно за несправедливое къ нему отношеніе, и недовѣріе вскорѣ перешло въ самое искреннее расположеніе, которое я сохранилъ до его смерти. А такъ какъ искреннее чувство несомнѣнно заразительно, то для меня сдѣлалось очевиднымъ, что, несмотря на частыя разногласія, и Левицкій относится ко мнѣ съ бо̀льшимъ довѣріемъ, съ бо̀льшей пріязнію, чѣмъ къ кому-либо. Не скажу, чтобы это была настоящая дружба, но ту степень пріязни, на которую былъ способенъ этотъ человѣкъ—онъ отдавалъ ее мнѣ искренно и безъ фальши.

„На которую былъ онъ способенъ“ сказалъ я. Да, я не хочу рисовать людей въ розовомъ свѣтѣ и, вопреки римской поговоркѣ, нахожу, что о мертвыхъ говорить слѣдуетъ, не скрывая ихъ слабыхъ сторонъ, но—только правду, одну только правду.

Онъ былъ эгоистомъ. И эгоистомъ сдѣлала его жизнь, ужасныя условія жизни, въ которыхъ провелъ онъ свою юность, отчасти молодость.

Всѣ мы, за исключеніемъ немногихъ счастливцевъ, нуждались въ молодости. Всѣмъ намъ приходилось отказывать себѣ иногда даже въ необходимомъ, не говоря уже объ удовольствіяхъ. И это совсѣмъ не вредно для формированія характера; напротивъ того, я нахожу, что разумное воспитаніе должно даже поставить себѣ принципомъ: вырабатывать въ ребенкѣ и юношѣ способность — отказать себѣ въ исполненіи самаго завѣтнаго желанія. Только такое воспитаніе можетъ избавить юношу отъ пресыщенія; только человѣкъ, воспитанный такимъ образомъ, будетъ стойкимъ въ жизненной борьбѣ; только такой человѣкъ не будетъ падать духомъ въ несчастіи; только такой человѣкъ можетъ выйти изъ борьбы побѣдителемъ.

Но всему есть извѣстныя границы, а юность Левицкаго протекала въ условіяхъ, переходящихъ эти границы.

Отецъ Левицкаго былъ полякъ, мать—лютеранка. Объ отцѣ Ле-

вицкій отзывался почти съ ненавистью: мать была брошена имъ съ двумя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ жизни, и выйдя изъ корпуса въ гвардію, въ Павловскій полкъ, Левицкій не только не могъ разсчитывать на какое-нибудь дополненіе къ тогдашнему скудному жалованью прапорщика, но долженъ былъ на это несчастное жалованье содержать семью, чтобы не дать ей умереть съ голода. Нужда была въ полномъ смыслѣ слова ужасная, и мнѣ разсказывалъ бывшій нашъ тихвинскій предводитель дворянства, служившій ранѣе казначеемъ въ Павловскомъ полку, что не разъ приходилось Левицкому занимать у него по три рубля, чтобы было съ чѣмъ послать на базаръ. Объ удовольствіяхъ, объ общеніи съ товарищами и съ кѣмъ бы то ни было — нечего было и думать. Всѣ силы ума надо было напрягать на то, чтобы рѣшить почти невыполнимую задачу: быть прилично одѣтымъ, нести обязательные офицерскіе расходы и не умереть съ голоду, не уморить мать и сестеръ.

Черезъ два года службы и унизительной нужды, Левицкій поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Офицеры Академіи получали усиленное содержаніе; жить стало полегче и, благодаря прекраснымъ отъ природы способностямъ, Левицкій окончилъ курсъ первымъ.

Послѣ Академіи онъ, какъ я упоминалъ, былъ выпущенъ въ гвардейскій генеральный штабъ и сразу набралъ невѣроятное количество уроковъ, чуть не во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

Уроки дали, конечно, возможность жить совсѣмъ по-человѣчески, но они отняли все свободное время. Левицкій умудрился давать 24 урока въ недѣлю, и это помимо занятій въ штабѣ!

Досуга, столь необходимаго для самостоятельнаго мышленія, не оставалось вовсе. Не оставалось времени и для чтенія помимо узкой учительской спеціальности.

Мало того, приходилось не размышлять, не слушать, не мѣняться мнѣніями и убѣжденіями, а поучать, поучать и поучать, — поучать неизмѣнно одному и тому же, сегодня тому же, что говорилъ вчера, что будешь говорить завтра, поучать шаблонно — банальнымъ прописнымъ истинамъ.

Я не знаю дѣятельности, болѣе могущей притупить природныя способности, даже самыя счастливыя, чѣмъ дѣятельность учительская, особенно наукъ словесныхъ, не математическихъ, если она переходитъ извѣстныя грани: человѣкъ по неволѣ становится педантомъ, теряетъ способность слушать, получаетъ наклонность говорить докторальнымъ тономъ, пріобрѣтаетъ самоувѣренность и, выработавъ въ себѣ способность гладко излагать прописныя истины, начинаетъ

считать себя, поэтому, очень умнымъ и слушать только самого себя.

Драгомировъ на своемъ грубомъ, но мѣткомъ жаргонѣ, какъ-то разъ сравнилъ роль учителя, бѣгающаго по лекціямъ, съ работой публичной женщины. И дѣйствительно, какъ та раздаетъ и теряетъ за деньги свою физическую красоту, такъ учитель теряетъ и раздаетъ за деньги свою красоту умственную, если таковая имѣлась въ наличности. Если же ея никогда и не было, то, пожалуй, учительствуй себѣ на доброе здоровье всю свою жизнь до гробовой доски.

По-моему, даже дѣятельность кассира притупляетъ менѣе. Онъ по крайней мѣрѣ не говоритъ, не поучаетъ, да, вдобавокъ, можетъ пользоваться бо́льшимъ досугомъ.

Поступая въ Академію на каѳедру, я до такой степени сознавалъ опасность учительской дѣятельности, что далъ себѣ слово не брать помимо Академіи ни одного урока и, несмотря на множество предложеній — потому что каждому учебному заведенію пріятно имѣть въ числѣ преподавателей лицо изъ академической профессуры — я сдержалъ данное себѣ слово. Я понималъ хорошо, что учительская дѣятельность вырабатываетъ самоувѣренность, способность изложенія, способность быть хорошимъ лекторомъ—а все это для профессора, да и вообще для жизни очень полезно — прибавка къ бюджету за учительскія лекціи была тоже далеко не лишнею; но я не поддался ни на какіе соблазны, и теперь, на старости лѣтъ, благодарю за это Создателя, потому что, послѣ 12 лѣтъ профессуры, но только профессуры, я ушелъ въ жизнь совершенно свѣжимъ, умѣющимъ слушать и способнымъ къ дѣятельности самой разнообразной.

А дѣятельность, дѣйствительно, была разнообразная: я былъ и сельскимъ хозяиномъ, и „прекраснымъ“ хозяиномъ лѣснымъ [1]), и виноградаремъ, и винодѣломъ; былъ и крупнымъ табаководомъ высокихъ сортовъ табака, за который получилъ золотую медаль, и, поставивъ культуру его въ надлежащія условія, доказалъ, вопреки установившемуся мнѣнію, что высокіе сорта табака перерождаются въ Крыму только въ періодъ времени весьма продолжительный; былъ и судебнымъ дѣятелемъ, въ качествѣ предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, городскимъ и земскимъ гласнымъ, немного—писателемъ для сцены [2]); былъ и крупнымъ строителемъ, сначала небольшихъ, потомъ серьезныхъ, даже сводчатыхъ построекъ безъ помощи

---

[1]) Такимъ меня аттестовали въ Государственномъ Дворянскомъ Банкѣ.

[2]) Одна изъ піесъ „Акростихъ“ имѣла выдающійся успѣхъ.

архитектора и даже основалъ первый устричный заводъ въ Россіи (въ Севастополѣ, въ „Новой Голландіи“), который вынужденъ былъ бросить только благодаря неполной доброкачественности компаніона, завѣдывавшаго дѣломъ.

Бѣдный Левицкій, какъ сказано, суровой обстановкой жизни, лишенъ былъ возможности уберечь себя отъ учительства и напряженно упражнялся въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, пока не поступилъ въ Академію на профессуру. Лишь получивъ ее, онъ, благодаря моимъ настояніямъ, бросилъ всѣ лекціи, кромѣ академическихъ.

Но десять лѣтъ были достаточны, чтобы выработать въ немъ узкаго педанта, а нужда, борьба съ нею,—большого эгоиста. Но что это былъ педантъ не прирожденный, не по натурѣ своей, а такъ сказать, благопріобрѣтенный—доказательствомъ можетъ служить то, что онъ почти до конца жизни остался человѣкомъ очень живымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, охотникомъ похохотать, остался человѣкомъ горячимъ, пожалуй нѣсколько суетливымъ и ужь, конечно, лишеннымъ напускной серьезности, столь свойственной прирожденнымъ педантамъ.

Что же касается эгоизма, то онъ проявлялся, и конечно проявлялся несимпатично, въ отношеніяхъ къ товарищамъ и подчиненнымъ, но для семьи, состоявшей изъ старушки матери, двухъ очень милыхъ и умныхъ сестеръ и племянника—для нихъ онъ готовъ былъ работать цѣлые дни; въ семьѣ онъ искалъ пригрѣва, необходимаго всякому смертному—онъ умеръ холостякомъ, хотя на моихъ глазахъ былъ увлеченъ и увлеченъ очень сильно.

III.

Когда мы сдѣлались пріятелями, онъ предложилъ мнѣ перейти на „ты“.

На „ты“ вообще я сходился крайне туго, считая „ты“ выраженіемъ серьезной дружбы, на которую смотрѣлъ всегда съ нѣсколько идеальной точки зрѣнія. Въ дѣтствѣ, въ молодости, я искалъ друзей, да и подъ старость не прочь былъ отъ дружбы. Но сколько разочарованій! Относясь къ людямъ вообще доброжелательно и благодушно, скажу по совѣсти, что, если не обманывался въ чьей-нибудь дружбѣ, то только въ дружбѣ женщинъ вопреки всеобщему мнѣнію о невозможности дружбы между женщиной и мужчиной.

Какъ бы то ни было, но на „ты“ я всегда сходился очень осторожно. Ту же осторожность я видѣлъ и въ Левицкомъ, который

тогда, насколько мнѣ было извѣстно, ни съ кѣмъ не былъ на „ты“. Это мнѣ нравилось, и мы выпили брудершафтъ.

Впослѣдствіи Казиміръ, когда получилъ полкъ, пошелъ въ гору и сталъ участвовать въ кутежахъ почти обязательныхъ, сошелся на „ты“ съ многими и, между прочимъ, со Скобелевымъ.

Впрочемъ, конечно, Казиміръ былъ на „ты“, какъ и я, со своими товарищами по корпусу, а я еще и съ товарищами по Гродненскому гусарскому полку, въ которомъ почти всѣ были на „ты“.

Итакъ, мы сдѣлались пріятелями.

Между нами было много общаго, но еще гораздо болѣе—свойствъ прямо противоположныхъ, и это послѣднее обстоятельство, кажется, особенно способствовало нашему сближенію. Оба мы были молоды, почти ровесники, полны силъ, здоровья, выносливы, дѣятельны, живого характера, впечатлительны, нервны, не скучны, не надуты, просты въ обращеніи, не лживы, искренни. Но этимъ сходство и ограничивалось.

Казиміръ, какъ упомянуто, терпѣлъ въ молодости крайнюю нужду. Не обладая большими средствами, нужды, настоящей нужды, я никогда, однако, не испытывалъ.

У Казиміра не было знакомствъ, кромѣ служебныхъ. У меня было много пріятелей, и я постоянно вращался въ женскомъ обществѣ.

Сталкиваясь съ людьми, я зналъ жизнь, понималъ людей гораздо лучше, чѣмъ Казиміръ, хотя былъ моложе его.

Онъ не зналъ народа, деревни—вовсе. Какъ помѣщикъ и лѣсной охотникъ съ дѣтства, обожавшій лѣсъ и деревенскую жизнь, проводившій съ крестьянами цѣлые дни, а ночи въ ихъ избахъ, я превосходно изучилъ сѣвернаго мужика и могъ говорить его языкомъ такъ, что часто, скитаясь по лѣсамъ, вводилъ въ заблужденіе даже крестьянъ относительно своего происхожденія и общественнаго положенія.

Я былъ горячимъ русскимъ патріотомъ и часто болѣлъ нравственно за свою родину. Онъ—честно и добросовѣстно, съ большимъ усердіемъ относился къ своему военному дѣлу и, конечно, не измѣнилъ бы ни за милліоны знамени, которому служилъ, но если бы его поставили подъ знамена не русскія, а нѣмецкія, или даже турецкія—онъ служилъ бы имъ съ неменьшимъ усердіемъ.

Характера живого, впечатлительнаго, онъ былъ скоръ въ своихъ рѣшеніяхъ, но, принявъ рѣшеніе, поддавался сомнѣніямъ, вѣчно колебался, отчего суетился самъ и суетилъ другихъ. Еще болѣе живой, впечатлительный и горячій, я всегда, съ ранней молодости, старался выработать въ себѣ самообладаніе, старался не быть торопливымъ въ рѣшеніяхъ, но за то, рѣшившись однажды, безъ

очевидной необходимости, никогда не позволялъ себѣ уклоняться въ сторону, и если даже возникали сомнѣнія, не поддавался имъ, гналъ ихъ отъ себя, а рѣшенія не измѣнялъ. Сказалась ли въ этомъ свойствѣ примѣсь норманской крови (прадѣдъ мой былъ датчанинъ), или чтеніе, уроки исторіи (которою увлекался) и жизнь выработали во мнѣ это качество—сказать не сумѣю, но это было такъ. Къ тому же охота, скитанья по лѣсамъ и связанныя съ этимъ приключенія, а иногда даже опасности выработали во мнѣ способность принимать быстрыя рѣшенія и, въ серьезныхъ случаяхъ, подавлять свою природную горячность, замерзать, леденѣть и превращаться въ самаго хладнокровнаго, спокойнаго изъ смертныхъ. Способность эта въ Казимірѣ отсутствовала вовсе, какъ я ни рекомендовалъ ему выработать ее въ себѣ.

Вообще надо сказать, онъ былъ нерѣшителенъ. Меня, въ молодости, въ нерѣшительности никто не могъ бы упрекнуть.

Онъ былъ педантомъ. Я никогда не могъ понять этого свойства нѣкоторыхъ, очень почтенныхъ людей.

Я всею душею любилъ науки, особенно естественныя, любилъ свою спеціальность. Онъ даже къ своей спеціальности относился, какъ добросовѣстный ремесленникъ.

Вообще интересы его были узки; онъ интересовался только своимъ личнымъ и военнымъ дѣломъ. Ни сцена, ни музыка, ни живопись, ни даже литература—его не трогали, даже не занимали. Я страстно любилъ сцену, былъ премьеромъ любительскихъ спектаклей, обожалъ пѣніе, живопись, скульптуру, не говоря уже о литературѣ, поэзіи.

Отъ Казиміра я никогда не слышалъ ни одного стихотворенія, а самъ зналъ ихъ множество, цѣлыя пьесы наизусть и часто сокращалъ часы скуки и одиночества, особенно въ дорогѣ и на охотѣ, чтеніемъ любимыхъ стиховъ вслухъ самому себѣ.

Онъ интересовался только военнымъ дѣломъ и то лишь въ узкихъ рамкахъ. Я интересовался всѣмъ.

Онъ не понималъ спорта. Я страстно отдавался охотѣ, плаванію, гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, волтижированію.

Вообще онъ чуждъ былъ увлеченій. Я увлекался всѣмъ на свѣтѣ, кромѣ пьянства и карточной игры.

Даже въ своемъ, военномъ дѣлѣ, онъ весь былъ въ деталяхъ; плохой аналитикъ — онъ совсѣмъ неспособенъ былъ къ синтезу; способность дедукціи въ немъ отсутствовала. Человѣкъ пылкаго воображенія, даже фантазіи, я ненавидѣлъ копаться въ мелочахъ, и хотя съ юности привыкъ къ наблюдательности и анализу, но

всегда искалъ обобщеній, смѣлыхъ выводовъ, увлекательныхъ дедукцій, синтезовъ.

Онъ равнодушно относился къ красотѣ, даже къ красотѣ природы, даже (за однимъ лишь исключеніемъ)—къ красотѣ женщины. Я страстно реагировалъ на красоту, въ чемъ бы она ни проявлялась. Не говоря уже о природѣ, живописи, скульптурѣ—всякое красивое зданіе, всякое красивое животное, всякій красивый человѣкъ останавливали мое вниманіе, заставляли любоваться собой. Что же касается женской красоты, то на жертвенникъ ея я всегда готовъ былъ положить всего себя и, помимо легкихъ увлеченій, не разъ отдавался этой богинѣ всецѣло.

Плохо понимая людей, Казиміръ совсѣмъ не зналъ женскаго сердца и жилъ почти аскетомъ. Я изучилъ прекрасную половину человѣческаго рода настолько, насколько только можно изучить этого сфинкса, и съ увлеченіемъ пользовался пріобрѣтеннымъ знаніемъ.

Но, въ пору нашего съ Казиміромъ сближенія, я былъ только-что женатъ, высоко цѣнилъ несомнѣнныя достоинства своей жены, которая, какъ и я, относилась къ Казиміру очень сердечно, и онъ сталъ нашимъ постояннымъ гостемъ.

А. Витмеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Послѣднія минуты Суворова.

Извѣстно, что послѣдніе дни своей жизни Суворовъ прожилъ въ Петербургѣ по Крюкову каналу въ домѣ виршеслагателя графа Дм. Ив. Хвостова [1]), который приходился ему племянникомъ. Здѣсь, отходя въ вѣчность и чувствуя приближеніе своей кончины, старикъ-народный герой прощался съ близкими; для этого они, входя въ его комнату поодиночкѣ изъ сосѣдней комнаты, подходили къ его постели.

Прощаясь съ Хвостовымъ, онъ очень нѣжно и трогательно высказывалъ ему свои назиданія и пожеланія:

„Митя, оставь свою привычку къ стихотворству, дорогой мой, не приведетъ она къ добру; посмотри,—кромѣ насмѣшекъ, которыми тебя за нихъ всѣ дарятъ, ничего изъ нихъ не выходитъ; брось, прекрати, ради меня"... нѣжно умолялъ старикъ.

Проливая горькія слезы и цѣлуя руки дядюшки, расчувствовавшійся племянникъ высказывалъ полное свое согласіе съ тѣмъ, что хорошаго изъ его стихотворства ничего не выходило и не выйдетъ; онъ какъ бы каялся искренно и горячо; при чемъ, всхлипывая и рыдая, говорилъ: „слушаю, слушаю"; умиравшаго дядю это умилило.

Когда же, окончивъ прощаніе, Хвостовъ вышелъ къ томившимся роднымъ, и они, одинъ передъ другимъ въ перебой, разспрашивали, каково старецъ себя чувствуетъ и о чемъ говоритъ, глубокоразстроившійся, нѣжный племянникъ, неизмѣнно всѣмъ и каждому отвѣчалъ, заливаясь горькими слезами:

— Ахъ, Боже мой, бѣдный дядюшка бредитъ, все время бредитъ...

Сообщ. А.

---

[1]) Впослѣдствіи домъ этотъ принадлежалъ извѣстному картежнику Евграфу Глинкѣ.

Записки сенатора Есиповича [1]).

(Окончаніе).

17 декабря 1896 г.

Слава Богу, мнѣ пришла мысль о новой научной работѣ, а именно: разслѣдовать, есть ли предѣлъ человѣческому знанію? Не знаю, успѣю ли я и въ состояніи ли я выполнить эту работу. Но тема эта очень увлекательна. Съ разрѣшеніемъ ея можетъ быть достигнутъ очень важный результатъ.

Въ настоящее время почти всѣ самые популярные ученые не могутъ примириться съ мыслью, что не все доступно человѣческому знанію и уму, и потому, не стѣсняясь никакими препятствіями, они или отвергаютъ то, что не можетъ быть объяснимо, или объясняютъ такъ, что въ самомъ объясненіи заключается отрицаніе объяснимаго. Напримѣръ, спросите ихъ, что такое человѣческая душа, они отвѣтятъ, что души нѣтъ, или душа есть результатъ послѣдствій отъ дѣйствія мозговыхъ клѣточекъ. Но сказать, что онъ не знаетъ, что такое душа, почти никто не рѣшится.

Вслѣдствіе такой щепетильности ученыхъ, самыя великія и полезныя открытія въ природѣ обращаются на искаженіе понятій о самомъ человѣкѣ, который приравнивается или къ животнымъ вообще или къ механическимъ манекенамъ. Объ этомъ я напечаталъ въ книгѣ „Итогъ жизни“ (стр. 13—19). Здѣсь же напечатано и мнѣніе мое, что необъяснимое въ природѣ должно быть не отвергаемо, а признаваемо существующимъ фактомъ, котораго объяснить нельзя, но нельзя и отвергнуть, если мы убѣдились въ дѣйствительности существованія этого факта. Душа въ человѣкѣ есть, это безспорно для каждаго безпристрастнаго и свободнаго отъ предразсудковъ и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1909 г.

предубѣжденій изслѣдователя, но что она такое и какъ она соединилась съ человѣческимъ тѣломъ, этого никто не знаетъ.

Установите неизбѣжность этого незнанія, какъ безспорный фактъ, и вы удалите съ ученой арены всякую попытку обращать человѣка въ обыкновенное матеріальное животное, ибо не будетъ уже препятствія откровенно и прямо объяснить, что хотя дѣйствительно душа человѣческая, вовсе нетождественная съ животными, существуетъ несомнѣнно, но мы не въ состояніи опредѣлить, что такое эта душа и какъ она соединилась съ матеріальнымъ человѣческимъ организмомъ. Мы этого не знаемъ и не узнаемъ никогда потому, что этого никто не зналъ, не знаетъ и не узнаетъ на землѣ. Слѣдовательно, незнаніе не предосудительно ни для кого, какъ бы ни былъ кто ученъ. А чтобъ установить непреложность этого незнанія, какъ безспорный и естественный фактъ, надо рѣшить вопросъ, есть ли предѣлъ человѣческому знанію въ сферѣ природы и дѣятельности духа, души и вообще духовно-безплотнаго міра.

Обратимся къ другой средѣ. Есть ли жители на другихъ планетахъ, кромѣ земли? Теперь объ этомъ создаются только гипотезы. Но было время, что и существованіе планетъ было ничѣмъ инымъ, какъ гипотезою. Достигнемъ ли мы того, чтобъ для насъ существованіе жителей на другихъ планетахъ перестало быть гипотезою, а обратилось въ фактъ положительный или безспорно отрицательный? Для разрѣшенія вопроса о возможности убѣдиться въ томъ или другомъ, необходимо разрѣшить вопросъ, есть ли предѣлъ знанію человѣческому относительно внѣшняго матеріальнаго міра и даже относительно всей вселенной?

Приведемъ примѣръ еще изъ третьей смѣшанной среды, гдѣ духовное слито съ матеріальнымъ.

Умъ человѣческій очень неохотно доходитъ до сознанія, или вѣрнѣе до признанія своей безпомощности понять, объяснить, опредѣлить, устроить или устранить что-нибудь и въ этой средѣ. Но есть однако же вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ онъ отказался послѣ долгихъ безплодныхъ и тщетныхъ попытокъ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о жизненномъ элексирѣ. Долго и усиленно работали надъ этимъ вопросомъ ученые люди, но наконецъ должны были оставить его нерѣшеннымъ, потому что невозможность разрѣшить этотъ вопросъ раскрылась такъ сказать матеріально: какихъ элексировъ ни выставляли, ни одинъ не далъ того, чего отъ него ожидали. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ пришлось убѣдиться, во-первыхъ: въ нераціональности домогаться, чтобъ тѣло человѣческое, состоящее изъ единенія различныхъ матеріальныхъ элементовъ, удержать элекспромъ навсегда въ томъ же самомъ составѣ, тогда

какъ, по закону природы, эти элементы, неудержимо отдѣляясь въ свое время одинъ отъ другого, и безъ элексира не уничтожаются, а отходятъ каждый въ свою среду и, во-вторыхъ: въ безуміи искать для души жизненнаго элексира, когда она и безъ всякаго элексира сама по себѣ безсмертна.

А сколько времени, трудовъ, пожертвованій и усилій было употреблено на добываніе этого элексира, тогда какъ ничего этого не было бы, если бы былъ разрѣшенъ вопросъ о предѣлѣ для человѣческаго знанія и ума въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи передѣлывать природу по отношенію къ тѣлу и создавать по отношенію къ душѣ то, что въ ней само собою, безъ нашихъ заботъ и хлопотъ, уже существуетъ.

И такъ вопросъ о предѣлѣ человѣческому знанію вовсе не праздный, не безплодный, не придуманный, а самъ собою возникающій среди многообразныхъ наслоеній человѣческаго знанія и настоятельно требующій разрѣшенія.

Во все продолженіе всемірной исторіи люди стремились пріобрѣсти знаніе о Богѣ, о человѣкѣ, объ окружающей его внѣшней природѣ на землѣ, о тѣхъ частяхъ вселенной, которыя были видимы имъ, и о безплотномъ невидимомъ мірѣ.

Богъ въ величіи своемъ и съ присущимъ Ему безконечнымъ совершенствомъ не могъ и никогда не можетъ быть постигнутъ человѣческимъ знаніемъ, а потому люди, сначала не зная того, что возвѣстилъ лишь Спаситель о духовности Бога („Богъ есть духъ, и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ“, Еванг. отъ Іоанна гл. 4 ст. 24), а потомъ, не понявъ этой великой истины или забывъ о ней, представляли и продолжаютъ представлять себѣ Бога въ матеріальномъ образѣ, приписывая тѣ именно качества, которыми сами преимущественно отличались. Кровожадные приписывали ему кровожадность и надѣялись угодить ему кровавыми жертвами, даже человѣческими; мстительные—мстительность и полагали, что заслужатъ его благоволеніе истребленіемъ своихъ враговъ; даже послѣ возвѣщенія божественнымъ учителемъ, Богочеловѣкомъ, закона любви и милосердія, міръ только на словахъ повторяетъ этотъ законъ, а на дѣлѣ почти всегда поступаетъ противъ него. Ясно изъ этого, что всѣ усилія ума человѣческаго должны быть устремлены, чтобъ понять этотъ законъ и въ точности выполнять его. Въ этомъ предѣла человѣческому знанію и уму быть не должно, потому что и любовь и милосердіе безпредѣльны и безконечны.

Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Тѣло его относится къ матеріальной природѣ. Относительно его, такъ же, какъ относительно внѣшней матеріальной природы на землѣ и на другихъ планетахъ

и вообще во всей вселенной предѣла человѣческому знанію быть не можетъ, а расширяется оно и будетъ неудержимо расширяться по мѣрѣ развитія и совершенствованія какъ ума человѣческаго, такъ и тѣхъ пособій, которыя онъ пріобрѣтаетъ и будетъ пріобрѣтать для познанія всего, что есть матеріальнаго во вселенной, насколько оно ему можетъ быть видимо.

Душа человѣческая есть духъ невидимый, но проявляющійся при жизни человѣка на землѣ, посредствомъ физическихъ органовъ того организма, въ которомъ она пребываетъ, а потому, посредствомъ наблюденія этихъ проявленій и анализа ихъ, умъ человѣческій можетъ составить себѣ понятіе о силахъ и дѣятельности души, хотя никогда не достигнетъ того, чтобъ увидѣть ее тѣлесными очами. Понятно, почему духъ невидимъ. Мы не знаемъ, что такое духъ. Мы можемъ убѣдиться только въ томъ, что онъ существуетъ. Но представить его себѣ мы не можемъ.

Не зная, что такое духъ, мы не знаемъ и того, что такое душа человѣческая и какъ она соединяется съ человѣческимъ тѣломъ. Это составляетъ для насъ непроницаемую тайну. Еще болѣе непроницаемую тайну составляетъ для насъ то, какъ и почему 19 вѣковъ тому назадъ съ человѣческимъ тѣломъ могла соединиться душа, исполненная такой чистой, святой, всеобъемлющей любви и такого безусловнаго, безконечнаго милосердія ко всему человѣчеству, какія проявились исключительно только въ душѣ Іисуса Христа, вполнѣ справедливо, даже внѣ мистическаго религіознаго вѣрованія, именуемаго Богочеловѣкомъ по его безконечному и безпримѣрному совершенству и Спасителемъ міра по его дѣламъ и ученію, пересоздающему и обновляющему весь строй и смыслъ духовной и нравственной жизни на землѣ, ученію, столь совершенному, что оно не могло быть осуществлено даже отчасти всѣмъ человѣчествомъ, несмотря на то, что этому ученію исполнится скоро 2.000 лѣтъ.

Что касается безплотнаго невидимаго міра, къ которому относятся и души умершихъ, то мы уже разъяснили въ „Итогѣ жизни“ (стр. 78 до 87), что онъ недоступенъ знанію и лежитъ внѣ его предѣловъ.

Вотъ конспектъ предпринимаемой мною работы.

1901 г. ноябрь.

Въ области человѣческаго мышленія существуетъ такая странность, что почти всѣ вѣрующіе убѣждены, что только на ихъ сторонѣ правда, что только тѣ спасутся, кто вѣруетъ, какъ они, а всѣ другіе будутъ осуждены за неправую вѣру. Если бы это было такъ, то это было бы прискорбно для всѣхъ безъ исключенія потому, что

какая бы ни была чья вѣра, адептовъ ея гораздо менѣе въ сравненіи съ тѣми, кто не признаетъ ея. Слѣдовательно, каждый вѣрующій находится въ меньшинствѣ, подавляемомъ громаднѣйшимъ большинствомъ вѣрующихъ не такъ, какъ онъ вѣруетъ.

Но думается мнѣ, что предположеніе о неминуемой гибели всѣхъ, кто вѣруетъ не такъ, какъ мы, ошибочно. Ошибочно оно потому, что въ этомъ предположеніи все сводится къ вопросу о томъ, чему кто вѣруетъ, а не къ тому, каковъ тотъ самъ, кто вѣруетъ чему бы то ни было. Не то важно, что человѣкъ говоритъ: „я вѣрую тому или тому“, а важно то, что этотъ человѣкъ дѣлаетъ въ жизни и для жизни, для себя и для другихъ. Важно, чтобъ человѣкъ былъ человѣкомъ человѣчнымъ, а не звѣремъ или змѣею, ненавидящими всѣхъ и вредными для всѣхъ.

Я, впрочемъ, писалъ объ этомъ въ изданной мною книгѣ „Итогъ жизни“.

Что касается вѣры каждаго человѣка, то и надѣяться невозможно, чтобъ она была въ комъ-либо совершенно правильна, чиста и достойна того всесовершеннаго существа, которое мы называемъ Богомъ и которому всѣ должны вѣровать. Если всякій хотя сколько-нибудь благоразумный человѣкъ не станетъ наказывать своего глупаго, зависящаго отъ него, мелкаго служителя за то, что тотъ называетъ его, своего господина, не такъ, какъ слѣдуетъ, то можно ли допустить, чтобы тоже всесовершенное существо, какимъ мы признаемъ всемогущаго, предвѣчнаго Духа, называемаго нами Богомъ, погубило бы насъ за то, что мы не въ состояніи были понять всѣхъ его совершенствъ и поклонялись ему въ такихъ образахъ и видахъ, какіе вовсе не достойны быть его представителями. Если у людей понятія о совершенствѣ и достоинствѣ даже такихъ обыкновенныхъ предметовъ, которые у нихъ всегда передъ глазами, постоянно расходятся и противорѣчатъ одни другимъ, то возможно ли требовать отъ всѣхъ, чтобъ ихъ понятія о совершенствахъ невидимаго для нихъ всемогущаго и всесовершеннаго Бога вполнѣ совпадали и были одни и тѣ же?

Очевидно, что этого ни требовать, ни ожидать нельзя и потому, что люди не въ состояніи даже сойтись въ томъ, что слѣдуетъ считать совершенствомъ и что недостаткомъ. Въ чемъ для одного красота, въ томъ для другого безобразіе, чего одинъ ищетъ, того другой избѣгаетъ и т. д.

Только въ нравственномъ отношеніи тысячелѣтія исторіи выработали немногія положенія, которыя всѣмъ или почти всѣмъ извѣстны, хотя и не всѣ ими руководствуются. Къ такимъ положеніямъ относится, напримѣръ, правило: „не дѣлай никому того, чего

себѣ не желаешь ни отъ кого"—„дѣлай для другихъ то, что желалъ бы получить самъ, если бы находился въ положеніи тѣхъ другихъ" и т. п.

Исполненіе этого можно требовать отъ каждаго, кто не идіотъ и не сумасшедшій. Если инквизиторъ сжигаетъ еретика за то, что тотъ читаетъ символъ вѣры не такъ, какъ предписываетъ римско-католическая пропаганда, то онъ, инквизиторъ, несомнѣнно жестокосердый убійца и преступникъ, потому что онъ ужь, конечно, не можетъ желать себѣ самому, чтобы его посадили турки на колъ за то, что онъ не вѣруетъ въ ихъ Магомета. Слѣдовательно, онъ убиваетъ другого человѣка за то, за что самъ вовсе не желаетъ быть убитымъ.

А потому можно придти къ такому заключенію, что отсталый по вѣрѣ отъ всего человѣчества язычникъ, но язычникъ благодушный, милосердный и человѣчный, будетъ имѣть на посмертномъ судѣ болѣе шансовъ для оправданія, нежели самый правовѣрный, но жестокосердный и безчеловѣчный магометанинъ или корыстолюбивый и вѣроломный еврей-талмудистъ, считающій для себя все позволительнымъ противъ гоя-иновѣрца.

Извѣстно, что почти всѣ основатели религіозныхъ сектъ не только въ темныя древнія, но и въ новѣйшія времена облекали себя сами, а особенно ихъ адепты облекали ихъ въ такой апоѳеозъ, который только вредилъ имъ въ глазахъ безпристрастныхъ постороннихъ людей, тогда какъ появленіе такихъ религіозныхъ ученій, которыя получили обширное и твердое распространеніе, могло бы быть объяснено гораздо проще мѣстными историческими причинами. Поразительное доказательство этому представляетъ магометанская религія, которая исповѣдуется сотнями милліоновъ людей до послѣдняго времени; исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ только одна христіанская религія, появленіе которой вызвано не временною какою-либо историческою необходимостію, а предзнаменовано чаяніемъ человѣчества съ древнѣйшихъ временъ по причинѣ ея неизмѣнной вѣчной необходимости для счастія человѣчества осуществленіемъ закона любви и милосердія, составляющаго основу человѣческой природы, въ отличіе ея отъ природы чисто животной или чисто матеріальной.

1902 г. февраль.

Въ книгѣ своей: „Итогъ Жизни" я писалъ: „что дѣлается съ душею послѣ оставленія ею тѣла, объяснить это никакая наука не въ состояніи". — Но если вѣренъ выводъ Луи Фигье, что смерть не оканчиваетъ ничего, что она составляетъ только простой феноменъ, который не прерываетъ продолжаемости существованія чело-

вѣческой личности, то мы, и не имѣя возможности разъяснить этотъ вопросъ вполнѣ, можемъ приблизиться хотя къ предъугаданію его разъясненія. На основаніи упомянутаго вывода Фигье, мы имѣемъ право думать, что существованіе нашей личности и послѣ смерти продолжается съ тѣми измѣненіями, какія произвела въ немъ смерть. Главное и существенное измѣненіе состоитъ, разумѣется, въ томъ, что душа наша отдѣляется отъ тѣла и, лишившись его услугъ, освободилась и отъ его гнета. Такъ какъ во время ея земной жизни, всѣ сношенія ея съ внѣшнимъ матеріальнымъ міромъ происходили посредствомъ физическихъ матеріальныхъ органовъ, то съ утратою этихъ органовъ прекращаются и сношенія ея съ матеріальнымъ міромъ, но зато должны раскрыться для нея сношенія съ міромъ духовнымъ, которыя во время земной ея жизни могли только предчувствоваться, но не сознаваться ею вполнѣ и опредѣленно. Подготовленіе къ этому мы можемъ наблюдать и въ земной жизни нормальныхъ стариковъ: въ нихъ очевидно ослабѣваютъ и мало по малу прекращаютъ свою дѣятельность всѣ тѣ матеріальные органы, которыми они входили въ сношенія съ земнымъ матеріальнымъ міромъ, но зато усиливается возможность пониманія міра духовнаго. Для нихъ становится доступнѣе и понятнѣе идея всемогущаго и предвѣчнаго Духа, который есть вселенскій Богъ. Они начинаютъ понимать, что воля этого Духа, господствовавшая надъ ними во время настоящей жизни, будетъ господствовать и въ будущей, съ тою лишь разницею, что въ будущей жизни они можетъ быть будутъ лучше понимать эту божественную волю и вѣрнѣе исполнять ее. А въ исполненіи ея и можетъ состоять ихъ блаженство, такъ какъ эта воля не можетъ быть иною, какъ всеблагою, все охраняющею и все спасающею, ибо всемогущему существу должна быть присуща благость безграничная и безконечная.

Мартъ 1902 г.

„Старости нѣтъ, есть только лѣность“ Il n'y a pas de vieillesse, il y a seulement la paresse.

Вотъ слова, которыя приписываютъ графу Бергу, бывшему генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ. Если онъ дѣйствительно повторялъ эту фразу, то надо думать, что онъ повторялъ ее, не достигнувъ настоящей старости; я такъ же, какъ и онъ, любилъ до недавняго времени повторять ее, но теперь я уже не повторяю ея.

Мнѣ 80-ый годъ. Я убѣждаюсь, что старость дѣйствительно существуетъ, и что „старость не радость“, какъ говоритъ русская поговорка, гораздо болѣе подходящая къ дѣйствительности, нежели фраза, приписываемая гр. Бергу.

Старость не радость, потому, что у нея нѣтъ будущаго на землѣ, слѣдовательно, нѣтъ иллюзій, а безъ иллюзій какія же радости?

Мнѣ 80-й годъ. Умъ ясенъ, память довольно вѣрна, но слабъ физическій организмъ, я быстро утомляюсь. Да, къ сожалѣнію, пора и утомиться: скоро будетъ 60 лѣтъ, что я состою на государственной службѣ, которая для меня никогда, буквально никогда, не была синекурою, а всегда была постояннымъ, дѣйствительнымъ трудомъ. Но и теперь я не рѣшаюсь отказаться отъ своей обычной работы и до сихъ поръ уже 20-ый годъ остаюсь первоприсутствующимъ сенаторомъ во 2-мъ департаментѣ Сената, а въ послѣдній годъ и въ 1-мъ общемъ собраніи, не рѣшаюсь отказаться потому, что для меня страшна та пустота и та праздность, которыя неизбѣжно наступятъ за такимъ отказомъ. А между тѣмъ продолжать эту работу страшно, особенно потому, что я могу потерять зрѣніе на правый глазъ, какъ потерялъ его на лѣвый.

Въ виду такой альтернативы: или ослѣпнуть на работѣ или отупѣть въ праздности и пустотѣ — и проходятъ для меня тяжкіе дни моей настоящей жизни. Ни будущаго, ни надеждъ, ни иллюзій!..

Остаются однѣ грезы о минувшемъ, но и онѣ не могутъ же быть безконечными и неистощимыми, не говоря уже о томъ, что къ нимъ примѣшиваются часто сожалѣнія, что не сдѣлалъ всего, что могъ бы и долженъ былъ сдѣлать, и что наоборотъ иногда дѣлалъ именно то, чего могъ бы не дѣлать.

Отсюда раскаянье и тревога въ душѣ.

Сѣятель, что ты сѣялъ? Гдѣ твои плоды? Зачѣмъ ты сѣялъ рожь, а не цвѣты, или наоборотъ?

Человѣку, предъ которымъ ежеминутно можетъ упасть завѣса, отдѣляющая его отъ будущей жизни, невольно представляется мысль о необъятности того, что передъ нимъ откроется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сомнѣніе въ томъ, согласна ли была его прошлая жизнь съ тою, которая предстоитъ ему въ будущемъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для него можетъ служить надежда, что, несмотря на ничтожность всей своей прошлой жизни, онъ внесъ хотя крупинку добра въ разнородную массу всего, что нажито человѣчествомъ. Но внесъ ли онъ эту крупинку и почему только одну, а не двѣ и три? И почему ту, а не другую?

26 іюля 1904.

Завтра будетъ полгода, какъ началась японская война. Начали эту войну, разумѣется, не мы. Мы ея не желали, не ожидали и не готовились къ ней. Впрочемъ, мы не бываемъ готовы ни къ какой войнѣ. Мы всѣ войны ведемъ, такъ сказать, экспромптомъ и всегда

начинаемъ отстрѣливаться заржавѣвшими ружьями. Какъ бы ни кончилась эта война, но начало ея по справедливости должно бы войдти въ историческую пословицу: „Не готовъ, какъ русскіе передъ японской войной“. Это могло бы вообще означать небрежнаго человѣка, который, несмотря на видимыя и долгія приготовленія его враговъ погубить его, не принялъ никакихъ мѣръ осторожности, не говоря уже о мѣрахъ отвращенія или предупрежденія надвигающейся на него грозы.

Японія почти 10 лѣтъ готовилась къ войнѣ противъ насъ, а мы о ея приготовленіяхъ ничего не знали и знать не хотѣли. Да и тогда, когда она вѣроломно, даже безъ объявленія войны, ворвалась, приступивъ къ тайнымъ взрывамъ нашихъ военныхъ судовъ, мы ахнули не за себя, за нее—безразсудную маленькую Японію, которая съ своими 50 милліонами жителей смѣла оказать такую дерзость 150 милліонамъ жителей Русской имперіи. И только теперь мы поняли, что наши 150 милліоновъ жителей разбросаны за тысячи верстъ отъ театра начавшейся войны, а японскіе 50 милліоновъ вплотную стоятъ противъ этого театра, на которомъ наши военныя силы были въ десять, въ двадцать разъ малочисленнѣе японскихъ.

Надо удивляться, какъ могли наши ничтожныя силы на дальнемъ востокѣ выдерживать до сихъ поръ натискъ японскихъ полчищъ, и какъ еще японцы не завладѣли до сихъ поръ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ они хотятъ завладѣть, тѣмъ болѣе, что ведутъ противъ насъ настоящую войну не одни японцы, а вмѣстѣ съ ними и ихъ тайные союзники, англичане, сѣверо-американцы и китайцы, трое послѣднихъ, не объявляя намъ войны, а всемѣрно помогая японцамъ подъ прикрытіемъ нейтральнаго флага.

Это что-то невѣроятное по безстыдству нашихъ явныхъ и тайныхъ враговъ и по противоположной ему нашей щепетильности въ соблюденіи средневѣковыхъ рыцарскихъ пріемовъ: напр., русскій казачій разъѣздъ изъ 20 казаковъ подъ командою одного офицера встрѣчается съ японскимъ разъѣздомъ изъ 4-хъ японцевъ подъ командою тоже одного офицера. При такомъ неравенствѣ силъ, русскій офицеръ находитъ противнымъ рыцарской чести броситься на японцевъ и уничтожить ихъ, а предлагаетъ японскому офицеру вступить съ нимъ въ единоборство, послѣдній, разумѣется, соглашается, но едва только они выѣхали другъ противъ друга, какъ съ японской стороны раздались выстрѣлы, положившіе русскаго офицера на мѣстѣ, да въ то же время выдвинулись изъ засады и японская пѣхота, отъ которой едва, едва спаслись русскіе казаки, но уже безъ команды своего рыцарскаго командира.

*

При такихъ условіяхъ, кажется, намъ придется долго ждать, когда мы будемъ въ правѣ сказать: Rira bien, qui rira le dernier,— а теперь враги наши смѣются только надъ нами, какъ смѣются безчестные выжиги лицемѣры надъ обкрадываемымъ ими честнымъ простакомъ.

Враги наши любятъ выпускать на насъ карикатуры. Одна изъ нихъ, изстари повторяемая каждымъ изъ начинавшихъ противъ насъ войну, представляетъ русскаго колосса съ глиняными ногами. Представленіе совершенно нелѣпое и вполнѣ опровергаемое просто ежедневною дѣйствительностію. Если ногами и руками государства считать его простой народъ, его солдатъ, его матросовъ и т. п., то кто же въ здравомъ умѣ рѣшится сказать, что они у насъ глиняные, такъ какъ они отличаются почти нечеловѣческою терпѣливостію и выносливостію всѣхъ матеріальныхъ, физическихъ трудностей. Но и друзья и враги Россіи иногда представляютъ ее колоссомъ съ наивной дѣтской головкой, очень бодренькой, но очень неразсудительной и неспособной предвидѣть умышляемыхъ противъ нея козней. Если бы оно было и такъ, то вѣчно это продолжаться не можетъ: научится же дѣтская головка быть разсудительнѣе и предусмотрительнѣе.

20 августа 1904 г.

Въ жизни святыхъ читаемъ: „обѣтъ молчанія,—затворъ“.—Какія это тяжкія и мучительныя лишенія. Человѣкъ лишаетъ себя и другихъ именно того, для чего люди созданы въ мірѣ. Созданы они для общенія съ людьми, для передачи и пріема отъ другихъ всего, что есть лучшаго,—и вотъ онъ отказываетъ всѣмъ и себѣ въ передачѣ добрыхъ мыслей, совѣтовъ, убѣжденій!.. Кому и для чего такое лишеніе нужно и полезно? Со стороны яраго и свирѣпаго пропагандиста такое лишеніе было бы, конечно, очень желательно, но со стороны святаго? Не понимаю.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Глава III[1]).

Поѣздка на Кавказъ въ 1869 году. — Москва.—Кіевъ.—Пещеры.—Андреевскій и Софійскій соборы.—Одесса.—Пароходъ „Великая Княгиня Ольга“.—Берега Крыма, Кавказа, Поти.—Плаваніе по Ріону.—Кутаисъ.—Сурамскій перевалъ.—Горы.—Тифлисъ.—Жизнь въ гостяхъ у Великаго Князя Намѣстника.—Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна.—Обѣдъ со свитою Намѣстника въ Муштаидѣ. — Охота въ Караясахъ.—Смотръ Нижегородцевъ.

Въ 1869 г. 15-го марта Его Высочество Вел. Князь Николай Николаевичъ поѣхалъ на Кавказъ съ тѣмъ, чтобы навѣстить своего брата Вел. Кн. Михаила Николаевича, попутно осмотрѣть: запасныя кавалерійскія бригады, государственные конные заводы и табунное коневодство на Кавказѣ и въ задонскихъ степяхъ. Путешествіе это было очень интересно, а потому опишу его, какъ образецъ путешествій Вел. Князя по Россіи до кампаніи 1877 и 1878 года.

16 марта утромъ мы благополучно прибыли въ Москву; здѣсь еще стояла зима. Насъ встрѣтили на жел. дорогѣ начальство Первопрестольной Столицы и экипажи, въ кот. мы отправились въ только что созданный Зоологическій Садъ, находившійся подъ покровительствомъ Его Высочества.

Звѣрей было не много; забавны были: тигры, 18-ти мѣсячный слонъ и носорогъ, остальное все еще ожидалось въ будущемъ. Въ 4 часа Его Высочество обѣдалъ во дворцѣ, а въ 6 мы выѣхали съ Курскаго вокзала на Кіевъ. Съ нами ѣхали до Кіева англійскій посолъ Буккананъ съ супругою, очень забавные и милые старички, а также Анна Карловна Пилларъ. Обѣдали въ Курскѣ, а т. к. путь впереди былъ свободенъ, то Его Высочество изъявилъ согласіе на

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1909 года.

предложеніе начальника дороги — ѣхать впереди почтоваго поѣзда. По выѣздѣ изъ Курска мы, весело болтая, дѣлали визиты по вагонамъ нашимъ англичанамъ и Аннѣ Карловнѣ. Не успѣли мы отойти на три станціи отъ Курска, какъ Вел. Князь получилъ депешу, что слѣдовавшій за нами поѣздъ провалился на мосту въ рѣку Сеймъ, или вѣрнѣе мостъ обрушился подъ поѣздомъ, и локомотивъ съ багажнымъ и почтовымъ вагонами полетѣли въ рѣку, при чемъ убитъ старшій кочегаръ и зашиблены: его помощникъ и машинистъ, да еще какой-то пассажиръ, вздумавшій выскочить изъ окна.

Дѣло въ томъ, что мы должны были ѣхать за этимъ поѣздомъ, а по неисповѣдимой волѣ Божіей насъ пустили впередъ, и мостъ подъ нами, какъ потомъ выяснилось, только покачнулся на одну сторону.

Вскорѣ Вел. Князь получилъ отъ Государя слѣдующую депешу: „благодаримъ Бога, что спасъ Тебя и твоихъ спутниковъ отъ угрожавшей опасности“.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Вел. Князь отправился прямо въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ былъ встрѣченъ всѣмъ соборомъ монашествующей братіи. Обойдя святыни, Вел. Князь спустился въ склепъ, и намъ показали нетлѣнное тѣло епископа Михаила Черниговскаго, со временемъ канонизированнаго: мощи его замѣчательно сохранились.

Оттуда Его Высочество поѣхалъ въ городъ, а я съ англичанами, Ростовцовымъ и художникомъ Дмитріевымъ пошли осматривать всѣ достопримѣчательности храма и пещеръ.

Насъ водилъ самъ настоятель.

На дворѣ стояла чудная, ранняя весна; деревья едва распустились; воздухъ былъ наполненъ ароматомъ и пѣніемъ птицъ.

Мы спустились въ пещеры. Меня привлекли мощи преподобнаго Нестора — лѣтописца, память котораго празднуется 27 октября и совпадаетъ со днемъ моего рожденія. Я съ особымъ благоговѣніемъ приложился къ мощамъ преподобнаго, т. к. благодаря вышеупомянутому совпаденію съ дѣтства увлекался исторіей, считая Нестора своимъ патрономъ. Мы прошли мимо міроточивой головы; разныхъ столпниковъ, Іоанна Многострадальнаго, зарывшагося живымъ въ землю.

Лэди Буканань вздыхала, слушая разсказы объ этихъ аскетахъ, и постоянно повторяла: „mais pourquoi, mon Dieu, pourquoi“! Дѣйствительно—контрастъ—между полною возрожденія радостной картиною весны, славославящею Творца и—этими мрачными пещерами—былъ поразителенъ.

Мы завтракали у генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова, затѣмъ Его Высочество вмѣстѣ съ Ростовцовымъ и со мной

поѣхалъ осматривать Андреевскій соборъ съ восхитительнымъ видомъ на Днѣпръ и его окрестности, а потомъ Софійскій соборъ, въ кот. Его Высочество особенно интересовался старинными фресками, съ изображеніемъ Св. Причастія подъ двумя видами. Послѣ обѣда мы посѣтили концертъ, въ числѣ номеровъ котораго я запомнилъ „романеску", сыгранную старикомъ-віолончелистомъ изъ какого-то бывшаго барскаго оркестра.

Къ часу ночи мы уже сидѣли въ поѣздѣ, несшемъ насъ въ Балту, по вновь строившейся ж. д. изъ Кіева, черезъ Балту въ Одессу.

Французъ Filliеul былъ строителемъ Кіево-Балтской дороги; она не была еще окончена; производились работы, и Вел. Князь первый проѣхалъ по желѣзно-дорожному пути изъ Петербурга въ Одессу.

Въ Одессѣ мы дружелюбно разстались съ англичанами и милѣйшей Анной Карловной и сѣли на пароходъ „Великая Княгиня Ольга", который долженъ былъ, не заходя въ порты, везти насъ прямо въ Поти.

Пароходъ этотъ былъ очарователенъ; погода стояла безподобная, небо ясное, море спокойное, ночи тихія, жаркія.

Курсъ нашъ шелъ сначала вдоль живописныхъ береговъ Крыма. Его Высочество называлъ тянущіяся по берегу имѣнія: „Фаррось, Симеизъ, Алупку".

Любуясь фантастическимъ дворцомъ Алупки, намъ и въ голову не приходило, что черезъ двадцать два года это будетъ мѣстомъ трагической кончины нашего дорогого Великаго Князя.

Далѣе красовался еще не сгорѣвшій дворецъ „Оріанды", потомъ нѣсколько зданій Ливадіи, живописный „Ай Петри", пріютившійся въ бухтѣ городокъ „Ялта" и наконецъ вдали Медвѣдь-Гора, оригинальный „Аю-Дагъ".

Весна, своей яркою зеленью, уже вытѣсняла желтые и коричневые оттѣнки осени и зимы; миндальныя и абрикосовыя деревья покрылись бѣлизной сплошного цвѣта.

Отъ береговъ Крыма мы пустились въ открытое море; ночью любовались звѣзднымъ небомъ, къ утру подошли къ Кавказу на высоту мыса „Гагры". Послѣ кружевного рисунка береговъ Крыма передъ нами выступилъ грандіозный, снѣжный хребетъ Кавказа съ вершиною „Нугой-Гусъ" въ 17.000 фут.

Картина величественная; всѣ мелочныя подробности крымскихъ видовъ съ виноградниками, садами, дворцами, одиночными зданьицами и даже деревнями—здѣсь отсутствуютъ вполнѣ,—все сливается въ сплошныя пятна всевозможныхъ тоновъ и покрыто прозрачною лиловою завѣсою, изъ которой рѣзко выступаютъ снѣговыя вершины на яркой синевѣ небесъ.

Вблизи отъ парохода безпрестанно подымаются перелетныя различныя морскія птицы, по временамъ бороздятъ воду игривые дельфины, послѣдніе доставляютъ мнѣ большое удовольствіе. Весь пароходъ отданъ въ распоряженіе Велик. Князя, и мы идемъ, какъ истые сибариты въ роскошныхъ каютахъ, съ превосходною кухней; наслаждаемся моремъ, тепломъ, видами горъ, прекраснымъ обществомъ и разсказами нашего симпатичнаго капитана Каперницкаго—стараго Севастопольца.

Къ тому же въ каютъ-кампаніи стоитъ фортепіано, и я наигрываю разные мотивы изъ нашихъ любимыхъ балетовъ.

Какъ жарко! Дерево и металлъ накаливаются. Навстрѣчу намъ идетъ парусное судно, вотъ оно уже за нами; я не могу достаточно налюбоваться тонами красокъ горъ и моря, даже самыя темныя точки имѣютъ синій, или лиловый отливъ.

Подъ вечеръ 22-го числа мы должны были къ $11^1/_2$ часамъ прибыть въ Поти; часу въ пятомъ горизонтъ былъ настолько ясенъ, что мы видѣли Батумскій и Трапизонтскій берегъ, или, вѣрнѣе сказать,—горы, явленіе, какъ говорилъ капитанъ, чрезвычайно рѣдкое и предвѣщающее бурю, потому-что Трапизонтъ лежалъ отъ насъ въ разстояніи 200 верстъ.

Въ 9 часовъ палъ густой туманъ, и, несмотря на то, что мы уже подходили къ Поти, капитанъ былъ вынужденъ положить руль на бортъ и описывать маленькіе круги на мѣстѣ. Только въ 3 часа мы увидѣли наконецъ маякъ и встали на рейдъ.

Въ 6 утра 23 числа подошелъ къ намъ рѣчной пароходъ, и, простившись съ „Ольгой“, на которомъ мы провели такъ весело и пріятно трое сутокъ, мы высадились на Кавказскій берегъ.

Великаго Князя встрѣтилъ въ полной парадной формѣ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ съ почетнымъ карауломъ. Его высочество былъ съ нами очень любезенъ.

Великіе Князья стали осматривать работы по сооруженію порта: громадныя, кубическія глыбы искусственнаго камня лежали на берегу въ ожиданіи погруженія въ море для постройки мола.

Изъ гавани прошли къ рельсамъ желѣзной дороги, строющейся черезъ Сурамскій перевалъ на Тифлисъ.

Подали небольшую платформу на колесахъ, Великіе Князья сѣли рядомъ впереди, а я умостился сзади; при крикахъ „ура“ насъ покатили по рельсамъ. Движеніе было открыто.

Осмотрѣвъ работы по сооруженію гавани и желѣзной дороги, мы сѣли на пароходъ и поплыли вверхъ по Ріону.

Между тѣмъ на морѣ поднялся предсказанный капитаномъ штормъ, который длился десять дней.

Берега Ріона совершенно плоски и покрыты богатѣйшею растительностью, которая еще не вся распустилась.

Персики, абрикосы, черешни были въ полномъ цвѣту, равно какъ азаліи и луговые цвѣты.

Стволы нѣкоторыхъ деревьевъ сплошь покрыты плющемъ и другими ползунами, что̀ чрезвычайно красиво.

Кавказцы говорили, что мы пріѣхали немного рано; недѣли черезъ двѣ все было бы въ полномъ блескѣ южной флоры.

Между тѣмъ съ утра поднявшійся вѣтеръ превратился въ бурю, и мы радовались, что избѣжали удовольствія качаться десять дней, гдѣ-либо въ морѣ и томиться морскою болѣзнью.

Провожаемый криками туземцевъ, собиравшихся къ открытому берегу, послѣ 10 часового плаванія пароходъ присталъ къ мѣстечку „Орпиры“.

Весна вызывала въ насъ радостное настроеніе; всюду замѣчалось прикосновеніе ея чарующей руки, синева неба, яркая зелень молодой листвы, струи аромата отъ роскошнаго цвѣта плодовыхъ деревьевъ, потомъ сытный завтракъ на палубѣ, живительная влага добраго кахетинскаго вина, веселый говоръ нашего общества,— все это располагало къ довольству.

Прельщаемые красотою весны и плывя по древнему Фазису, мы не стремились къ золотому руну Аргонавтовъ, а просто наслаждались жизнью.

Было уже темно, когда мы сѣли въ экипажи и послѣ 3 часовой ѣзды, сопровождаемые вихремъ и дождемъ, прибыли въ Кутаисъ.

Великіе Князья остановились у губернатора Левашова, мы же— въ гостиницѣ француза Martin.

На другой день Его Высочество, въ полной парадной формѣ, вмѣстѣ съ нами представился Великому Князю Михаилу Николаевичу. Послѣ чая началось представленіе военныхъ и гражданскихъ чиновъ и мѣстныхъ дворянъ, затѣмъ поѣхали въ институтъ Св. Нины, гдѣ любовались туземками.

Имеретинки и мингрельки въ большинствѣ черноглазыя, съ рѣзкими чертами лица, у нѣкоторыхъ глаза какъ бы подернуты нѣгой.

Юная княжна Ольга Церители поразила насъ своей красотой, я досталъ ея фотографію, которая однако не передаетъ матовой бѣлизны ея необыкновеннаго цвѣта лица и чарующаго взгляда глазъ.

Обѣдъ былъ оффиціальный, въ мундирахъ и окончился интереснымъ вечеромъ въ томъ отношеніи, что всѣ кавказскія туземки были въ національныхъ костюмахъ и между ними красавицы не послѣдней руки.

Я восхищался кн. Аргутинской, рожд. Дадіанъ; она напоминала мнѣ нашу французскую артистку мадамъ Нанталь Арно.

Княгиня была родомъ изъ константинопольскихъ армянъ, владѣльцевъ С.-Стефано, съ которыми насъ свела судьба при концѣ кампаніи.

Аракель-бей-Дадіанъ, въ домѣ котораго мы помѣстились въ будущемъ, былъ ея роднымъ братомъ.

Къ нашему крайнему неудовольствію, въ Кутаисѣ все время шелъ дождь и мѣшалъ любоваться его окрестностями. Городъ расположенъ въ плоской равнинѣ и окруженъ горами, которыхъ за туманомъ и дождемъ почти не было видно. Населеніе изъ имеретинъ, мингрельцевъ, гурійцевъ—вообще бѣдно и до крайности оборвано, но нельзя не отдать имъ справедливости въ красотѣ и граціи, съ которой они носятъ свои лохмотья.

26 марта мы въѣхали въ Тифлисъ, я сидѣлъ въ тарантасѣ съ начальникомъ инженеровъ генераломъ Рербергомъ.

Дорога шла по холмамъ до ст. Квирилы, откуда она входитъ въ плодоносную и живописную равнину, вплоть до Сурамскаго перевала. По дорогѣ склоны горъ были покрыты цвѣтущими азаліями. Скалы, башни старыхъ крѣпостей и дома украшены и обвиты плющемъ и разными ползунами.

Мѣстами дорога подходила къ работамъ желѣзнодорожнаго пути; въ постройкѣ принимали участіе солдаты. Наканунѣ нашего проѣзда одинъ изъ рабочихъ убитъ былъ камнемъ, сорвавшимся съ горы и летѣвшимъ съ быстротою полета пули.

Подъемъ на Сурамскій перевалъ очень живописенъ; окружающія его долины поросли густымъ мхомъ.

Переваливъ черезъ горы, мы залюбовались видомъ всего Кавказскаго хребта, съ его южной стороны. Величіе поразительное!

Отъ Сурама до уѣзднаго города Гори картина измѣнилась, потянулась сравнительно бѣдная растительность, виднѣлось много развалинъ древнихъ замковъ.

Отъ Гори до самаго Тифлиса встрѣчаются плантаціи виноградниковъ и орѣховое дерево. Погода отъ Поти намъ не благопріятствовала: или вѣтеръ, или Петербургское небо съ дождемъ. Къ вечеру мы добрались до Тифлиса.

Насъ размѣстили во дворцѣ. Великій Князь занялъ половину, гдѣ раньше былъ кабинетъ фельдмаршала князя Барятинскаго.

Великій Князь-Намѣстникъ обошелъ нашѣ помѣщеніе и спрашивалъ, довольны ли мы? На утро свиту представили Великой Княгинѣ, а затѣмъ повезли дѣлать визиты всѣмъ сановнымъ лицамъ столицы Кавказа.

Мы обѣдали у Великаго Князя Михаила Николаевича; подавали разную зелень и спаржу, выписанную изъ-за границы.

Его Высочество удивлялся и замѣтилъ, что ему доставило бы большее удовольствіе сознаніе, что эта спаржа и зелень мѣстныя, и обѣщалъ, какъ предсѣдатель Имп. Общ. Садоводства, прислать для этого знающихъ садоводовъ и огородниковъ.

Замѣчательно, что большинство овощей, молоко, масло получается въ раннее время года только изъ нѣмецкой колоніи.

Вотъ уже окончился третій день нашего пребыванія въ Тифлисѣ, а до сихъ поръ не видать клочка неба. Правда,—садъ былъ весь въ цвѣту, розы распустились, но погода стояла чисто петербургская, только немного потеплѣе.

Утромъ 29-го назначенъ былъ парадъ войскамъ, но за дождемъ отказанъ.

Въ часъ дня представлялись военные и гражданскіе чины, дворяне и городское общество, которое учредило степендію въ ремесленномъ училищѣ, назвавши ее „Николаевскою". Великій Князь-Намѣстникъ записалъ насъ почетными гостями въ клубѣ.

Дежурный приглашался къ княжескому столу. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ узналъ, что я играю на віолончели, много говорилъ со мной о музыкѣ и прислалъ свою віолончель, а Великая Княгиня обѣщала прислать ноты.

30 марта былъ вечеръ у гофмейстера здѣшняго двора генералъ-лейтенанта Ребиндера. Довольно скучно: дамы все пожилыя, молодыхъ—двѣ, три, и тѣ некрасивы. Жизнь въ Тифлисѣ при дворѣ скучная, слишкомъ однообразно-оффиціальная; приглашенія къ столу, или на вечеръ производятся на листахъ, на которыхъ и намъ надо было росписываться.

Великая Княгиня къ завтраку выходила нарядно одѣтая, а къ обѣду—полудекольте. Гофмейстеръ не составляетъ постояннаго общества, точно также приглашается на-ряду съ остальными, и даже воспитатель дѣтей—Петерсъ является на завтракъ и обѣдъ въ мундирѣ.

Это не нашъ обычай; у Его Высочества: кто придетъ ко времени завтрака, тотъ и приглашается, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ, а въ мундирахъ завтракаютъ только въ высокоторжественные дни: именинъ, рожденій, или на Рождество и Св. Пасху.

Однажды, будучи приглашенъ къ завтраку, я пришелъ въ столовую раньше времени и наткнулся на бурную сцену Вел. Княгини со своимъ гофмейстеромъ; я испугался и шмыгнулъ въ гостиную. Великой Княгинѣ было непріятно, что я засталъ ее въ раздраженномъ видѣ.

По вечерамъ я часто удостаивался играть на віолончели подъ ея аккомпаниментъ. Ея Высочество отлично читала ноты. Вечеромъ того дня, когда произошла сцена съ гофмейстеромъ, она обратилась ко мнѣ по-нѣмецки:

— „Вы застали мое объясненіе съ Ребиндеромъ? Не правда ли я была очень раздражена?

— „Я это видѣлъ, Ваше Высочество, а потому быстро скрылся.

— „Онъ такой несносный человѣкъ, сказала Вел. Кн., и ужасно раздражаетъ меня, а я съ болѣзнью сердца не переношу раздраженія и когда разсержусь, то должна вскипѣть, чтобы потомъ было легче".

Эта раздражительность Вел. Княгини объяснялась болѣзнью сердца, отъ которой она и скончалась. Ко мнѣ Ея Высочество относилась крайне милостиво; свое расположеніе она выказывала мнѣ при каждой встрѣчѣ, и въ разговорахъ я совершенно не былъ стѣсненъ, при чемъ большей частью говорилъ по-нѣмецки. Въ дальнѣйшемъ она необыкновенно тепло и сердечно относилась ко мнѣ во время болѣзни моего Вел. Князя и защищала меня отъ разныхъ сплетенъ и нападокъ недоброжелателей.

Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ былъ очень добръ и внимателенъ, но между его отношеніями къ своимъ адъютантамъ и нашимъ Вел. Княземъ съ нами — была разница.

Мы были болѣе на положеніи дѣтей, и Его Выс. принималъ участіе даже во всѣхъ нашихъ шалостяхъ. У меня въ то время была отличная память, а благодаря энциклопедическому образованію, полученному въ корпусѣ, я на многіе вопросы обыкновенно давалъ быстро отвѣты.

Разъ за завтракомъ меня не было; посылаютъ за мной, чтобы шелъ въ чемъ одѣтъ; вхожу; Вел. Князь спрашиваетъ:

— „Какая самая высокая гора въ Гималаяхъ?

— „Монтъ-Эверестъ, Ваше Высочество, 31 т. футовъ, потомъ Джавагири 30 т. футовъ и наконецъ Давалагири 28 т. футовъ, отвѣтилъ я, удивленный неожиданностью вопроса. Оказалось, что объ этомъ шла рѣчь; знали, что Давалагири развѣнченъ, а даже самъ воспитатель Петерсъ забылъ названіе болѣе высокой горы.

— „А мой Скалонъ, навѣрное, знаетъ, сказалъ Вел. Князь во время спора, позвать его!"

По счастью, я безъ осѣчки отвѣтилъ и не подвелъ Его Выс., который только-что передъ этимъ похвалилъ мои познанія.

Другой разъ, будучи дежурнымъ и ѣздивши съ ранняго утра по городу съ Вел. Княземъ, я не успѣлъ побриться къ завтраку, а за сутки это почти не было видно. Однако же Вел. Князь-Намѣстникъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ замѣчаніе:

— Миленькій, ты не брился!

— Только не говорите этого Его Высочеству, а то меня вздуютъ, извернулся я.

Вел. Князь разсмѣялся.

Однажды намъ пришлось въ Тифлисѣ здорово выпить; это было по случаю конногвардейскаго праздника.

Служащіе на Кавказѣ изъ свиты Его Высочества, бывшіе конногвардейцы, дѣлали обѣдъ, на который и насъ пригласили, а между тѣмъ послѣ обѣда мы должны были сопровождать Великихъ Князей на вечеръ къ князю Мирскому. Зная, что насъ будутъ напаивать для того, чтобы нашъ Вел. Князь поѣхалъ одинъ на вечеръ, мы рѣшили отстоять свою честь.

На кавказскихъ обѣдахъ по обыкновенію всѣ присутствующіе пьютъ за ваше здоровье черезъ тулумбаша, при чемъ предлагающій выпиваетъ извѣстное количество вина, и вы обязаны столько же выпить, а т. к. насъ было меньше, чѣмъ кавказскихъ участниковъ обѣда, то мы дѣйствительно рисковали быть сбитыми съ позиціи.

По этому случаю я изловчился и выпилъ масло изъ сардинокъ, а т. к. водки и вина я не пью, то когда дѣло дошло до шампанскаго, я имѣлъ нѣсколько очковъ впереди. Струковъ тоже незамѣтно схитрилъ; но пили много: Галлъ и Джунковскій пріѣхали домой и остались замертво лежать. Галлъ выдержалъ самоиспытаніе молодцомъ, но по неосторожности возвратился верхомъ и погибъ для вечера.

Мы пріѣхали въ коляскахъ, умылись съ головы до ногъ и явились къ Его Высочеству.

Ростовцевъ былъ необыкновенно милъ, Вел. Князь потѣшался надъ нами: „ребята, вѣдь вы пьяны, какъ же вы поѣдете на вечеръ“.

„Ничего, Ваше Высочество, мы пьяны, да съ Вами, а вотъ Кавказская свита, та не появится“.

„Молодцы“, похвалилъ Вел. Князь. На вечерѣ на нашу долю выпало большое испытаніе: въ то время была манія столоверченія, и мнѣ пришлось сидѣть за большимъ круглымъ столомъ, кот. по счастью не очень вертѣлся, иначе бы моя голова не выдержала.

Изъ Кавказской свиты дѣйствительно мало кто появился.

Утромъ 9 апрѣля Ихъ Высочества вмѣстѣ съ нами отправились на охоту въ Караяскую степь. Первый день дождь лилъ, не переставая; вечеромъ пошелъ снѣгъ, и поднялась буря, но, укрытые палатками въ веселой компаніи, мы скоротали время за виномъ и картами и, не раздѣваясь, легли спать.

На утро намъ подали лошадей, и мы проѣхали въ лѣсъ, ростущій на берегахъ Куры, гдѣ встали на номера. Я стоялъ рядомъ съ А. Н. Муравьевымъ, главнымъ начальникомъ лѣсовъ на Кавказѣ,— человѣкъ симпатичный, пріятный и хорошій скрипачъ. Какъ собратья по струнамъ, мы другъ другу понравились и сошлись.

Благодаря охотѣ я видѣлъ въ первый же день: дикую кошку, шакала, волка, кабановъ, фазановъ и т. п.

Растительность въ лѣсу самая разнообразная; ползучія растенія дѣлаютъ иныя мѣста недоступными, застилая и заплетая всѣ свободныя разстоянія между деревьями и становясь непроходимой преградой даже для звѣрей.

Въ этихъ чащахъ сдѣланы просѣки, на кот. становятся охотники, съ противоположной стороны участка пускаютъ собакъ и идутъ загонщики.

Загонщиками на охотѣ Его Высочества-Намѣстника постоянно служила первая рота Кавказскихъ саперъ съ ихъ командиромъ, завзятымъ охотникомъ.

Адъютантъ Вел. Князя Михаила Николаевича Философовъ далъ мнѣ винтовку, не зная которой, я дѣлалъ только промахи.

Звѣри, словно это чувствовали, такъ и лѣзли на меня. Меня это очень забавляло, и я любовался ихъ видомъ на свободѣ.

На второй день погода поправилась, и въ 7 ч. утра мы были уже въ лѣсу за 11 верстъ отъ нашего лагеря.

Я всталъ опять рядомъ съ Муравьевымъ. Передо мной была открытая поляна, кругомъ тишина, лишь птички чирикали и перепархивали между вѣтвями, а вдали звуки роговъ аккомпанировали лаю носящейся по лѣсу огромной, чудной, стаи гончихъ Его Высочества, въ числѣ 80-ти собакъ. По временамъ среди безмолвія вдругъ раздается голосъ одиночной гончей, подхватываетъ другая, третья, цѣлый хоръ, лай и тявканье начинаетъ разноситься, то удаляясь, то приближаясь на такое короткое разстояніе, такъ что сердце замираетъ, потомъ опять все уносится вдаль и наступаетъ прежняя тишина.

Но вотъ гоньба снова началась. Что-то мелькнуло въ кустахъ. Гляжу—старый кабанъ показался въ 25 шагахъ отъ меня. Я опять далъ промахъ, и кабанъ пронесся мимо, какъ вихрь; вслѣдъ за нимъ показалась стая собакъ, громко лая и тявкая, и опять все унеслось вдаль.

Раздался сборъ охотниковъ; казаки подали намъ лошадей, и мы отправились на мѣсто завтрака, котор. былъ раскинутъ на коврахъ, подъ вѣковымъ дубомъ.

Пошли разговоры, потомъ шутки, насмѣшки надъ моими промахами. Позавтракавъ, мы сѣли верхомъ и поѣхали на другую просѣку, черезъ рѣчки и броды, при чемъ принцъ Альтенбургскій и графъ Панинъ, переправляясь въ бродъ, почти окунулись, къ нашему удивленію и смѣху.

Мѣсто, на кот. я тогда всталъ, было, между Курою и затономъ.

Вскорѣ на меня выбѣжалъ большой одинецъ или вепрь.

Я залюбовался имъ и, будучи увѣренъ въ промахѣ, все-таки выпустилъ въ него пулю; звѣрь повернулъ по линіи мимо Муравьева, кот. стрѣлялъ, кабанъ пустился назадъ, я успѣлъ зарядить и вы-

стрѣлилъ во второй разъ, но напрасно, звѣрь бросился въ сторону и исчезъ. Затѣмъ выбѣжали на меня двѣ свиньи.

Стрѣляли всѣ, давали промахи, а мой кабанъ вышелъ вторично на Вел. Князя и былъ имъ убитъ. Командиръ саперной роты убилъ гіену, а еще кто-то—дикую кошку.

Вечеромъ, несмотря на дождь, кот. по временамъ затихалъ, казаки и саперы пѣли пѣсни и играли подъ плясовую игры.

Я прошелся плясать по кругу, за мной Муравьевъ, а потомъ Вел. Князь Михаилъ Николаевичъ не стерпѣлъ, вышелъ въ кругъ и началъ приплясывать. Казаки стали играть журавля и дергача. Это очень забавная потѣха: къ колу прикрѣпляютъ двумя неровными концами веревку, къ длинному концу привязываютъ дергача, а къ болѣе короткому журавля съ жгутомъ. Обоимъ завязываютъ глаза и разводятъ въ стороны.

Дергачъ водитъ палочкой по зазубренной деревяшкѣ, подражая дергачу, а журавль, прислушиваясь, старается его настигнуть и прибить жгутомъ; ловкій дергачъ, чуя врага, бѣжитъ по кругу и валитъ своей веревкой журавля и т. д.

По окончаніи охоты, пообѣдавъ, мы возвратились въ Тифлисъ, сопровождаемые сильнѣйшимъ вихремъ съ непогодою.

8 апрѣля, въ пять часовъ утра, мы отправились въ „Царскіе колодцы“ на смотръ славныхъ Нижегородскихъ драгунъ. Я ѣхалъ въ коляскѣ съ Философовымъ; дорога скверная, все больше пустыри; изрѣдка проѣзжаешь черезъ богатыя села колонистовъ и молоканъ и поражается бѣдностью грузинскихъ сакель, похожихъ на кучи сложенныхъ камней, на-ряду съ богатѣйшими постройками нѣмецкихъ колоній, окруженныхъ виноградниками, фруктовыми садами и полями, такъ что мѣстность не узнаешь, и колонія и села молоканъ кажутся оазисами среди пустынь.

Удивительный народъ эти нѣмцы: кругомъ пустыри, безводные овраги, непривѣтливые холмы съ бурьяномъ,—у нихъ же большіе каменные дома съ садами, готическія церкви, чистота, довольство и неизмѣнный типъ Ганса и Гретхенъ.

Молокане занимаются по преимуществу скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, живутъ зажиточно тамъ, гдѣ при всемъ богатствѣ страны—туземцы прозябаютъ.

Сначала намъ освѣщала путь луна; когда луна спряталась, двѣ станціи (до разсвѣта) нашу дорогу освѣщали казаки съ факелами.

Я большею частью дороги спалъ и проснулся уже въ „Царскихъ колодцахъ“, около 8 часовъ утра.

Напившись чаю у командира полка кн. Амилахвари, мы со Струковымъ и двумя Нижегородцами поѣхали къ развалинамъ замка

„Царицы Тамары“, полюбоваться долиною „Алазани“. Алазань течетъ въ широкой долинѣ, окаймленной съ одной стороны главнымъ Кавказскимъ хребтомъ,—съ другой—невысокими горами отъ 3.000—4.000 футовъ вышины.

„Царскіе колодцы“ лежатъ въ котловинѣ, на одномъ плоскомъ уступѣ этихъ горъ, въ совершенно голой мѣстности безъ лѣса и воды. Переваливъ черезъ окраину этой котловины, спускаетесь въ долину Алазани, верховье которой называется Кахетіею.

Спускаясь съ окраины, мы подъѣхали къ отдѣльно стоящей группѣ высокихъ скалъ, на которой разбросаны развалины замка „Царицы Тамары“.

Привязавъ коней къ кустамъ, мы полѣзли на верхъ, до главной стѣны, съ сохранившимися зубцами и узкими воротами для въѣзда.

Здѣсь видны остатки жилыхъ помѣщеній, пещеры въ скалахъ, окруженныхъ стѣнами и сторожевыми башнями.

Съ меньшей скалы переброшенъ мостикъ изъ трехъ досокъ безъ перилъ на карнизъ сосѣдней высокой скалы; карнизъ, шириною въ ¾ арш. и шаговъ на 25-ть, тянется надъ обрывомъ до небольшой площадки, отъ которой подымаются, среди боковыхъ стѣнъ, двѣ высѣченныя въ скалѣ лѣстницы; на верху скалы взгромоздилась цитадель всего замка и жилище Тамары,—родъ 4-хъ-угольной башни.

Съ этого каменнаго гнѣзда открывается поразительный видъ на всю долину Алазани съ Лезгинскою линіею вдоль главнаго хребта и Кахетіею съ ея виноградниками и прославленнымъ виномъ.

Солнце жгло во всю мочь; воздухъ сгущенною синевою покрывалъ подножіе хребта; кое-гдѣ виднѣлись селенія, замки и крошечныя поля на скатахъ горъ. Лѣсъ вдоль рѣки казался кустарникомъ.

Это общая черта Кавказскихъ видовъ, въ нихъ, за громадностью горъ, исчезаютъ мелкія подробности, привлекающія взглядъ своимъ разнообразіемъ. Видъ грандіозенъ, но не милъ.

Въ противоположность—Крымскій берегъ живописенъ и привлекателенъ мелкими подробностями, гармонирующими съ красотой растительности, обрывовъ, скалъ, домиковъ, дворцовъ, виноградниковъ и т. д.

Вечеромъ 14-го въ „Царскіе Колодцы“ пріѣхали Вел. Князья; мы сѣли обѣдать въ 8 часовъ, а въ 10-ть пошли спать.

Утромъ 15-го апрѣля назначенъ былъ смотръ Нижегородцамъ. До того Его Высочеству представлялись пріѣхавшіе на поклонъ жители Закаталъ и Алазанской долины. Въ ихъ числѣ много лезгинъ, бывшіе наибы Шамиля—дикія, разбойничьи, но красивыя лица; потомъ сѣли верхомъ и поскакали на смотръ Нижегородскихъ драгунъ.

Всѣ были очень заинтересованы смотромъ Его Высочества: какъ

онъ найдетъ этотъ, столь славный въ исторіи кавказскихъ войнъ, полкъ. Одни смотрѣли на дѣло правильно, т. е.—настало мирное время и надо заниматься, чтобы не отстать отъ современныхъ требованій военнаго искусства (къ счастью, это было мнѣніе и самого войска)—другіе же, не служащіе въ рядахъ арміи, не допускали мысли, чтобы можно было дѣлать уставные смотры храбрымъ, непобѣдимымъ войскамъ, забывая, что тѣхъ солдатъ, которые стяжали эту славу, уже нѣтъ въ рядахъ, а молодыхъ, вѣдь, надо же учить, чтобы они соотвѣтствовали геройскому духу полка.

Вел. Князь со свойственной ему любовью къ дѣлу училъ солдатъ и указалъ на замѣченные имъ недостатки. Такъ напр. у офицеровъ, при уставныхъ перестроеніяхъ, замѣтно было мало сноровки и потому ошибались въ построеніяхъ. Но главное, лошади въ полку оказались плохія.

Вел. Князь нашелъ, что по составу лошадей полкъ весьма слабъ; большинство: простого сорта, ненадежныя для службы, со слабыми ногами, спинами, запаленныя, дурно содержимы и въ худомъ тѣлѣ.

Его Высочество отнесъ это къ тому, что полкъ съ самаго его основанія все время находился въ военныхъ дѣйствіяхъ и поэтому не успѣлъ усвоить всѣхъ тѣхъ правилъ, которыя должны соблюдаться въ мирное время, чтобы переносить труды. Вел. Князь указалъ, что, не будучи употребляемы ежедневно въ движеніи, лошади при усиленныхъ занятіяхъ для смотра спали съ тѣла. Затѣмъ указано было на вину ремонтеровъ, на необходимость ежедневныхъ движеній, на усиленную выранжировку и назначенъ увеличенный ремонтъ.

Его Высочество призналъ въ полку много доброй воли и желанія быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть выдающійся по своимъ боевымъ традиціямъ кавалерійскій полкъ, а потому въ заключеніе смотра благодарилъ полкъ и сказалъ, что онъ увѣренъ, что сдѣланныя имъ замѣчанія будутъ исправлены.

Послѣ смотра, продолжавшагося отъ 10—12½ ч., былъ сервированъ обѣдъ у командира полка со множествомъ тостовъ и горячихъ взаимныхъ пожеланій. За обѣдомъ мы наслаждались великолѣпнымъ Кахетинскимъ виномъ, частью привезеннымъ княземъ Чавчавадзе, семья котораго была захвачена Шамилемъ. Вечеромъ я съ Философовымъ отправились въ обратный путь; Ихъ Высочества, переночевавъ, выѣхали только на другой день въ 12 часовъ.

Д. А. Скалонъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шамиль полвѣка назадъ въ Москвѣ.

Шамиль, попавъ, вскорѣ послѣ своего плѣненія, въ Москву, изумился состояніемъ тамошнихъ мостовыхъ и, проѣхавъ двѣ—три улицы, сказалъ: „если бы я не видѣлъ, что всѣ проѣзжаютъ по нимъ, я думалъ бы, что онѣ назначены только для проѣзда военноплѣнныхъ“.

Посѣтивъ по собственному желанію Алексѣя Петровича Ермолова, бывшаго кавказскаго намѣстника, онъ былъ очарованъ любезностью этого восьмидесяти-четырехлѣтняго старца и поразился свѣжестью его головы, а также его знаніями мелочей кавказской жизни.

— „Когда, въ мою бытность ребенкомъ, ты проѣзжалъ однажды черезъ нашъ аулъ, я долго бѣжалъ за тобой, мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на чудо, которое въ нашихъ горахъ было извѣстно подъ именемъ Ермолова“, сказалъ вождь горцевъ.

— А мало развѣ нашихъ бѣгало за тобой,—отвѣтилъ улыбнувшись Алексѣй Петровичъ.

Выйдя отъ старца, Шамиль сказалъ состоявшему при немъ, извѣстному знатоку восточныхъ нарѣчій, артиллер. полковнику Богуславскому и старшему сыну своему Кази Магомѣ: „настоящій старый левъ“.

На другой день утромъ Ермоловъ посѣтилъ имама, а когда попрощался съ нимъ, то былъ бережно снесенъ съ лѣстницы сыномъ Шамиля и мюридами.

Принявъ поданную на прощанье Ермоловымъ руку, Кази Магома прижалъ ее къ своему сердцу и сказалъ: „у меня былъ и есть отецъ—Шамиль; съ этой же минуты я имѣю двухъ отцовъ—Шамиля и Ермолова“.—Это самое высокое привѣтствіе у восточныхъ людей.

Шамиль, послѣ того, какъ познакомился съ Ермоловымъ, не разъ про него говорилъ: „такихъ людей мало на свѣтѣ, значитъ, и слугъ такихъ у Царя немного; но Царь ихъ имѣетъ, поэтому ему легко жить; съ такими слугами онъ могъ бы управлять не только Россіей, а цѣлымъ свѣтомъ; какъ же намъ было устоять противъ бѣлаго Царя“!..

Сообщ. —ій.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

IV [1]).

Береженье отъ огня.

Объѣзжіе головы должны были оберегать городъ во-первыхъ „отъ огня“, во-вторыхъ „отъ всякаго воровства“. Призракъ краснаго пѣтуха положительно не давалъ спать нашимъ предкамъ въ ихъ сплошь деревянныхъ городахъ. Въ особенности былъ опасенъ въ пожарномъ отношеніи Китай-городъ.

Въ другихъ частяхъ Москвы постройки то и дѣло прерывались обширными въ чисто деревенскомъ вкусѣ садами и огородами; въ Китаѣ-городѣ все издавна было застроено; въ центрѣ торговли негдѣ было разводить обширныхъ садовъ; каждый аршинъ земли здѣсь былъ нуженъ торговымъ и промышленнымъ людямъ; плохо выстроенные и плохо покрытые ряды представляли костеръ, ждавшій только искры, которую нетрудно было получить отъ тѣснившихся къ рядамъ деревянныхъ обывательскихъ дворовъ, гдѣ варили и пекли и про себя и на продажу безъ всякой осторожности „на авось“, и пылали горны всевозможныхъ мастеровыхъ людей, сбывавшихъ свои произведенія тутъ же на бойкомъ торжищѣ.

Насколько опасны въ пожарномъ отношеніи были нѣкоторые дворы Китая-города, видно изъ описанія „дворовой тѣсноты“ на дворѣ Михайлы Плещеева въ 1669 году; на этомъ дворѣ „межъ избъ и поварни и около поварни было навалено дровъ сажень съ тридцать и больше до верху палатныхъ оконъ, а поварня была у него большая, и топилась безпрестанно... а противъ той избы была поставлена у него изба жъ, а противъ той избы поставлена мыльня,

[1]) См. „Р. Ст.“ октябрь 1909 г.

а межъ ими были сѣни, а подлѣ избы и мыльни были поставлены хоромы поземныя (одноэтажныя), въ которыхъ онъ, Михайла, жилъ", кромѣ того въ это время Плещеевъ „ставилъ большія хоромы отъ тѣхъ избъ и мыльни близко и на дворѣ учинилъ тѣсноту большую". На сосѣднемъ дворѣ гостя Дмитрія Строганова, гдѣ стоялъ думный дворянинъ Семенъ Ивановичъ Заборовскій, „отъ улицы отъ самаго забору мало не до палатнаго крыльца сметано было сѣна возовъ близко ста и на большую улицу черезъ заборъ сѣна свисло не мало". На дворѣ Плещеева на мыльнѣ „труба была низка", и къ довершенію всего „близко трубы на кровлѣ лежалъ лубъ". Не удивительно, что когда 11 мая 1669 года вздумали затопить мыльню, „къ тому лубу пригнула искра, и отъ того загорѣлось" тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что „поставленный для береженья малый уснулъ".

Время шло, въ Россію понемногу проникала цивилизація. При Петрѣ старинный русскій красный пѣтухъ уже именовался по-ученому „Вулканусомъ", но по-прежнему русскій человѣкъ стоялъ безпомощно передъ этимъ „всегубителемъ", всѣхъ „тревожившимъ и многихъ разорявшимъ". Правительство пробовало ограничить деревянныя постройки. Еще въ 1633 году было указано „высокихъ хоромъ и противъ ихъ повалушъ съ большими розвалы и гребени не ставить", и было обѣщано, что, „которые люди похотятъ ставить палаты каменныя, и тѣмъ людемъ отъ Государя ....и отца Его Государева Великаго Государя Святѣйшаго Патріарха будетъ милостивое слово". Но каменное дѣло шло туго и до конца XVII вѣка; единственными союзниками нашихъ предковъ оставались дождь и снѣгъ; мокры крыши, слѣдовательно, можно надѣяться, что огонь не перекинетъ на сосѣдніе дворы; стоитъ ведреная погода, дуютъ жгучіе суховѣи, обращающіе деревянныя и соломенныя крыши въ добычу первой искры, такъ и надо ждать, что каждую минуту вспыхнетъ пожаръ, страшный пожаръ древней Руси, пожиравшій сотни и тысячи дворовъ [1]).

Наши предки противъ пожаровъ придумали простое и, пожалуй, радикальное средство, состоявшее въ томъ, „чтобъ отнюдь въ лѣтѣ огня не было въ домѣхъ".

Въ долгіе весенніе и лѣтніе дни можно было обойтись и безъ освѣщенія; тогда вставали и ложились рано; можно было покончить всѣ дѣла за-свѣтло. Въ крайнемъ случаѣ можно было вздуть огонь; объѣзжимъ надо было только смотрѣть за тѣмъ, чтобы „по вечерамъ въ хоромѣхъ ходили съ фонарями бережно, а безъ фонарей со свѣчами не ходили, а съ лучинами отнюдь не сидѣли и по дворамъ ни

---

[1]) Пр. 375, 130—152; Пр. 195,8—13.

въ какое время не ходили". Безъ огня, конечно, нельзя было обойтись при приготовленіи пищи; но боявшееся пожаровъ начальство съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ и сухихъ весеннихъ дней строго на строго приказывало, чтобъ „весною и во все лѣто и въ осень въ вѣтренные и жаркіе дни избъ и мыленъ никто не топили"; для большей вѣрности избы запечатывались, и хозяева выселялись въ холодныя клѣти; во всякомъ случаѣ объѣзжіе должны были „въ хоромахъ и въ избахъ и въ мыльняхъ печи перепечатать"; перепечатывались и горны у мастеровыхъ людей, напримѣръ, у гончаровъ.

Но такъ какъ нужно же было печь хлѣбъ и варить пищу, то дозволялось „печи и очаги подѣлать во дворѣхъ и въ огородѣхъ на полыхъ мѣстѣхъ не близко хоромъ"; надъ очагами должны были быть трубы каменныя на столбахъ, а „отъ вѣтру" приказывалось „тѣ печи ущитить лубьемъ".

Состоятельный человѣкъ могъ выстроить себѣ особую поварню не въ связи съ хоромами; надъ поварнями должны были находиться трубы выводныя каменныя; но и въ поварняхъ повара и стряпухи въ очень неудобной обстановкѣ, ибо „для береженья отъ пожарнаго времени съ тѣхъ поваренъ кровли и верхи снимались до осенняго времени и до заморозовъ". Для облегченія контроля за топкой „печь и ѣсть варить" дозволялось не съ утра до ночи, а лишь съ перваго до четвертаго часа дня [1]).

Объѣзжіе наблюдали и за трубами, чтобы „отнюдь въ нихъ руда не множилась, для того, что руда въ тѣхъ трубахъ загорается, и бываютъ искры многія, и отъ того опасно пожарнаго времени". Трудно было обойтись обывателямъ безъ бани, которая старинному русскому человѣку была нужна такъ же, какъ обѣдъ; но желающіе могли мыться въ топившихся и лѣтомъ торговыхъ баняхъ [2]) или купаться на свободѣ въ Москвѣ-рѣкѣ и ея незагаженныхъ еще тогда фабриками притокахъ. Люди знатные и богатые имѣли мыльни на загородныхъ дворахъ и въ подмосковныхъ.

Но, конечно, нельзя было въ точности исполнить эти строгія правила.

„Болящій, умирающій, рождающійся, въ міръ".

„Не избираютъ времени".

Чѣмъ помочь „болю", если не дать ему попариться въ мыленнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ горячей печи? Какъ благополучно родить родильницѣ въ нетопленой банѣ или избѣ безъ горячей воды? Для „болей" и родильницъ поэтому дѣлались исключенія; о нихъ „били

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 812, 821, 1579, п. 20; М. 765, ст. 3, 1—21; Пр. 51, 97; Пр. 677, 159.

[2]) Впрочемъ, объѣзжіе не одинъ разъ пытались печатать и бани (Пр. 195, 186).

челомъ“ объѣзжему головѣ, и тотъ, „досмотря боля или родильницу“, разрѣшалъ избу или мыльню топить, но не каждый день, а обыкновенно „въ недѣлю одинъ день или два дни“. Но и здоровые Московскіе обыватели очень тяготились изгнаніемъ на все лѣто огня изъ ихъ домовъ, и, „по челобитью черныхъ сотенъ и слободъ людей“, они уже въ 1649 году пользовались разрѣшеніемъ и „избы топить въ недѣлю два дни, въ недѣлю (воскресенье) да въ четвертокъ, и то въ холодные да въ ненастные дни, и въ которые дни вѣтровъ большихъ не будетъ“.

Топить могли опять таки только „съ вѣдома объѣзжаго“ и „съ великимъ береженьемъ“. Въ тѣ дни, когда топили избы и мыльни, городъ оказывался какъ бы на военномъ положеніи; всѣ какъ будто были убѣждены, что стоитъ лишь затопить печь, и тотчасъ же вспыхнетъ пожаръ; по улицамъ въ это время „безпрестанно“ ѣздили сами объѣзжіе головы съ помощниками, а на дворахъ, гдѣ топилось, стояли тѣхъ дворовъ люди „съ приставы“ наготовѣ „съ водою и съ помелы и съ вѣники“, чтобы тотчасъ же гасить, если гдѣ займется.

Не довольствуясь этими льготами, обыватели всячески старались сократить время, въ которое огонь не допускался въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Съ наступленіемъ осени жители Китая-города начинали докучать челобитными: „нынѣ де пора осенняя и ночи большія и холодныя“, докладывали они и просили разрѣшить топить избы и сидѣть по вечерамъ съ огнемъ „для малыхъ робятъ и старыхъ людей и ремесленныхъ всякихъ людей“, чтобы первымъ „безъ топли съ холоду не помереть“, а послѣднимъ „по вечерамъ безъ огня безъ промыслу не быть“ [1]).

Объѣзжіе имѣли право дѣлать „огневыя выемки“; въ тѣ дни, когда „въ вечеру съ огнемъ сидѣть не велѣно было“, они могли войти туда, гдѣ увидятъ огонь, „залить огонь“ и вести ослушниковъ на съѣзжій дворъ для отвѣта. Эти выемки почти всегда сопровождались шумомъ и скандаломъ, такъ какъ объѣзжіе часто позволяли себѣ больше, чѣмъ ихъ уполномочивалъ законъ, и иногда видѣли огонь тамъ, гдѣ его не было.

Въ сентябрѣ 1693 года и „государевъ нищій и бродящій богомолецъ“ Тишка Ивановъ, жившій съ женой въ Зарядьѣ въ наемномъ подклѣтѣ, били челомъ въ Разрядѣ на бывшаго у нихъ 19 іюля въ 3-мъ часу ночи для выемки подьячего съѣзжаго двора Тимоѳея Романова: „взялъ меня, жаловался нищій, и съ женишкою моею и поволокъ было на съѣзжій дворъ... и билъ и мучилъ и, не водя на съѣзжій дворъ,

---

[1]) П. С. З., № 821; М. 765, ст. 3, 7; Пр. 677, 28, 387.

завелъ въ переулокъ и съ меня снялъ крестъ, цѣна 2 гривны, да съ женишки моей сорвалъ 10 алтынъ да 2 креста серебряныхъ жъ, промѣну [1]) тѣ кресты 2 гривны".

Подьячій ссылался на то, что нищій „вѣдомый воръ и кажненый [2]), и вѣрить ему не для чего", и утверждалъ, что, напротивъ, у огневой выемки нищій самъ его „билъ и увѣчилъ и впредь похваляется боемъ"; но свидѣтели показали, что объѣзчики Тишку „выведчи на улицу, били и увѣчили" и, что самое главное, выемкою ничего „не выняли"; а, „что срывомъ сорвали, того не видѣли", показали тѣ же свидѣтели. Въ другомъ случаѣ „огневой выемки" обыватели жаловались, что объѣзжіе заливали печь „поганою водою изъ шайки и ѣствы перепоганили". Что представлялъ иногда обывательскій дворъ послѣ „огневой выемки", лучше всего видно изъ слѣдующаго досмотра „разореныхъ мѣстъ" на одномъ дворѣ, гдѣ объѣзжій изловилъ саечника, который вздумалъ „за три часа до свѣта топить подъ горницею подклѣтъ и сайки печь". Оказалось, что „двери изъ сѣней выбиты, изъ круковъ вонъ вышибены, запорка переломлена, въ подклѣтѣ окошко выбито жъ, причелина отбита, а на окошкѣ въ трехъ мѣстѣхъ бито и въ дву мѣстѣхъ колото, у печи устье выломано, да въ сѣнѣхъ стоитъ корыто большое съ тѣстомъ пшеничнымъ да сверхъ тѣста покинуты сайки сырыя [3])".

Объѣзжіе должны были также преслѣдовать дикія и опасныя въ пожарномъ отношеніи забавы. Оказывается, что въ деревянной Москвѣ XVII вѣка „всякихъ чиновъ люди въ день и въ ночь изо всякаго ружья стрѣляли и гранаты и ракитки пущали на хоромное строенье на кровли"; такъ было въ 1686 году, такъ продолжалось и въ 1699 году. Кромѣ этихъ безобразниковъ въ Москвѣ было довольно „воровскихъ людей", которые „для своего воровства и грабежу на кровли стрѣляли пыжами" или „ночьми и въ день воровски въ тряпицахъ порохъ, посконь, хлопья, трутъ, сѣру, бересту, лучину для такого жъ воровства метали на кровли жъ и межъ хоромъ въ тѣсныя мѣста". Такой поджогъ былъ обнаруженъ, напримѣръ, 15 мая 1665 года въ Суконномъ Смоленскомъ ряду; торговые люди этого ряда извѣщали на съѣзжемъ дворѣ, что „въ 11-мъ часу дня учало наносить духъ дурной, дымъ, горитъ тряпица и сѣра и трутъ, и они кинулися изъ своихъ лавокъ искать, гдѣ горитъ, и нашли на верху межъ лавокъ на кровельныхъ спускахъ между досками тряпицу, а

---

[1]) Иконы, кресты и т. п. въ старину не „продавались", но „промѣнивались", что̀ считалось болѣе приличнымъ.

[2]) Т. е. подвергавшійся торговой казни или клейменію, урѣзанію языка, отсѣченію руки или перстовъ.

[3]) Пр. 1125,71; Пр. 1534,1—8; Пр. 2513,11—17.

въ ней горитъ трутъ и сѣра горючая и списы". Объѣзжіе должны были предупреждать поджоги и искать поджигателей. Особенно подозрительны были „нищіе и бабы—бродяги, которые бродили по улицамъ и по переулкамъ въ нищенскомъ платьѣ"; объѣзжимъ было приказано у такихъ нищихъ „осматривать въ сумахъ и въ платкахъ всякихъ зажигательныхъ припасовъ, и, которые объявятся въ такихъ причинахъ, и тѣхъ, обыскавъ, отводить въ Разрядъ тотчасъ[1])". Нѣкоторые объѣзжіе въ поискахъ за „зажигальщиками" находили нужнымъ заглядывать и на обывательскіе дворы, при чемъ дѣло не обходилось безъ столкновеній съ хозяевами. Такъ, въ 1699 году объѣзжій голова Аврамъ Ив. Барышниковъ [2]) узналъ, что на дворѣ Никиты Евстратова Головина женка Улитка „носитъ съ собою для поджога хозяйскаго двора трутъ и кремень и огниво и порохъ, и обапольные сосѣди то вѣдаютъ". Въ отсутствіе Головина Барышниковъ пріѣхалъ на его дворъ, чтобы взять женку, но дочь Головина Афимья Гранковская „женку ухоронила и на дворъ голову не пустила". Такъ изображалъ обстоятельства дѣла Барышниковъ. Но Улитка показала, что „хозяйка била ее за домашнюю вину, за пьянство, и она, Улитка, отъ тѣхъ побой кричала, и, тотъ крикъ послыша, объѣзжій пріѣхалъ на дворъ" и хотѣлъ взять ее, но хозяйка ее „не отдала и держала у себя скована, а она, Улитка, ни съ какими зажигательными припасы никогда не ходила". Изъ „обапольныхъ сосѣдей" банщикъ, на котораго ссылался объѣзжій, показалъ, что онъ „про такое дѣло не вѣдаетъ". Въ челобитной же Никиты Головина эта выемка изображена въ видѣ форменнаго разбойнаго наѣзда Барышникова на дворъ челобитчика. „У чулана доски высѣкли и двери разбили, жаловался Головинъ, и коробьи ломали, взяли денегъ 70 рублевъ... и дочь мою съ мальчикомъ, со внукомъ моимъ, повели на съѣзжій дворъ, и у воротъ моихъ стали ему посторонніе люди говорить и кричать на него, что они дочь мою взяли и безчестятъ напрасно, и онъ дочь мою отпустилъ,.. и дочь моя, видя такое разоренье, убоясь, сошла со двора и жила у свойственниковъ, покамѣсть я пріѣхалъ, а моего внука испужалъ, и съ того числа и до нынѣ лежитъ при смерти". „А есть бы, Государь, писалъ Головинъ о „зажигательствѣ" Улитки, такое дѣло было, мнѣ бы то и самому о таковѣ дѣлѣ довелось бить челомъ [3])".

---

[1]) П. С. З. №№ 1181, 1693, 1695; Пр. 413, 182; Пр. 1716,550.

[2]) Случай этотъ имѣлъ мѣсто на Царицыной улицѣ (Большая Никитская въ Земляномъ городѣ), но вообще характеренъ для дѣятельности объѣзжихъ головъ.

[3]) Пр. 1648, 2—8.

Но всѣ эти предосторожности не могли предупредить пожаровъ, вспыхивавшихъ иногда по нѣскольку разъ въ день, и поэтому нужно было думать о тушеніи.

Прежде всего заботились о томъ, чтобы всегда была наготовѣ вода; „на палатахъ и на хоромахъ и на людскихъ избахъ“ должны были стоять „кади и мѣрники съ помелы“; въ рядахъ также вода должна была быть „безпереводно“; велѣно было на кровляхъ поставить „мѣрники и кади съ водою, а въ нихъ были бъ шайки и помела, а на низу были бъ тчаны большіе, а въ нихъ ведра съ веревки“ для подъема воды на кровли.

Вмѣсто каланчей пользовались церковными колокольнями: въ 1665 году на колокольнѣ Иверскаго подворья [1]) былъ поставленъ стрѣлецъ, „чтобы смотрѣлъ во всѣ стороны, гдѣ дымъ объявится и, приходя бы на съѣзжій дворъ, сказывалъ“. Уличные караульщики должны были являться на дежурства „съ водоливными трубами и со всякими къ пожарному времени припасы“. О водоливныхъ трубахъ шла рѣчь уже въ 1649 году. Сначала такія трубы должны были имѣть только богатые „пожиточные“ люди и при томъ съ 5 дворовъ по трубѣ, но съ теченіемъ времени было принято за правило, чтобы всѣ богатые домовладѣльцы „держали во дворахъ своихъ водоливныя трубы мѣдныя и деревянныя, а маломочные съ 5 дворовъ по трубѣ, а ведра бы однолично на всѣхъ дворѣхъ“. Когда начинался пожаръ, прежде всего усердно били въ набатъ, и объѣзчики „съ десятскими и уличными караульщики и съ пожарными запасы“ должны были являться на пожаръ и „радѣть всякими обычаи неоплошно, чтобы огонь утишить“; имъ должны были помогать стрѣльцы и впослѣдствіи солдаты съ посадскими людьми черныхъ сотенъ и слободъ Московскихъ, по росписанію, „кому куда указано“ было „бѣгать на пожары“. Праздныхъ зрителей, которые „того пожару учнутъ смотрѣть“, предписывалось „съ пожару отсылать прочь“; воровъ же было указано „бить кнутомъ, водя по пожару безо всякія пощады и ссылать въ ссылку на вѣчное житье“. Тѣмъ, отъ кого „учинится пожаръ“, грозила „великая опала и разоренье“, а иногда даже правительство пугало ихъ „смертною казнью“; объѣзжему, допустившему пожаръ своимъ „небреженьемъ“, предстояли „жестокое наказанье и дальняя ссылка“. Но самые эти драконовскіе законы только показывали безсиліе властей въ борьбѣ съ пожарами. Ни угрозы, ни „топоры, водоливныя трубы, ведра, кошели, щиты“, съ которыми „бѣгали“ пожарные XVII вѣка на борьбу съ пламенемъ, не могли остановить

[1]) Въ Юшковѣ (въ старину Посольскомъ) переулкѣ рядомъ съ выходящимъ на Ильинку домомъ Торговаго Банка. Подворье принадлежало Иверскому монастырю, основанному Никономъ на Валдайскомъ озерѣ.

огня, свободно гулявшаго по деревянной Москвѣ. Единственное дѣйствительное средство для борьбы съ пожаромъ состояло въ томъ, чтобы „дворы и по торжкомъ лавки отнять“, т. е. ломать постройки между горѣвшими и тѣми, которыя можно было надѣяться отстоять [1]).

Насколько наши предки были безсильны предупреждать пожары и бороться съ ними, показываютъ два примѣра пожарныхъ случаевъ.

23 марта 1668 года, въ понедѣльникъ на Святой недѣлѣ, дьякъ Иванъ Чистово, человѣкъ опытный въ пожарномъ дѣлѣ, самъ бывшій въ объѣздѣ въ 1667 году, пріѣхалъ домой и „учалъ было обѣдать“. На его дворѣ „въ особой палатѣ“ жила сестра его Соломонида, вдова гостя, богатая и имѣвшая особый штатъ прислуги. Изъ числа челяди вдовы дѣвка Наташка въ злополучный понедѣльникъ „стала послѣ обѣденъ топить“; дѣло было уже къ веснѣ, и Наташка вздумала истопить печь „щепами, да старыми ломаными драницами, а на подгнетку положила старыхъ же скалъ“; отъ этого загорѣлось въ трубѣ, а дьякъ преспокойно сидѣлъ за праздничнымъ обѣдомъ, пока не „увидѣли со двора люди и закричали“.

Дѣвку били батогами, а дьяку и сестрѣ его указано было объявить, что „они того не смотрѣли, и то дѣялось не добро, и впредь бы де жить бережно“.

У дьяка Чистово пожаръ не принялъ большихъ размѣровъ, но другой пожаръ имѣлъ болѣе печальныя послѣдствія.

28 августа 1688 года на Новомъ Посольскомъ Дворѣ въ Китаѣ-городѣ въ верхней палатѣ работали мастеровые люди — столяры, а въ нижней палатѣ лежали лѣсные припасы, „готовленные къ столярному дѣлу“; огня въ палатахъ не было, но вдругъ въ 8-мъ часу дня въ нижней палатѣ загорѣлось изнутри; мастеровые люди, какъ водится, „закричали“, но было уже поздно; занялась кровля на палатѣ, загорѣлись сосѣдніе дворы, по Варваркѣ огонь выкинуло въ Бѣлый и далѣе въ Земляной городъ, „потече огнь, якоже молнія“, и возникъ одинъ изъ грандіозныхъ Московскихъ пожаровъ стараго времени [2]).

Сообщ. В. Шереметевскій.

---

[1]) П. С. З. №№ 6, 821; Пр. 413, 184; Пр. 2513, 6; М. 765, ст. 3, 1—21.

[2]) Пр. 384, 329—332; М. 670, 12—19.

Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера[1].

Въ Петербургъ я привезъ рекомендательное письмо Погген-поля къ Н. А. Милютину, съ которымъ я желалъ познакомиться. Поггенполь меня рекомендовалъ какъ автора сочиненія „Etudes sur les questions des paysans“, очень интересующагося крестьянскимъ вопросомъ. Милютинъ принялъ меня любезно и пригласилъ посѣщать его по воскресеньямъ вечеромъ. На этихъ воскресныхъ вечерахъ у него собирались выдающіеся члены редакціонныхъ комиссій и происходили постоянно оживленные разговоры о крестьянскомъ дѣлѣ, которыми я не могъ не интересоваться въ высшей степени. Я тамъ встрѣчалъ Ю. Самарина, князя Черкасскаго, Галагана, Арапетова и другихъ членовъ комиссіи. Замѣчательно, что въ происходившихъ разговорахъ высказывалось обыкновенно нѣкоторое ожесточеніе противъ дворянства, потому что значительная часть дворянства не была расположена въ пользу эмансипаціи крестьянъ и особенно эмансипаціи съ землею, и многіе выдающіеся члены дворянства старались всѣми мѣрами затормозить работы редакціонныхъ комиссій. Я близко сошелся со всѣмъ Милютинскимъ кружкомъ и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ крестьянскаго дѣла. По просьбѣ Н. А. Милютина я составилъ брошюру на французскомъ языкѣ о выкупномъ вопросѣ для его популяризированія. Первые сто экземпляровъ этой брошюры разошлись въ нѣсколько дней. Моя брошюра такъ понравилась Милютину, что онъ мнѣ сказалъ: „теперь мы считаемъ васъ своимъ“. Введеніе въ дѣйствіе новаго закона было поручено губернскимъ комитетамъ, составленнымъ изъ выборныхъ

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1909 г.

отъ дворянства и представителей нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Милютинъ желалъ моего участія въ Петербургскомъ Комитетѣ, но провести моего избранія дворянствомъ въ члены Комитета не удалось. Не мало содѣйствовало пріятности Милютинскихъ вечеровъ присутствіе на нихъ его супруги, красивой и симпатичной Маріи Аггеевны, сестры Александра Аггеевича Абазы. Между нами установились скоро дружескія отношенія, которыя прекратились только съ отъѣздомъ изъ Россіи, когда, послѣ смерти Н. А. Милютина, она вышла замужъ за англичанина, состоявшаго гувернеромъ у ея дѣтей, и съ нимъ уѣхала въ Англію. Кромѣ Маріи Аггеевны на Милютинскихъ вечерахъ присутствовала изъ дамъ только еще сестра Милютина—жена С. А. Мордвинова.

Говоря о крестьянскомъ вопросѣ, нельзя не говорить о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и кружкѣ Михайловскаго дворца. Великая Княгиня Елена Павловна, отличавшаяся выдающимся умомъ и политическимъ тактомъ, живо интересовалась происходящею тогда реформаторскою дѣятельностью и особенно крестьянскимъ вопросомъ. Она раздѣляла взгляды редакціонныхъ комиссій и поддерживала ея членовъ своимъ вліяніемъ при дворѣ. Особеннымъ ея расположеніемъ пользовался Н. А. Милютинъ. До какой степени доходило это расположеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ деликатность Великой Княгини, доказывалъ слѣдующій фактъ, разсказанный мнѣ супругою Николая Алексѣевича.

Въ качествѣ руководящаго лица редакціонныхъ комиссій, Милютину приходилось выдерживать ожесточенную борьбу съ разными вліятельными сферами, старавшимися противодѣйствовать рѣшенію вопроса въ смыслѣ редакціонныхъ комиссій. Естественно, что при такой постоянной борьбѣ у него должны были являться des moments de découragement, послѣ которыхъ возникало желаніе бросить все и удалиться отъ дѣлъ. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, разговаривая съ Великой Княгиней, онъ замѣтилъ, что несчастіе для государственнаго человѣка быть въ зависимости въ денежномъ отношеніи отъ своего служебнаго положенія—не имѣть собственнаго обезпеченнаго положенія. Великая Княгиня обратила вниманіе на эту высказанную мимоходомъ мысль и нѣсколько времени спустя, бесѣдуя опять съ Милютинымъ, сказала ему: „я бы желала поставить Васъ въ независимое отъ службы положеніе, чтобы ничто не стѣсняло Васъ въ Вашей государственной дѣятельности, примите это отъ меня, какъ подарокъ отъ друга“. При этомъ она хотѣла передать ему пакетъ съ значительною суммою денегъ. Милютинъ былъ пораженъ такою великодушною любезностью Великой Княгини, денегъ онъ, разумѣется, не принялъ, но, поцѣловавъ ея руку, разсыпался въ

выраженіяхъ благодарности, увѣряя ее, какъ глубоко онъ тронутъ и какъ онъ высоко цѣнитъ подобный знакъ ея вниманія.

Говоря о кружкѣ Михайловскаго дворца, необходимо упомянуть о личностяхъ, окружавшихъ Вел. Княгиню. Это были баронесса Раденъ, фрейлина Эйлеръ, фрейлина Сталь, и впослѣдствіи, ея пѣвица Ю. Ф. Штуббе, вышедшая потомъ замужъ за А. А. Абазу, бывшаго гофмейстеромъ Великой Княгини. Музыкальные вечера, происходившіе у Ю. Ф. Абазы, на которыхъ собирались выдающіеся музыкальные таланты города и часть высшаго общества, интересовавшаяся музыкой,—пользовались заслуженной извѣстностью.

Бар. Эдита Ѳедоровна Раденъ была замѣчательная личность по своему уму и сильному характеру. Она принимала выдающееся участіе во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, возникавшихъ подъ вліяніемъ Великой Княгини, и была въ близкихъ отношеніяхъ почти ко всѣмъ выдающимся лицамъ, приходящимъ въ сношеніе съ Вел. Княгиней. Разсказываютъ, что когда она сопровождала Великую Княгиню за границу, то въ Римѣ, при Дворѣ Папы, нѣкоторые кардиналы такъ были поражены ея умомъ, что въ продолжительныхъ разговорахъ стремились побудить ее (лютеранку) къ переходу въ католицизмъ — разумѣется, безъ успѣха. Эдита Ѳедоровна была очень дружна съ Юр. Ѳед. Самаринымъ. Принадлежавшая къ балтійскому дворянству, но связанная своимъ положеніемъ со всѣми интересами Россіи, которую она горячо любила,—она желала воздѣйствовать на Юрія Ѳедоровича, чтобы вызвать съ его стороны менѣе враждебный и болѣе справедливый взглядъ на остзейскій вопросъ. По этому поводу между ними происходила въ высшей степени интересная переписка, кажется, потомъ напечатанная не въ большомъ числѣ экземпляровъ,—замѣчательная, какъ аргументація двухъ выдающихся личностей, высоко уважавшихъ другъ друга, связанныхъ тѣсной дружбой, но смотрѣвшихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же вопросъ, и потому не могшихъ прійти къ согласительному результату.

По поводу отношеній между Эдитой Ѳедоровной и Ю. Ѳ. Самаринымъ, у меня осталась въ памяти одна замѣчательная сцена, происходившая въ Ораніенбаумѣ за интимнымъ обѣдомъ, въ которомъ я принималъ участіе. На этомъ обѣдѣ присутствовали Великая Княгиня, баронесса Раденъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и прусскій совѣтникъ посольства, кажется, Альвенслебенъ.

Какъ то вопросъ зашелъ объ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей; Ю. Ѳ. Самаринъ, какъ enfant terrible, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Вел. Княгини и прусскаго дипломата, сталъ

пространно развивать свою мысль, что между Россіей и Пруссіей рано или поздно должно дойти до войны, такъ какъ ихъ интересы слишкомъ противоположны. Понятно, какъ подобный разговоръ долженъ былъ всѣхъ озадачить и стѣснить. Послѣ обѣда Эдита Ѳедоровна, Самаринъ и я, мы вышли на балконъ, и Эдита Ѳедоровна стала дѣлать самымъ дружескимъ образомъ какъ бы выговоръ Юрію Ѳедоровичу, представляя ему, какъ неудобно и не политично было высказывать такія вещи въ присутствіи прусскаго дипломата и Вел. Княгини,—но, повидимому, эти представленія не убѣдили однако Самарина въ неумѣстности его замѣчаній, онъ отвѣтилъ, отшучиваясь, и не хотѣлъ согласиться съ представленными ему соображеніями.

А. А. Эйлеръ, внучка знаменитаго астронома, не была такою выдающеюся личностью, какъ баронесса Раденъ, но была чрезвычайно достойная и милая особа. Впослѣдствіи она состояла гофмейстериной при дворѣ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны на Кавказѣ и затѣмъ вышла замужъ за князя Витгенштейна. Я былъ съ нею въ очень хорошихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ и особенно подъ конецъ ея жизни, когда, выйдя замужъ за князя Витгенштейна, она совсѣмъ поселилась въ Петербургѣ. Министромъ Финансовъ былъ тогда ея двоюродный братъ (cousin) Н. Х. Бунге, и мы часто обѣдали съ нимъ у нея въ интимномъ кружкѣ, или съ нею у него, такъ что между нами создались очень пріятныя отношенія, которыя продолжались до ея смерти. Когда она уже была опасно больною, уѣзжая осенью въ Ялту, я заѣхалъ къ ней проститься и, несмотря на ея болѣзненное состояніе, она меня приняла; послѣ того мнѣ уже не суждено было ея видѣть, потому что нѣсколько недѣль спустя я прочелъ въ газетахъ извѣстіе о ея кончинѣ.

Совершенно другой типъ, не похожій ни на баронессу Раденъ, ни на М-lle Эйлеръ, представляла фрейлина Стааль. Красивая дѣвушка, чего нельзя было сказать ни про Эдиту Ѳедоровну, ни про М-lle Эйлеръ, она тоже отличалась умомъ, но умомъ склоннымъ къ придворнымъ интригамъ, и по прямотѣ характера никакъ не могла сравниться съ ними. Несмотря на все желаніе (какъ казалось), ей не удалось составить себѣ хорошей партіи при дворѣ. Впослѣдствіи, когда графъ Киселевъ былъ посломъ въ Парижѣ, во время продолжительной его болѣзни, заботясь о старикѣ, Великая Княгиня предложила фрейлинѣ Стааль, не согласится ли она поѣхать къ Киселеву, чтобы позаботиться о бѣдномъ старикѣ, не имѣвшемъ никого около себя. Надѣясь, вѣроятно, играть нѣкоторую роль въ Парижѣ, по своему положенію въ посольствѣ, М-lle Стааль согла-

силась принять это предложеніе и отправилась въ Парижъ. Тамъ она познакомилась съ какимъ-то маркизомъ и вышла за него замужъ. Но такъ какъ ни у нея, ни у ея мужа не было состоянія, то она постоянно обращалась къ Великой Княгинѣ съ просьбами о денежномъ пособіи, и разъ, когда Великая Княгиня ей въ томъ отказала, она не посовѣстилась даже обратиться къ Великой Княгинѣ съ угрозой—распубликовать разныя интимныя корреспонденціи, бывшія у ней съ Великой Княгиней, предлагая ей пріобрѣсть эти бумаги за извѣстную сумму.

Гофмейстериной Великой Княгини была княжна Львова, добрая старушка съ большимъ тактомъ, но ничѣмъ особенно не отличавшаяся; имя ея, однако, останется въ исторіи, вслѣдствіе происходившихъ у нея вечеровъ и имѣвшихъ историческое значеніе для того времени.

Живо интересуясь всѣмъ, что происходило, въ мірѣ не только политическомъ, но и ученомъ, артистическомъ и литературномъ, Великая Княгиня Елена Павловна желала знакомиться съ выдающимися учеными, артистами и литераторами. Но такъ какъ придворный этикетъ допускалъ ко двору только извѣстныхъ титулованныхъ и чиновныхъ лицъ и при томъ требовалъ большой сдержанности въ обращеніи, то Великая Княгиня, не желая себя стѣснять въ этомъ отношеніи, придумала устроить пріемныя вечера у княжны Львовой, въ салонахъ послѣдней, куда можно было приглашать отъ имени княжны всѣхъ лицъ, которыхъ Вел. Княгиня желала видѣть и съ которыми она желала бесѣдовать совсѣмъ непринужденно. На этихъ вечерахъ присутствовалъ обыкновенно и А. Г. Рубинштейнъ, на нихъ занимались разговорами, музыкой. Великая Княгиня приходила обыкновенно послѣ начала собранія, садилась гдѣ-нибудь въ сторонѣ, и къ ней подзывались то одинъ, то другой изъ посѣтителей для интимнаго разговора. На эти вечера, которые такъ и назывались, les soirées de la Prin-sse Lwoff, и я получилъ приглашеніе. Это не мало льстило моему самолюбію, такъ какъ это служило указаніемъ, что я тоже нѣсколько выдѣляюсь изъ толпы и начинаю получать нѣкоторое значеніе въ наукѣ. Впослѣдствіи мои отношенія къ Вел. Княгинѣ сдѣлались еще болѣе близкими, и я до сихъ поръ храню небольшую записочку, которую та мнѣ написала по одному цѣлу, уже будучи больной, за два дня до своей смерти.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ-за границы я получилъ приглашеніе принять участіе въ публичныхъ лекціяхъ, которыя тогда устраивались. Иниціаторомъ этого дѣла былъ И. В. Вернадскій, бывшій профессоръ политической экономіи въ Москвѣ, и въ то время переселившійся въ Петербургъ, гдѣ онъ между прочимъ издавалъ журналъ подъ названіемъ „Экономическій Указатель“. Это былъ первый экономическій журналъ, появившійся въ Россіи. Предположено было прочесть три публичныя лекціи по политической экономіи, по статистикѣ и еще по какому то третьему предмету, который не припомню. Лекціи по Политической Экономіи взялся читать самъ Вернадскій, чтеніе лекцій по статистикѣ онъ предложилъ мнѣ,—а по третьему предмету—Чернышевскому, который уже пользовался тогда большою популярностью.

Мои лекціи я началъ слѣдующимъ вступленіемъ, которое привожу здѣсь, чтобы показать, какъ я тогда смотрѣлъ на предметъ.

„Рядъ начатыхъ преобразованій въ области экономическихъ, промышленныхъ и общественныхъ вопросовъ, коими ознаменовано настоящее время,—будетъ имѣть глубокое значеніе въ исторіи развитія русскаго общества.

Но какъ ни благодѣтельны послѣдствія, которыя мы ожидаемъ отъ этихъ необходимыхъ начинаній, нельзя не допустить, что настоящая переходная эпоха потребуетъ значительнаго напряженія всѣхъ экономическихъ и промышленныхъ силъ народа и страны.

Вѣковыя учрежденія не измѣняются безъ труда.

При такихъ обстоятельствахъ, вызывающихъ вопросъ о соразмѣрности нашихъ силъ и средствъ съ преобразованіями, понятыми въ настоящее время, намъ кажется полезнымъ подвергнуть разсмотрѣнію естественныя силы и условія производительности, коими природа надѣлила наше отечество, и обратиться къ изученію лучшихъ способовъ извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы.

Развитіе, прогрессъ требуютъ усиленной дѣятельности; это общій законъ природы.

Отъ пастуха лошади требуется гораздо меньше умственнаго и физическаго напряженія, чѣмъ отъ осѣдлаго земледѣльца; отъ простого ремесленника требуется меньше умственной дѣятельности, чѣмъ отъ искуснаго фабриканта, отъ писца менѣе, чѣмъ отъ ученаго, отъ простого чиновника менѣе, чѣмъ отъ государственнаго человѣка—наконецъ, отъ народа необразованнаго менѣе, чѣмъ отъ народа, стремящагося на пути къ совершенству. Развитіе требуетъ большой дѣятельности, также какъ каждое расширеніе круга экономической и гражданской свободы приноситъ съ собой для всѣхъ и болѣе отвѣтственности, и болѣе труда. Ребенокъ, не

имѣющій никакой самодѣятельности и вполнѣ зависящій отъ воли родителей,—живетъ спокойнѣе и беззаботнѣе взрослаго человѣка, который—дѣйствуя независимо отъ непосредственной чужой опеки, несетъ и всю отвѣтственность и всѣ заботы своей жизни;—но можно ли изъ-за этого предпочитать дѣтскій возрастъ болѣе зрѣлому; точно также сонъ спокойнѣе и беззаботнѣе житейской дѣятельности, но кто можетъ, несмотря на то, погрузиться въ вѣчный сонъ, т. е. смерть.

Многимъ однако покой или по крайней мѣрѣ обыкновенныя, ежедневныя, привычныя занятія пріятнѣй усиленнаго труда. Удивительно ли, послѣ того, что теперь, когда отъ каждаго требуется, чтобы онъ и болѣе работалъ и болѣе читалъ и болѣе размышлялъ, чѣмъ прежде, многіе находятъ это движеніе неловкимъ и сожалѣютъ о прежнемъ,—что вслѣдствіе того нерѣдко слышатся голоса, которые спрашиваютъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, не превосходимъ ли мы въ нашихъ начинаніяхъ наши силы.

На этотъ вопросъ слѣдуетъ смотрѣть отчасти какъ на естественное противодѣйствіе, возникающее изъ той нравственной неподвижности, къ которой такъ легко привыкаетъ человѣкъ—потому что при подобномъ вопросѣ теряется изъ виду, что въ каждомъ организмѣ существуетъ извѣстная гармонія, вызывающая нѣкоторую связь между главнѣйшими учрежденіями и обычаями страны—такъ что нельзя надѣяться на удовлетворительный результатъ отъ измѣненія одного учрежденія безъ измѣненія другого, близко его касающагося;—очевидно, напримѣръ, что нельзя раздѣлить крестьянскаго вопроса отъ вопроса о судопроизводствѣ и сельской полиціи,—торговаго вопроса отъ вопроса объ исскуственныхъ путяхъ сообщенія, вопроса о бумажныхъ деньгахъ отъ банковаго вопроса. Но съ другой стороны слѣдуетъ допустить, что вышеозначенный вопросъ нѣсколько оправдывается тѣмъ, что въ настоящее время глубокія преобразованія становятся необходимыми не только въ учрежденіяхъ, но даже въ экономическихъ условіяхъ и хозяйственныхъ обычаяхъ нашей жизни.

Не говоря уже о тѣхъ хозяйственно-экономическихъ привычкахъ, кои тѣсно связаны съ предстоящими реформами, какъ, напр., о бытѣ помѣщика, объ управленіи имѣніями и системѣ обработки земли, которыя съ упраздненіемъ крѣпостного права должны будутъ подвергнуться также коренному измѣненію—возьмемъ, напр., внѣшнюю торговлю.

Если отстранить вопросъ о случайномъ замѣшательствѣ ея, вслѣдствіе упадка цѣнности кредитныхъ знаковъ,—то несомнѣнно, что изъ всѣхъ проявленій нашей экономической жизни она менѣе

прочихъ зависитъ отъ тѣхъ государственныхъ учрежденій, реорганизаціею которыхъ занято въ настоящее время наше правительство. Несмотря на то и наша внѣшняя торговля требуетъ глубокой основательной переработки. Потребность эта не случайная и не временная, она не прекратится съ возстановленіемъ нормальнаго денежнаго обращенія, она лежитъ глубже въ самыхъ условіяхъ нашихъ оборотовъ съ чужими странами. Весь нашъ отпускъ состоитъ изъ сырыхъ и полуобработанныхъ, и къ тому еще худо обработанныхъ продуктовъ— въ пятьдесятъ лѣтъ онъ по качеству ни шагу не сдѣлалъ впередъ [1]). Какъ въ концѣ XVIII столѣтія, мы и теперь вывозимъ зерновой хлѣбъ вмѣсто муки, льняное сѣмя вмѣсто масла, грязную шерсть вмѣсто мытой, сало, на половину худо приготовленное, вмѣсто стеариновыхъ свѣчей, сырыя шкуры вмѣсто хорошаго дубленаго кожевеннаго товара и т. д. Такое положеніе дѣлъ, какъ мнѣ кажется, есть естественное послѣдствіе сильно охранительныхъ тарифовъ...

Мы не будемъ входить во всѣ подробности вопроса, такъ какъ придется обратиться къ нему еще впослѣдствіи. Я привелъ этотъ феноменъ только, какъ примѣръ той всеобщей необходимости возрожденія и усовершенствованія, которая высказывается по всѣмъ проявленіямъ нашей общественной жизни.

Если нельзя сомнѣваться, что народъ молодой, что страна юная не могутъ быть подавлены въ ихъ экономическомъ благосостояніи необходимостью основательнаго развитія, то съ другой стороны надо допустить, какъ я уже замѣтилъ, что подобный переходный кризисъ потребуетъ значительнаго напряженія производительной дѣятельности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и нѣкоторыхъ пожертвованій...

Народы, не имѣющіе достаточно нравственнаго характера для произведенія того напряженія силъ, котораго требуетъ прогрессъ, разоряются, впадаютъ въ бѣдность и нисходятъ со степени политическаго значенія...“

Вышеприведенныя строки показываютъ, какъ я смотрѣлъ тогда на положеніе дѣла, и кажется, во многомъ послѣдующія происшествія оправдали мое воззрѣніе.

Наши лекціи не имѣли успѣха, слушателей было мало, и даже чтеніе Чернышевскаго, несмотря на ту популярность, которою онъ тогда пользовался, не могли привлечь значительной публики. Замѣчательно,

---

[1]) Съ тѣхъ поръ какъ я это публично развивалъ, прошло еще 50 лѣтъ, а характеръ нашей внѣшней торговли все еще мало измѣнился въ этомъ отношеніи.

впрочемъ, какъ читалъ Чернышевскій. Во всемъ его появленіи высказывалась какая-то самонадѣянность и какое-то пренебреженіе къ публикѣ. Онъ полустоялъ, полулежалъ на каѳедрѣ, говорилъ плавно, но, сколько помню, безъ всякой системы, казалось, какъ будто онъ относится кое-какъ къ предмету чтенія и къ публикѣ. Вслѣдствіе незначительнаго числа слушателей предпріятіе оказалось невыгоднымъ, такъ что другіе лекторы не дочитали своихъ лекцій. Что касается до меня, то я прочелъ всѣ три условленныя лекціи, но этимъ, какъ мнѣ передавала м-мъ Ламанская, вызвалъ неудовольствіе со стороны учредителей, которымъ приходилось нести расходы по неокупившемуся предпріятію, хотя прямо о томъ они мнѣ ничего не заявляли. Узнавъ это и желая удостовѣрить, что я при этомъ не руководился корыстными разсчетами, я написалъ учредителямъ лекцій, что жертвую мой гонораръ, 100 руб., въ пользу литературнаго фонда (имѣвшаго цѣлью вспомоществованіе неимущимъ литераторамъ и ихъ семействамъ), прося переслать въ фондъ слѣдуемыя мнѣ деньги—котораго я такимъ образомъ сдѣлался постояннымъ членомъ.

Мои три лекціи были однако все же напечатаны Вернадскимъ въ „Экономическомъ Указателѣ“.

Въ томъ же 1859 г. я былъ назначенъ членомъ и управляющимъ дѣлами только-что учрежденной Податной комиссіи.

Министромъ финансовъ былъ въ то время Княжевичъ, а директоромъ Кредитной канцеляріи Гагемейстеръ. Послѣдній былъ другомъ Княжевича и имѣлъ на него большое вліяніе. Княжевичъ исходатайствовалъ ему даже званіе статсъ-секретаря Е. И. В.,—которое обыкновенно давалось только личностямъ, занимавшимъ постъ выше директоровъ департаментовъ и канцелярій, такъ что назначеніе Гагемейстера статсъ-секретаремъ считалось совершенно исключительнымъ въ служебномъ мірѣ фактомъ. Гагемейстеръ былъ человѣкъ очень умный, образованный, необыкновенно добрый и благородный. Онъ много писалъ, между прочимъ имъ было составлено обширное описаніе Сибири, о которомъ я говорилъ выше, по случаю моего поступленія въ Сибирскій комитетъ. Но у него была одна странность, которая помѣшала ему сдѣлаться вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, это было его крайнее пессимистическое воззрѣніе на будущность Россіи. Онъ смотрѣлъ на Россію какъ на страну бѣдную, не имѣющую большой будущности; указывая на ея неблагопріятныя климатическія условія, продолжительныя зимы, на постоянные неурожаи, на обширныя степныя пространства, на бѣдность крестьянъ и некультурность общества—нигдѣ онъ, однимъ словомъ, не видѣлъ задатковъ будущаго развитія богатства страны.

*

Мнѣ часто приходилось бесѣдовать съ нимъ по этому предмету, при чемъ онъ обыкновенно возражалъ мнѣ—„покажите мнѣ, гдѣ, гдѣ источники богатства и благосостоянія Россіи; нѣтъ, это бѣдная страна“. Въ выраженіи своего пессимистическаго воззрѣнія онъ никогда и нигдѣ не стѣснялся, что̀ повредило даже его служебному положенію. Въ качествѣ директора Кредитной канцеляріи онъ былъ посланъ въ Парижъ для какихъ-то переговоровъ съ мѣстными банкирами. Въ теченіе этихъ переговоровъ онъ и въ ихъ средѣ не стѣснялся высказывать свое мнѣніе о бѣдности Россіи. На это обратили даже тамъ вниманіе, и кто-то изъ банкировъ написалъ въ Петербургъ, что Гагемейстеръ такими своими отзывами наноситъ вредъ кредиту Россіи. Это дошло до свѣдѣнія Государя, и Государь потребовалъ удаленія его съ должности директора Кредитной канцеляріи. Княжевичу удалось только отстоять за нимъ званіе статсъ-секретаря.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я теперь пишу, онъ пользовался еще большимъ вліяніемъ, и, кажется, по его настоянію Княжевичъ рѣшился учредить двѣ комиссіи для разсмотрѣнія вопросовъ: о поземельномъ кредитѣ и о преобразованіи нашей податной системы. Въ члены этихъ комиссій были назначены выдающіеся дѣятели того времени. Членомъ-управляющимъ дѣлами Поземельно-Кредитной комиссіи былъ назначенъ В. П. Безобразовъ, а въ Податную комиссію, которая состояла подъ предсѣдательствомъ Гагемейстера, членомъ-управляющимъ дѣлами былъ назначенъ директоръ мануфактурнаго департамента, Бутовскій. Отъ этихъ комиссій въ то время ожидали очень много, и нѣкоторыя лица на нихъ смотрѣли даже, какъ на зачатки будущихъ конституціонныхъ порядковъ.

Упомянувъ о Влад. Павл. Безобразовѣ, считаю нужнымъ нѣсколько ближе коснуться этой замѣчательной личности, съ которою я находился въ дружественныхъ отношеніяхъ до самой его смерти. Владиміръ Павловичъ былъ человѣкъ необыкновенно энергичный, очень умный, съ большими экономическими и финансовыми познаніями, — при такихъ условіяхъ въ эту первую эпоху возбужденія умственнаго и общественнаго движенія Россіи, онъ быстро выдвинулся впередъ и занялъ выдающееся положеніе. Несмотря на всѣ свои замѣчательныя качества, онъ не достигъ однако вліятельнаго служебнаго положенія, чему помѣшали его крайнее самомнѣніе и самолюбіе, побуждавшія его слишкомъ ярко во всѣхъ дѣлахъ выставлять свою личность. При такихъ условіяхъ ему очевидно трудно было подчиниться кому-либо изъ начальствующихъ лицъ и потому занять регулярное служебное положеніе. Онъ самъ нерѣдко говорилъ, что онъ могъ бы служить только министромъ,

исполнять же чужія порученія, которыя могутъ быть несогласны съ его воззрѣніями, онъ не способенъ. Онъ уже тогда много писалъ по финансовой и политической экономіи и былъ секретаремъ Географическаго общества. Это положеніе онъ оставилъ (предложивъ мнѣ быть его замѣстителемъ), когда былъ назначенъ Управляющимъ дѣлами комиссіи по Поземельному кредиту, — назначеніе, которымъ онъ былъ обязанъ преимущественно своему другу Гагемейстеру. Впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ членомъ совѣта министерства финансовъ, соединилъ съ этимъ званіемъ должность профессора политич. экономіи въ Лицеѣ и умеръ сенаторомъ. Кромѣ того, Академія Наукъ, за его финансово-экономическія работы, избрала его своимъ членомъ.

Благодаря удивительной живости его характера, его энергіи и его уму, онъ былъ постоянно центромъ, около котораго группировался кружокъ людей всякихъ направленій, такъ какъ въ этомъ отношеніи у него не было никакой исключительности, никакой тенденціозности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень близокъ съ пользовавшимся тогда такимъ вліяніемъ Катковымъ и часто помѣщалъ свои статьи въ его журналѣ. Каждое воскресенье утромъ у него были пріемы, на которыхъ всегда можно было застать массу людей, часто очень интересныхъ, какъ петербургскихъ жителей, такъ и дѣятелей, пріѣзжавшихъ изъ губерніи. Впослѣдствіи, сдѣлавшись академикомъ, онъ устраивалъ у себя по четвергамъ вечеромъ собранія, на которыхъ выдающіеся академики Бэръ, Брандъ и друг. дѣлали крайне интересныя сообщенія. На эти вечера собиралось всегда большое общество мужчинъ и дамъ, и даже великіе князья отъ времени до времени появлялись на нихъ.

По примѣру парижскихъ собраній экономистовъ Вл. П. устроилъ при Географическомъ обществѣ вечернія собранія экономистовъ. На этихъ собраніяхъ различные члены дѣлали сообщенія по разнымъ текущимъ вопросамъ. Число посѣтителей на этихъ собраніяхъ было всегда очень значительно; на нихъ бывали выдающіеся въ то время земскіе дѣятели, между прочимъ Аксеновъ и, кажется, Самаринъ и др. Пріѣзжали также послушать говорившихъ и нѣкоторые министры, напр. Валуевъ. Собранія эти происходили всегда подъ предсѣдательствомъ Ѳ. М. Литке. Посѣщеніе этихъ собраній столь выдающимися лицами и даже министрами ярко характеризуетъ умственное движеніе того времени. Можно ли себѣ представить, чтобы въ настоящее время кто-либо изъ министровъ заинтересовался подобными сообщеніями, дѣлаемыми большею частію молодыми людьми.

Экономическіе вечера превратились впослѣдствіи въ экономи-

ческіе обѣды, которые сохранились до сихъ поръ, и которые, можно сказать въ видѣ исключенія, считали нѣкоторыхъ министровъ своими членами.

Послѣ этого отступленія, посвященнаго памяти Владиміра Павловича, пора возвратиться опять къ Податной комиссіи. Хотя я не состоялъ ея членомъ, но такъ какъ я пользовался расположеніемъ Ю. А. Гагемейстера и былъ въ связи почти со всѣми ея членами, то мнѣ пришлось вскорѣ принять участіе въ ея трудахъ. Въ число подготовительныхъ для нея работъ Гагемейстеръ предложилъ мнѣ составить описаніе прямыхъ, подушныхъ налоговъ. Моя работа, около 300 печатныхъ страницъ, появилась въ трудахъ комиссіи. Нѣсколько времени спустя, такъ какъ А. И. Бутовскій, въ качествѣ директора Мануфактурнаго департамента, былъ чрезвычайно занятъ своими департаментскими дѣлами и потому не имѣлъ возможности посвящать достаточно времени управленію дѣлами Податной комиссіи, то было рѣшено назначить секретаря комиссіи. Гагемейстеръ опять предложилъ это мѣсто мнѣ. При общей тогда самонадѣянности молодыхъ людей, которой и я не былъ лишенъ, слѣдуя примѣру В. П. Безобразова, я отвѣтилъ, что я съ удовольствіемъ готовъ занять эту должность, но только въ томъ случаѣ, если меня вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаютъ членомъ комиссіи, потому что я считалъ возможнымъ работать только въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я имѣлъ голосъ. Гагемейстеръ согласился, и то, что состоялось такимъ образомъ совершенно случайно, Бутовскому показалось какъ интрига, направленная противъ него лично. Оставаться управляющимъ дѣлами и членомъ комиссіи, когда возлѣ него являлся секретарь, тоже членъ комиссіи, онъ не считалъ умѣстнымъ и потому сложилъ съ себя званіе управляющаго дѣлами, оставаясь впрочемъ членомъ комиссіи. Тогда я прямо былъ назначенъ управляющимъ дѣлами членомъ, на его мѣсто, а къ назначенію спеціальнаго секретаря комиссіи уже не предстояло повода.

Ко мнѣ, впрочемъ, Бутовскій по случаю моего назначенія на его мѣсто никакого неудовольствія не проявилъ. Отношенія наши всегда оставались хорошими и подъ конецъ его жизни, когда мы были сенаторами, а онъ предсѣдателемъ въ IV деп. Сената, онъ какъ-то особенно подчеркивалъ свое и расположеніе и уваженіе къ моимъ мнѣніямъ. Когда происходило въ департаментѣ разногласіе между сенаторами, Бутовскій обыкновенно соглашался съ моимъ мнѣніемъ и иногда, какъ бы шутя, прямо высказывалъ: „такъ сказалъ Тернеръ, такъ должно быть правильно и справедливо“, придавая въ глазахъ всего департамента Сената моему мнѣнію какъ бы особенный авторитетъ. Относительно другихъ сенаторовъ у него выходили

иногда курьезные эпизоды. Подъ конецъ жизни онъ сталъ нехорошо слышать, при чемъ, какъ это часто бываетъ съ глуховатыми, иногда не могъ соразмѣрить своего голоса и, думая говорить тихо, высказывался довольно громко. Такимъ образомъ случалось, что когда кто-либо изъ сенаторовъ говорилъ очень долго и не въ сочувственномъ ему смыслѣ, Бутовскій, обращаясь къ сосѣду и полагая, что онъ говоритъ въ полголоса, довольно громко дѣлалъ замѣчаніе въ томъ родѣ—что скоро ли онъ кончитъ говорить, вѣдь скучно слушать такія несообразности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Ю. Ѳ. Абаза [1]).

Когда я была пѣвицей у Великой Княгини Елены Павловны, Рубинштейнъ приходилъ ко мнѣ почти ежедневно отъ 2-хъ до 4-хъ. Это время было для меня интересно, поучительно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно.

Сознавая, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который его уважаетъ, такъ какъ я его уважала—Рубинштейнъ дѣлился со мной всѣми радостями и горестями своей артистической жизни. Dieser Blick in die Tiefen einer Künstlerseele mit seinem Ringen und Streben, seinen Kämpfen und seinen Enttäuschungen war erhebend, aber machte mich auch traurig.

Вѣдь онъ только-что начиналъ тогда свою карьеру композитора.

Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ особенно грустномъ настроеніи; я ждала грозы. На мой вопросъ: „что съ Вами сегодня“—онъ отвѣчалъ: меня преслѣдуетъ неудержимое желаніе—создать что-нибудь полезное для всей Россіи, что не умерло бы вмѣстѣ со мной, создать больше, чѣмъ лишь память о себѣ, какъ объ артистѣ. Этого же можно достигнуть только созданіемъ музыкальной школы, вродѣ Консерваторіи, которая подняла бы весь эстетическій и музыкальный уровень русскаго общества“. Я спросила его: „Могу ли я быть Вамъ полезной—

---

[1]) Вдова покойнаго министра финансовъ и предсѣдателя департамента экономіи Государственнаго Совѣта, Юлія Ѳедоровна Абаза дала намъ возможность познакомить читателей „Русской Старины“ съ отрывкомъ изъ ея воспоминаній, касающимся основанія Русскаго Музыкальнаго общества, которое въ декабрѣ настоящаго года празднуетъ свой полувѣковой юбилей.—

Ред.

и если да—то какимъ именно образомъ".—„Да вы можете помочь мнѣ, если Вы хотите in Dienst meines Willens treten".

Въ 1859 году музыкальная жизнь въ Петербургѣ была весьма мало развита. Было лишь нѣсколько музыкальныхъ кружковъ, но для большой публики—не было ни школъ,—ни концертовъ. Правда—три раза въ годъ давались симфоническіе концерты въ зданіи Пѣвческой капеллы подъ управленіемъ почтеннаго старика Маурера—да нѣсколько квартетныхъ собраній,—вотъ и все.—Первой мыслью Рубинштейна было обратиться къ содѣйствію Великой Княгини Елены Павловны. У этой выдающейся женщины былъ особый даръ отличать тѣхъ людей, которые могли бы быть чѣмъ-нибудь полезными для общаго блага. Всякій—кто обращался къ ней съ какимъ-либо серьезнымъ предложеніемъ—уходилъ отъ нея съ тѣмъ впечатлѣніемъ—что какъ-будто она была ему благодарна за то, что ей дали возможность проявить себя въ новомъ хорошемъ дѣлѣ. Никто лучше ея не представлялъ себѣ, какое благодѣтельное вліяніе на русское общество окажетъ развитіе въ немъ любви къ музыкѣ и процвѣтаніе этого искусства. Рубинштейнъ просилъ меня ѣхать тотчасъ къ Великой Княгинѣ, а самъ остался у меня ждать отвѣта. Я какъ живую вижу передъ собою Великую Княгиню въ тотъ моментъ, когда я разъясняла ей мысль Рубинштейна. Видно было, какъ вся душа ея загорѣлась желаніемъ осуществить эту идею, сколько бы жертвъ это ни стоило. И дѣйствительно—ей стоило это не мало. „Скажите ему, что я готова сдѣлать все, что въ моей власти, чтобы привести въ исполненіе его планъ, который давно уже слагался и у меня самой".

Что же еще прибавить къ этимъ словамъ.

Рубинштейнъ ожилъ. Отъ утомленія и слѣда не осталось—когда я привезла ему этотъ отвѣтъ. Первымъ дѣломъ нужно было создать хоръ, а для этого понадобилось помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Великая Княгиня предоставила намъ большой залъ въ своемъ дворцѣ и приняла на себя всѣ расходы. Мнѣ пришлось исполнять нѣсколько должностей: я принимала желающихъ вступить въ хоръ,—вела списокъ имъ, принимала ихъ мѣсячные взносы,—завѣдывала нотами—наконецъ замѣняла всѣхъ недостающихъ запѣвалъ—смотря по надобности на всѣ голоса.

Кружокъ разросся—и министерство внутреннихъ дѣлъ по ходатайству Великой Княгини отвело помѣщеніе для него въ своемъ зданіи. Выработали уставъ, основали музыкальный классъ, и Рубинштейнъ пригласилъ учительницей пѣнія г-жу Ниссенъ. Меня же Великая Княгиня отправила въ Москву, чтобы подобрать голоса, достойные преподаванія Ниссенъ. Первое время всѣ переговоры между

Великой Княгиней и Рубинштейномъ велись черезъ мое посредство, почему я и имѣю возможность разсказать, какъ было положено начало созданія Консерваторіи.

Мнѣ остается только прибавить, что нравственная и матеріальная поддержка, оказанная Великой Княгиней молодому учрежденію—превзошла всѣ наши ожиданія.

Много лѣтъ спустя Рубинштейнъ, въ воспоминаніе нашихъ общихъ трудовъ и хлопотъ—предложилъ меня въ почетные члены Консерваторіи.

М. И. Драгомировъ и время передъ войной 1877 — 78 г.г. [1]).

(Изъ воспоминаній).

Еще въ концѣ марта 1877 года, получивъ отъ Государя Императора секретное увѣдомленіе о томъ, что днемъ объявленія войны избрано 12-ое число апрѣля,—Великій Князь Главнокомандующій отдалъ по арміи распоряженіе,—которымъ высшіе начальники частей войскъ арміи предупреждались о томъ, что подвѣдомственнымъ имъ частямъ придется передвинуться къ Румынской границѣ и на ней сосредоточиться.

Изъ полевого штаба были разосланы подробные маршруты съ конечными временными дислокаціями, при чемъ Великій Князь приказалъ—выжидать въ назначенномъ каждой части пунктѣ и переходить границу тотчасъ по полученіи оффиціальнаго увѣдомленія о состоявшемся объявленіи манифеста.

Восьмой корпусъ получилъ приказъ—передвинувшись изъ окрестностей Кишинева двумя-тремя переходами черезъ Гуру Галбину [2]) на Бештамакъ [3]) и его окрестности,—стать противъ м. Леово съ

---

[1]) См. „Русск. Стар.“ май 1909 г.

[2]) Молдаванское мѣстечко верстахъ въ двадцати пяти южнѣе Кишинева.

[3]) Молдаванско-еврейская деревня на самой границѣ противъ Румынскаго мѣстечка Леово, находящагося на лѣвомъ берегу р. Прута въ тридцативерстномъ переходѣ отъ границы. Отъ этого мѣстечка одна дорога, перейдя на правый берегъ рѣки, идетъ параллельно ей черезъ Фальчи въ г. Галацъ, а другая, спускаясь на югъ лѣвымъ берегомъ, ведетъ черезъ мѣстечко Водолуй-Исакча, въ г. Рени. Оба эта города—Галацъ и Рени, лежатъ на лѣвомъ берегу Дуная въ самомъ сѣверномъ, — въ предѣлахъ восточной части Румыніи,—участкѣ его теченія. Рени лежитъ въ 25 верстахъ на востокъ отъ Галаца въ водной мѣстности, почти въ пунктѣ впаденія Прута въ Дунай.

тѣмъ, чтобы у этого мѣстечка, въ свое время, совершить переправу для дальнѣйшаго движенія по румынской территоріи правымъ берегомъ Прута на румынскій, важный въ торговомъ отношеніи городъ, Галацъ, лежащій въ 120 верстахъ отъ м. Леово, затѣмъ на Браиловъ [1]), Урзичени [2]), а далѣе на Плумбуитъ, Бенеазъ, Копачени, Бонясъ и другіе населенные пункты, составляющіе болѣе или менѣе близкія окрестности столицы Румыніи—Букареста.

Войска этого корпуса выступили изъ окрестностей Кишинева при чудной погодѣ; но все движеніе на Бештамакъ пришлось имъ продѣлать подъ проливнымъ дождемъ; при чемъ черноземная, кое-гдѣ глинистая, почва мягкихъ грунтовыхъ дорогъ, пролегающихъ въ тѣхъ краяхъ и понынѣ въ первобытномъ видѣ,—совершенно раскиселилась.

* * *

Тяжело достались частямъ войскъ эти переходы; пришлось вязнуть и шагъ за шагомъ выкарабкиваться, а для вытягиванія изъ грязи повозокъ—артиллерійскихъ и обозныхъ,—не только припрягать, въ помощь лошадямъ, воловъ, но и наряжать команды усталыхъ нижнихъ чиновъ. Словомъ, относительно этого похода можно было сказать— „первый блинъ, да комомъ“.

12-го апрѣля погода прояснилась; лицо, командированное для объявленія приказанія двигаться въ дальнѣйшій,—уже „военно-времѐнный, заграничный“ походъ на Леово,—было встрѣчено при солнечной, ясной погодѣ [3]); однако черезъ нѣсколько часовъ,—съ началомъ перехода,—небо безнадежно заволокло,—опять началъ лить проливной дождь, и явились всѣ трудности похода по слякоти, по непролазной грязи.

Въ довершеніе всего, съ приближеніемъ къ м. Леову, началъ ясно обозначаться большой разливъ р. Прута: лѣвой стороной коекакъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно было подойти къ руслу рѣки,

---

[1]) Въ 20-ти верстахъ южнѣе Галаца по желѣзной дорогѣ, ведущей черезъ Плоэшты и Букарестъ въ Журжево—городъ, лежащій на Дунаѣ противъ турецкой крѣпости Рущукъ.

[2]) Въ ста десяти верстахъ западнѣе Браилова и въ сорокапятиверстномъ разстояніи сѣвернѣе Букареста.

[3]) Кажется, въ VIII корпусъ былъ съ этимъ порученіемъ посланъ адъютантъ главнокомандующаго полковникъ Кирасирскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны полка Аѳиногенъ Алексѣевичъ Орловъ; онъ остался, согласно приказанія Вел. Кн., при ген. Радецкомъ на все время похода до Букареста и возвратился къ его высочеству уже въ Плоэшты—въ двадцатыхъ числахъ мая.

но, пока передовыя части переправлялись на правый берегъ, онъ болѣе и болѣе отдалялся, покрываясь водой, и, едва успѣли переправиться три отряда этой колонны Радецкаго, какъ высадка на томъ берегу сдѣлалась невозможною; пришлось не только остановить переправу, но даже нѣсколько отступить съ тѣмъ, чтобы произвести на лѣвомъ берегу самый тщательный осмотръ мѣстности, а затѣмъ, двинувшись походнымъ порядкомъ по этому берегу, совершить переправу главной части отряда не изъ Леово, а верстъ на двадцать южнѣе—противъ мѣстечка Фальчи, и лишь отъ этого пункта двигаться правымъ берегомъ согласно указаніямъ маршрута.

И въ дальнѣйшемъ походномъ движеніи черезъ Румынію до самаго Букареста войска эти были преслѣдуемы неудачами: розливы бурныхъ южныхъ рѣкъ и рѣченокъ, снося, разрушая и уничтожая мосты, вездѣ натворили столько бѣдъ, что въ общемъ прибытіе этой колонны войскъ къ столицѣ Румыніи и сосредоточеніе въ ея окрестностяхъ — запоздало почти на двѣ недѣли противъ разсчета, сдѣланнаго полевымъ штабомъ и объявленнаго къ исполненію [1]).

Гораздо счастливѣе въ совершеніи этого перваго большого военно-времѐннаго похода были части войскъ, совершавшія свое движеніе сѣвернѣе—черезъ пограничныя мѣстечки Унгены и Скуляны, на Яссы, Бузео, Плоэшты;—ихъ не преслѣдовали такія бѣды, каковыми представляются провалы и разрушенія мостовъ и дорожныхъ сооруженій, вслѣдствіе распутицы и разливовъ эти войска, правда, тоже запоздали, но въ конечныхъ пунктахъ назначенія своего движенія и сосредоточенія — частью южнѣе Букареста, вблизи этого города, а частью въ окрестностяхъ Александріи [2]), —они сосредоточились лишь на двое сутокъ позднѣе назначеннаго имъ маршрутами главной квартиры срока [3]).

---

[1]) Задержекъ больше всего произошло между Галацемъ и Браиловымъ, вслѣдствіе порчи парома и мостовъ на р. Серѐтъ у с. Сербешты;—сначала мостъ снесло, а затѣмъ дня черезъ два-три послѣ возобновленія, снова снесло и совершенно уничтожило. Послѣ постройки новаго моста черезъ Серѐтъ, пришлось строить еще одинъ—черезъ сильно разлившуюся рѣченку Загну, впадающую въ Серѐтъ противъ Сербешты. Часть подробныхъ, приводимыхъ здѣсь, главнымъ образомъ географическихъ свѣдѣній, заимствована изъ II тома „Описанія Русско-Турецкой войны“. — (Изд. Военно-Историч. коммиссіи Гл. Штаба).

[2]) Въ 75-ти-верстахъ на юго-западъ отъ Букареста, по пути къ Зимницѣ на Дунаѣ, въ 30-ти верстахъ отъ этого города, у котораго впослѣдствіи войска Радецкаго и Драгомирова совершили свою боевую переправу.

[3]) Подъ общимъ начальствомъ командира XII армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта П. С. Ванновскаго.

* * *

Въ началѣ своего совмѣстнаго съ Мих. Ивановичемъ пребыванія въ Наугеймѣ въ 1901-мъ году, я не въ одной нѣмецкой газетѣ встрѣтилъ короткое сообщеніе о томъ, что въ этотъ курортъ прибылъ знаменитый русскій генералъ (berühmter russischer General) Драгомировъ. Однажды, зайдя въ одинъ изъ павильоновъ, при которыхъ находятся ванны, я въ небольшой Гиссенской газетѣ прочелъ о генералѣ сообщеніе съ замѣткой, содержаніе которой меня немало удивило. — На-ряду съ извѣстіемъ о его прибытіи въ Наугеймъ, поставлено было, что это одинъ изъ лучшихъ, блестящихъ боевыхъ русскихъ генераловъ, военный авторитетъ, научившій русскую армію своей собственной системѣ обученія войскъ и тактическаго образованія всѣхъ родовъ оружія, представитель совершенно особой тактики и стратегіи, съ большимъ военнымъ прошлымъ,—генералъ, на котораго Россія возлагаетъ огромныя надежды.

Упомянувъ о томъ, что Мих. Ив. во время австро-прусской войны весь военный походъ продѣлалъ при главной квартирѣ прусской арміи,—что въ это время нѣмецкія власти не разъ пользовались мнѣніями, которыя онъ высказывалъ, и что во время русско-турецкой войны онъ на своихъ плечахъ съ драгомировской дивизіей (Dragomirowsche Division) совершилъ гигантскій подвигъ переправы черезъ Дунай въ такомъ мѣстѣ, которое турки тщательно и бдительно оберегали,—газетка прибавила: „въ эту кампанію онъ, пользуясь тѣмъ, что начальникамъ болѣе крупныхъ отдѣльныхъ частей была предоставлена со стороны высшей войсковой власти широкая инициатива, сдѣлалъ одинъ переходъ, не очень строго придержавшись утвержденнаго главнокомандующимъ маршрута, вслѣдствіе чего опоздалъ въ бой и едва не явился виновникомъ потери цѣлаго дня упорныхъ стараній дравшихся съ врагомъ частей войскъ того корпуса, къ которому онъ принадлежалъ. Лишь въ виду того, что онъ вообще пользовался громаднымъ авторитететомъ, а по поводу этого случая далъ вполнѣ разумное объясненіе своимъ дѣйствіямъ,—это не было поставлено уважаемому генералу въ вину и прошло для него совершенно безслѣдно“.

Сообщеніе это было въ высшей степени нелѣпо и нисколько не вязалось ни съ чѣмъ, касавшимся боевой дѣятельности Михаила Ивановича; сообщить ему о немъ я счелъ для себя обязательнымъ; задѣть его оно никоимъ образомъ не могло; вообще онъ нерѣдко высказывалъ, съ какимъ равнодушіемъ принималъ всякія, сочинявшіяся о немъ, небылицы.

— Обстрѣлялся, обтерпѣлся и совершенно освоился, говаривалъ

онъ; „какой бы вздоръ ни измыслили про меня, я отношусь къ нему совершенно спокойно; ну, хоть бы, положимъ также, какъ къ тому, если бы мнѣ сообщилъ кто-либо, что вчера въ Берлинѣ цѣлый день лилъ проливной дождь".

Знать же объ этомъ наговорѣ ему по нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣла, какъ мнѣ казалось, было необходимо.

* * *

На другой же послѣ прочтенія корреспонденціи день,—во время обычной нашей утренней прогулки,—я разсказалъ Михаилу Ивановичу содержаніе нѣмецкой выдумки.

„Вотъ какъ; это занятно!" сказалъ онъ спокойно улыбнувшись; „вполнѣ одобряя порядки, заведенные въ Германіи и въ ея арміи, я вѣдь вообще не жалую господъ нѣмцевъ и далеко не симпатизирую имъ; они это твердо знаютъ, платятъ мнѣ тѣмъ же, а потому немудрено, что способны во всякое время взводить на меня все возможное и невозможное. Строго говоря, у нихъ къ сочиненію именно такой нелѣпости былъ нѣкоторый поводъ; и я долженъ сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ бываетъ нерѣдко въ другихъ,— нѣтъ дыма безъ огня; но эпизодъ, давшій поводъ разсказать такую чепуху, былъ скорѣй потѣшный, чѣмъ серьезный, хотя и поучительный".

Вслѣдъ затѣмъ Михаилъ Ивановичъ разсказалъ вкратцѣ все, что выше сказано о выступленіи частей его дивизіи въ составѣ VIII корпуса изъ окрестностей Кишинева, о движеніи на Галацъ и на Букарестъ,—а затѣмъ продолжалъ:

„Безъ сомнѣнія, послѣ того, что общій маршрутъ, присланный изъ полевого штаба, былъ въ самомъ началѣ разстроенъ, уже не представлялось возможнымъ держаться его, поэтому Ѳ. Ѳ. Радецкій приказалъ составить въ корпусномъ штабѣ новый, частный маршрутъ сообразно условіямъ движенія, а затѣмъ, утвердивъ его, донесъ о немъ главнокомандующему и объявилъ въ приказѣ по корпусу. При свиданіи со мной и съ начальникомъ 9-й пѣхотной дивизіи княземъ Святополкъ-Мирскимъ, Ѳ. Ѳ. предложилъ намъ, не стѣсняясь ничѣмъ,—если понадобится,—измѣнить кое-гдѣ въ частностяхъ этотъ маршрутъ, ограничившись тѣмъ, чтобы объ измѣненіяхъ, кои мы признаемъ необходимыми,—сообщить ему „для свѣдѣнія". Мое совѣщаніе съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ привело къ тому, что, исходя изъ желанія вообще нагнать потерянное въ задержкахъ передвиженій время,—мы намѣтили сокращеніе маршрута въ трехъ мѣстахъ. Ѳед. Ѳед., давъ сразу согласіе на два измѣненія, о третьемъ сказалъ: „а тутъ, я думаю, какъ бы Ваше спрямленіе или сокращеніе не вышло удлиненіемъ". Князь Святополкъ-Мирскій

тотчасъ отступилъ отъ принятаго нами рѣшенія, я же находилъ, что тутъ крайне необходимо спрямить путь, уничтоживъ кружный обходъ верстъ въ десять, о чемъ и заявилъ съ нѣкоторою настойчивостью.

— Хорошо, хорошо, дѣлайте, какъ находите нужнымъ, сказалъ Ѳ. Ѳ. Радецкій, я не настаиваю на своемъ, лишь бы было лучше. Я было и самъ, обративъ вниманіе на этотъ переходъ, хотѣлъ его сократить, но, всмотрѣвшись ближе, оставилъ безъ измѣненія; ну, пусть будетъ такъ,—идите по спрямленной линіи, я же пойду по маршруту,—посмотримъ, что изъ этого выйдетъ".

* * *

Свое движеніе Ѳед. Ѳед. Радецкій съ самаго начала совершалъ со мной, при моихъ частяхъ, но въ день, назначенный для выполненія этой части маршрута, онъ со своимъ штабомъ отдѣлился отъ меня, продолжалъ свой разсказъ Мих. Ив.

Въ тотъ день намъ, т. е. мнѣ съ моими частями, пришлось въ одномъ мѣстѣ пути задержаться, въ другомъ даже отойти передовымъ частямъ версты полторы назадъ, дабы отступить передъ непроходимою, кочкообразною мѣстностью,—словомъ, вообще пришлось въ походѣ промѣшкать. Но при всемъ томъ, никакъ нельзя было ожидать того, что вышло: сильно пораженъ былъ я, когда, достигнувъ конечнаго пункта перехода того дня, узналъ, что „корпусный" со своимъ штабомъ, съ обозомъ и съ елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ [1]) давно уже прибылъ въ мѣстечко.

— Представьте себѣ, вхожу я въ мѣстечко, встрѣчаю двухъ офицеровъ своего авангарда—квартирьеровъ.

— Здравствуйте, говорю, гдѣ же нашъ бивакъ?

— На бивакъ надо идти прямо, а квартира вамъ отведена недалеко отъ бивака въ домѣ купца Іонеско, доложилъ одинъ изъ нихъ.

— Почему же вы меня помѣщаете не на бивакѣ?

— Такъ приказалъ генералъ Радецкій; передайте, говоритъ, Мих. Ивановичу, что я его жду къ обѣду; скажите, что обѣдъ готовъ, а квартиры намъ отведены рядомъ, въ одномъ домѣ.

— Когда же корпусный командиръ прибылъ?

— Часа два уже онъ здѣсь; легъ отдыхать, велѣлъ разбудить себя, когда вы прибудете.

---

[1]) 33-й пѣх. елецкій полкъ—первый полкъ 9-й пѣх. дивизіи.

Нàскоро проѣхалъ я осмотрѣть бивакъ, наладилъ тамъ, что нужно, и тороплюсь къ Ѳед. Ѳедоровичу.

Смотрю, сидитъ онъ на диванѣ, поджавши по-турецки ноги подъ себя, пьетъ крѣпкій чай съ лимономъ, покуриваетъ и преблагодушно посмѣивается. Я, разумѣется, вхожу совсѣмъ смущенный,—несу повинную.

— Ну, что, Мих. Ив., сократилъ дорогу? спрямилъ?

— Да, каюсь, не разсчиталъ, отличился!

— Э, что за бѣда...

— Какъ что за бѣда, вѣдь я совсѣмъ противнаго своему благому намѣренію добился: полкамъ-то своимъ путь, по крайней мѣрѣ, уполторилъ, а тутъ, какъ нарочно, сегодня сахàрная жара подошла...

— Ничего, Мих. Ив., надо радоваться: такая ошибка свалилась на насъ въ самомъ началѣ, она насъ научитъ, впредь не попадемся; не дай Богъ случилась бы она уже подъ бокомъ у врага; пришлось бы поплатиться шкурой, да пожалуй еще проиграть бой; а тутъ что за горе: отсталыхъ нѣтъ, значитъ, люди въ походъ втянулись хорошо; два-три часа лишнихъ въ пути...

— Да, попался я, попался...

— „Ничего“, только и твердилъ добродушно Радецкій; ошибка вездѣ возможна; „это, батюшка, нашимъ кавказскимъ войскамъ, проученнымъ многими годами походовъ, исколесившимъ и горы, и броды, и болота, въ большой грѣхъ можно было бы поставить, а тутъ что?—простое невинное увлеченіе; я и видѣлъ, что не вò-время у васъ спѣшка и неудачная поправка, дамъ, думаю, ему посмотрѣть, пусть научится; въ дѣлѣ любопытства молодость беретъ свое...

„Вотъ вѣдь какъ назидательно покойный пробиралъ меня. И все это спокойно, невозмутимо, съ доброй хорошей улыбкой на устахъ. Пока дошли мы до закуски, до обѣда, да до винта, съ меня старикъ согналъ десять потовъ.

„До сихъ поръ не могу себѣ простить; кой чортъ дернулъ меня на это сокращеніе натолкнуться“, съ неумолимой строгостью къ себѣ твердилъ Мих. Ив.; „молодость свое беретъ!“—не молодость, а какая-то пустая наивность нагнала меня на этотъ дьявольскій переходъ.

Вотъ вѣдь фактъ мелочной, а я его долго помнилъ, какъ обычно школьникъ помнитъ урокъ, достающійся не легко; и больно и смѣшно во всякомъ случаѣ; а ужъ писать объ этомъ, да еще въ иностранной газетѣ, черезъ столько лѣтъ и съ такимъ искаженіемъ истины—глупѣе глупаго. Поговорили мы тогда объ этомъ съ Ѳедоромъ Ѳедо-

ровичемъ, онъ тотчасъ же и забылъ, потому что видѣлъ въ этомъ самый простой промахъ, изъ котораго ничего худого не произошло и произойти не могло.

Развѣ мало было въ ту пору вообще на умѣ у насъ важнаго дѣла; а за всѣми серьезными дѣлами надвигалось самое серьезное, самое важное — переправа...

Много работы и стараній было приложено къ тому, чтобы дѣло это подготовить съ возможной чистотой; не разъ вспоминалъ Мих. Ив., Великій Князь главнокомандующій, говорилъ онъ, на виду у всѣхъ, потрудился лично надъ разработкой этого вопроса и не упускалъ ни малѣйшей подробности; ему принадлежитъ бо́льшая часть заслуги въ трудномъ дѣлѣ подготовки деталей этого перваго боевого шага...

Всѣ записки, представленныя въ видѣ отчетовъ руководителями офицерскихъ партій, разосланныхъ полевымъ штабомъ для рекогносцировки участковъ Дуная и для опредѣленія наиболѣе подходящаго пункта переправы,—великій князь самъ быстро разсмотрѣлъ, разобралъ и покрылъ своими, въ высшей степени дѣльными, замѣчаніями; они останутся навсегда образцовыми по своей поучительности.

Участокъ, въ которомъ находится Систово, достался ген. шт. полковнику Дм. Станил. Нагловскому; его талантливый отчетъ вел. кн. отличилъ и сразу намѣтилъ, какъ такой, котораго данныя въ главныхъ чертахъ подлежали исполненію; на нихъ, по волѣ его высочества, и основался совершенный войсками VIII корпуса въ ночь на 15 іюня 1877 года, подвигъ.

А. Е. К.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Грандіозный замыселъ Рыкова.

(Изъ воспоминаній акцизнаго ревизора).

Читатели „Русской Старины“ вѣроятно нѣсколько знакомы съ похожденіями скопинскаго городского головы и директора Скопинскаго банка Рыкова, извѣстнаго по громкому дѣлу о хищеніяхъ и крахѣ банка, за что присужденъ Московской судебной палатой къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ обвинительной рѣчи, произнесенной по этому дѣлу тогдашнимъ прокуроромъ палаты Николаемъ Валеріановичемъ Муравьевымъ (недавно скончавшимся посланникомъ въ Римѣ), было упомянуто, между прочимъ, и о другомъ преступленіи Рыкова, а именно: объ учрежденіи имъ въ началѣ 70-хъ годовъ фиктивнаго акціонернаго общества Скопинскихъ угольныхъ копей. За истеченіемъ 10-лѣтней давности, привлечь Рыкова къ отвѣтственности за это мошенничество было невозможно, и прокуроръ палаты упомянулъ объ этомъ дѣлѣ только для ознакомленія суда съ характеристикой дѣятельности Рыкова.

Полагая, что для читателей „Русской Старины“ небезъинтересно будетъ познакомиться съ подробностями этого дѣла, которымъ Рыковъ могъ бы нанести казнѣ милліонный ущербъ, я, какъ бывшій свидѣтель, дававшій подъ присягой показаніе въ судебной палатѣ, постараюсь, насколько мнѣ не измѣнитъ память, описать подробно это геніально задуманное, но, къ счастью, вò-время мною предупрежденное, мошенничество.

Въ началѣ 70-хъ годовъ Рыковъ задумалъ на средства Скопинскаго банка, гдѣ онъ состоялъ директоромъ, произвести изысканія залежей каменнаго угля въ трехъ селеніяхъ Скопинскаго уѣзда (названія ихъ не упомню), сосѣднихъ съ Ряжскимъ уѣздомъ, гдѣ нахо-

*

дились Чулковскія угольныя копи. Послѣ долгихъ изысканій, въ нѣкоторыхъ шахтахъ найденъ былъ въ небольшомъ количествѣ гнѣздовый уголь, но пластовыхъ залежей не оказалось. Несмотря на это, Рыковъ учредилъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, купцовъ и мѣщанъ (имѣнія и дома которыхъ были заложены въ городскомъ банкѣ) „Акціонерное Общество Скопинскихъ угольныхъ копей Московскаго бассейна“, съ фиктивнымъ складочнымъ капиталомъ въ два милліона руб., на каковую сумму и были отпечатаны акціи. Эти фиктивныя акціи, конечно, не были въ рукахъ акціонеровъ, а хранились въ Скопинскомъ банкѣ, гдѣ Рыковъ, какъ выше сказано, былъ директоромъ, онъ же былъ избранъ и директоромъ правленія Общества угольныхъ копей. Объ эксплоатаціи означенныхъ фиктивныхъ копей правленіемъ Общества печатались въ газетахъ отчеты, выводились балансы и показывались дивиденды. Для большаго эффекта на бывшей въ 70-хъ годахъ въ Москвѣ Политехнической выставкѣ былъ Рыковымъ устроенъ образецъ шахты, въ которой былъ поставленъ манекенъ-рабочій, долбящій киркою пластъ угля. Мало того, на выставку было доставлено два вагона угля изъ будто бы эксплоатируемыхъ Скопинскихъ копей. Я самъ былъ на выставкѣ и видѣлъ эту шахту и образцы угля, послѣ я узналъ, что эти два вагона угля были Рыковымъ куплены на Чулковскихъ копяхъ Ряжскаго уѣзда. Казалось, дѣло отлично было налажено, но акцій все-таки никто не покупалъ. Тогда Рыковъ придумалъ послѣднее средство, а именно: кромѣ печатанія отчетовъ о доходности Общества, — еще котировать дутыя акціи на Московской и Петербургской биржахъ. Для этого агенты Рыкова, снабженные акціями, являлись на означенныя биржи, одни — покупателями, а другіе — продавцами и о своихъ сдѣлкахъ заявляли биржевымъ маклерамъ, которые въ газетахъ печатали курсовыя цѣны продавцовъ и покупателей. Такая фиктивная котировка на обѣихъ столичныхъ биржахъ производилась цѣлый годъ, къ концу котораго цѣны акцій были взвинчены выше al pari до 103 руб.

Доказавъ, такимъ ловкимъ маневромъ, доходность эксплоатаціи фиктивныхъ копей, Рыковъ, безъ затрудненія, добился разрѣшенія министра финансовъ Рейтерна принимать эти дутыя, гроша не стоющія, акціи въ залоги по 75 руб. за 100 по разсрочкѣ акциза за вино, выпускаемое изъ частныхъ складовъ и винокуренныхъ заводовъ въ продажу въ питейныя заведенія. Разрѣшеніе это было напечатано въ „Указателѣ Министерства Финансовъ“ за вторую половину 1874 года.

Вслѣдствіе означеннаго разрѣшенія, Рыковъ могъ бы скоро и легко лежащія въ банкѣ акціи фиктивнаго акціонернаго Общества

въ суммѣ на два милліона рублей продать по цѣнѣ хотя бы по 50 рублей за 100 въ разные заводы и склады всей Россіи и такимъ образомъ пріобрѣсти бы милліоны рублей, а казна могла бы потерять акциза на полтора милліона. Говорили, что небольшое количество акцій было уже продано, но въ залоги по разсрочкѣ акциза онѣ не попали, вслѣдствіе нижеслѣдующаго обстоятельства, разрушившаго замыслы Рыкова.

Въ это время я служилъ въ Рязанскомъ акцизномъ управленіи старшимъ ревизоромъ и за болѣзнью управляющаго акцизными сборами исправлялъ его должность. Прочитавъ въ „Указателѣ“ вышеозначенное разрѣшеніе о пріемѣ въ залоги акцій Скопинскихъ угольныхъ копей и зная по слухамъ, что въ Скопинскомъ уѣздѣ никакихъ копей не существуетъ, я счелъ долгомъ произвести объ этомъ формальное дознаніе. Пригласивъ для этой цѣли мѣстнаго помощника акцизнаго надзирателя г. Альбанова, я съ нимъ отправился на мѣста, указанныя въ объявленіи „Акціонернаго Общества“, нахожденія угольныхъ копей. На сельскихъ сходахъ, собираемыхъ мною, крестьяне показали: что дѣйствительно на ихъ поляхъ Рыковымъ были устроены шахты, но уголь былъ найденъ въ одномъ только селѣ и то въ небольшомъ количествѣ (гнѣздовой), такъ, что вскорѣ работы прекратились, и шахты, послѣ выборки изъ нихъ лѣса, были засыпаны землею. Объ этихъ показаніяхъ мною были составлены протоколы за подписями крестьянъ и сельскихъ старостъ съ приложеніемъ ихъ должностныхъ печатей. Кромѣ того мною были отобраны показанія и отъ сельскихъ приходскихъ священниковъ, которые по долгу священства дали точно такіе же письменные отзывы. Крестьяне показывали въ полѣ мѣста бывшихъ шахтъ, и я хорошо помню, что мѣста эти были подъ снѣгомъ. Убѣдившись окончательно, что угольныхъ копей въ Скопинскомъ уѣздѣ не существуетъ, я представилъ при донесеніи подлинные акты произведеннаго мною дознанія въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, директоромъ котораго былъ тогда баронъ Розенъ. Результатомъ моего представленія была посылка департаментомъ телеграммъ во всѣ губернскія акцизныя управленія о воспрещеніи пріема въ залоги по разсрочкѣ акциза „акцій Скопинскихъ угольныхъ копей“, разрѣшенныхъ къ пріему въ такомъ-то номерѣ „Указателя“. Рыковъ же за эти подлоги и мошенничества не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Носились впрочемъ слухи, что онъ былъ вызываемъ министромъ для объясненій, — быть можетъ, это и правда, потому что съ этого времени „Акціонерное Общество Скопинскихъ копей“ перестало публиковать въ газетахъ свои отчеты и котировку акцій и какъ-то заглохло.

Дѣло же это получило гласность только черезъ 10 лѣтъ, когда московскій судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ былъ командированъ въ 1884 году для производства слѣдствія о крахѣ Скопинскаго банка и хищеніяхъ Рыкова. Слѣдователь при разсмотрѣніи документовъ банка нашелъ въ залогѣ акцій Скопинскихъ угольныхъ копей на 2 милліона рублей и узналъ отъ кого-то, что мною въ 1874 году было производимо дознаніе о фиктивности этихъ акцій, вызвалъ меня въ качествѣ свидѣтеля къ допросу и показаніе мое о произведенномъ мною дознаніи записалъ въ протоколъ слѣдствія, при разсмотрѣніи котораго прокуроромъ Московской судебной палаты Н. В. Муравьевымъ, я былъ вызванъ въ Москву въ судебную палату для передопроса подъ присягой. Когда пришла моя очередь, я разсказалъ подробно все мною обнаруженное при дознаніи о фиктивности Акціонернаго Общества Скопинскихъ угольныхъ копей, заключилъ свое показаніе слѣдующей фразой: „уже рука Рыкова была въ казенномъ карманѣ, но она мною была вò-время схвачена“, при этомъ я образно ударилъ рукою по своему карману. Послѣ допроса остальныхъ свидѣтелей г. прокуроръ въ своей блистательной обвинительной рѣчи (напечатанной въ „Новомъ Времени“ и др. газетахъ) упомянулъ и о моемъ показаніи, только моя заключительная фраза была нѣсколько измѣнена. Г. прокуроръ сказалъ: „Вы, господа, слышали показаніе свидѣтеля акцизнаго ревизора, г. Хросцицкаго, „что рука Рыкова была уже въ казенномъ сундукѣ, но г. Хросцицкимъ крышка была вò-время прихлопнута, и этимъ казна была ограждена отъ полуторамилліоннаго убытка“.

Наконецъ, не лишнимъ считаю сказать, что обнаружившіяся на судѣ мои дѣйствія о раскрытіи злоупотребленій Рыкова, заинтересовали бывшаго тогда директора департамента неокладныхъ сборовъ А. С. Ермолова, который, узнавъ, что я за такое важное открытіе не получилъ никакой награды, представилъ меня къ чину статскаго совѣтника и въ томъ же 1885 году назначилъ ревизоромъ въ департаментъ, а черезъ годъ и управляющимъ акцизными сборами. Это мнѣ доказало, что какъ за Богомъ усердная молитва, такъ за Царемъ вѣрная служба не пропадаетъ.

А. К. Хросцицкій.

Письма Ѳ. В. Булгарина.

I.

Любезный другъ, Василій Аполлоновичь! На силу тебя надоумилъ какой-то добрый геній написать ко мнѣ дружеское письмо, которое столь же пріятно для моего сердца, какъ статьи твои для моего ума. Я десять разъ писалъ къ Карніолину-Пинскому, чтобы онъ прислалъ мнѣ твой адресъ и имя и отчество, ибо это мой камень преткновенія: я никакъ не могу упомнить именъ, а ты знаешь, что во время нашего дружескаго спознанія въ Варшавѣ, мы не величали другъ друга по имени и отчеству. Я встрѣтился здѣсь съ твоимъ братомъ въ книжной лавкѣ И. Сленина и взялъ твой адресъ, но не зналъ съ какого тона начать переписку — спасибо, что ты разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ.

Много воды уплыло съ 1816 года, со времени нашего знакомства! Мы сдѣлались старѣе десятью годами, можетъ быть сдѣлались умнѣе и ученѣе, но что до меня касается, то я не сдѣлался счастливѣе, въ нравственномъ отношеніи. Физика моя довольно благополучна, т. е. я такъ счастливъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, не голоденъ и не холоденъ. Но гдѣ дѣвалась моя прежняя веселость, которая оживляла меня самаго и другихъ? Гдѣ охота пѣть, хохотать, гоняться за бездѣлушками? Все это прошло, и еслибъ ты увидалъ меня, то не узналъ бы.—Не думай, что старость или болѣзни отягчаютъ меня. Кому нѣтъ сорока лѣтъ, тотъ не старъ, а кромѣ петербургской болѣзни, гемороидъ, я, слава богу, здоровъ. Но литературныя занятія и журнальное поприще убили меня. Ты знаешь и слыхалъ отъ старыхъ моихъ товарищей, что по моему откровен-

ному характеру и веселости, я никогда не зналъ, что такое *враги*. Напротивъ того, во всю жизнь я только находилъ людей, которые мнѣ дѣлали добро. Съ пріобрѣтенною извѣстностью въ свѣтѣ появились, или лучше сказать, зародились и враги, какъ черви на солнцѣ. Зависть и мщеніе истощили всѣ средства чтобы погубить меня, во что бы ни стало. Издатель Инвалида Воейковъ, дошелъ до того въ своей слѣпой злобѣ, что даже разбрасывалъ подложныя письма и разныя свои злодѣйскія заключенія на мой щетъ. Полевой съ своей стороны *вторилъ* пріятелю. Карамзинисты, за критики мои на ихъ идола, старались и стараются терзать меня. Толпа обнаруженныхъ невѣждъ, завистниковъ, что я трудясь не умираю съ голода, что я не имѣлъ чести родиться на берегу Волги или Камышевки, однимъ словомъ толпа завистниковъ по тысячамъ причинъ одна другой подлѣе и нелѣпѣе — устремлена на меня съ поднятыми кинжалами! — А за мною кто? Богъ и честные люди — но честные люди скромны, а злые неугомонны!—

Извини, милой, что я первое мое письмо къ тебѣ начинаю мрачною картиною моего положенія въ свѣтѣ. Но ты знаешь, какъ сладостно для огорченнаго сердца облегчать тяжесть, повѣряя грусть душѣ благородной! Я увѣренъ и вижу изъ письма твоего, что ты любишь меня, и потому свалилъ на тебя часть моей тяжести.

Ты, вѣрно, полюбопытствуешь знать, какую жизнь ведетъ *бывшій* весельчакъ Булгаринъ. Отъ 6 до 12 утра за письменнымъ столомъ; отъ 12 до 3 въ походѣ по дѣламъ журнальнымъ и процессу (которому нѣтъ *конца* послѣ *конца*, въ продолженіе 10 лѣтъ), тамъ обѣдъ, тамъ часикъ отдохнуть, а тамъ снова за перо. Нигдѣ не бываю, никого не вижу какъ только на улицахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ. Сижу дома, какъ черепаха. Жизнь несноснѣе болѣзни—и все это изъ чего? Изъ куска хлѣба, оспариваемой извѣстности и тьмы непріятностей!

Я теперь издаю мои мелкія сочиненія — въ работѣ у меня Похожденія Ивана Выжегина (почти кончено), и Финляндская война— издамъ это—и въ отставку изъ литературнаго ополченія. Брошу все и засяду въ какомъ-нибудь уголкѣ, гдѣ свѣтитъ солнце и много зелени, и такъ скроюсь, чтобы съ собаками не отыскали ни карамзинисты, ни воейкисты, ни вся злобная св..... Хотѣлось бы хоть годикъ пожить для себя. Надежда, которую поляки называютъ матерью глупцовъ, говоритъ мнѣ, что я не совсѣмъ былъ безполезенъ для Россіи, и что добрые люди меня вспомнятъ — вотъ и вся моя награда!.

Ты видишь, что я съ тобой откровененъ по старому — знакъ что не переставалъ любить и уважать тебя. Утѣшай меня своими

грамотками и обогащай статейками, коими я, и всѣ просвѣщенные люди дорожатъ. Теперь помощь твоя при обременительной работѣ моей, о коей сказано выше, будетъ для меня весьма благодѣтельна. Военный другъ, увѣренъ я, не дезертируетъ отъ меня ни къ Полевому ни къ Погодину. Надѣюсь на тебя какъ на каменную стѣну.

Юноша, котораго ты рекомендовалъ мнѣ въ письмѣ, не явился ко мнѣ по нынѣ. Вѣрно онъ попалъ къ Воейкову, а тамъ представили меня бѣлымъ медвѣдемъ. Итакъ будучи готовъ все для него сдѣлать по твоей рекомендаціи—я лишенъ сего удовольствія— не по моей винѣ.

Теперь имѣя твой адрессъ, могу пересылать тебѣ Журналы: получишь ихъ съ первою почтою. Я слишкомъ записался, и какъ я пишу мои статьи съ плеча, по Слански [1]), прямо на бѣло—то вотъ была бы цѣлая полоса для Пчелы; но для дружбы мнѣ писать гораздо пріятнѣе, нежели для журнала.

Прощай, будь здоровъ, помни меня, пиши и присылай прекрасныя свои произведенія. Дастъ Богъ увидимся еще въ жизни: мнѣ бы хотѣлось увидать Москву — я никогда въ ней не былъ; любопытство простительное, когда и Пошехонцы были воспламенены имъ! Увѣдомь меня какъ ты живешь, чѣмъ занимаешься и т. п. Откровенность за откровенность! — Новостей никакихъ отъ меня не ожидай, ибо я кромѣ книжнаго дѣла ничѣмъ не занимаюсь и глухъ и слѣпъ для свѣта.

Старый другъ, лучше новыхъ двухъ

Ѳ. Булгаринъ.

Февраля 21 дня
1827
Спб.

Чуръ никому не читать письма — чувства мои не для всѣхъ явны.

II.

С.-Петербургъ 6 января 1828.

Поздравляю тебя съ новымъ годомъ, любезный другъ!—

Ты не повѣришь какъ я обрадовался получивъ твое письмо, отъ 29 декабря. Ну слава Богу, свалилась гора съ плечъ — ты не разлюбилъ меня. Твой Марковъ снова явился ко мнѣ и объявилъ, что ты намѣренъ быть въ Петербургѣ. Неужели это правда? Заѣзжай

---

[1]) Вѣроятно—„Славянски“.

прямо ко мнѣ и живи со мною въ моемъ кабинетѣ, по-братски, какъ въ квартирѣ. Въ хлѣбѣ и винѣ также не будетъ недостатка, и я воскресну душою съ тобою. Если жъ ты, холостякъ, полѣнишься ѣхать въ Петербургъ, то я лѣтомъ подхватя маленькую мою жонку, отправлюсь въ Москву, чтобъ пожить съ тобою хоть двѣ недѣли. Мнѣ стыдно, что я не видалъ Москвы; но еслибъ тебя тамъ не было, я бъ никогда не рѣшился, ибо я человѣкъ, *весь сердце и кровь*, и гдѣ нѣтъ пищи сердцу, туда нарочно не поѣду, а въ Москвѣ у меня нѣтъ никого. Литераторы ваши меня не жалуютъ, баръ я бѣгаю, а съ купцами пить не умѣю. Ergo: Москва для меня безъ тебя—пустыня.

Я познакомился съ Пушкинымъ. Другой человѣкъ какъ мнѣ его описывали, и каковымъ онъ былъ прежде въ самомъ дѣлѣ. Скроменъ въ сужденіяхъ, любезенъ въ обществѣ и дитя по душѣ. Гусары испортили его въ лицеѣ, Москва подбаловала, а несчастія и тихая здѣшняя жизнь его образумили. Онъ кажется полюбилъ меня, хотя по правиламъ Сектатора Вяземскаго, меня не должно ему любить. A propos des bottes раскажу тебѣ приключеніе со мною.

Аладьинъ, издатель Невскаго Альманаха, приставалъ ко мнѣ, чтобъ я далъ ему статью, и сообщилъ года три тому назадъ, переводную статью въ архивъ. Чтобъ отвязаться отъ него, я далъ ему стиховъ изъ журнальнаго запаса, а какъ вышелъ Альманахъ, сказалъ по совѣсти, что повѣсть его нелѣпица. Месть и злоба обуяли его сердце — онъ чтобы уколоть меня, потребовалъ 200 руб. въ уплату за переводъ статьи, надъ которою я потѣлъ двѣ недѣли, чтобъ выправить его безграмотность. Какъ хладнокровіе не есть моя добродѣтель, то я на письмо его довольно грубое, отвѣчалъ также не тонко, изорвавъ въ глазахъ его посланнаго его письмо. Что жь вышло? 4-го Января потребовали меня къ Военн. Генералъ-Губернатору гдѣ объявили, что Аладьинъ подалъ на меня жалобу *въ безчестьи*. Въ заключеніе спектакля, Аладьинъ объявилъ, что его научилъ къ сему Воейковъ—и за 200 рублей, взялъ прозьбу назадъ и просилъ у меня прощенья. Вотъ тебѣ и литература!—

Гречь писалъ къ тебѣ и другой разъ послалъ Грамматику. У насъ былъ злодѣй, а не цензоръ, Вѣтринскій; онъ всѣ твои статьи гадилъ, а мои до того, что я цѣлый годъ ничего не печаталъ въ архивѣ. Теперь данъ намъ благородный и благовоспитанный цензоръ Семеновъ. Дѣла пойдутъ лучше. Я преобразую архивъ съ 1828 года, буду издавать ежемѣсячно введу критику иностранныхъ и своихъ книгъ, картинки и займусь имъ крѣпко.

За вѣрность твою спасибо. Я увѣренъ, что тебя приглашали въ сотрудничество другіе журналисты. Смѣшно было бы еслибъ не приглашали, ибо ты въ сотеро умнѣе всѣхъ вашихъ москвичей и нашихъ. Знаешь хорошо Русскій языкъ—рѣдкость на Руси, и смотришь на вещи съ надлежащей точки зрѣнія. Твой Гастрономъ ужасно здѣсь понравился всѣмъ—а мнѣ первому.

Впрочемъ ты не деликаться, любезный другъ, а какъ деньги надобны—напиши безъ церемоніи. Получишь цидулу къ Ширяеву и возмешь деньги. Ты выдержалъ искусъ сотрудника и справедливость требуетъ, чтобъ твой трудъ и время были вознаграждены, если не по достоинству статей, то по крайней мѣрѣ, во возможности. Ожидаю отвѣта, по сему предмету.

Мы ожидаемъ новаго Цензурнаго Устава, какъ жиды Мессіи. Говорятъ, что уставъ европейскій, достойный XIX вѣка и славы Монарха.

Мы живемъ въ Питерѣ, какъ у Христа за пазухой. Тихо, смирно, взяточники и мошенники кроются во мракѣ; честнымъ и добрымъ защита. Только я рѣшительно отказался отъ свѣта и обществъ свѣтскихъ. Я счастливъ дома, въ полномъ смыслѣ слова. Нѣсколько пріятелей навѣщаютъ меня—и время проходитъ въ трудахъ и отдыхѣ. Само по себѣ разумѣется, что Сатирическій писатель, Критикъ и къ тому *Полякъ* имѣетъ враговъ — но нынѣ клевета и злоба не могутъ вредить тайно. Клянусь тебѣ честью и Богомъ что въ Петербургѣ смирному гражданину спокойное и привольное житье.

Ты видѣлъ изъ Пчелы, что я готовлю *три томика* моихъ сочиненій. Приложить портретъ я рѣшился потому, что послѣ изданія въ свѣтъ моего Жильблаза, намѣренъ оставить Литературу, которая мнѣ сдѣлалась несносною. Все горе я получаю отъ Литературы—все благо вкушаю отъ Литературы.—Климатъ также съѣдаетъ меня, грудь и глаза слабѣютъ: Dahin! Dahin! wo die Citronen blühn!

Послушай, другъ! У тебя больше времени. Пиши ко мнѣ почаще письма, какъ ты обѣщалъ. Еслибъ ты зналъ какое мнѣ удовольствіе получать ихъ.

Напрасно ты думаешь, что Гречь тебя не жалуетъ: онъ твой чтитель.

Какой чортъ дунулъ тебѣ въ уши, что я почитаю Полевого *умнѣйшимъ* и *честнѣйшимъ* человѣкомъ. Да прильпе языкъ къ гортани моей, иже произнесу сію ложь. Но я вообще не браню за глаза. О чести его не могу и не хочу судить, хотя онъ со мною поступалъ и не весьма честно; объ умѣ скажу, что онъ не такъ глупъ, какъ товарищи его винозаводчики, и даже dans les Royaumes

des aveugles, т. е. въ нашей нищей Литературѣ, не изъ дураковъ— но это еще не похвала! Я отъ роду съ нимъ не мирился: ни онъ не былъ у меня, ни я его не посѣщалъ. Видѣлись мы съ нимъ у Свиньина и Сомова, и говорили вѣжливо о постороннихъ предметахъ. Трогать его не надобно, не для него, но потому что публика скучаетъ. Впрочемъ, любезный, я слишкомъ былъ бы скроменъ, еслибъ думалъ, что я могу быть другомъ Полеваго. Ни мое образованіе, ни образъ мыслей, ни положеніе въ свѣтѣ не сближаютъ меня съ нимъ. Богъ съ нимъ—и только!—

Прости, милый, добрый другъ мой! Обнимаю тебя и цѣлую сто разъ—

другъ твой Ѳ. Булгаринъ.

Почти все то немногое, что извѣстно о другѣ и товарищѣ Булгарина В. А. Ушаковѣ, указано С. А. Венгеровымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію сочиненій Бѣлинскаго (т. II, стр. 591—594). Ушаковъ родился въ 1788 или 1789 г., въ 1811 г. вышелъ изъ Пажескаго корпуса и до 1819 г. былъ въ военной службѣ; тогда-то онъ и познакомился съ Булгаринымъ, уже отставнымъ капитаномъ французской арміи. Литературную свою карьеру Ушаковъ началъ въ 1825 г. бытовыми картинками и сатирическими фельетонами въ журналахъ своего друга—„Сынѣ Отечества“ и „Сѣверномъ Архивѣ“; какъ видно, онъ долго выдерживалъ „искусъ“, пока добрый другъ назначилъ ему гонораръ. „Съ конца двадцатыхъ годовъ“ — разсказываетъ Венгеровъ—„онъ близко сошелся съ Полевымъ... Ушаковъ былъ человѣкъ образованный, много читалъ на иностранныхъ языкахъ и особенно интересовался теоріею сценическаго искусства, которое внимательно изучалъ за границею. Онъ былъ лично знакомъ со многими европейскими сценическими дѣятелями. Воспоминанія объ Ушаковѣ рисуютъ его какъ человѣка очень прямого и до грубости правдиваго“... Ушаковъ умеръ въ 1838 г. Одно время онъ печатался въ „Московс. Телеграфѣ“, но потомъ разошелся съ Полевымъ, вѣроятно, не безъ вліянія Булгарина. Ушаковъ писалъ много, но онъ былъ изъ тѣхъ, кого называютъ „писателями одной книги“, и все написанное имъ не выше посредственности за исключеніемъ появившагося въ 1830 г. романа „Киргизъ-Кайсакъ“, сразу давшаго автору литературное имя. Булгаринъ не особенно льстилъ ему, ставя такъ высоко его дарованье. Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ Бѣлинскій назвалъ „Киргизъ-Кайсака“—„явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ: онъ отличается глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія“. Романъ

выдается полнымъ реализмомъ и благородствомъ духа; на-ряду съ повѣстями Н. Ф. Павлова онъ является однимъ изъ самыхъ раннихъ въ нашей литературѣ образцовъ протеста противъ сословныхъ предразсудковъ. Не таковы были другія произведенія Ушакова. Похваливъ „Киргизъ-Кайсака“, Бѣлинскій тутъ же, въ „Литерат. Мечтаніяхъ“, посмѣялся надъ статьями Ушакова съ ихъ „беззубымъ остроуміемъ и забавными претензіями на литературный талантъ и ученость“. Въ слѣдующемъ году (1835) Бѣлинскій писалъ о другой книгѣ Ушакова, отмѣчая странный поворотъ автора, прежде „отчаяннаго романтика“, къ реакціонному направленію: „ни одной свѣтлой мысли, ни одного занимательнаго положенія, ни одной хорошей картины нѣтъ въ скучномъ и вяломъ разсказѣ: все такъ обще, истерто, старо, что никакъ не можешь помириться съ мыслью, что читаешь произведеніе автора Киргизъ-Кайсака“. Это не прошло даромъ Бѣлинскому. Ушаковъ въ томъ же году помѣстилъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ разсказъ „Піюша“, пасквиль на Бѣлинскаго, котораго вывелъ подъ именемъ Кривошеина. Какъ и Бѣлинскаго, Кривошеина зовутъ Висяша, т. е. Виссаріонъ. Этотъ Висяша, какъ и Бѣлинскій, былъ выгнанъ изъ университета. Онъ „судилъ и рядилъ о Фихте и о Гегелѣ и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ *Я*“. Къ тому же Висяша занимался литературною критикой; хорошія книги цѣнилъ „ниже поношенныхъ лаптей“ и бралъ деньги „за трансцендентальную и верхоглядную критику, т. е. за то, что людьми порядочными называется бранью въ печати“. Бѣлинскій безъ злобы и остроумно посмѣялся надъ пасквилемъ Ушакова. О немъ впослѣдствіи вспоминалъ Аполлонъ Григорьевъ („Мои литературныя и нравственныя скитальчества“—„Эпоха“ 1864 г., мартъ, 141), какъ о „человѣкѣ чрезвычайно многосторонне-образованномъ и остроумномъ“, который однако печально кончилъ, написавъ „вещь весьма гнусную, подъ названіемъ „Висяша“, нѣчто въ родѣ бездарнаго и совершенно безтолковаго доноса на безнравственность эстетическихъ ученій, которыхъ пламенную проповѣдь только-что начиналъ въ „Молвѣ“, подъ названіемъ „Литературныхъ Мечтаній“, великій борецъ Виссаріонъ Бѣлинскій“.

На письмахъ Булгарина къ Ушакову лежитъ обычный булгаринскій густой налетъ подлости. Очень характерно и для Булгарина, и для его эпохи его торжествующее довольство своею „извѣстностью“ и своимъ житейскимъ благополучіемъ, такъ щедро разлитое въ обоихъ письмахъ; оно смущалось только вылазками „злобной

сволочи"--карамзинистовъ, въ родѣ Вяземскаго, который вскорѣ тоже не устоялъ и покатился по наклонной плоскости. Война съ А. Ѳ. Воейковымъ, издававшимъ „Русскій Инвалидъ" и конкурировавшимъ съ Булгаринымъ, который упорно добивался журнальной монополіи, началась еще въ 1823 г., когда Воейковъ взялся за изданіе „Инвалида". Противники во многомъ стоили другъ друга. Извѣстны стихи Воейкова (въ „Домѣ сумасшедшихъ") о Булгаринѣ, котораго онъ назвалъ „Гречева собака"...

...Булгаринъ, забіяка,
Съ рыломъ мосичьимъ своимъ,
Съ саблей, въ петлѣ...—„А французской
Крестъ ужель надѣть забылъ?
Вѣдь его ты кровью русской
И предательствомъ купилъ!"...

Все своеобразно въ письмахъ Булгарина: и сердечныя изліянія, и умиленіе предъ начальственною благостью, и восхищеніе цензурнымъ уставомъ 1828 г., подчинившимъ литературу III отдѣленію, и жалобы на „завистниковъ" его славы, и слащаво-фальшивыя мечты о цинцинатовскомъ счастьѣ на лонѣ природы.

Полевого и Погодина Булгаринъ преслѣдовалъ какъ своихъ конкуррентовъ. Въ 1828 г. на Погодина, издававшаго „Московскій Вѣстникъ", былъ поданъ (можетъ быть Булгаринымъ) доносъ, что онъ только номинальный издатель, именемъ котораго прикрываются „карбонаріи" (М. К. Лемке, „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г.", 40—41). На упоминаемаго во второмъ письмѣ цензора Вѣтринскаго Булгаринъ въ ноябрѣ 1827 г. доносилъ шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, что цензоръ „объявилъ, что не признаетъ власти Бенкендорфа"... (ibid., 261). М. К. Лемке весьма основательно приписываетъ (ibid., 255) Булгарину три доноса, поданные въ 1827 г. на Н. А. Полевого, собиравшагося издавать „Московскій Телеграфъ"; въ нихъ задѣтъ кн. П. А. Вяземскій, упоминается и Пушкинъ, котораго доносчикъ совѣтуетъ правительству „беречь какъ дитя: онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ, и его легко увлечь".

„Дитятею" называетъ Булгаринъ Пушкина и въ письмѣ къ Ушакову. Раньше они не были знакомы лично, хотя переписывались. Пушкинъ зналъ о немъ, конечно, не только какъ о литераторѣ, но и какъ о другѣ Рылѣева, Ал. Бестужева и Грибоѣдова. Когда А. А. Бестужевъ напечаталъ въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 г. два стихотворенія Пушкина съ ошибками, поэтъ разсердился и просилъ Булгарина перепечатать ихъ въ „Литературныхъ

Листкахъ". Пушкинъ писалъ ему (1 февраля 1824 г.): „вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы". Въ 1825 г. Булгаринъ прислалъ Пушкину свой альманахъ—„Русскую Талію" и вскорѣ (25 апрѣля) писалъ ему: „не вѣрьте, что вамъ будутъ писать враги мои, хотя близкіе къ вашему сердцу; вѣрьте образцамъ чести—Бестужеву и Рылѣеву: они знаютъ, какъ я васъ цѣню. А Жуковскаго всегда буду почитать какъ человѣка, а поэтомъ плохимъ; Вяземскаго—добрымъ, умнымъ, благороднымъ, не поэтомъ, а васъ—*Поэтомъ*". (Пушкинъ отвѣчалъ ему 25 мая; отвѣтъ не дошелъ до насъ). Уваженіе къ Жуковскому и Вяземскому, впрочемъ, не помѣшало Булгарину писать ложные доносы и на одного, и на другого. Встрѣча между Пушкинымъ и Булгаринымъ произошла только въ 1827 г., когда Пушкинъ получилъ позволеніе пріѣхать въ Петербургъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ 1827 г. Пушкинъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ обѣдалъ у Булгарина. „Напрасно думали вы, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ",—писалъ Пушкинъ—„чтобъ я могъ забыть свое обѣщаніе. Дельвигъ и я непремѣнно явимся къ вамъ съ повиннымъ желудкомъ... Голова и сердце мое давно ваши". А Вяземскій (письмо 22 ноября) бранилъ Пушкина: „не стыдно ли тебѣ, пакостнику, обѣдать у Булгарина?" Замѣчательно, что „сектаторомъ" называлъ Вяземскаго не только Булгаринъ, но и Пушкинъ, писавшій ему (въ началѣ іюня 1824 г.) по поводу нетерпимости, обнаруженной Вяземскимъ при выборѣ сотрудниковъ для задуманнаго друзьями—и не осуществившагося—журнала: „ты—Secтaire, а тутъ бы нужно много и очень много терпимости"... Въ концѣ 1827 г. Пушкинъ присутствовалъ на обѣдѣ, даннымъ Булгаринымъ М. П. Погодину (Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды Погодина", II, 166). Вскорѣ Пушкинъ помѣстилъ въ булгаринской „Сѣверной Пчелѣ" свое шуточное „Посланіе" къ И. Е. Великопольскому.

Отношенія Пушкина и Булгарина, никогда не бывшія дружескими, сначала лишь свѣтски приличныя, быстро испортились, и Булгаринъ вскорѣ почувствовалъ силу навѣки заклеймившихъ его львиныхъ когтей пушкинской сатиры. Личное знакомство съ поэтомъ было для Булгарина событіемъ, о которомъ онъ не скоро спустя не позабылъ сообщить своему другу, съ забавной увѣренностью думая, что Пушкинъ долженъ былъ его полюбить.

Но вышло иначе. Увѣренный въ своей „неотразимости", въ неразгаданности старательно носимой личины, Булгаринъ и не подозрѣвалъ, что Пушкинъ, поддерживая сносныя отношенія съ нимъ, зналъ ему цѣну уже давно. Въ началѣ 1825 г. поэтъ иронически писалъ брату: „ты спрашиваешь, зачѣмъ пишу я Булгарину? Потому

что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они на дняхъ меня зарѣжутъ"... Весь пушкинскій кружокъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія о Булгаринѣ: „Вяземскій боленъ"— писалъ Пушкину П. А. Плетневъ 3 марта 1825 г.—„и не на шутку... А Булгаринъ такъ, слава Богу, жирнѣе день ото дня"... Впослѣдствіи, въ 1830 г., когда Пушкинъ и Булгаринъ были уже открытыми врагами, московское общество любителей россійской словесности выбрало Пушкина въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, какъ другимъ „корифеемъ словесности нашей". Пушкинъ былъ до того возмущенъ этой глупой и смѣшной безтактностью, что, по совѣту Вяземскаго [1]), едва не отказался отъ „постыднаго членства". Онъ не сдѣлалъ этого только потому, что не хотѣлъ нанести обиду обществу, которое, конечно, и не думало, что оскорбляетъ поэта. Но простить онъ не могъ и никакихъ дѣлъ съ обществомъ больше не хотѣлъ имѣть. Спустя четыре года онъ желчно жаловался Погодину: „общество любителей поступило со мною такъ, что никакимъ образомъ я не могу быть съ нимъ въ сношеніи. Оно выбрало меня въ свои члены вмѣстѣ съ Булгаринымъ, въ то самое время, какъ онъ единогласно забаллотированъ въ Англійскомъ клубѣ какъ шпіонъ, переметчикъ и клеветникъ, въ то самое время, какъ я въ отвѣтъ на всѣ его ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ. Мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ удивляться моему долготерпѣнію, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности... Воля ваша: это пощечина. Вѣрю, что Общество въ этомъ случаѣ поступило, какъ Фамусовъ, не имѣя намѣренія оскорбить меня:

Я всякому, ты знаешь, радъ!

Но долгъ мой былъ немедленно возвратить присланный дипломъ; я того не сдѣлалъ, потому что тогда мнѣ было не до дипломовъ,— но ужъ имѣть сношенія съ Обществомъ Любителей я не въ состояніи".

Переписка славнаго Ѳаддея сохранила вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ его груди, когда его геніальнаго врага не стало, „У насъ"—писалъ отъ 4 февраля 1837 г. своему другу Андр. Як. Стороженко изъ своего имѣнія подъ Дерптомъ — „разнесся слухъ,

---

[1]) Ему принадлежатъ двѣ приписываемыя Пушкину эпиграммы на Булгарина—„Фигляринъ, вотъ полякъ примѣрный"... и „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь"... (см. наши „Замѣтки о Пушкинѣ" въ „Русс. Старинѣ" 1908 г., январь, 113—117).

что поэтъ Пушкинъ убитъ на дуэли барономъ Дантессомъ, кавалергардскимъ офицеромъ, за жену. Я еще не получилъ писемъ изъ Петербурга, но Воейковъ уже писалъ съ проѣзжающимъ къ своей тещѣ Протасовой. Жаль поэта—и великая,—а человѣкъ былъ дрянной. Корчилъ Байрона, а пропалъ, какъ заяцъ. Жена его право не виновата. Ты зналъ фигуру Пушкина: можно ли было любить, особенно пьянаго!“ [1])

Письма Булгарина къ Ушакову, впервые печатаемыя здѣсь [2]), пожалуй, не такъ даже интересны своимъ содержаніемъ, цѣннымъ для характеристики литературныхъ отношеній двадцатыхъ годовъ, какъ тономъ. Въ немъ слышится упоенная пѣснь торжествующей свиньи, которая съѣла правду безъ остатка. Когда Россія начинала погружаться на многіе годы въ безпросвѣтный мракъ, когда, говоря горькими словами Бѣлинскаго, „все человѣческое, сколько-нибудь умное, талантливое, было осуждено на униженіе и страданіе“, легко и вольно чувствовали себя Булгарины.

Н. Лернеръ.

---

[1]) „Стороженки. Фамильный архивъ“, т. III, Кіевъ, 1907, стр. 29.

[2]) Подлинники принадлежатъ мнѣ. *Н. Л.*

Записки графа Л. Л. Беннигсена о кампаніи 1812 года[1]).

Малоярославецъ и Вязьма.

Ланники, 9/21 ноября 1812 г.

Въ послѣднемъ письмѣ я говорилъ о своемъ возвращеніи въ Тарутино съ войсками, такъ доблестно сражавшимися съ корпусомъ короля Неаполитанскаго; такимъ образомъ въ результатѣ этого великолѣпнаго сраженія мы не выиграли ни пяди земли, т. е. не захотѣли воспользоваться выгодами, которыя могло доставить намъ это сраженіе. Наполеонъ не повѣрилъ полученному имъ донесенію о томъ, что всѣ наши войска возвратились въ Тарутино и, желая удостовѣриться въ этомъ, онъ послалъ къ князю Кутузову парламентера съ письмомъ отъ маршала Бертье. Я имѣю право назвать день 6/18 октября великимъ днемъ, такъ какъ онъ поселилъ среди непріятеля такую тревогу, что Наполеонъ, рѣшившій уже эвакуировать Москву, получивъ въ 11 часовъ вечера отъ короля Неаполитанскаго донесеніе о постигшемъ его въ тотъ день бѣдствіи, внезапно покинулъ этотъ городъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, его войска начали съ величайшей поспѣшностью и въ величайшемъ безпорядкѣ выступать изъ русской столицы, чтобы присоединиться къ остаткамъ корпуса короля Неаполитанскаго. Съ этими соединенными силами онъ двинулся къ Малоярославцу. Это смѣлое движеніе было произведено Наполеономъ единственно съ цѣлью обмануть насъ, выиграть время и провести главныя силы арміи вслѣдъ за собою на Смоленскую дорогу. По

[1]) См. „Р. Ст.“ сентябрь 1909 г.

полученіи извѣстія о появленіи непріятеля съ этой стороны, хотя мы не знали еще, гдѣ находился самъ Наполеонъ, генералъ-отъ-инфантеріи Дохтуровъ былъ посланъ къ Малоярославцу съ армейскимъ корпусомъ, который очутился бы въ безвыходномъ положеніи, если бы непріятель могъ себѣ представить, что передъ нимъ находились столь незначительныя силы. Генералъ Дохтуровъ не замедлилъ донести объ этомъ, и князь Кутузовъ былъ вынужденъ двинуться къ нему съ остальной арміей.

12/24 числа Наполеонъ подошелъ къ Малоярославцу, лежащему на р. Лушѣ, впадающей въ Протву. По единогласнымъ показаніямъ плѣнныхъ, у него было отъ 50—60.000 войска, въ томъ числѣ не болѣе 5.000 кавалеріи и около 40 орудій; все остальное войско было послано впередъ на Смоленскую дорогу или брошено въ Москвѣ за неимѣніемъ лошадей.

Вскорѣ и мы подошли къ Мало-Ярославцу и стали на противуположномъ берегу Луши, со всѣми нашими силами, занявъ напротивъ непріятеля весьма выгодную позицію. У насъ было 30.000 кавалеріи и 600 орудій, а всего было подъ ружьемъ 130.000 чел. Въ это самое время генералъ Дохтуровъ сражался съ превосходными силами непріятеля, противъ которыхъ онъ не могъ бы устоять, если бы мы не подоспѣли вовремя.

Я поспѣшилъ впередъ, чтобы убѣдиться въ истинномъ положеніи дѣлъ, и нашелъ, что наши войска, занявшія Малоярославецъ, который непріятель энергично атаковалъ, нуждались въ подкрѣпленіи; я немедленно послалъ своего адъютанта къ князю Кутузову, чтобы донести ему о положеніи дѣлъ и потребовать присылки двухъ дивизій; онъ отдалъ соотвѣтствующее приказаніе. Непріятель все еще продолжалъ свои атаки на городъ; на эту рѣзню была имъ обречена главнымъ образомъ итальянская гвардія, такъ какъ она потеряла большую часть своихъ солдатъ.

Городъ, въ теченіе дня, одиннадцать разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. На нашей сторонѣ было то огромное преимущество, что на занятой нами мѣстности могла дѣйствовать большая часть нашей артиллеріи; непріятель не пользовался подобнымъ удобствомъ и могъ стрѣлять только изъ 12 орудій, посылая намъ время отъ времени нѣсколько гранатъ. Съ наступленіемъ темноты пальба прекратилась; мною было отдано приказаніе, чтобы за ночь, на холмахъ, находившихся передъ городомъ, были сооружены двѣ батареи, одна въ 60, другая въ 40 орудій; эти батареи господствовали надъ городомъ, и ихъ перекрестный огонь могъ бы защитить доступъ въ него, если бы Наполеонъ вздумалъ продолжать на слѣдующій день свои атаки на этотъ пунктъ. Присовокупите къ этому,

что генералу Платову было поручено переправиться со всѣми казаками черезъ рѣчку Лушу и дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля; оказывается, что онъ уже находился тамъ.

Представьте себѣ, въ какомъ критическомъ положеніи очутился въ эту минуту Наполеонъ, во главѣ ослабленной и упавшей духомъ арміи, терпѣвшей недостатокъ во всемъ, не имѣвшей ни кавалеріи, ни артиллерійскихъ, ни обозныхъ лошадей, а главное, не имѣвшей средствъ къ существованію [1]). Могъ ли спастись хотя одинъ человѣкъ этой арміи, если бы мы продолжали стоять противъ нея и не выпускали бы ее изъ вида? Французская армія была въ нашихъ рукахъ. Рѣшился ли бы Наполеонъ на столь продолжительное отступленіе, и могъ ли бы онъ выполнить его на нашихъ глазахъ, имѣя въ тылу 30.000 кавалеріи, которая постоянно тревожила бы его, если бы мы имѣли возможность поддержать наши легкія войска всѣми нашими силами?

Движеніе, которое ему приходилось совершать въ столь позднее время года, было бы замедлено плохимъ состояніемъ его лошадей и всей его арміи вообще, и онъ понесъ бы огромныя потери, не дойдя до Березины, гдѣ его ожидали армія адмирала Чичагова и корпусъ графа Витгенштейна, т. е. около 40.000 чел. войска, 40 орудій и 20 казачьихъ полковъ [2]); было бы достаточно однихъ казаковъ, чтобы разсѣять послѣдніе остатки этой арміи, которая въ началѣ кампаніи была такъ многочисленна и прекрасна, а въ настоящую минуту была ослаблена и разстроена. Если бы князь Кутузовъ дѣйствовалъ энергичнѣе, то намъ безъ сомнѣнія не пришлось бы болѣе проливать крови, и эта кампанія обезпечила бы спокойствіе и счастье Европы. Но судьба и на этотъ разъ благопріятствовала Наполеону, такъ какъ мы совершили это ничѣмъ не объяснимое отступленіе [3]), которое было противно желаніямъ и духу арміи, не соотвѣтствовало даннымъ обстоятельствамъ и интересамъ народа; оно было совершено по приказанію князя Кутузова, оставившаго одну изъ выгоднѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, позицій, руководствуясь соображеніями, которыя въ то время никто не могъ понять,

---

[1]) Всего этого Кутузовъ тогда еще не зналъ. *Ред.*

[2]) 21 ноября, когда было написано это письмо, еще не было битвы при Березинѣ. Слѣдовательно, всѣ вышеприведенныя и послѣдующія размышленія, внушенныя Беннигсену исходомъ кампаніи, могли быть написаны лишь позднѣе (прим. изд.).

[3]) Вечеромъ въ день битвы подъ Малоярославцемъ, Толь предлагалъ Кутузову атаковать Наполеона на слѣдующее утро со всѣми его силами, но онъ не могъ склонить къ этому фельдмаршала, который, несмотря на численное превосходство своей арміи, боялся потерпѣть пораженіе въ рѣшительной борьбѣ и рѣшился отступить. (Прим. изд.).

но которыя будутъ объяснены мною далѣе; это отступленіе будетъ причиною всѣхъ бѣдствій, какія могутъ еще постигнуть Европу отъ руки Наполеона; оно же, какъ увидимъ далѣе, было причиною огромныхъ потерь, понесенныхъ русской арміей до того момента, когда я пишу эти строки.

Отступленіе изъ-подъ Малоярославца было однимъ изъ роковыхъ событій кампаніи; оно имѣло столь пагубныя послѣдствія, что я хотѣлъ бы не говорить о немъ, дабы оно осталось невѣдомымъ потомству, но, описывая военныя дѣйствія этой кампаніи, я обязанъ описать все подробно, чтобы не прерывать нити разсказа. Письмо, которое я счелъ долгомъ написать императору, чтобы предупредить его, показываетъ, что я предвидѣлъ всѣ послѣдствія, какія могли произойти, и предчувствовалъ, что Наполеону и главнымъ начальствующимъ лицамъ его арміи удастся ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Не я одинъ предупреждалъ объ этомъ Его Величество; находившійся въ нашей арміи англійскій генералъ Робертъ Вильсонъ, которому было разрѣшено сообщать императору свои замѣчанія, писалъ ему тогда же и позднѣе въ томъ же смыслѣ, объясняя сдѣланныя нами многочисленныя ошибки, благодаря которымъ Наполеонъ не былъ взятъ въ плѣнъ и не остался въ Россіи, быть можетъ, до своей кончины. Я увѣренъ, что мы прочтемъ со временемъ исторію этой кампаніи въ описаніи этого генерала, который уже извѣстенъ своими сочиненіями; какъ очевидецъ этой кампаніи, онъ слѣдилъ за ней съ интересомъ истинно военнаго человѣка [1]).

13/25 октября, до разсвѣта, наша армія отступила отъ Малоярославца къ деревнѣ Аѳанасовой (10 верстъ). Можно себѣ представить, каково было изумленіе Наполеона, когда онъ узналъ о нашемъ отступленіи, событіи для него столь счастливомъ, на которое онъ не могъ разсчитывать, и какъ онъ былъ удивленъ, узнавъ, что мы продолжали наше отступленіе, несмотря на то, что онъ насъ не преслѣдовалъ!

14 (26) числа мы отступили снова до Гончарова или Гончаровки (21 верста), гдѣ наша армія имѣла 15 (27) числа дневку, а 16 (28) отошли къ Полотняному заводу (25 верстъ), въ 24 верстахъ отъ Калуги или отъ Оки. Такимъ образомъ мы отступили 50 верстъ, потерявъ четыре дня; не говоря о томъ, что непріятель отступилъ, со своей стороны, такъ что можно было подумать, что обѣ арміи боялись одна другую, хотя про нашу армію этого отнюдь нельзя было сказать. Такъ какъ казакамъ было приказано отступить одно-

---

[1]) Записки Вильсона о кампаніи 1812 г. изданы въ Лондонѣ въ 1860 и 1861 г.г.

временно съ прочимъ войскомъ, то мы не имѣли свѣдѣній о движеніи французской арміи; только 16 (28) числа нами было получено донесеніе, что Наполеонъ послѣдовалъ нашему примѣру и также отступилъ отъ Малоярославца.

Тутъ я долженъ остановиться и упомянуть о намѣреніяхъ, которыя приписывались Наполеону при его движеніи на Малоярославецъ, хотя эти догадки дѣлались единственно съ цѣлью извинить или объяснить наше злополучное отступленіе.—Увѣряли, будто Наполеонъ хотѣлъ пробиться сквозь нашу армію, чтобы овладѣть Калужской дорогой, перейти Оку и двинуться черезъ Малороссію, Подольскую или Волынскую губерніи—словомъ, это была страшнѣйшая чепуха. Если бросить взглядъ на карту и отмѣтить на ней положеніе, которое занимали различные французскіе корпуса, то нельзя будетъ удержаться отъ смѣха по поводу вышесказаннаго предположенія. Наполеонъ прибылъ 12 (24) въ Малоярославецъ, какъ я уже сказалъ, имѣя не болѣе 50—60.000 чел. войска и совершенно не имѣя ни кавалеріи, ни артиллеріи; можно ли думать, что онъ хотѣлъ съ этими незначительными силами пробиться сквозь грозную русскую армію, которая имѣла 30.000 чел. кавалеріи и 600 орудій.

Вся остальная армія Наполеона—т. е. незначительное количество артиллеріи, которую онъ счелъ возможнымъ увезти, госпиталя, бывшіе у него въ Москвѣ, экипажи и складъ разныхъ предметовъ,—были отправлены, подъ охраною гвардіи, на большую Смоленскую дорогу и, какъ извѣстно, все это досталось въ руки нашихъ казаковъ. Слѣдовательно, движеніе Наполеона на Малоярославецъ было вполнѣ естественнымъ и только могло имѣть цѣлью удалить насъ отъ его коммуникаціонной линіи; съ этой цѣлью имъ и дѣлались демонстраціи, чтобы лучше замаскировать свое отступленіе и прикрыть транспорты,—что̀ ему и удалось какъ нельзя лучше. Говорятъ, будто одинъ французскій генералъ, находившійся въ Медынѣ, гдѣ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, увѣрялъ, что ему было приказано обезпечить передвиженіе войскъ изъ Смоленска къ Калугѣ черезъ Юхновъ; это доказываетъ справедливость моихъ словъ, такъ какъ если бы Наполеонъ имѣлъ намѣреніе пройти изъ Калуги черезъ Малороссію, то какую пользу сослужила бы ему эта вредная дорога, коль скоро онъ на первыхъ же порахъ могъ бы быть отрѣзанъ русской арміей, если бы она преслѣдовала его? Ясно, что если Наполеонъ дѣйствительно отдалъ подобное приказаніе, то онъ предполагалъ воспользоваться этой военной дорогой для отступленія къ Смоленску. Достаточно сказать, что въ одномъ изъ бюллетеней мы вскорѣ прочли, будто непріятель хвасталъ тѣмъ, что ему удалось

обмануть русскаго генерала, повѣрившаго, что, совершая это движеніе, онъ намѣревался идти на Калугу.

Убѣдясь въ томъ, что мы отступили, Наполеонъ, со своей стороны, также поспѣшилъ отступить. 14 (26) октября онъ совершилъ переходъ въ $22^1/_2$ версты и дошелъ до Боровска. 15 (27) онъ былъ въ Вереѣ и 16 (28), миновавъ Борисовъ, прибылъ въ Можайскъ, гдѣ вышелъ на большую дорогу, продолжая идти къ Смоленску.

Совершивъ свое смѣлое движеніе къ Малоярославцу (гдѣ ему угрожала окончательная гибель, если бы онъ остановился или отступилъ далѣе), Наполеонъ выигралъ бы несравненно больше, если бы онъ пошелъ оттуда на Медынь; идя деревнями, гдѣ было еще достаточно фуража и съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ французы не рѣшались появляться въ нихъ, опасаясь нашихъ крестьянъ, которые были поголовно вооружены, и далѣе кратчайшимъ путемъ на Дорогобужъ, Наполеонъ могъ быть въ Смоленскѣ дня четыре ранѣе насъ, съ той частью своей арміи, которая еще была способна къ передвиженію. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ могъ бы скорѣе стянуть свои войска, находившіяся въ окрестностяхъ Березины, и несомнѣнно, могъ бы ускользнуть отъ насъ съ довольно значительными силами. Наполеону было бы безполезно медлить, съ той цѣлью, чтобы къ нему подошли остатки его арміи, еле влачившіеся за нимъ по большой дорогѣ, такъ какъ трудно предположить, чтобы ему удалось бы спасти хотя шестую часть этихъ отсталыхъ. Матеріальная часть этихъ остатковъ великой арміи ограничивалась нѣсколькими орудіями, въ которыя были впряжены слишкомъ плохія лошади, чтобы они могли слѣдовать за арміей, и нѣсколькими повозками; а главную часть ихъ составляли больные и раненые, которыхъ не захотѣли оставить въ жертву мстительной черни въ Москвѣ и въ другихъ окрестныхъ городахъ; ихъ нагрузили на телѣги, какія удалось достать. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такихъ жалкихъ людей; безъ одежды, безъ ухода, безъ пищи они тащились, утопая по колѣно въ снѣгу, при 15^0 морозѣ. Можно себѣ представить, сколько ихъ умирало ежедневно, большая дорога была усѣяна трупами, которые выбрасывали изъ телѣгъ по мѣрѣ того, какъ кто-либо испускалъ духъ.

Весь путь, по которому шла французская армія, былъ также усѣянъ павшими лошадьми, такъ что можно было подумать, что на большой Смоленской дорогѣ происходили ежедневно кровопролитныя битвы; хотя въ сраженіяхъ, какъ извѣстно, погибли весьма немногіе французы.

Утверждаютъ, будто Наполеонъ дѣйствительно приказалъ произвести рекогносцировку упомянутой дороги, но офицеры, которымъ

была поручена эта рекогносцировка, донесли ему, что плохое состояніе дороги и болота дѣлали ее непроходимой.

И такъ насталъ моментъ, когда мы были поставлены въ необходимость бѣжать за непріятелемъ, чтобы наверстать усиленными переходами все, что мы потеряли, совершая безполезное отступленіе. Къ несчастью, мы снова приняли невѣрное направленіе; это было причиною гибели нѣкоторой части нашей арміи, такъ какъ ей пришлось идти въ самое плохое время года по отвратительнымъ проселочнымъ дорогамъ, по которымъ проѣзжали раньше однѣ крестьянскія телѣги. Я поспѣшилъ предложить князю Кутузову идти немедля, изъ Полотнянаго завода въ Юхново (45 верстъ), гдѣ мы могли выйти на большую дорогу, и идти далѣе на Климово (21 вер.), Знаменское (25 верстъ), Боровское (32 версты) и Славково (30 верстъ), гдѣ мы подошли бы къ большой Смоленской дорогѣ въ 28 верстахъ отъ Дорогобужа; мы могли бы придти туда со всей арміей черезъ шесть переходовъ, слѣдовательно, ранѣе Наполеона, и если бы впереди нашей арміи шла большая часть нашихъ казаковъ, то Наполеонъ не посмѣлъ бы уѣхать впередъ одинъ, съ небольшимъ конвоемъ, какъ онъ это сдѣлалъ.

Вотъ путь, избранный Кутузовымъ; прослѣдите его по картѣ, онъ заслуживаетъ вниманія. 17 (29) октября онъ былъ въ Адамовскомъ, 18 (30) въ Кременскомъ,—19 (31) въ Спасскомъ. Васъ, конечно, удивитъ избранное имъ направленіе, и вы согласитесь съ тѣмъ, что оно было совершенно не цѣлесообразно, и что онъ не могъ бы нагнать непріятеля по той дорогѣ, по которой тотъ отступалъ; вслѣдствіе нашего отступленія, онъ успѣлъ далеко опередить насъ. Какую же цѣль имѣли эти форсированные марши, которые обошлись намъ дороже самыхъ кровопролитныхъ сраженій, такъ какъ они страшно изнуряли войска. Я думаю, ни одинъ военный не пойметъ этого. Я объясню вамъ эту загадку.

Князь Кутузовъ старъ, разбитъ, болѣзненъ, ѣздитъ верхомъ съ большимъ трудомъ. Одаренный отъ природы живымъ умомъ, онъ любезенъ въ обществѣ, въ особенности съ прекраснымъ поломъ, у котораго онъ всегда имѣлъ успѣхъ; какое бы мѣсто онъ ни занималъ, женщины всегда руководили имъ, нерѣдко къ его невыгодѣ, и это не разъ было причиною того, что онъ терялъ мѣста. Отвращеніе, которое онъ всегда питалъ къ труду и къ полезнымъ занятіямъ, заставляло его съ юныхъ лѣтъ пренебрегать ученьемъ, такъ что онъ не обладаетъ никакими серьезными знаніями. Тактика извѣстна ему только по названію. Потому, гдѣ бы онъ ни командовалъ, у него всегда былъ человѣкъ, который имъ руководилъ. Если у него былъ хорошій помощникъ, дѣла шли хорошо; если же

онъ попадалъ въ руки невѣжды, они шли дурно. При своихъ взглядахъ и при своемъ образѣ дѣйствій, у него не было иного желанія и иного честолюбія, какъ выпроводить за предѣлы Россіи непріятеля, который не могъ оставаться тутъ долѣе и былъ непрочь уйти какъ можно скорѣе. Послѣдствія, проистекавшія изъ того, что онъ нерѣдко упускалъ удобный моментъ и терпѣлъ неудачи, не тревожили Кутузова, и онъ, не обращая вниманія на негодованіе свыше 100.000 человѣкъ, бывшихъ очевидцами его робости, измышлялъ реляціи никогда не бывшихъ кровопролитныхъ сраженій. Вы спросите, какимъ образомъ онъ достигъ столь виднаго, выдающагося назначенія? Я отвѣчу на это, что народъ желалъ, вполнѣ справедливо, чтобы честь изгнанія Наполеона и его арміи изъ Россіи выпала на долю русскаго; но кн. Кутузовъ не пользуется довѣріемъ двора, арміи и той части народа, которая его знаетъ [1]).

Вернемся къ движенію нашей арміи. 20 октября (1 ноября) армія двинулась въ Силенки (28 верстъ). Я уже говорилъ, что въ этомъ направленіи шли, по большей части, однѣ проселочныя дороги, пролегавшія по болотамъ и мшистымъ лѣсамъ. Начались заморозки, порошилъ снѣгъ, быстро таявшій, такъ что даже по полямъ пять—шесть телѣгъ едва могли ѣхать гуськомъ; слѣдующимъ приходилось прокладывать себѣ новую колею, которая становилась быстро непроѣзжей. Представьте себѣ артиллерію, въ особенности тяжелую, и кавалерію, которымъ приходилось совершать ежедневно по 3, 4 и 4½ нѣмецкихъ миль; послѣ десяти такихъ переходовъ онѣ становились неузнаваемы, и можно было предсказать, что часть нашей арміи погибнетъ отъ утомленія, которому ее подвергали совершенно напрасно.

Нашъ авангардъ, подъ командою храбраго генерала Милорадовича, дойдя снова до Малоярославца, пошелъ также по проселочной дорогѣ, пролегавшей между большой Московской дорогой и той, по которой шла наша армія, а именно: черезъ деревни Георгіевскую, Губино, Покровскую. Онъ подошелъ къ большой Московской дорогѣ у Царева-Займища, но встрѣтилъ тутъ маршала Даву съ аррьергардомъ, состоявшимъ изъ его корпуса и корпуса вице-короля италіанскаго, подкрѣпленнаго войсками маршала Нея; противъ такихъ значительныхъ силъ онъ не могъ ничего предпринять, не поставивъ своего войска въ безвыходное положеніе, поэтому онъ рѣшилъ оставить большую дорогу и идти въ первоначальномъ на-

[1]) Эта пристрастная характеристика Кутузова легко объясняется личнымъ нерасположеніемъ Беннигсена къ Кутузову. Вообще къ показаніямъ Беннигсена противъ Кутузова надо относиться съ особой осторожностью.

Ред.

правленіи сперва въ Вырубово, оттуда въ Спасское, далѣе на Охотино, откуда онъ вышелъ снова на большую Московскую дорогу, близъ Вязьмы.

Наша армія прибыла 21 октября (2 ноября) въ Дубровно, а 22 октября (3 ноября) была въ Быковѣ. Тутъ я долженъ остановиться, ибо мы здѣсь въ третій разъ выпустили непріятеля! Замѣтьте, что Быково находится не болѣе какъ въ 7 верстахъ отъ Вязьмы. 21 октября (2 ноября), маршалъ Даву не дошелъ еще со своимъ арьергардомъ до этого пункта (т. е. до Вязьмы); онъ могъ прибыть туда на другой день, къ вечеру, преслѣдуемый и тревожимый генераломъ Милорадовичемъ, который шелъ съ нашимъ авангардомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Быково, я отправился къ фельдмаршалу Кутузову и убѣждалъ его не упускать прекраснаго случая уничтожить большую часть французской арміи. Я сказалъ ему приблизительно слѣдующее:

„Вы конечно выступите съ арміей если не въ ночь, то по крайней мѣрѣ на разсвѣтѣ, чтобы, до прихода Даву съ непріятельскимъ арьергардомъ, занять Вязьму и большую дорогу, на которую онъ можетъ выйти только подъ вечеръ, преслѣдуемый нашимъ авангардомъ“.

Отвѣтъ: „Вы слышите орудійные выстрѣлы“.

— Да, это генералъ Милорадовичъ тревожитъ непріятельскій арьергардъ“.

Отвѣтъ: „Но, быть можетъ, онъ разбитъ; я еще не получалъ донесенія“.

Я замѣтилъ, что по-моему это весьма мало вѣроятно, такъ какъ маршалъ Даву не могъ остановиться, не обрекая себя на гибель; присовокупивъ, что это соображеніе должно было побудить насъ тѣмъ болѣе не теряя ни минуты, отрѣзать непріятельскій арьергардъ;—это движеніе освободило бы вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авангардъ, на тотъ случай, если бы это оказалось нужнымъ чего впрочемъ трудно было ожидать). Всѣ мои доводы и убѣжденія не повели ни къ чему; его слишкомъ удручала мысль объ опасности, которой онъ могъ подвергнуться, отрѣзавъ корпусъ маршала Даву. Поэтому я удалился, надѣясь, что, при зрѣломъ размышленіи, его страхъ разсѣется, и онъ двинетъ армію во-время, чтобы принять непріятельскій корпусъ, который протягивалъ ему, такъ сказать, руки. Трудно будетъ повѣрить, даже послѣ того, какъ я опишу все происшедшее, какой ущербъ нанесла дѣлу, при данныхъ обстоятельствахъ, нерѣшительность князя Кутузова.

По утру, на слѣдующій день, въ тотъ моментъ, какъ я собирался сѣсть на лошадь, чтобы отправиться къ генералу Милорадовичу, отъ фельдмаршала было получено увѣдомленіе, что армія не

пойдетъ впередъ до полученія о томъ приказанія, которое однако не было получено ни въ тотъ, ни на слѣдующій день. Генералъ-лейтенантъ Уваровъ добился, около полудня, съ большимъ трудомъ, разрѣшенія подойти къ большой дорогѣ съ частью нашей кавалеріи; онъ вышелъ на большую дорогу по ту сторону Вязьмы, за нѣсколько часовъ до появленія на ней маршала Даву съ его корпусомъ; но такъ какъ у генерала Уварова не было пѣхоты, то онъ былъ вынужденъ уступить ему мѣсто и видѣлъ только, какъ непріятельскій корпусъ прошелъ въ незначительномъ разстояніи отъ него.

Я пріѣхалъ между тѣмъ къ генералу Милорадовичу, который потревожилъ аррьергардъ маршала Даву, близъ Вязьмы, куда наши войска пришли въ тотъ моментъ, тогда начало темнѣть. Маршалъ Ней, съ 3-мъ корпусомъ, остановился передъ Вязьмою, чтобы выждать тутъ 1-й и 4-й корпуса и поддержать ихъ; это лишило генерала Милорадовича возможности дѣйствовать успѣшно противъ непріятеля, если бы его не поддержали наши главныя силы. Между тѣмъ имъ было бы какъ нельзя легче не только принять атаку, на которую непріятель рѣшился бы непремѣнно, если бы фельдмаршалъ Кутузовъ занялъ позицію со всѣми своими силами, преградивъ ему путь, но и разсѣять окончательно эту часть арміи Наполеона, которая шла въ ея хвостѣ и находилась между превосходными силами нашей большой арміи и аррьергардомъ генерала Милорадовича. Вслѣдъ за Наполеономъ можно было послать одновременно въ погоню отрядъ кавалеріи, какъ я это и предлагалъ фельдмаршалу. Что бы сталось съ французской арміей, которую велъ императоръ Наполеонъ, если бы мы успѣли отрѣзать силы вышеназванныхъ трехъ маршаловъ. Смѣло можно сказать, что 22 октября (3 ноября) былъ единственный благопріятный моментъ, когда мы могли поставить французскую армію въ безвыходное положеніе и нанести ей смертельный ударъ; между тѣмъ фельдмаршалъ пропустилъ этотъ случай по тому, что онъ не захотѣлъ выполнить планъ, мною предложенный.

Непріятель хотѣлъ продержаться ночь въ Вязьмѣ, чтобы часть его войска могла найти въ домахъ защиту отъ непогоды; это была единственная выгода, которую онъ могъ извлечь изъ города, такъ какъ въ немъ не осталось ни единаго жителя, и въ большинствѣ домовъ были выломаны двери и окна. Генералъ Милорадовичъ не пожелалъ однако предоставить имъ это удобство, а приказалъ прогнать всѣхъ французовъ, которые оказались бы въ городѣ. Его приказаніе было приведено въ исполненіе Перновскимъ полкомъ (по окончаніи войны полкъ получилъ за это дѣло Георгіевскія знамена), который пошелъ въ штыки и вытѣснилъ непріятеля; при этомъ по-

гибла большая часть Вязьмы [1]), почти всѣ дома были истреблены пламенемъ. Одержанная побѣда была весьма незначительна по сравненію съ тѣмъ успѣхомъ, котораго мы могли бы достигнуть въ тотъ день.

Со времени отступленія непріятеля я очутился первый разъ на большой Смоленской дорогѣ и убѣдился въ истинѣ того, что намъ доносили, а именно, что дорога была усѣяна трупами, была завалена транспортами больныхъ, погибшихъ въ пути, павшими лошадьми, орудіями, зарядными ящиками и всякаго рода повозками. Ужасное зрѣлище предстaвляли группы отсталыхъ, изнуренныхъ отъ усталости и голода, плохо одѣтыхъ въ это холодное время года, больныхъ и раненыхъ, которые еле могли двигаться и походили на умирающихъ. Сидя вокругъ разложенныхъ ими костровъ, они смотрѣли съ тупымъ равнодушіемъ на наши приближавшіяся войска, увѣренные въ томъ, что ничего худшаго не могло случиться съ ними; они глодали тощіе куски мяса, присохшіе къ костямъ павшихъ лошадей. Бѣдствія французской арміи возростали съ каждымъ днемъ самымъ ужасающимъ образомъ.

И такъ, 23 октября (4 ноября) наша армія провела, какъ я сказалъ, весь день въ окрестностяхъ Быкова; это спасло маршала Даву и дало ему время уйти впередъ. 24 (5) мы пошли далѣе, пройдя 22 версты до Краснаго, а 25 (6), сдѣлавъ 32 версты, мы пришли въ Гаврюково или Грюково.

Любопытно будетъ прослѣдить по картѣ сдѣланныя нами ошибки, которыхъ всякому генералу слѣдуетъ избѣгать; это очень поучительно. Вы увидите, какъ старательно мы избѣгали непріятеля; можно подумать, что мы его боялись. Мы совершали довольно усиленные переходы по проселочнымъ дорогамъ, по которымъ намъ приходилось идти не иначе какъ одной колонной, что̀ все болѣе и болѣе губило нашу армію.

26 октября (7 ноября) мы прибыли въ Бѣлый Холмъ (сдѣлавъ 26 верстъ); 27-го (8) въ Эльню (25 верстъ), гдѣ мы простояли 28 (9) число; 29 (10) мы дошли до Балтутина (28 верстъ); 30-го (11) до Ланково (24 версты), гдѣ мы простояли 31 (12) числ. 1 (13) ноября мы прибыли въ Щелканово (21 верста).

Слѣдующій фактъ показываетъ, какъ удачно дѣйствовали вначалѣ наши казаки, пресѣкая непріятелю всѣ коммуникаціи. Генералъ Ожеро, выступивъ изъ Смоленска съ отрядомъ приблизительно съ 600 чел. гвардіи съ намѣреніемъ присоединиться къ арміи, на

---

[1]) Подъ Вязьмою у французовъ было убито и ранено 4.000 чел., 3.000 взято въ плѣнъ; у насъ убито и ранено 3.000 чел. (Богдановичъ, III. 75).

Юхновской дорогѣ, былъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ [1]); изъ этого видно, что въ Смоленскѣ плохо были освѣдомлены о томъ, что дѣлалось въ арміи.

Такъ какъ мы находились въ то время на высотѣ Смоленска, то, видя, что мы продолжаемъ совершать переходы, которые должны были въ конецъ разстроить армію, тогда какъ четвертой части войска, слѣдовавшаго за нами было бы достаточно, чтобы уничтожить остатки французской арміи, я отправился къ князю Кутузову, чтобы переговорить съ нимъ о мѣрахъ, которыя надлежало принять во избѣжаніе еще большихъ потерь по сравненію съ тѣмъ, которыя мы понесли такъ безплодно; я встрѣтилъ у него генерала Ермолова, пріѣхавшаго съ тѣмъ же намѣреніемъ. Хотя всѣ наши старанія и представленія оказались безполезны, но я все же упомяну о сдѣланномъ мною предложеніи оставить не болѣе 400 орудій изъ числа тѣхъ 600, которыя мы тащили за собою, и которыя задерживали и затрудняли наше движеніе, и дать подъ остающіяся позади 200 орудій самыхъ замореныхъ лошадей, чтобы онѣ могли оправиться въ мѣстахъ, гдѣ еще было достаточно фуража. Замѣтьте, что, при нашемъ выступленіи изъ Тарутина 11 (23) октября, всѣ лошади, безъ исключенія, были въ наилучшемъ состояніи. Я предложилъ, кромѣ того, раздѣлить регулярную кавалерію на три отряда; въ первомъ должны были находиться наиболѣе измученныя лошади, которыхъ слѣдовало послать въ Черниговскую губернію, гдѣ онѣ могли поправиться въ четыре или пять недѣль; во второй отрядъ вошли бы всѣ слабыя лошади, которыя могли слѣдовать за нами, совершая небольшіе переходы; ихъ слѣдовало послать такой дорогой, на которой онѣ легко могли бы найти себѣ фуражъ; что касается третьей части нашей кавалеріи, которая находилась еще въ прекрасномъ состояніи, то она должна была бы преслѣдовать непріятеля. Я предлагалъ принять подобныя же мѣры и относительно пѣхоты, такъ какъ въ каждомъ полку насчитывали по нѣсколько сотъ отсталыхъ, не имѣвшихъ силъ слѣдовать за арміей. Если бы князь Кутузовъ послѣдовалъ этимъ благоразумнымъ совѣтамъ, то потери, понесенныя арміей, до прибытія ея на границу были бы не столь значительны.

Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ и генералъ Платовъ съ казаками настигли на большой Можайской дорогѣ аррьергардъ не-

---

[1]) Ожеро былъ взятъ въ плѣнъ ополченцами въ Ляхово, съ 19 офицерами и 1.650 чел. солдатъ. Какъ засвидѣтельствовалъ Кутузовъ въ своемъ донесеніи императору, это былъ первый случай въ эту кампанію, что французы были вынуждены сложить оружіе. (Богдановичъ, III, 89).

пріятеля; они овладѣли орудіями и повозками, которыя непріятель бросилъ на произволъ судьбы, за неимѣніемъ лошадей; та же участь постигла и отсталыхъ, которые за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ не имѣли силъ слѣдовать за своими полками.

Генералъ Платовъ взялъ близъ Смоленска 62 орудія и много повозокъ и плѣнныхъ, брошенныхъ маршаломъ Даву. Въ Оршѣ непріятель бросилъ 16 орудій и оставилъ въ монастырѣ болѣе 1.000 больныхъ.

2 (14) ноября мы пришли съ арміей въ Юрово (19 верстъ), гдѣ пробыли до 3 (15) числа, 4 (16) мы пришли въ Шиловъ (15 верстъ), гдѣ простояли 5 (17) число, 6-го (18) были въ Добромъ (15 в.), гдѣ простояли 7 (19) ноября. Такимъ образомъ, въ шесть дней мы прошли впередъ 49 верстъ, самымъ неприличнымъ образомъ избѣгая непріятеля, какъ въ этомъ можно убѣдиться, прослѣдивъ пройденный нами путь по картѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу нашу встрѣчу съ непріятелемъ въ окрестностяхъ Краснаго и укажу на тѣ преувеличенныя реляціи, которыя были составлены объ этомъ днѣ главнокомандующими обѣихъ армій.

Красное.

Витебскъ, 24 ноября (6 декабря) 1812 г. [1]).

Я обѣщалъ, въ предъидущемъ письмѣ, описать подробности событій, происшедшихъ 6 (18) ноября близъ Краснаго; они послужатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что фельдмаршалъ Кутузовъ твердо рѣшилъ не приближаться къ непріятелю, съ цѣлью преградить ему путь. Никакія соображенія, никакія данныя, предвѣщавшія окончательную гибель непріятельской арміи, которая была бы вынуждена бѣжать, если бы онъ захотѣлъ дать ей генеральное сраженіе,—ничто не заставило его рѣшиться нанести вѣрный ударъ, безъ большого кровопролитія. Но къ дѣлу. Я уже говорилъ, что 5 (17) ноября, мы были въ Шиловѣ, приблизительно въ 10 верстахъ отъ Краснаго, на большой дорогѣ, по которой Наполеонъ неизбѣжно долженъ былъ пройти. Наша главная квартира разослала диспозицію къ атакѣ на слѣдующій день; замѣтимъ, что она составлялась вовсе не для того, чтобы быть выполненной, а, какъ увидимъ далѣе, только для того, чтобы о ней можно было упомянуть въ

---

[1]) Фиктивная дата. Въ этомъ письмѣ, датированномъ 24 ноября (6 декабря), Беннигсенъ говоритъ о своей встрѣчѣ съ императоромъ Александромъ, состоявшейся послѣ 6 (18) декабря.

донесеніи и въ бюллетенѣ, 6 (18) ноября, рано утромъ [1]), я сѣлъ на лошадь, чтобы присутствовать при атакѣ, хотя я не могъ себѣ представить, какъ мы могли атаковать непріятеля, который бѣжалъ отъ насъ и былъ разсѣянъ на протяженіи болѣе 100 верстъ. Каково же было мое удивленіе, когда, выѣхавъ изъ деревни, въ которой помѣщалась наша главная квартира [2]), я очутился позади длинной цѣпи казаковъ, разставленныхъ ведетами; за центромъ этихъ аванпостовъ я увидѣлъ нашего фельдмаршала, въ саняхъ, окруженнаго свитою. Я спрашивалъ всѣхъ, что это значитъ, гдѣ наши войска, гдѣ армія? Мнѣ отвѣчали, что она впереди; поэтому, оставивъ цѣпь ведетовъ, я проѣхалъ верстъ десять впередъ и увидѣлъ армію, стоявшую на позиціи въ двухъ пунктахъ, которые были ей указаны и были удалены на хорошій пушечный выстрѣлъ отъ большой дороги, по которой непріятель прошелъ, не останавливаясь. Главныя силы нашей арміи, подъ начальствомъ генерала Тормасова, находились въ окрестностяхъ Краснаго; остальныя войска, подъ командою генералъ-лейтенанта князя Дмитрія Голицына, стояли приблизительно въ четырехъ верстахъ вправо оттуда; я подъѣжалъ сперва къ этимъ войскамъ и въ первый моментъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, не понимая еще всей хитрости этого маневра. Я обратился къ князю Голицыну съ вопросомъ, какія ему даны приказанія. Ему было приказано оставаться на этой позиціи до полученія дальнѣйшихъ приказаній; тогда мнѣ все стало ясно. Въ самомъ дѣлѣ, было бы достаточно занять, нашими сосредоточенными силами, большую дорогу, отъ которой мы находились, какъ я уже сказалъ, на разстояніи орудійнаго выстрѣла, чтобы преградить Наполеону путь; это мы могли бы сдѣлать и два дня раньше. Наша артиллерія стрѣляла до вечера, не причинивъ непріятелю особеннаго вреда. Онъ, со своей стороны, выставилъ противъ насъ всего четыре орудія, которыя посылали намъ, время отъ времени, нѣсколько ядеръ или гранатъ.

Французы двинули два батальона молодой гвардіи, чтобы прикрыть большую дорогу, одинъ изъ нихъ сталъ передъ позиціей, за-

---

[1]) Судя по этому, можно думать, что 17 числа не было сраженія. Но, сравнивъ разсказъ Беннигсена съ реляціями Бутурлина и Богдановича, ясно, что генералъ перепуталъ событія, происшедшія 17 и 18 ноября. (*Прим. изд.*).

[2]) Главная квартира, бывшая 17 по утру въ Шиловѣ была перенесена вечеромъ въ Доброе, гдѣ она находилась и утромъ 18 числа. Изъ дальнѣйшихъ подробностей, передаваемыхъ Беннигсеномъ, ясно, что онъ говоритъ о деревнѣ Шиловѣ, и слѣдовательно, эта часть его разсказа относится къ 17, а не къ 18-му числу, какъ онъ ошибочно отмѣтилъ.

пятой генераломъ Тормасовымъ, а другой передъ позиціей князя Голицына. Перваго атаковалъ батальонъ нашихъ гвардейскихъ егерей, а второго—батальонъ нашего армейскаго Ревельскаго полка. Оба непріятельскихъ батальона, численностью самое большее въ 300 человѣкъ, слишкомъ удалились отъ своей колонны и поэтому не могли быть поддержаны ею; большая часть солдатъ были убиты; остальные разбѣжались. Я долженъ прибавить, что мы видѣли всего 400 человѣкъ непріятельской кавалеріи [1]), которые не рѣшились выйти на равнину и простояли спокойно весь день близъ Краснаго; мы видѣли, что непріятель прошелъ тутъ, въ незначительномъ разстояніи передъ фронтомъ нашей арміи. Французамъ слѣдовало низко намъ поклониться и поблагодарить насъ за любезность и за оказанное имъ снисхожденіе. Но они вѣроятно уже привыкли къ этому, такъ какъ князь Кутузовъ четвертый разъ оказывалъ имъ подобную любезность [2]).

Подъ вечеръ, генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ присоединился къ арміи; онъ преслѣдовалъ аррьергардъ непріятеля, коимъ командовалъ маршалъ Ней; генералъ Милорадовичъ отрѣзалъ его отъ большой дороги и потребовалъ, чтобы онъ сдался со своимъ корпусомъ [3]). Маршалъ не подчинился этому требованію и рѣшилъ поискать, ночью, проселочную дорогу, по которой, совершивъ обходъ, онъ спасся приблизительно съ 2.500 чел.; остальная часть его корпуса, ослабленная и частью разсѣянная, сдалась, отдѣльными бандами.

Никто не говорилъ объ этомъ, всѣ думали съ сожалѣніемъ о томъ, чего мы могли бы достигнуть въ тотъ день, какъ вдругъ мы узнали, съ величайшимъ изумленіемъ, что была сочинена реляція о кровопролитномъ сраженіи, продолжавшемся три дня подъ-рядъ, въ которомъ непріятель былъ чуть не окончательно истребленъ 5 (17) ноября, подъ Краснымъ. Въ этой реляціи фигурировали всѣ орудія, которыя были брошены непріятелемъ во время его отступленія, въ Смоленскѣ и на Днѣпрѣ, всѣ больные, взятые въ госпиталяхъ, и отсталые, взятые въ плѣнъ въ теченіе нѣсколькихъ

---

[1]) Подъ Краснымъ со стороны французовъ было 2.200 чел. кавалеріи (Богдан. III, 118).

[2]) О значеніи сраженія 17 ноября, о которомъ Беннигсенъ отзывается такъ презрительно, можно судить по потерямъ, понесеннымъ французами. Они потеряли 6.000 плѣнными, 45 орудій, 2 знамени, множество повозокъ, маршальскій жезлъ Даву и часть канцеляріи Наполеона. Русскіе потеряли не болѣе 700 чел. (Богд. III, 124).

[3]) Ср. Богдановичъ, III, 125—132.

дней, которыхъ было очень много, а равно плѣнные, взятые генераломъ Милорадовичемъ на другой день изъ корпуса маршала Нея.

Кто бы могъ подумать, что эта знаменитая реляція въ самомъ дѣлѣ была послана въ Петербургъ вмѣстѣ съ знаменами, штандартами и жезломъ маршала Даву, которые были найдены въ экипажахъ и повозкахъ, на которыхъ перевозили вещи не существовавшихъ болѣе полковъ? Князь Кутузовъ конечно могъ ожидать, что по полученіи такой реляціи будутъ отслужены благодарственные молебны какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ большихъ городахъ Имперіи и что, слѣдовательно, и въ арміи надобно было отслужить молебенъ. Тутъ его выручилъ умъ; онъ приказалъ отслужить молебенъ за всѣ выигранныя сраженія, начиная съ 6 (18) октября,—день, когда былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ король Неаполитанскій, по поводу чего на другой же день былъ отслуженъ молебенъ въ Тарутино,—не упоминая о Красномъ, ибо иначе, во время молебна всѣ, отъ генерала до солдата, конечно не могли бы удержаться отъ смѣха. На этотъ разъ французскіе бюллетени были скромнѣе, такъ какъ они ограничились сообщеніемъ, что французская армія пробилась, подъ Краснымъ, съ оружіемъ въ рукахъ, сквозь ряды русской арміи [1]).

Замѣтьте, что, несмотря на все наше стараніе избѣжать непріятеля, мы все-таки встрѣтились съ нимъ. Генералъ-маіоръ баронъ Розенъ, посланный впередъ съ отрядомъ, оказался такъ близко къ непріятелю, что ожидалъ получить на слѣдующее утро приказаніе идти впередъ, чтобы вступить въ бой, который долженъ былъ задержать французовъ и пріостановить ихъ отступленіе. Намъ не слѣдовало только уклоняться съ дороги, на которой мы были, чтобы подойти къ Березинѣ одновременно съ Наполеономъ, задержать его при переправѣ черезъ рѣку и тѣмъ дать адмиралу Чичагову время передвинуть свои войска къ тому пункту, гдѣ непріятель наводилъ мосты. Адмиралъ, который долженъ былъ ежедневно получать отъ насъ кружнымъ путемъ свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ и войскъ Наполеона, не былъ ни о чемъ освѣдомленъ вслѣдствіе того, что мы держались все время возможно дальше отъ непріятеля.

Трудно повѣрить, что мы и этотъ разъ не остались вблизи отъ непріятельской арміи, а представили себѣ, что Наполеонъ могъ свернуть влѣво и направиться къ Игумену съ цѣлью присоединиться къ корпусу князя Шварценберга. Но онъ не могъ бы выполнить

[1]) Въ сраженіи 15—18 ноября русскіе взяли въ плѣнъ въ окрестностяхъ Краснаго 26.170 чел., въ томъ числѣ 7 генераловъ и 300 офицеровъ, нѣсколько знаменъ и 116 орудій. (Богдановичъ, III, 136).

этого движенія иначе, какъ пройдя по большой дорогѣ впереди или позади насъ; безъ сомнѣнія, не въ его интересахъ было подвергнуть себя такимъ образомъ явной опасности, которой онъ избѣгалъ всевозможными способами. Вдобавокъ, мы знали, что маршалъ Викторъ, со своимъ корпусомъ или корпусомъ Удино, поджидалъ Наполеона, чтобы подкрѣпить его и перейти вмѣстѣ съ нимъ Березину.

Это извѣстіе послужило намъ только предлогомъ, чтобы снова отдалиться отъ непріятеля, двинувшись, со всѣми нашими силами, къ Игумену, предоставивъ адмиралу Чичагову, съ его силами, удерживать Наполеона и его армію съ тѣми подкрѣпленіями, которыя онъ стягивалъ къ себѣ; войска Чичагова не были сосредоточены, и такъ какъ они были растянуты на большое пространство, то нельзя было разсчитывать, что адмиралу удастся задержать Наполеона, если бы наши главныя силы не слѣдовали за нимъ по пятамъ.

Дѣйствительно, 7/19 ноября, наша армія оставила большую дорогу и, слѣдовательно, отдалилась снова отъ непріятеля, идя влѣво проселочными дорогами до с. Добраго (15 верстъ). Это село лежало близъ большой дороги, по которой непріятель шелъ на Борисовъ; это было намъ извѣстно; тѣмъ не менѣе, мы продолжали идти въ избранномъ нами направленіи, отдаляясь отъ непріятеля, и 8/20 числа дошли до Романова, совершивъ переходъ въ 25 верстъ.

9/21 числа армія подошла къ Ланникамъ (19 верстъ), гдѣ она простояла 10/22. 11/23 она шла въ томъ же направленіи до Морозова (17 верстъ), а 12/24 до Копыся (18 в.), гдѣ имѣла, 13/25 ноября, дневку.

По картѣ можно прослѣдить, что эти послѣдніе пункты не особенно удалены отъ большой дороги, идущей на Борисовъ. Возможно ли повѣрить, чтобы князю Кутузову, у котораго было 40 казачьихъ полковъ, не было извѣстно, что непріятель не дѣлалъ даже никакихъ демонстрацій, съ цѣлью внушить намъ мысль, что онъ намѣревался оставить эту дорогу? Какъ бы то ни было, начиная съ этого дня, князь Кутузовъ отдалялся отъ нея съ каждымъ переходомъ, а именно: 14 (26) онъ былъ въ Старосельѣ (17 верстъ); 15 (27)—въ Кругломъ (28 верстъ); 16 (28) въ Сомри (36 верстъ); 17 (29) въ Михѣевкахъ (16 верстъ), и 18 (30) дошелъ до Уши, гдѣ наша первая армія перешла Березину.

Замѣтьте, гдѣ находился князь Кутузовъ со своей арміей въ то время, когда Наполеонъ, съ остатками своей арміи, былъ въ 14 верстахъ по ту сторону отъ Борисова и въ 55 верстахъ отъ Уши, — сборнаго пункта главныхъ силъ русской арміи, которому не угрожалъ непріятель ни вблизи, ни издалека, и который князь Кутузовъ считалъ конечнымъ пунктомъ своей славной кампаніи. Что бы сталось съ Наполеономъ, если бы князь Кутузовъ послѣдовалъ за

нимъ съ 1-ой арміей, хотя бы начиная отъ Краснаго, и подошелъ одновременно съ нимъ къ Березинѣ. Какъ бы онъ переправился черезъ эту рѣку, коль скоро къ князю Кутузову, какъ увидимъ далѣе, могъ подойти на помощь еще корпусъ графа Витгенштейна.

Дойдя до Уши, князь Кутузовъ получилъ донесеніе, что Наполеонъ перешелъ 15 (27) ноября Березину и шелъ къ Вильно, и что адмиралъ Чичаговъ со своей арміей слѣдовалъ за нимъ по пятамъ; тогда онъ рѣшилъ, оставивъ армію, отправиться лично въ Вильно, гдѣ онъ разсчитывалъ пробыть довольно долго, предоставивъ генералу Тормасову вести армію въ указанномъ направленіи. Этотъ генералъ прошелъ чрезъ Смолевичи, Воложинъ, Вишневъ и прибылъ въ Ольшаны, гдѣ ему было приказано стоять шесть дней.

Я такъ много говорилъ о князѣ Кутузовѣ, что изъ всего сказаннаго всякій можетъ самъ вывести заключеніе о поведеніи этой личности, какъ генерала и патріота.

Начиная съ этого момента, я не былъ очевидцемъ того, что происходило въ арміи, которую я оставилъ 15/27 ноября, отправившись въ Петербургъ. Здоровье мое, нѣсколько пострадавшее въ эту дурную погоду, заставило меня остановиться въ Витебскѣ, откуда я пишу это письмо. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я сообщу подробности о переходѣ Наполеона черезъ Березину, но такъ какъ это событіе входитъ въ военныя дѣйствія адмирала Чичагова, то я долженъ коснуться его предшествовавшихъ дѣйствій, что̀ я и сдѣлаю въ слѣдующемъ письмѣ.

Предварительно, я долженъ, однако, сказать нѣсколько словъ объ операціяхъ генерала Витгенштейна, котораго мы оставили на Двинѣ, въ то время какъ Великая Армія покинула Дрисскую позицію, чтобы присоединиться къ II арміи. Прежде всего скажу о движеніяхъ маршаловъ Макдональда и Удино. Первый прикрывалъ со своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 15.000 пруссаковъ и 15.000 французовъ [1]), дорогу на Кенигсбергъ и сѣверную часть бывшей Пруссіи, угрожая въ то же время Ригѣ, которую, повидимому, ему велѣно было осадить. Второй, перешедшій нашу границу приблизительно съ 24.000 человѣкъ [2]), имѣлъ ближайшимъ назначеніемъ наблюдать за графомъ Витгенштейномъ и охранять Двину, а не идти на Петербургъ, куда ему удалось бы дойти лишь съ горстью людей.

Маршалъ Макдональдъ перешелъ Нѣманъ 24 іюня и направился къ Россіенамъ. 15 іюля онъ былъ въ Шавляхъ, а 4 августа въ Динабургѣ; отсюда онъ повернулъ влѣво и до самаго конца кампаніи занималъ со своими главными силами Самогитію, высылая

[1]) 20 іюня у Макдональда было 28.878 человѣкъ.

[2]) 1 іюня силы Удино доходили до 39.965 человѣкъ. (Прим. изд.).

одновременно отдѣльные отряды въ нѣкоторые пункты Курляндіи. Его приближеніе такъ напугало генерала Эссена, коменданта Риги, что, поддавшись ложной тревогѣ, онъ приказалъ поспѣшно сжечь ночью предмѣстье города, и, вслѣдствіе этой непростительной поспѣшности, часть жителей понесла огромные убытки.

Маршалъ Удино двинулся 27 іюня на Вилкоміръ. 16/28 іюня, при Девельтовѣ, онъ вступилъ въ бой съ графомъ Витгенштейномъ, который отступилъ къ Вилкоміру. Что касается подробностей этого дѣла и отдѣльныхъ стычекъ, происходившихъ по близости отъ Двины, то ихъ можно найти въ бюллетеняхъ обѣихъ армій, которые грѣшатъ одинаковыми преувеличеніями.

Вы замѣтили, вѣроятно, какую важность хотѣли придать дѣйствіямъ генерала Витгенштейна, котораго провозглашаютъ чуть не спасителемъ Петербурга. Между тѣмъ всѣ сраженія, происходившія въ раіонѣ его дѣйствій, не имѣли существеннаго значенія, вслѣдствіе слабости корпуса Удино, который подъ конецъ кампаніи имѣлъ не болѣе 18.000 человѣкъ, тогда какъ Витгенштейнъ, получившій подкрѣпленіе, располагалъ въ то время гораздо болѣе значительными силами. Дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, если бы Макдональдъ, оставивъ 15.000 корпусъ для наблюденія за Ригой, послалъ остальныя силы для подкрѣпленія своего товарища. Тогда генералъ Витгенштейнъ, подавленный численнымъ превосходствомъ, былъ бы вынужденъ отойти къ Двинѣ, и оба маршала, идя къ Петербургу, могли бы дѣйствительно угрожать столицѣ.

Мое отношеніе къ службѣ, мои взгляды и мой образъ мыслей были слишкомъ противуположны правиламъ Кутузова, чтобы мое присутствіе могло быть пріятно ему, тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно, что я всегда доводилъ всѣ факты, вмѣстѣ съ моими замѣчаніями, до свѣдѣнія Императора. Онъ воспользовался моментомъ, когда я былъ дѣйствительно боленъ, и когда онъ былъ увѣренъ, что ему не придется болѣе имѣть дѣло съ непріятелемъ, чтобы прислать мнѣ письменно оффиціальное предложеніе оставить армію и отправиться для лѣченія. Изъ писемъ моихъ къ Императору видно, что нѣкоторое время передъ тѣмъ я уже испрашивалъ на это разрѣшеніе. Я отправился въ Петербургъ и имѣлъ счастье встрѣтить по пути Государя Императора, ѣхавшаго изъ Порхова въ Вильно [1]).

Сообщила В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Императоръ отправился изъ Петербурга въ Вильно лишь 6 (18) декабря.

Матеріалы для Исторіи русской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в.

Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину [1]).

На страницахъ „Русской Старины“ 1893 г. [2]) были напечатаны, сообщенныя В. Ѳ. Боцяновскимъ, письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой (1822—1826 г.г.), несомнѣнно заслуживающія вниманія, какъ цѣнный матеріалъ для исторіи русскаго театра.

Не меньшій интересъ представляютъ и предлагаемыя теперь читателямъ письма того же Катенина къ Н. И. Бахтину, извлеченныя изъ, находящагося въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки, архива Н. Н. Селифонтова. Эти письма, обнимающія двадцатилѣтній періодъ, съ 1821 по 1842 г., заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ не только для біографіи Катенина, но и для характеристики самой эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ въ исторіи русской литературы, эпохи борьбы романтизма съ классицизмомъ. Въ письмахъ разсѣяно множество замѣчаній о литературныхъ явленіяхъ

---

[1]) Считаю долгомъ выразить мою глубокую благодарность П. В. Дружинину, Н. К. Козмину, И. А. Кубасову, Б. Л. Модзалевскому, Д. К. Петрову, Н. К. Пиксанову, В. В. Сиповскому и въ особенности В. И. Саитову за цѣнныя указанія и любезное содѣйствіе въ моей подготовительной работѣ по изданію этихъ писемъ. Приношу также искреннюю признательность И. А. Бычкову за доброжелательное отношеніе къ моимъ занятіямъ въ, находящемся въ его вѣдѣніи, рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки, всѣмъ библіотекарямъ Академіи Наукъ и Публичной Библіотеки и особенно В. Э. Банку, И. М. Болдакову, А. И. Браудо, Э. А. Вольтеру, Н. А. Вукотичъ, А. О. Круглому, А. Б. Ламбиной, А. Д. Орлову, В. И. Срезневскому, П. Н. Шефферу и А. А. Флоридову.

[2]) Мартъ стр. 625—656, апр. 179—212.

какъ западно-европейскихъ, такъ и отечественныхъ. Особенно любопытными представляются отзывы Катенина о русскихъ писателяхъ, тѣмъ болѣе что въ его статьяхъ, напечатанныхъ въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г., подъ общимъ заглавіемъ „Размышленія и Разборы“ и въ которыхъ трактуется о поэзіи еврейской, греческой, латинской, итальянской, испанской и о театрѣ вообще, онъ касается русской литературы лишь мимоходомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бахтину Катенинъ объясняетъ и причину, побудившую его отказаться отъ сужденій о русскихъ писателяхъ въ указанныхъ статьяхъ. „Ему“ де „какъ стихотворцу de profession было неловко и неприлично говорить о русскихъ“. Имѣющіяся въ письмахъ данныя о Пушкинѣ и Грибоѣдовѣ придаютъ имъ, разумѣется, особенную цѣнность. Замѣтимъ, однако, что нѣкоторыя данныя о Пушкинѣ были уже использованы г. Миллеромъ въ статьѣ „Катенинъ и Пушкинъ“ („Пушкинскій сборникъ“, изд. проф. А. И. Кирпичниковымъ, М. 1900 г.), но, по собственному признанію автора, онъ воспользовался этими письмами лишь въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ, покойный П. А. Ефремовъ въ VIII т. изд. имъ сочиненій Пушкина (СПБ. 1905 стр. 404—405), въ отдѣлѣ примѣчаній, привелъ изъ переписки Катенина нѣсколько выдержекъ, касающихся великаго поэта. Думаю, однако, что эти извлеченія не лишаютъ интереса издаваемыхъ нынѣ полностью писемъ.

Въ дополненіе къ имѣющимся уже работамъ о Катенинѣ [1]), я позволю себѣ представить нѣсколько соображеній, необходимыхъ для правильной оцѣнки его литературныхъ сужденій.

Крайняя односторонность взглядовъ Катенина особенно ярко обнаруживается въ той области, въ которой онъ считалъ себя наиболѣе компетентнымъ судьею,—въ области драмы. Глубокій знатокъ французскаго классицизма, горячій и убѣжденный сторонникъ Расина, Катенинъ относился враждебно къ Шекспиру, къ испанскимъ драматургамъ, Лопе де Вега и Кальдерону, къ романтикамъ. Онъ „трепещетъ отъ гнѣва при мысли“ о томъ, что на русскомъ театрѣ „невѣжи, подъ эгидою проказника Шлегеля, объявляютъ войну здравому смыслу, Эсхилу, Софоклу и Расину“. „Прошла пора Коцебятины“, пишетъ онъ, „такъ принялись за Шиллеровщину...

---

[1]) *Е. В. Пѣтуховъ.* Біографія П. А. Катенина („Ист. Вѣстн.“ 1888 т. XXXIII); *В. Ѳ. Боцяновскій*—къ исторіи русскаго театра. Письма Катенина къ А. М. Колосовой, вступительн. статья („Русская Старина“ 1900 г. мартъ стр. 625—634); *В. Миллеръ*, „Катенинъ и Пушкинъ“ (1893 г.); *С. Л. Бертенсонъ* „П. А. Катенинъ“. Литер. матеріалы. Спб. 1909 г.

Чему дивятся въ уродливыхъ произведеніяхъ недозрѣлаго Шиллера?.. Съ какого права наши критики повадились выдавать Донъ-Карлоса, Орлеанскую Дѣву, Манфреда и т. п. за какіе-то chefs d'oeuvre“ [1]). Драма В. Гюго „Эрнани“ представляется ему „такою гилью, какой во Франціи еще и не бывало“ [2]). Въ письмахъ Катенина, а также и въ его „Размышленіяхъ“ попадаются, однако, порою заявленія, которыя какъ-будто нѣсколько смягчаютъ его односторонность. Такъ, напримѣръ, говоря о буржуазной драмѣ, возникшей въ XVIII в., онъ замѣчаетъ: „ультра-классики, основываясь на закоренѣлыхъ привычкахъ, хотѣли запретить драму, звали ее уродомъ, ублюдкомъ. Напрасно, хорошая драма есть картина, списанная съ натуры, весьма чувства увлекающая, изображеніе бѣдствій, случающихся съ людьми средняго быта, это родъ низшій выборомъ предметовъ, его не надо возносить до небесъ и изгонять не за что“ [3]). „Врагъ непримиримый всѣхъ пристрастныхъ и одностороннихъ сужденій“, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, „я старался обличить неправоту нынѣ господствующихъ, отнюдь не съ намѣреніемъ ввести, вмѣсто нихъ противныя, да и только: всѣ исключительныя системы вредны, во всѣхъ формахъ условныхъ можетъ жить красота неизмѣнная. Предметъ искусства вообще—человѣкъ; драматическаго, въ особенности, человѣкъ—въ дѣйствіи. Кто сумѣетъ пружины сего дѣйствія, нравы, чувства и страсти изобразить вѣрно, сильно и горячо, заслужитъ похвалу знающихъ, отдѣльно отъ принятаго имъ по мѣстному обычаю или произвольному выбору костюма. Симъ-то достоинствомъ равно стяжали безсмертіе и Софоклъ, и Шекспиръ, и Расинъ. Нужно прибавить, однако, что желающій творить въ благороднѣйшемъ изъ родовъ драматическихъ, въ коемъ потребны, сверхъ вѣрности и живости изображенія, еще высокость и красота самого предмета, долженъ непремѣнно не отступать отъ источниковъ, изъ коихъ единственно красота и высокость проистекаютъ: единства и простоты“ [4]). Въ pendant къ этимъ словамъ, взятымъ изъ „Размышленій и Разборовъ“, приведу выдержку изъ его писемъ: „какъ? всякая пьеса лишь бы она была на романтическій покрой, ужъ она и безподобна, и что за сужденіе о твореніяхъ искусства по наружной формѣ... Оставя уже долгій споръ о томъ, которая форма лучше, развѣ во всѣхъ равно не можетъ быть вещей прекрасныхъ, посредственныхъ и плохихъ“ [5]). Катенинъ пытается разрушить самую грань, отдѣляющую

[1]) См. ниже письмо № 48 (1829 г.).
[2]) Письмо № 65 (1830 г.).
[3]) „Разм. и Разб.“ Литер. газ. 1830 г. № 71.
[4]) Ibidem.
[5]) См. ниже письмо № 48.

классическую поэзію отъ романтической. „Съ нѣкотораго времени вошло въ обычай“, говоритъ онъ, „дѣлить поэзію на двое, на классическую и романтическую, спорятъ, не понимая ни себя, ни другъ друга; со стороны примѣтно только, что на языкѣ нѣкоторыхъ классикъ-педантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ романтикъ-шалунъ безъ смысла и познаній... Предписывать поэту выборъ предметовъ несправедливо и вредно... Было время во Франціи, когда не почитали достойными трагедіи кромѣ грековъ и римлянъ... теперь листъ перевернулся, грековъ и римлянъ гонятъ съ бѣлаго свѣта; и то и другое предразсудокъ, недостатокъ истиннаго вкуса и поэтическаго чувства. Для знатока прекрасное во всѣхъ видахъ и всегда прекрасно... Одно исключеніе изъ сего правила извинительно и даже похвально — предпочтеніе поэзіи своей, отечественной, народной“ [1]). Итакъ Катенинъ находитъ, что во всѣхъ формахъ могутъ быть вещи прекрасныя, посредственныя и плохія, но любопытно, что эти слова слѣдуютъ за осужденіемъ „уродливыхъ“ произведеній „недозрѣлаго“ Шиллера, къ которымъ онъ относитъ „Донъ-Карлоса“ и „Орлеанскую Дѣву“. Онъ полагаетъ, что Софоклъ, Шекспиръ и Расинъ равно стяжали себѣ безсмертіе вѣрнымъ, сильнымъ и горячимъ изображеніемъ нравовъ, чувствъ и страстей, но, заводя рѣчь о Шекспирѣ, Катенинъ останавливается только на недостаткахъ великаго драматурга. Отличая себя отъ ультра-классиковъ, онъ не стѣсняетъ драматическихъ писателей въ выборѣ „костюма“ дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ однажды для пролога одной драмы кн. А. А. Шаховскаго обратился къ романтическому источнику, къ роману Вальтеръ-Скотта и дерзнулъ, вопреки своему пристрастію къ александринскому стиху, написать этотъ прологъ „вольнымъ англо-нѣмецкимъ романтическимъ размѣромъ“. Но, допуская такого рода вольности, Катенинъ настоятельно требуетъ *единства* и *простоты*, другими словами *тріединства*, продиктованнаго, по его мнѣнію, самой природой драмы, „свойство формы“ которой, какъ онъ говорилъ,—„круглость“ [2]), и чрезвычайной простоты психологической трагедіи Расина.

Взгляды Катенина на драму заставляютъ насъ припомнить аналогичныя сужденія пользовавшагося, въ свое время, большою извѣстностью французскаго критика Жоффруа, драматическіе фельетоны котораго печатались въ „Journal des Debats“ съ 1800 по

---

[1]) „Литер. Газета“ 1830 г. № 4.

[2]) „Литературная Газета“ 1830 г. № 67.

1814 г. [1]). Точно также какъ и Катенинъ, классикъ Жоффруа находилъ возможнымъ и даже желательнымъ обращеніе за сюжетами для трагедій къ національной исторіи, настаивая только при этомъ на необходимости соблюденія правилъ единствъ и простоты. Подобно Катенину, и Жоффруа—противникъ „англійскихъ ужасовъ“ и „чудовищнаго безумія“ нѣмцевъ, но, ставя Расина выше Шекспира, онъ негодуетъ и на французскихъ подражателей англійскаго драматурга, исказившихъ, по его словамъ „величественную и дикую красоту“ оригинала. „Я больше люблю“, замѣчаетъ Жоффруа, „Шекспира совсѣмъ безъ всякаго платья, чѣмъ принаряженнаго и связаннаго Дюсисомъ“. Вообще французскіе трагики XVIII вѣка съ Вольтеромъ во главѣ не пользовались симпатіями ни Жоффруа, ни Катенина, благодаря ихъ наклонности къ внѣшнимъ эффектамъ и ко всему тому, что приближаетъ ихъ пьесы къ мелодрамамъ.

Оставляя драму и слѣдуя за Катенинымъ въ другія области поэзіи, мы наталкиваемся сплошь и рядомъ на факты, находящіеся въ явномъ противорѣчіи съ классицизмомъ. Такъ извѣстно, что строгій классикъ-Катенинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и горячимъ поклонникомъ автора „Божественной комедіи“. „Боже! какой великій геній этотъ Данте!“ восклицаетъ онъ. „Вотъ истинно національный поэтъ... Кто, какъ я, убѣжденъ, что Гомеръ имя, а не лицо, тотъ не можетъ не признать Данте первымъ поэтомъ по всѣмъ вѣкамъ и народамъ“ [2]). Критиковъ, укорявшихъ Данте за „незнакомую имъ новость картинъ“ и за „несходство съ образцами Гомера и Виргилія“, Катенинъ обзываетъ „педантами“ [3]), забывая о своихъ педантическихъ придиркахъ къ Шекспиру. Противникъ испанской драматической системы, Катенинъ въ восторгѣ отъ поэмы о Сидѣ. „Я по крайней мѣрѣ“, замѣчаетъ онъ, „послѣ божественнаго Гомера не найду ничего лучше и привлекательнѣе“. Какъ „испанская поэма“, такъ и „романсы о Сидѣ, собранные Гердеромъ“, по его словамъ, „безподобны“ [4]).

Припомнимъ, что Катенинъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ обнаруживалъ расположеніе къ народности (таковы напр., его бал-

---

[1]) „Драматическіе Фельетоны“ Жоффруа были впослѣдствіи изданы отдѣльно въ 4-хъ частяхъ подъ заглавіемъ „Cours de littérature dramatique“. О Жоффруа см. книгу *Ch. M. Des Granges*—„Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire“. Paris 1897. См. также соч. того же автора: La Presse littéraire sous la Restauration (1815—1830). Paris 1907.

[2]) Письмо Катенина къ Бахтину № 34 (1828 г.)

[3]) „Литер. Газета“ 1830 № 40.

[4]) Ibidem № 51.

лады: „Наташа“ (1814 г.), „Убійца“ (1815 г.), „Пѣвецъ“ (1815 г.), „Лѣшій“ (1816 г.), „Ольга“ (1816 г.), „Пѣвецъ Усладъ“ (1817 г.), „Мстиславъ Мстиславичъ“ (1819 г.), „Старая быль“ (1828 г.), сказка „Княжна Милуша“ (1834 г.), быль „Инвалидъ Горевъ“ (1836 г.), и что нѣкоторые изъ его современниковъ причисляли его къ романтикамъ [1]). Кюхельбекеръ полагалъ даже, что баллады Катенина „по сіе время“ (1825 г.) „однѣ, можетъ быть, принадлежатъ къ поэзіи романтической“, отличая ихъ отъ „водяной, вялой, описательной лже-поэзіи“ „нашихъ весьма хладнокровныхъ, весьма осторожныхъ, весьма не романтическихъ самозванцевъ - романтиковъ“ [2]). Это предрасположеніе къ народности, повидимому, порою, стѣсняло самого Катенина. Однажды онъ извѣщаетъ Бахтина, что „въ бумагахъ одного умершаго дворянина нашлись волшебныя заклинанія по части любовной“; этими „цѣнными припасами“ онъ думаетъ воспользоваться „для стихотворенія ultra romantique, которое назовется „Колдунъ“. Но затѣмъ Катенинъ отказывается отъ этого намѣренія, ибо, пишетъ онъ, „романтики наши и съ Байрономъ и съ Мицкевичемъ мнѣ до того опротивѣли, что мысль сдѣлаться, хотя нѣсколько, по необходимости, на нихъ похожимъ, для меня нестерпима“ [3]).

Отмѣченныя противорѣчія не представляются, однако, какой-либо исключительною особенностью Катенинскихъ воззрѣній. Съ такого рода противорѣчіями историкамъ литературы приходится встрѣчаться не разъ. Такъ покойный проф. И. Н. Ждановъ, говоря о развитіи сентиментальнаго направленія, указывалъ на то, что „новое литературное движеніе и на Западѣ не опредѣлилось сразу, а пробивалось постепенно въ отдѣльныхъ явленіяхъ, связь которыхъ стала ясна только впослѣдствіи. Въ одномъ только пунктѣ новое движеніе и литературная старина столкнулись на первыхъ же порахъ,—во взглядѣ на драму, въ остальныхъ пунктахъ такого открытаго столкновенія не было. Можно было оставаться строгимъ классикомъ, и въ то же время зачитываться сочиненіями Стерна, Ричардсона и Макферсона. Такъ было на Западѣ, такъ же было и у насъ“ [4]). Во французской литературѣ начала XIX в. убѣжденные классики увлекаются такими поэтами, какъ Аріосто, Тассо, Данте, проявляютъ живой интересъ къ національной исторіи, къ среднимъ

---

[1]) Пушкинъ въ статьѣ о соч. Катенина (1833 г.). К. Полевой („Московскій Телеграфъ“ 1833 № 12 стр. 594—611), авторъ статьи въ „Молвѣ“ 1834 т. (ч. XX № 14—по поводу сказки Катенина „Княжна Милуша“).

[2]) „Сынъ Отечества“ 1825 г. ч. 103. № 17 стр. 70—71.

[3]) Письма №№ 34, 45 (1828).

[4]) Соч. И. Н. Жданова, изд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1907 г. т. II. стр. 16.

вѣкамъ, къ рыцарству, создается особый „Genre troubadour“ (таковы, напр., баллады и романсы Мильвуа, Маршанжи, Фонтана, Крёзе-де-Лессера и др.), сюжеты которыхъ, почерпнутые изъ средневѣковья, облекаются въ старую классическую форму [1]).

При оцѣнкѣ сужденій Катенина о русскихъ писателяхъ необходимо принять въ соображеніе еще и его шишковизмъ, просмотрѣнный изслѣдователями, занимавшимися Катенинымъ, и на который обратилъ вниманіе Н. К. Пиксановъ въ статьѣ о Грибоѣдовѣ (Исторія русской литературы XIX в. изд. подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго вып. 3-й, 1908 г. стр. 209—210). „Славянофильство“ Катенина, его симпатіи къ Шишкову проявляются какъ въ письмахъ къ Бахтину, такъ и въ его журнальныхъ статьяхъ. Такъ напримѣръ, въ одной изъ своихъ статей, написанныхъ въ 1822 г. [2]) по поводу „Опыта краткой исторіи русской литературы“ Греча, Катенинъ задѣваетъ вопросъ „о старомъ и новомъ слогѣ“. „Я не смѣю спорить съ вами“, пишетъ онъ, „когда вы отдѣляете его (т. е. русскій языкъ) отъ славянскаго, а предложу вамъ только вопросъ: въ какой старинной книгѣ находите вы именно языкъ русскій?“ И далѣе: „Ломоносовъ первый его очистилъ и сдѣлалъ почти такимъ, каковъ онъ и теперь. Чѣмъ же онъ достигъ своей цѣли? Приближеніемъ къ языку славянскому и церковному. Должны ли мы сбиваться съ пути, имъ такъ счастливо проложеннаго? Не лучше ли слѣдовать на немъ, и новыми усиліями присвоивать себѣ новыя богатства, въ коренномъ языкѣ нашемъ сокрытыя“. „Знаю“, замѣчаетъ онъ, „всѣ насмѣшки новой школы надъ славянофилами—варягороссами и проч. Но охотно спрошу у самихъ насмѣшниковъ: какимъ же языкомъ писать эпопею, трагедію или даже всякую важную благородную прозу“. Аналогичную мысль проводитъ онъ и въ статьѣ, написанной имъ одиннадцать лѣтъ спустя [3]) въ отвѣтъ К. Полевому, который причислилъ Катенина, вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, Жандромъ, Кюхельбекеромъ [4]), къ партіи, вышедшей изъ нѣдръ славянофильской партіи Шишкова [5]). Катенинъ не любилъ Карамзина, какъ отца нашего сентиментализма и какъ преобразователя нашего языка. Свою непріязнь къ Карамзину Катенинъ простиралъ до того, что отказывался признать за нимъ какія-либо заслуги какъ литератора,

---

[1]) L. Bertrand. La fin du classicisme, p. 360—361, 362, 365, 368.

[2]) „Сынъ Отечества“ 1822 ч. 76-ая № 13, стр. 249—261; см. также „С. О.“ ч. 77-ая № 18 стр. 172—178.

[3]) „Моск. Телегр.“ 1833 № 11 стр. 449—459.

[4]) См. напр. его Разборъ поэмы кн. С. А. Ширинскаго-Шихматова „Петръ Великій“ („С. О.“ 1825 ч. 102-ая № 15 стр. 257—276).

[5]) „Моск. Телегр.“ 1833 № 8 стр. 562—572.

такъ и историка. „Исторія Карамзина, по его мнѣнію, „подлая и педантическая, а всѣ прочія его сочиненія—жалкое дѣтство".

Рѣзкость отзывовъ Катенина о современныхъ ему писателяхъ, которая не разъ поразитъ читателя въ печатаемыхъ ниже письмахъ, объясняется, однако, думается мнѣ, не только литературными причинами, но и чисто личными мотивами. Кн. Вяземскаго и Бестужева онъ отъ души ненавидѣлъ и за принадлежность ихъ враждебному ему направленію и за ихъ ѣдкія насмѣшки надъ его собственными произведеніями. Онъ не долюбливалъ Жуковскаго, какъ послѣдователя Карамзина и подражателя англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ, и какъ своего счастливаго соперника, не по заслугамъ де возвеличеннаго современниками. Мы знаемъ, что „Горе отъ ума" не понравилось Катенину, и что свое мнѣніе о знаменитой комедіи, „жестокое и несправедливое", по отзыву Грибоѣдова, онъ изложилъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ къ ея автору [1]). Нѣкоторыя дополненія къ тому, что мы уже знаемъ изъ отвѣта Грибоѣдова, даютъ намъ и письма къ Бахтину. Мы знаемъ также курьезный отзывъ Катенина о „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина въ письмѣ къ неизвѣстному лицу (быть можетъ, къ кн. Н. С. Голицыну), напечатанномъ въ 1892 г. въ Сборникѣ „Помощь голодающимъ". Отрицательныя сужденія о другихъ произведеніяхъ великаго поэта найдутся и въ издаваемыхъ нынѣ письмахъ. Очевидно, односторонность и педантизмъ помѣшали Катенину оцѣнить все значеніе безсмертнаго творенія Грибоѣдова, а также и разглядѣть всю мощь и широту генія Пушкина, но и въ этихъ сужденіяхъ пробиваются также и личные мотивы. Успѣхъ „Горе отъ ума" видимо раздражилъ Катенина, который въ 1825 г. успѣлъ уже охладѣть къ своему пріятелю и былъ склоненъ обвинять его даже въ измѣнѣ дружескимъ отношеніямъ [2]). Не безъ горечи и досады прислушивался неудачникъ-поэтъ и къ дружному хору похвалъ, коимъ встрѣчалось всякое появленіе въ печати Пушкина. „Правда и то", пишетъ онъ однажды Бахтину, говоря о недостаткахъ одного стихотворенія Пушкина, „что ему незачѣмъ стараться: все хвалятъ". Другой разъ, удостоивая похвалами „Полтаву", онъ указываетъ на то, что „лучшія мѣста" принадлежатъ другимъ поэтамъ, въ томъ

[1]) Любопытно сопоставить отзывъ Катенина о комедіи Грибоѣдова съ его сужденіемъ о „Недорослѣ". „Фонъ-Визинъ", замѣчаетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Бахтину (№ 29)—„комикъ единственный, „Недоросль" есть chef d'oeuvre, какъ въ нравственномъ или гражданскомъ, такъ и въ филологическомъ отношеніи".

[2]) См. письмо Катенина къ А. М. Колосовой (1825 г.) („Русская Старина" 1893 г. апр.), а также его письмо къ Бахтину № 36 (1828 г.).

числѣ и ему. „Въ „Наташѣ“ Пушкина, оказывается, „безсовѣстно окрадены“ „Свѣтлана“ (Жуковскаго) и „Убійца“ (самого Катенина).

Катенинъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ дарованіи. Неуспѣхъ своихъ произведеній онъ приписывалъ и дурному вкусу читателей, и господству въ литературѣ враждебной ему „шайки“ и надѣялся получить болѣе справедливую оцѣнку въ далекомъ будущемъ. У современниковъ же онъ „зналъ, что ему никогда не сравниться ни съ Пушкинымъ, ни съ Козловымъ“. Катенину сплошь и рядомъ приходилось слышать упреки за его жесткіе стихи. Упреки эти, по его мнѣнію, были несправедливы. „Я по совѣсти не знаю“, заявляетъ онъ въ своемъ наивномъ самомнѣніи, „кто же изъ современныхъ русскихъ стихотворцевъ болѣе занимается чистотою и отдѣлкою своихъ стиховъ . . . . и передъ безпристрастнымъ и просвѣщеннымъ судьею, я не знаю, съ которымъ изъ нихъ, именно въ этомъ отношеніи, состязаніе мнѣ могло быть опаснымъ [1])“.

Остается еще одинъ вопросъ, вопросъ о вліяніи, оказанномъ, яко-бы, Катенинымъ на Пушкина. „Голосъ истинной критики“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Пушкина къ Катенину, „необходимъ у насъ; кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности [2])“. Припомнимъ аналогичное заявленіе Грибоѣдова. „Вообще я ни передъ кѣмъ не таился

---

[1]) Изъ поэтовъ Пушкинской плеяды нѣкоторою симпатіею Катенина пользовался Баратынскій. Въ „письмѣ къ Гречу“, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“ 1822 г. (ч. 76 № 13 стр. 260—261), Катенинъ, между прочимъ, упрекаетъ автора „Опыта краткой исторіи русской литературы“ въ томъ, что онъ „изъ молодыхъ писателей“ упомянулъ только объ одномъ Пушкинѣ. „Онъ, конечно, первый изъ нихъ, но не огорчительно ли прочимъ оставаться въ неизвѣстности... Признаюсь вамъ, мнѣ особенно жаль, что Вы не упомянули о *Баратынскомъ*. Хотя, къ сожалѣнію, большая часть его стиховъ и написана въ модномъ и нѣсколько однообразномъ тонѣ мечтаній, воспоминаній, надеждъ, сѣтованій и наслажденій; но въ нихъ примѣтенъ истинный талантъ, необыкновенная легкость и чистота“.

[2]) Письмо къ Катенину (перв. полов. февр. 1826 г.), соч. Пушкина изд. Имп. Акад. Наукъ, переписка подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саитова т. I стр. 327. Ср. письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому (перв. полов. марта 1820) ibidem стр. 15, 16, а также его письмо къ тому же лицу отъ 27 мая 1826 г., ibidem стр. 351 и къ А. А. Бестужеву отъ 24 марта 1825 г. (ibidem стр. 196).

и сколько разъ повторяю . . . . , что тебѣ обязанъ зрѣлостью, объемомъ и даже оригинальностью моего дарованія, если оно есть во мнѣ [1])". Эти, крайне лестные для нашего писателя, отзывы не могутъ не вызвать нѣкотораго недоумѣнія. Узкій педантизмъ и крайняя односторонность Катенина выступаютъ въ его сужденіяхъ такъ рельефно, столь рѣзко противорѣчатъ широтѣ взглядовъ Пушкина и Грибоѣдова, что нельзя не усумниться въ справедливости приведенныхъ выше свидѣтельствъ, не усмотрѣть въ нихъ „дружескаго пристрастія". Слѣдуетъ ли, однако, отрицать всякую возможность хотя бы нѣкотораго вліянія Катенина на Пушкина и Грибоѣдова? Само собою ясно, что Катенинъ былъ вовсе неспособенъ „забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности истинное направленіе", но, быть можетъ, Пушкинъ былъ уже не такъ не правъ, утверждая, что Катенинъ „отъучилъ его отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ". Говоря объ односторонности Катенина, мы нѣсколько склонны закрывать глаза на односторонность его литературныхъ противниковъ, выступавшихъ подъ флагомъ романтизма. Основываясь на далеко не безпристрастныхъ сужденіяхъ нѣмецкихъ критиковъ о французскомъ классицизмѣ, „наши Шлегели" въ своихъ нападкахъ на Корнеля и Расина доходили не разъ также до крайности. За несомнѣнно устарѣвшею, но имѣвшею историческое значеніе, формою Расиновскихъ твореній, они не замѣчали живого, вѣчноюнаго содержанія, не оцѣнивали вѣрности разнообразія и художественности изображенія характеровъ. Въ подтвержденіе этого замѣчанія я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ одного письма А. И. Герцена: „Имѣвъ счастье завершить начальное образованіе подъ маранье московскаго Телеграфа и подъ теорію россійскаго романтизма, я посматривалъ свысока на человѣка трехъ Аристотелевскихъ единствъ, говорящаго Vous и Madame устами Гомеровскихъ богатырей. Нѣмецкая эстетика убѣдила меня, что во Франціи искусства никогда не было, что собственно искусство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ,—словомъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Франкфурта на Майнѣ... Наконецъ я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью и научился понимать его" [2]). Скажу кстати, что и до сихъ поръ у насъ какъ въ учебникахъ, такъ и въ спеціальныхъ статьяхъ, все еще держится, давно отвергнутый западно-европейскою наукою,

---

[1]) Январь 1825 г., соч. Грибоѣдова изд. подъ ред. проф. И. А. Шляпкина т. I стр. 197.

[2]) „Письма изъ Франціи и Италіи". Письмо 3-е соч. А. И. Герцена изд. Павленкова Спб. 1905 т. V стр. 28 и сл.

взглядъ на великихъ французскихъ драматурговъ XVII в., какъ на ложно-классиковъ и на ихъ искусство, какъ на нѣчто неестественное, фальшивое, ходульное. Я, разумѣется, далекъ отъ мысли односторонностью нашихъ романтиковъ оправдывать односторонность Катенина, а тѣмъ паче оправдывать уродливость его сужденій о Шекспирѣ, Пушкинѣ, Грибоѣдовѣ, но мнѣ хотѣлось только замѣтить, что въ эпоху односторонних нападокъ на французскую классическую драму голосъ горячаго, убѣжденнаго поклонника Расина, быть можетъ, прозвучалъ не даромъ. Пушкинъ, съ своею чуткою, всеобъемлющею душою, могъ и въ сужденіяхъ Катенина, отобравъ пшеницу отъ плевелъ, найти элементы для своей теоріи драмы, чуждой всякой односторонности, допускавшей и величіе Шекспира, „несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки“ и величіе Расина, „несмотря на узкую форму своей трагедіи“.

А. Чебышевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

„Вѣчная память“.

Императрица Екатерина II любила Тверь, которую возстановила на казенный счетъ изъ пепла, послѣ громадныхъ пожаровъ 1763 и 1773 годовъ, разрушившихъ почти весь городъ.—„Городъ Тверь,—писала она Гримму,—послѣ Петербурга наиболѣе красивый городъ Имперіи“. — Во время своихъ неоднократныхъ путешествій изъ Петербурга въ Москву Екатерина II не разъ останавливалась въ нравившемся ей городѣ. Къ одному изъ этихъ пребываній въ Твери относится случай съ нею, сохраняющійся въ памяти, вѣроятно, многихъ тверитянъ, а мною впервые услышанный въ одной старинной мѣстной семьѣ.

Слѣдуя примѣру своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ и выставляя себя всегда ревнительницей православія, Императрица въ большинствѣ своихъ проѣздовъ черезъ Тверь заходила въ Соборъ—или слушала литургію, или выслушивала краткое молебствіе передъ мощами Благовѣрнаго Князя Михаила. До 1834 года въ Соборѣ еще существовало на стѣнѣ живописное изображеніе одного ея торжественнаго выхода въ Соборъ; шествующую во всемъ царскомъ величіи Императрицу сопровождали на картинѣ геніи и олицетворенныя добродѣтели.

Богослуженіе въ Соборѣ въ присутствіи Императрицы заключалось, конечно, каждый разъ многолѣтіемъ въ честь ея. — И вотъ однажды оробѣвшій протодіаконъ, къ ужасу собравшагося въ церкви „синклита“, высшаго духовенства и мѣстной знати, вмѣсто громогласнаго и торжественнаго: „Благоденственное и мирное житіе“ — низкой октавой началъ выводить въ минорныхъ тонахъ: „Во блаженномъ успеніи“... Прежде чѣмъ протодіаконъ опомнился, прежде чѣмъ его остановили ближайшіе къ нему священнослужители, впавшіе какъ бы въ оцѣпенѣніе отъ такой неожиданности, заупокойное возглашеніе присутствующей тутъ же Царицѣ, доведено

было почти до конца. Пѣвчіе, опомнившіеся раньше всѣхъ, поспѣшили прервать протодіакона особенно громкимъ: „Многая лѣта“... Но эффектъ былъ уже произведенъ. Всѣ присутствующіе находились въ крайнемъ смущеніи; но Императрица и виду не показала какого-нибудь волненія, какъ будто рѣшительно ничего особеннаго не произошло. Но что должны были переживать прежде всего самъ виновникъ этого инцидента — протодіаконъ, [а затѣмъ и архіерей, считавшій себя, какъ главное духовное лицо, отвѣтственнымъ за все. У всѣхъ еще въ памяти было то время, когда лица духовнаго званія, — и низшаго и высшаго положенія—лишаемы были сана и подвергались ссылкѣ по самымъ незначительнымъ причинамъ, какъ напримѣръ за то, что позабыли отслужить молебенъ въ какой-нибудь изъ многочисленныхъ высокоторжественныхъ дней.

Въ крайнемъ безпокойствѣ преосвященный тотчасъ послѣ богослуженія отправляется во дворецъ и испрашиваетъ себѣ высочайшей аудіенціи. Съ тревогой, переходившей иногда въ полное отчаяніе за себя, — о протодіаконѣ, который ни живъ, ни мертвъ вернулся къ своей протодіаконицѣ, едва ли много думалось преосвященному въ эту тяжелую для себя минуту, — предсталъ вновь владыка передъ Высочайшія очи.—Не знаемъ, въ какихъ выраженіяхъ приносилъ онъ свои робкія извиненія и оправданія, ожидая страшнаго для себя приговора Монархини. Но „мать Отечества“ поспѣшила совершенно успокоить архіерея: „Не волнуйтесь, Ваше Преосвященство, и ни мало не безпокойтесь. Я сама желаю себѣ и вѣчнаго покоя послѣ смерти и вѣчной памяти передъ Богомъ и людьми. Очень рада, если и другіе попросятъ мнѣ того же передъ Господомъ. А если вашъ протодіаконъ ошибся сегодня, то, конечно, не отъ злого умысла. Да, вѣдь и не умру же я отъ одного того, что онъ ошибкою возгласилъ мнѣ: вѣчная память!“...

Преосвященный послѣ этихъ словъ долженъ былъ почувствовать себя воскресшимъ; но, вѣроятно, протодіаконъ, которому, конечно, передали милостивое прощеніе Государыни, былъ еще болѣе внѣ себя отъ радостнаго изумленія, что весь этотъ инцидентъ закончился такъ благополучно.

Сообщ. Арсеній П.

Воспоминанія юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища [1]).

(Окончаніе).

Когда войска уже были въ сборѣ, по дорогѣ изъ Краснаго Села показалась группа всадниковъ. Полагая, что это Государь въ сопровожденіи свиты, войскамъ скомандовано было „смирно“. Но оказалось, что это Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Поздоровавшись, онъ объявилъ, что Государь Императоръ благодаритъ за быстрый сборъ, но что Его Величество не изволилъ приказывать бить тревоги.— Тревога оказалась ложной [2]).

Повернули баталіоны кругомъ и сконфуженные пошли обратно домой.

Пересудамъ и догадкамъ о томъ, кто первый началъ бить тревогу—не было конца. Всѣ старались свалить вину на другихъ и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ,—виноватыхъ не оказалось. Несомнѣнно выяснили лишь то, что тревогу начали бить въ авангардномъ лагерѣ, и на этомъ разслѣдованіе и закончилось.

Впослѣдствіи разсказывали, что Государь, услыхавъ тревогу,— по старой привычкѣ являться къ покойному Императору первымъ, приказалъ скорѣе подать себѣ походную форму и, уже одѣвшись,— улыбнулся и послалъ объявить, что тревога ложная.

За все царствованіе Императора Александра III вызовъ войскъ по тревогѣ былъ лишь одинъ разъ. Помнится, это было въ 1888 году. На 31-е іюля назначенъ былъ въ 11 часовъ дня общій парадъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1909 г.

[2]) Во время пребыванія въ лагерѣ Государя Императора тревога можетъ быть дана не иначе, какъ по приказанію Его Величества.

всѣмъ войскамъ Красносельскаго лагеря, поэтому съ вечера 30-го приготовили всю парадную форму перваго срока и спокойно улеглись спать. Погода стояла прекрасная, но барометръ сильно падалъ, и легко можно было опасаться, что во время парада будетъ дождь, который испортитъ и самый парадъ и новые, дорого стоющіе мундиры.

Его Величество, съ заботой всегда относившійся къ благосостоянію войскъ вообще и офицеровъ въ частности, обратилъ вниманіе на предупрежденіе барометра и приказалъ по тревогѣ, вызвать войска въ 3 часа утра. Войска, вызываемыя по тревогѣ, одѣваютъ уже не парадную, а походную форму и мундиры не новые, а 2-го и 3-го срока.

Въ 5 часовъ утра, при восходѣ солнца, Государь объѣхалъ собравшіяся около Царскаго валика войска и произвелъ имъ парадъ. Къ 8-ми часамъ мы были уже у себя, дома, а въ 11 лилъ такой дождь, что изъ палатокъ нельзя было высунуть носа.

Тревога вызываетъ всегда массу энергіи, жизни и подвижности, а поэтому юнкера, сами обладающіе именно этими качествами, присущими юности, любили ее, несмотря на сопряженныя съ нею лишенія и усталость.

Теперь же эта тревога походила скорѣе на часовую прогулку и не лишала возможности провести этотъ вечеръ дома, а это важно было, потому что именно на этотъ вечеръ былъ назначенъ второй спектакль, который, слѣдовательно, отмѣненъ не будетъ.

Второй и третій спектакли прошли, какъ и первый, съ полнымъ успѣхомъ и вѣсть о нихъ разнеслась по всему лагерю. Число желающихъ присутствовать возрастало съ каждымъ разомъ. Командиръ гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Шуваловъ, командиры гвардейскихъ полковъ и бывшіе питомцы училищъ—теперь офицеры гвардіи, заранѣе заботились получить входный билетъ. Бывшій юнкеръ Павловскаго училища поручикъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Вильяшевъ самъ принялъ участіе въ концертномъ отдѣленіи и очаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ голосомъ, исполнивъ нѣсколько номеровъ и соло, и съ хоромъ юнкеровъ.

За два дня до выступленія на большіе маневры, 29-го іюля, былъ назначенъ четвертый, послѣдній прощальный спектакль.

Извѣстная, обошедшая всѣ театры и любительскія сцены, теперь избитая, а тогда новая, не заигранная пьеса: „Лакомый кусочекъ“, была прослушана съ живымъ интересомъ, а дружное исполненіе все время сопровождалось веселымъ смѣхомъ. Въ заключеніе, въ дивертисментѣ, принялъ участіе хоръ юнкеровъ подъ управленіемъ капитана Агаркова.

*

При окончаніи спектакля, уже передъ тѣмъ, какъ опустить занавѣсъ, на сцену вышла депутація юнкеровъ во главѣ съ Надсономъ, неся въ рукахъ лавровый вѣнокъ, который преподнесли взволнованному и растроганному Агаркову.

Надсонъ вышелъ впередъ и, обращаясь къ капитану Агаркову, прочелъ слѣдующее:

Старинный долгъ сегодня выполняя,
Нашъ общій долгъ, нашъ неотложный долгъ,
Всѣ,—какъ одинъ, мы Вамъ рукоплеская,
Торжественно подносимъ нашъ вѣнокъ.
За что?—Отвѣтъ не нуженъ!.. Кто не знаетъ,
Что Вы—душа тѣхъ братскихъ вечеровъ,
Гдѣ такъ свѣтло, такъ мирно отдыхаетъ
Безпечный кругъ веселыхъ юнкеровъ!
Кто знаетъ Васъ—тотъ знаетъ Вамъ и цѣну,
И чтобъ въ душѣ не чувствовать упрекъ,
За нашъ оркестръ, за хоръ нашъ и за сцену
Мы отъ души подносимъ Вамъ вѣнокъ [1]).

Съ какимъ энтузіазмомъ отнеслась публика къ чествованію капитана Агаркова и Надсона—автора этого симпатичнаго, сердечнаго посвященія—говорить нечего. Апплодировали всѣ: и публика, и артисты, и хоръ, и оркестръ. Вызывали безъ конца, и занавѣсъ уже не опускали. Вызывали всѣхъ, кто принималъ хоть какое-либо участіе въ спектакляхъ. Артистовъ благодарили и начальникъ училища, и офицеры, и товарищи. Въ благодарности чувствовалась искренность, и это тѣмъ отраднѣе было сознавать, что и самъ нѣсколько способствовалъ успѣху этого общаго симпатичнаго удовольствія.

Не расходились долго. Никому не хотѣлось покидать помѣщеніе, въ которомъ проведено было столько хорошихъ, беззаботныхъ и веселыхъ вечеровъ.

Чудное незабвенное время! Воспоминаніе о немъ на всю жизнь запечатлѣлось въ сердцѣ, какъ лучшее, свѣтлое воспоминаніе счастливой, далекой юности.

На другой день капитанъ Вишняковъ любезно предложилъ снять группу артистовъ, и мы, конечно, съ благодарностью согласились, прося лишь, чтобы съ нами вмѣстѣ снялся и капитанъ Агарковъ.

Снимокъ вышелъ удачный, и каждому изъ насъ капитанъ Вишняковъ презентовалъ по экземпляру.

---

[1]) Это стихотвореніе—посвященіе, не вошло пока въ сборникъ сочиненій С. Надсона.

1-го августа сводный батальонъ военныхъ училищъ выступилъ на общіе маневры всѣхъ войскъ лагернаго расположенія, на такъ называемые большіе маневры. Нами командовалъ батальонный командиръ Павловскаго училища полковникъ Рѣпинъ, а нашъ батальонный—полковникъ Пороховщиковъ былъ въ эти лагери въ отпуску.

Начальникъ училища хотя и слѣдовалъ все время съ училищами, но въ командованіи не участвовалъ, такъ какъ назначенъ былъ военнымъ посредникомъ для разбора тѣхъ тактическихъ недоразумѣній, какія могли бы возникнуть между воюющими сторонами.

Съ пѣснями и музыкой двинулись мы въ походъ по направленію къ Петергофу, въ окрестностяхъ котораго предполагались большіе маневры.

Стройно движется батальонъ, а музыка еще болѣе подбадриваетъ шагъ. Но прошли часъ, другой и понемногу стали раскисать. Какъ ни бодрились, но пыль, жара и тяжелый, съ полной укладкой, ранецъ скоро даютъ себя чувствовать, а скатанная,—черезъ плечо надѣтая шинель и ружье Бердана № 2 такъ давятъ плечи и грудь. Жажда томитъ, но вода изъ фляжекъ уже давно выпита. Пѣніе прекратилось, музыканты почти не играютъ, лишь Левиты какъ-то сонно пищатъ. Жарко. Потъ льетъ градомъ. Во рту пересохло. Хоть бы глотокъ воды! А тутъ еще пыль, поднятая сотнями ногъ, тучей стоитъ надъ батальономъ и не даетъ продохнуть. Хоть бы вѣтерокъ! А ранецъ такъ мучительно давитъ плечи и сжимаетъ грудь, и безъ того стянутую узкимъ мундиромъ. Чулокъ сбился къ носку и третъ ногу. Еле идешь, но идешь потому, что всѣ идутъ и совѣстно отставать, а какъ хочется остановиться, выпить холодной воды и отдохнуть.

— Что это?—Жалонеры вызваны впередъ!—Неужели остановка? Слава Богу!

Первая рота заходитъ правымъ плечомъ въ сторону отъ шоссе, за ней двигается и вся колонна. Юнкера подтянулись. Отсталые догоняютъ свои роты, и батальонъ, выровнявшись, останавливается и составляетъ ружья въ козлы. Разрѣшено снять ранцы. Привалъ на полтора часа. Сбрасываешь съ себя ненавистный ранецъ и съ наслажденіемъ, разстегнувши мундиръ, растягиваешься на землѣ, разминая уставшія ноги.

Вблизи насъ останавливается на привалъ и нашъ сосѣдъ по лагерю—лейбъ-гвардіи 2-й Стрѣлковый батальонъ. Его офицеры столпились около походнаго буфета и закусываютъ à la fourchette. Ихъ адъютантъ подходитъ къ начальнику училища и очевидно приглашаетъ его и нашихъ офицеровъ къ себѣ, и они идутъ къ стрѣл-

камъ. Этотъ-же адъютантъ обходитъ наши ряды и объявляетъ, что стрѣлки просятъ господъ артистовъ пожаловать къ нимъ закусить чѣмъ Богъ послалъ. Мы въ нерѣшимости, но адъютантъ успокаиваетъ, говоря, что начальника училища спрашивали, и онъ разрѣшилъ. Смущенные, но довольные оказаннымъ вниманіемъ, мы подходимъ къ стрѣлкамъ, гдѣ насъ встрѣчаютъ аплодисментами и за неимѣніемъ букетовъ цвѣтовъ, какъ выразился ихъ командиръ, каждому вручаютъ тарелку, наполненную пирожками и закусками. Отъ водки мы скромно отказываемся, чѣмъ, видимо, остается доволенъ нашъ генералъ.

Закусивъ весьма плотно, мы поблагодарили любезныхъ стрѣлковъ и возвратились къ себѣ. Вскорѣ раздалась команда: „ранцы надѣвать“. „Въ ружье“. И батальонъ, разобравъ ружья, снова двинулся походнымъ порядкомъ.

Только къ вечеру, сдѣлавъ 25 верстъ, пришли мы наконецъ къ мѣсту бивуака и принялись за разбивку палатокъ (tenteabri). Каждая палатка полагается на 8 человѣкъ, и въ ней можно лишь сидѣть или лежать. Стоять нельзя, такъ какъ вышина ея всего около 2-хъ аршинъ и, чтобы пробраться къ своему мѣсту, нужно ползти на четверенькахъ. Тѣсно въ палаткахъ, но уютно. Въ серединѣ сложены ранцы—они замѣняютъ подушки; соломенный матъ, который мы также въ походѣ носимъ на себѣ—это тюфякъ, а шинель—одѣяло.

Дружная, веселая компанія помѣщалась въ нашей палаткѣ: старшаго курса—Мюллеръ, Ингеноль, Леонтовскій, Короткій, Фабри и младшаго—Юрловъ, Ивановъ и милѣйшій Запольскій, за свою молодцоватую выправку и любовь къ фронту прозванный ефрейторенкомъ въ отличіе отъ ефрейтора—Леонтовскаго, также страстнаго любителя строя и фронтовыхъ занятій.

Уже при огнѣ поужинали мы въ этотъ первый день маневровъ и усталые заползли подъ свои палатки-грибы и скоро крѣпко заснули. Завтра подымутъ рано: нужно хорошенько выспаться и отдохнуть.

Большіе маневры 1881 года продолжались, какъ и прошлогодніе, 9 дней: 31-го іюля вышли изъ лагеря, и 8-го августа былъ данъ отбой и окончаніе лагернаго сбора. За это время войскамъ было дано два дня отдыха-дневки, во время которыхъ военныя дѣйствія не производятся.

Никогда не забыть дневки 6-го августа — праздника 1-й роты нашего училища.

Съ утра, довольно поздно начавшагося, юнкерамъ была предоставлена полная свобода, поэтому они занялись кто чѣмъ хотѣлъ: кто отправился въ лѣсъ собирать грибы, кто запасся удочкой и ловитъ въ ручьѣ пескарей, кто чайничаетъ у Харлампія, который и здѣсь, на маневрахъ, безотлучно слѣдуетъ за училищами, едва успѣвая удовлетворять, возбуждаемый юнкерской жаждой, спросъ чая, сельтерской воды, лимонада и пива, прекрасно обдѣлывая свои дѣлишки и туго набивая и безъ того толстую мошну.

Подъ вечеръ, отдохнувъ послѣ сытнаго обѣда, которымъ на славу угостила насъ рота Его Высочества (1-я рота), артисты in corpore собрались на полянкѣ между кустовъ и, распивая чай, оживленно бесѣдуютъ, вспоминая спектакли и мечтая о скоромъ производствѣ.

Вдругъ, слышимъ въ сторонѣ, юнкера отвѣчаютъ на привѣтствіе начальника училища.

Мы вскочили и видимъ: въ коляскѣ, окруженный бѣгущими юнкерами, ѣдетъ нашъ генералъ.

Мы не видали его цѣлый день, такъ какъ съ утра онъ уѣхалъ на парадъ Преображенцевъ и только теперь возвратился домой.

Со всѣхъ сторонъ выбѣгали юнкера и, съ крикомъ ура! присоединялись къ бѣгущей толпѣ.

Коляска, со всѣхъ сторонъ окруженная юнкерами, вскорѣ должна была двигаться шагомъ.

Въ порывѣ восторга мы кричали ура! и съ какимъ-то обожаніемъ смотрѣли на дорогое, симпатичное лицо нашего генерала. Онъ снялъ фуражку и, придерживаясь за спину кучера, стоя, медленно подвигался среди ликующаго, любящаго его юношества.

Подъѣхавъ къ выстроенной ротѣ Его Высочества, генералъ вышелъ изъ коляски и, поздравивъ съ ротнымъ праздникомъ, объявилъ, что онъ узналъ за навѣрное, что производство будетъ черезъ день, 8-го августа.

Басистое ура!—верблюдовъ слилось съ общимъ ура! обоихъ училищъ. Полетѣли вверхъ юнкерскія кепи, а мощное, тысячное ура! выражало восторженное настроеніе, полное радужныхъ надеждъ на свѣтлое будущее.

Къ начальнику училища подошелъ командиръ роты Его Высочества и отъ имени роты просилъ его принять приглашеніе на чашку чаю. Генералъ согласился и вмѣстѣ съ офицерами направился въ разукрашенное флагами и зеленью помѣщеніе, въ которомъ сервированъ чайный столъ.

Оба училища размѣстились тутъ же на травѣ, а догадливый Харлампій уже снабжалъ желающихъ кипяточкомъ, чаемъ и пирожками.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, хоръ юнкеровъ не заставилъ себя просить и, чередуясь съ оркестромъ, грянулъ свои лихія пѣсни.

Когда стемнѣло, юнкера тутъ же выстроились для вечерней зори и общимъ хоромъ пропѣли молитвы.

Послѣ команды: „на — кройсь“, — „по палаткамъ разойтись“ — юнкера, увидя начальника училища, который собирался идти къ себѣ въ палатку,—подняли его на руки и бережно понесли къ его ставкѣ.

Ясно помню часть рѣчи, съ которой онъ, прощаясь, обратился къ намъ.

— Спасибо вамъ, господа! за ваше расположеніе ко мнѣ,—сказалъ генералъ. Вы меня глубоко растрогали. Я знаю, я чувствую, что вы любите меня, но вѣдь и вы знаете, что я люблю васъ всѣхъ, люблю, какъ нѣжная мать лишь можетъ любить дѣтей своихъ.—Мнѣ скучно было сегодня, цѣлый день не видя васъ, и я стремился къ вамъ въ наше родное училище.—А скоро—черезъ два дня, продолжалъ генералъ:—мы надолго, быть можетъ навсегда, распростимся съ вами! Вы разлетитесь во всѣ стороны нашей дорогой родины, но, гдѣ бы вы ни были, — помните и любите наше училище. Храните завѣты, которые оно неуклонно стремилось привить вамъ и исполненіемъ долга службы и безпредѣльной любовью къ Царю и родинѣ докажите, что училище не напрасно хлопотало и заботилось о васъ, стремясь выработать честныхъ людей и вѣрныхъ слугъ отечеству!“

— Постараемся, Ваше Превосходительство!—искренно отвѣтили мы, и въ отвѣтѣ нашемъ звучала увѣренность и въ самихъ себя и въ свои силы, которыя мы такъ радостно, такъ беззавѣтно готовились отдать на службу и защиту Царя и родины.

Взволнованные, восторженно настроенные, разошлись мы по палаткамъ, долго еще бесѣдуя по поводу только-что слышанной рѣчи. И никто, кажется, не остановилъ тогда особеннаго вниманія на ту часть ея, гдѣ генералъ подчеркивалъ близость разлуки съ нами: — „Разлуки быть можетъ навсегда!“ А между тѣмъ, тогда, видя передъ собой юнкеровъ обоихъ училищъ, онъ вѣдь дѣйствительно прощался съ нами навсегда, предвидя свою близкую, тяжелую кончину.

7-го и 8-го августа мы мало принимали участія въ бояхъ и почти все время маневрировали, поспѣшая то къ одному, то къ другому пункту боя. Походное движеніе утомило насъ изрядно, а пыль и жара еще болѣе увеличивали усталость.

Наконецъ, желанный моментъ наступилъ. Въ 12 часовъ дня, 8-го августа, среди грохота орудій и ружейной трескотни общаго боя, прозвучалъ гдѣ-то далекó, далеко—чуть слышно радостный сигналъ отбоя: „слушайте всѣ—отбой“. Сигналъ подхватился ближайшими частями, и пальба постепенно смолкла, лишь гдѣ-то въ сторонѣ еще слышится перестрѣлка и крики ура!. Тамъ не слыхали еще сигнала, и бой ведется съ полнымъ напряженіемъ.

Наконецъ, смолкло все, и прозвучалъ сигналъ „строить колонну“ и сборъ начальниковъ.

Насъ выстроили и повели къ Царской ставкѣ, которая, какъ говорили, не далѣе 5-ти верстъ. Но мы прошли часъ, другой, и все еще блуждали по лѣснымъ дорогамъ и, наконецъ, лишь въ 3-мъ часу пришли въ какую-то деревню, гдѣ на площади двигались войска и виднѣлось много придворныхъ экипажей.

Насъ остановили, приказавъ составить ружья въ козлы. Выпускныхъ вызвали впередъ и построили въ колонну.

Съ возрастающимъ волненіемъ поджидаемъ прибытія Государя, который въ это время присутствуетъ на военномъ совѣтѣ, разбирая дѣйствія только-что закончившихся маневровъ.

„Смирно“, раздалась команда, и мы увидѣли въ сторонѣ Государя Императора, который вмѣстѣ съ Императрицей сѣлъ въ коляску и подъѣхалъ къ намъ.

Поздоровавшись, Государь поздравилъ насъ съ производствомъ и, пожелавъ счастья, добавилъ: „Помните, господа, что дисциплина—все: она важна какъ въ мирное, такъ и въ военное время!“ Еще разъ поздравляю васъ“!

Оглушительное ура! было отвѣтомъ на милостивыя слова Государя, и мы толпой, перегоняя другъ друга, бросились за отъѣзжавшей коляской, счастливые отъ привѣтливыхъ улыбокъ Императрицы и Государя, которыми они награждали насъ, изъ всѣхъ силъ старавшихся не отстать отъ быстро мчавшейся коляски.

Радостные, забывъ объ усталости и голодѣ (мы съ утра ничего не ѣли), возвратились мы къ баталіону, по пути привѣтствуемые начальникомъ училища и нашими офицерами,получая отъ нихъ отпечатанный приказъ о нашемъ производствѣ.

Отдохнувъ съ полчаса и закусивъ холодной закуской, которую утромъ намъ выдали на руки, мы двинулись въ обратный путь,

въ Красносельскій лагерь, до котораго оставалось еще добрыхъ 15 верстъ.

Нужно сознаться, что многіе изъ насъ, воспользовавшись общимъ настроеніемъ, соблазнились возможностью уѣхать и укатили на чухонскихъ вейкахъ и извозчикахъ, которые въ изобиліи съѣхались къ мѣсту производства, чуя солидный заработокъ и зная слабохарактерность вновь испеченныхъ офицеровъ.

На обратномъ пути мнѣ выпала честь нести батальонную святыню—наше старое училищное знамя. И теперь, по прошествіи уже 28 лѣтъ, я съ гордостью вспоминаю, что несъ его и не покинулъ строй родного училища, до конца выполнивъ долгъ юнкерской службы.

Уже подъ вечеръ пришли мы въ лагерь, и начальникъ училища, еще разъ поздравивъ насъ и поблагодаривъ за порядокъ на маневрахъ, распустилъ батальонъ по баракамъ.

Спѣшно приступили мы къ переодѣванію въ городскую форму, боясь опоздать къ 9-ти часовому поѣзду, отходящему въ Петербургъ, гдѣ въ училищномъ манежѣ намъ приготовлено помѣщеніе, и гдѣ собраны всѣ наши новыя, уже собственныя, офицерскія вещи и платье, которыя такъ страстно хочется поскорѣе облачить на себя.

Только-что сбросили съ себя ранцы и мундиры, какъ въ баракъ тихо, никѣмъ не сопровождаемый, вошелъ начальникъ училища и, обходя каждаго въ отдѣльности, благодарилъ за службу и желалъ счастья въ новой, начинающейся жизни. Медленно обойдя нашъ баракъ, онъ направился въ слѣдующій смежный съ нашимъ баракъ 3-ей роты.

Впослѣдствіи только догадались мы о причинѣ его неурочнаго появленія и обхода ротъ и о тѣхъ душевныхъ мукахъ, какія, безъ сомнѣнія, испытывалъ онъ въ то время. Онъ какъ будто оттягивалъ, какъ-будто не хотѣлъ разстаться съ нами и, съ цѣлью еще разъ увидѣть насъ, предпринялъ этотъ обходъ, чтобы сказать свое послѣднее, прощальное привѣтствіе.

Въ одиннадцатомъ часу вечера пріѣхали мы въ Петербургъ, въ училище и прямо въ баню, откуда черезъ полчаса выходили уже въ офицерской формѣ чистенькіе, во всемъ новомъ, съ сіяющими счастьемъ лицами.

Въ манежѣ какъ-будто оживленный маскарадъ. Въ этихъ веселыхъ блестящихъ офицерахъ съ трудомъ узнаешь своихъ юнкерскихъ товарищей. Всѣ эти 150 бывшихъ сѣрыхъ юнкеровъ теперь элегантные офицеры, которымъ предупредительно предлагаетъ чай

наша бывшая юнкерская прислуга, тутъ же присутствующая и съ восторгомъ глазѣющая на своихъ господъ.

Несмотря на поздній часъ, въ манежѣ царитъ оживленіе, но усталость все-таки даетъ себя чувствовать, и большинство господъ офицеровъ укладывается спать, рѣшивъ на завтра отложить прогулку по городу, съ тѣмъ, чтобы уже при дневномъ освѣщеніи показаться Петербургу во всемъ блескѣ и красѣ. Нѣкоторые же, въ томъ числѣ и я грѣшный, соблазнились искушеніемъ, надѣли оружіе и съ громомъ и трескомъ отправились фланировать по соннымъ, уже опустѣвшимъ, улицамъ столицы.

9-го августа, съ утреннимъ поѣздомъ долженъ былъ прибыть изъ лагеря батальонъ училищъ, такъ какъ, по росписанію, въ 11 часовъ назначенъ молебенъ въ присутствіи юнкеровъ и насъ—произведенныхъ офицеровъ. Послѣ молебна рѣшено было преподнести альбомъ, уже заполненный карточками, нашему дорогому начальнику училища.

Но только-что мы проснулись, какъ разнеслась страшная вѣсть: „начальникъ училища скончался: онъ самъ покончилъ съ собой".

Не хотѣлось вѣрить этой ужасной, ошеломляющей вѣсти, но прибывшіе изъ лагеря юнкера и офицеры подтвердили дѣйствительность несчастія.

Въ ночь съ 8-го на 9-е августа начальникъ училища у себя въ лагерномъ баракѣ маленькимъ ножичкомъ, которымъ обрѣзалъ сигары и который, какъ брелокъ, висѣлъ у него на цѣпочкѣ часовъ, перерѣзалъ себѣ горло.

Какая причина побудила его такъ неожиданно и такъ мучительно покончить жизнь, осталось не выясненнымъ, и хоть не мало высказывалось различныхъ предположеній, но все это были лишь догадки, такъ какъ покойный не оставилъ никакихъ разъяснительныхъ записокъ и причина смерти его для всѣхъ осталась загадочной.

Даже теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, вспоминая личность покойнаго, становится грустно и обидно, что такой чудный начальникъ, такой гуманный человѣкъ такъ безвременно, такъ трагически мучительно порвалъ свою жизнь, еще полную силъ и энергіи.

Я глубоко убѣжденъ, что всѣ юнкера 2-го военнаго Константиновскаго училища выпуска 1881 года до конца жизни сохранятъ въ сердцахъ своихъ глубокую благодарность и добрую память о незабвенномъ нашемъ начальникѣ, генералъ-маіорѣ, Георгіѣ Ивановичѣ Шмидтѣ.

Нечего и говорить, какъ подѣйствовала на насъ эта неожиданная, тяжелая утрата.

То веселье, какимъ сопровождается обыкновенно производство, тѣ общія традиціонныя пирушки, какія устраиваются вновь испеченными офицерами,—все это было омрачено искреннимъ нежданнымъ горемъ.

10-го августа прахъ покойнаго былъ перевезенъ въ Петербургъ, а 11-го мы хоронили его, и какія это были необыкновенныя похороны! Исключительно одна лишь молодежь: густой тысячной толпой сопровождала до могилы останки дорогого покойника и, всю дорогу, присоединяясь къ хору пѣвчихъ, пѣла: „Святый Боже“.

Послѣ похоронъ мы передали сестрѣ покойнаго генерала — его единственной родственницѣ—нашъ серебряный вѣнокъ, прося принять его, какъ рамку для портрета нашего незабвеннаго начальника и какъ воспоминаніе о той любви и благодарности, какія мы всѣ къ нему питали.

Черезъ два дня, получивъ прогонныя деньги и отпускъ на 28 дней, мы навсегда распростились съ роднымъ училищемъ и товарищами, вмѣстѣ съ которыми пережито такъ много хорошаго и связано столько свѣтлыхъ воспоминаній далекой юности.

И. Ф.

Изъ исторіи Новгорода.

(Самоуправленіе и власть княжеская).

Расположенный на обоихъ берегахъ многоводной рѣки Волхова, Новгородъ участвуетъ въ 862 г. въ призваніи князей, при чемъ старшій изъ призванныхъ братьевъ Рюрикъ, по однимъ источникамъ, садится въ Новгородѣ, а по другимъ—въ Ладогѣ. До водворенія Рюрика, новгородцы, какъ и другіе славяне, управлялись старѣйшинами въ родѣ. Слѣды этого прежняго самоуправленія Новгорода слышатся даже и по призваніи князей, когда, по словамъ лѣтописи, нѣкоторые изъ жителей „не захотѣли пострадати отъ Рюрика и отъ раба его, а Рюрикъ изби Вадима храбраго и многихъ новгородцевъ совѣтниковъ его“. Преемникъ Рюрика Олегъ послѣ 869 г. утвердился въ Кіевѣ и отсюда съ дружинами, въ которыхъ находились и новгородцы, сдѣлалъ знаменитый походъ по Черному морю къ Византіи, или къ Константинополю, закончившійся договоромъ 911 года—первымъ источникомъ русскаго права. Въ Новгородѣ же оставленъ былъ княжескій посадникъ, что̀ сильно новгородцамъ не нравилось: при сынѣ Игоря Святославѣ ихъ послы пришли въ Кіевъ просить себѣ князя: „если же никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ,—говорили они,—то мы сами найдемъ себѣ князя“. Тогда въ Новгородъ былъ отправленъ малолѣтній сынъ Святослава Владиміръ, рожденный отъ ключницы Малуши, и съ нимъ его дядя Добрыня; новгородцы съ охотою приняли Владиміра, надѣясь воспитать его въ своемъ обычаѣ. Послѣ убійства при Ярополкѣ Олега, Владиміръ, испугавшись злодѣяній брата, бѣжалъ за море, и Новгородъ былъ занятъ посадниками Ярополка, но черезъ три года Владиміръ съ

варягами вернулся въ Новгородъ, прогналъ намѣстниковъ брата, и съ новгородцами, варягами и кривичами пошелъ къ Кіеву; городъ сдался, Ярополкъ былъ убитъ, Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ, а новгородцы съ честью были отпущены домой.

При принятіи христіанства, въ Новгородѣ сказались тѣ отличительныя стороны характера жителей—приверженность къ старинѣ и упорная ея защита, которыми такъ сильны они были впослѣдствіи. Въ это же время встрѣчаемъ и первое извѣстіе о „вѣчѣ“, какъ о народномъ собраніи, имѣющемъ общія задачи. Когда Добрыня съ епископомъ и священниками пришли крестить народъ, то новгородцы собрали вѣче и поклялись не принимать крещенія: „лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ (идоловъ) на поруганіе“; вышли на Добрыню съ оружіемъ, а на мосту противъ него поставили два камнестрѣльныхъ порока. Новгородцы такъ разсвирѣпѣли, что разорили домъ Добрыни, убили жену его и родственниковъ. Только ночью хитростью удалось Добрынѣ переправиться на другую сторону, и здѣсь произошла страшная сѣча, для страха зажгли нѣсколько домовъ на берегу, новгородцы смирились. Они съ воплемъ и слезами хватались за идоловъ, когда ихъ бросали въ Волховъ. „Что вамъ ждать отъ нихъ и жалѣть, когда они сами себя оборонить не могутъ“,—съ усмѣшкою возражалъ имъ Добрыня. Тогда новгородцы пошли къ рѣкѣ и крестились: мужчины выше моста, а женщины—ниже. Послѣ Владиміра Святого, въ Новгородѣ княжилъ старшій сынъ его Вышеславъ, а за нимъ другой его сынъ отъ Рогнѣды Ярославъ, бывшій отъ природы хромымъ. Ярославъ, при помощи новгородцевъ, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, „утеревъ съ дружиною потъ“, по выраженію лѣтописца. Въ благодарность же за усердіе Ярославъ далъ новгородцамъ особую льготную грамоту, которою опредѣлялись разныя денежныя пошлины и уяснялись права новгородцевъ. Достовѣрно съ этого времени и слѣдуетъ считать начало самоуправленія новгородскаго и развитіе ихъ богатства и силы. Сынъ Ярослава Владиміръ построилъ въ Новгородѣ каменный соборъ Св. Софіи, сохранившійся, какъ памятникъ искусства, до нашего времени; недавно онъ только-что реставрированъ.

Послѣ смерти Ярослава, вслѣдствіе перемѣнъ великаго князя въ Кіевѣ, въ теченіе 50 лѣтъ шесть разъ мѣнялись князья въ Новгородѣ, пока здѣсь не сѣлъ сынъ Мономаха Мстиславъ, прозванный „Великимъ“, но и послѣдній, изъ-за ссоры старшихъ братьевъ, переведенъ былъ въ Ростовъ, а въ Новгородѣ сѣлъ Давидъ, княжившій здѣсь раньше. Давидъ изъ Новгорода вскорѣ ушелъ въ Смоленскъ, думая оставить за собою оба эти города. Тогда новгородцы послали просить къ себѣ вновь Мстислава и посадили его

княземъ, Давиду же сказали: „Не ходи къ намъ“. Личность этого новгородскаго князя Мстислава, сына Мономахова, впослѣдствіи названнаго Великимъ, заслуживаетъ быть отмѣченной, потому что показываетъ, насколько новгородцы умѣли цѣнить своихъ выдающихся князей: для нихъ не только была незабвенна память этого князя, но даже потомство его, отличавшееся также личными достоинствами, всегда предпочиталось новгородцами другимъ.

Послѣ изгнанія Давида изъ Новгорода и водворенія тамъ Мстислава въ одномъ изъ сраженій съ Олегомъ Святославичемъ былъ убитъ сынъ Мономаха Изяславъ, братъ Мстислава; послѣдній пошелъ на Олега, приходившагося ему крестнымъ отцомъ, вмѣстѣ съ братомъ Вячеславомъ, и съ новгородцами пѣшими при рѣкѣ Колакчѣ разбилъ на голову Олега, но въ то же время, чтя въ немъ крестнаго отца, послалъ къ Мономаху просьбу за Олега, заканчивавшуюся такими словами: „брату моему Изяславу судъ пришелъ, не будемъ за него местниками, они сами съ Олегомъ станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы русской земли не погубимъ“. Мономахъ этотъ знаменитый князь древней Руси, оставившій въ своихъ изреченіяхъ всю глубину великой души и ума, столько же и подвиговъ мужества на защиту родины, тотчасъ же отвѣтилъ Олегу: „Увидавъ такое смиреніе сына моего, я умилился и устрашился; сынъ мой въ юности и въ безуміи (т. е. въ горячности) такъ смиряется, а я что дѣлаю?.. Я тебѣ пишу не по нуждѣ,—такъ заканчиваетъ Мономахъ свое замѣчательное по выразительности мысли посланіе,—нѣтъ мнѣ никакой бѣды, пишу для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта“. Оба эти посланія повліяли даже на жестокое сердце Олега, результатомъ явился съѣздъ князей въ Любичѣ, умиротворившій междуусобія.

Въ половинѣ XII вѣка Юрій Ростовскій сталъ тѣснить Новгородъ, за него вступился великій князь Кіевскій Изяславъ, сынъ Мстислава Великаго, и пришелъ съ дружиною въ Новгородъ, гдѣ княжилъ его сынъ Ярославъ. Съ честію встрѣченный, Кіевскій князь поѣхалъ къ обѣднѣ въ соборъ св. Софіи, а послѣ послалъ бирючей кликать кличъ по улицамъ къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика. На другой же день, когда новгородцы сошлись на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ, Изяславъ произнесъ: „Братья! вы прислали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ, и вотъ я, оставя русскую землю, пришелъ сюда на него; гадайте, мириться ли съ нимъ или ратью покончить?“—„Ты нашъ князь, нашъ Владиміръ, нашъ Мстиславъ: пойдемъ всѣ, только духовные останутся Бога молить“, раздались крики. Мстиславъ съ новгородцами пошелъ въ

Ростовскія волости, погромилъ ихъ, взялъ много въ плѣнъ и вернулся въ Кіевъ.

Въ 1164 г. шведы осадили Новгородскій городъ Ладогу, но сюда явились новгородцы подъ предводительствомъ князя и посадника, и всѣ 55 шаекъ шведовъ были разбиты. При усиленіи Всеволода Суздальскаго, новгородцы послали звать себѣ въ князья отличавшагося своими доблестями внука любимаго ими Мстислава Великаго—Мстислава Храбраго. Послѣдній сначала не соглашался идти въ Новгородъ, но дружина уговорила его словами: „Если зовутъ тебя съ честію, то ступай, развѣ тамъ не наша же отчина". Едва водворился Мстиславъ въ Новгородѣ, какъ тотчасъ же обратился къ новгородцамъ съ рѣчью: „Братья! поганые (чудь) насъ обижаютъ, такъ намъ бы, призвавши на помощь Бога и Святую Богородицу, отомстить за себя и освободить отъ нихъ землю новгородскую".

Съ полками новгородскими онъ пожегъ всю Чудскую землю, взялъ въ плѣнъ много людей и скота и возвратился, по словамъ лѣтописи, „съ славою и честію великою". Но не долго послѣ того пришлось прожить Мстиславу: онъ скончался въ Новгородѣ въ 1180 году и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ. „Солнце наше зашло,—говорилось послѣ его смерти,—остались мы беззащитные,—говорится въ той же лѣтописи,—лучше бы намъ умереть было съ тобою, ты былъ крѣпокъ; на рати, не жалѣлъ жизни за русскую землю и христіанъ, былъ щедръ къ бѣднымъ, святительскому чину воздавалъ достойную честь,—и плакала по немъ вся русская земля, не могши забыть доблестей его".

Послѣ смерти Мстислава Храбраго, въ Новгородѣ княземъ былъ поставленъ отъ Всеволода Великаго Суздальскаго его сынъ Святославъ, но новгородцы не взлюбили и послали звать къ себѣ сына Мстислава, также Мстислава, получившаго прозвище „Удалого", бывшаго княземъ въ Торопцѣ. Удалой съ дороги, еще изъ Торжка, послалъ сказать новгородцамъ: Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ новгородцамъ, пришелъ я къ вамъ, услышавъ о насиліяхъ, и мнѣ стало жаль своей отчины". Новгородцы заперли князя Святослава подъ стражей, а Мстиславъ съ полками новгородскими двинулся на рать Всеволода, но послѣдній, зная, вѣроятно, хорошо душу Удалого, прислалъ ему сказать слѣдующія слова: „Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, отпусти Святослава, я отдамъ захваченное и ты также". Мстиславъ согласился, выпустилъ Святослава, и миръ былъ заключенъ. Вскорѣ Удалой съ своими родичами согласился идти противъ Кіевскаго князя Всеволода Чермнаго, на Ярославовомъ дворѣ на вѣчѣ онъ объявилъ о томъ новгород-

цамъ.—„Куда, князь, ты посмотришь, туда и мы бросимся головами своими“,—отвѣтили они. Въ походѣ же однако заупрямились и не хотѣли уступить перваго мѣста смоленскимъ полкамъ старшаго изъ князей Мстислава Романовича.

Мстиславъ Удалой сталъ тогда звать новгородскіе полки на вѣче, но они не пошли, тогда онъ, перецѣловавъ всѣхъ, поклонился имъ и пошелъ одинъ съ дружиною при смоленской рати. Новгородцы собрались на вѣче, и здѣсь посадникъ Твердиславъ сказалъ имъ: „Какъ *трудились наши дѣды и отцы* за русскую землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ“. Новгородцы догнали и присоединились къ Мстиславу Мстиславовичу, разбили потомъ войска Чермнаго и вмѣстѣ со своимъ княземъ вернулись домой. Но здѣсь Удалой пробылъ недолго: онъ узналъ, что въ городѣ образовалась сильная партія, тайно желавшая его изгнанія и призванія князя изъ Суздаля. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему „показали путь“, какъ сказано въ лѣтописи, собралъ вѣче и, сказавъ: „У меня есть дѣла на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“, уѣхалъ изъ Новгорода, куда княземъ тотчасъ же былъ приглашенъ сынъ Всеволода Великаго Ярославъ. Но не долго ладили и съ нимъ новгородцы: они разграбили домъ тысячскаго Якуна, убили боярина Овстрата съ сыномъ. Ярославу Всеволодовичу не понравилось такое своеволіе; онъ уѣхалъ въ сосѣдній Торжокъ и сталъ здѣсь княжить, не пропуская въ то же время хлѣба съ Юга Россіи. Въ Новгородѣ морозъ побилъ весь урожай, наступилъ голодъ — „люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, дѣтей отдавали въ холопство, по улицамъ, торгу и полямъ валялись трупы, и собаки не успѣвали съѣдать ихъ“—говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы неоднократно посылали просить Ярослава смилостивиться надъ ними и пропустить хлѣбъ съ Юга, но тотъ только задерживалъ ихъ пословъ. Тогда новгородцы о своемъ отчаянномъ положеніи дали знать ихъ бывшему князю Мстиславу. Удалой 11 февраля 1216 г. явился въ Новгородъ и цѣловалъ крестъ жителямъ не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти. Ярославъ же прислалъ 100 человѣкъ, казавшихся ему вѣрными, новгородцевъ, чтобъ они подняли городъ противъ Мстислава, но эти 100 присоединились къ послѣднему. Мстиславъ снова созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ народу: „пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда“.

Послѣ разныхъ переходовъ полки новгородскіе Мстислава и смоленскіе его брата Владиміра вступили въ бой съ ратями Всево-

лодовичей Ярослава и Юрія. Передъ началомъ битвы Мстиславъ сказалъ новгородцамъ: „пошли мы въ землю сильную, нечего намъ озираться назадъ, забудемъ, братья, про дома, женъ и дѣтей, вѣдь надобно же будетъ когда-нибудь умереть“. —„Мы не хотимъ помирать на коняхъ, хотимъ биться пѣши, какъ наши отцы на Колакшѣ“,— и сбросивъ съ себя порты и сапоги, босые бросились на враговъ.

Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей топоромъ съ паворозою. Побѣда Мстислава была полная: „не 10 и не 100, но всѣхъ было избито 9.233 человѣка,—говоритъ лѣтописецъ, — и крикъ и вытье раненыхъ были слышны въ Юрьевѣ и около него“ (Владимірской губ.). Со славою вернулся Мстиславъ въ Новгородъ, но въ 1218 г. ушелъ отсюда „искать Галича“.

Новгородцы пригласили себѣ въ князья его племянника Святослава. Послѣдній не сошелся съ посадникомъ Твердиславомъ,—поднялся мятежъ, князь послалъ тысячскаго сказать на вѣчѣ: „Не могу быть съ Твердиславомъ,—отнимаю у него посадничество.— А какая ему вина?—спросили новгородцы.—Безъ вины,—отвѣтилъ посолъ князя.—Тому я радъ, братья, возразилъ тогда Твердиславъ, что вины нѣтъ на мнѣ никакой, а вы братья вольны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ“. Новгородцы однако заступились за Твердислава, сказавъ князю: „ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности, и того мы не допустимъ, чтобы у Твердислава было отнято посадничество“. Святославъ согласился съ народомъ, и спокойствіе было возстановлено.

Въ годы русской „юдоли“, въ началѣ татарскаго ига—униженнаго рабства всей Россіи, громкая побѣда новгородцевъ со своимъ княземъ надъ шведами въ 1240 г. оживила упавшій духъ нашихъ предковъ. Шведы, подъ начальствомъ Биргера, пришли съ большими силами и стали при устьѣ рѣчки Ижоры, впадающей въ Неву верстахъ въ 20 отъ теперешняго Петербурга. Сюда явился съ небольшою новгородскою ратью яхъ князь Александръ, сынъ того Ярослава, который нѣкогда засѣлъ въ Торжкѣ и не пропускалъ къ Новгороду хлѣба. 15 іюля онъ нанесъ шведамъ страшное пораженіе, за которое получилъ названіе „Невскаго“, имена же нѣкоторыхъ новгородцевъ, особенно отличившихся въ этой битвѣ своею храбростью, сохранила даже лѣтопись на память потомству; такъ Гаврила Олексичъ пробился за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ сброшенъ вмѣстѣ съ лошадью въ воду, но выплылъ и бился съ воеводою шведскимъ; новгородецъ Миша пѣшкомъ съ товарищами погубилъ три непріятельскихъ корабля, отрокъ Савва пробился до самаго шатра Биргера „златоверхаго“, подсѣкъ его столпъ, и паденіе его еще болѣе усилило духъ новгородцевъ.

Черезъ два года послѣ этой битвы орденъ Нѣмецкихъ рыцарей меченосцевъ, имѣвшій главнымъ городомъ Ригу, сталъ нападать на Новгородскія и Псковскія земли. Александръ съ новгородцами 5 апрѣля 1242 г. далъ рыцарямъ сраженіе на самомъ Псковскомъ озерѣ, ледъ котораго былъ достаточно крѣпокъ. Рыцари острою колонною, названною русскими „свиньею“, пробились было сквозь Новгородскую рать, но Невскій ударилъ врагамъ сзади и разбилъ нѣмцевъ на голову. Льда на озерѣ не было видно, все покрылось кровію,—говоритъ лѣтописецъ,—русскіе гнали нѣмцевъ до береговъ на разстояніи 7 верстъ и множество взяли въ плѣнъ. Сраженіе это получило названіе „Ледовитаго побоища“, а о подвигахъ князя Александра благодарные псковичи отозвались въ такихъ выраженіяхъ: „О псковичи! если забудете или отступите отъ рода князя Александра Ярославича, то будете похожи на жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ Его благодѣянія“!

При борьбѣ Москвы съ Тверью, новгородцы принуждены были брать сторону то того, то другого изъ соперниковъ. Въ началѣ XIV вѣка Михаилъ Тверской захватилъ Новгородскіе города Торжокъ и Бѣжецкъ и прекратилъ подвозъ хлѣба. Новгородцы заключили миръ и заплатили князю 1.500 гривенъ серебра. Въ 1317 г. новгородцы съ своимъ посадникомъ ходили далеко за море и взяли Шведскій городъ Або. Въ 1337 г. Іоаннъ Калита князь Московскій спросилъ съ новгородцевъ вторую татарскую дань, или „выходъ“. Новгородцы отказали со словами: „того у насъ не бывало отъ сотворенія міра, а ты, князь, цѣловалъ намъ крестъ по старинѣ“. Вслѣдствіе этого у Новгорода произошелъ разрывъ съ Москвою, скоро впрочемъ окончившійся миромъ, хотя неизвѣстно, дали ли новгородцы князю второй выходъ.

Одновременно съ упроченіемъ единовластія на сѣверо-востокѣ въ Москвѣ при Іоаннѣ Калитѣ, въ началѣ XIV вѣка въ Новгородѣ устанавливается новый порядокъ высшей власти: князья, управлявшіе Новгородомъ при помощи посадника и вѣча, совершенно исчезаютъ, интересы же великаго князя начинаютъ представлять въ отношеніи сбора дани и другихъ фискальныхъ статей присылаемые отъ князя намѣстники, главнымъ же представителемъ власти въ Новгородѣ, распорядителемъ и внутренней и внѣшней политики при помощи вѣча является выбираемый всѣмъ народомъ посадникъ, на выборъ котораго нерѣдко оказываетъ вліяніе, какъ и прежніе Новгородскіе князья, великій князь.

Главными занятіями новгородцевъ были земледѣліе и торговля. Владѣльцами земель являлись крестьяне, или смерды, бояре, монастыри и владычня Новгородская каѳедра; размѣръ крестьянской за-

пашки на каждое отдѣльное лицо въ двухъ поляхъ на хорошей землѣ обнималъ 3 десятины, а на менѣе плодородной почвѣ до 6 десятинъ, на сѣнокосъ отводилось до $1^1/_2$ десятины. У бояръ въ одномъ мѣстѣ запашка достигала до 40 десятинъ, и часто бывало, что какъ они, такъ и монастыри, владѣли запашками чуть не въ 20 мѣстахъ. Нѣкоторые крестьяне отправляли „барщину“, но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово стало выражаться въ послѣднее время, а будучи сами собственниками небольшихъ участковъ и имѣя досугъ отъ своей обработки, въ свободное время, изъ половиннаго урожая, воздѣлывали земли сосѣдняго боярина. Общины въ нашемъ значеніи, принадлежащей каждому селенію, не было, а права ея принадлежали цѣлому союзу селеній—волости, раздававшей пустые участки желающимъ крестьянамъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Крестьяне, захудавшіе, не имѣвшіе собственной запашки, а жившіе за другими, назывались захребетниками, окладниками, подсосѣдниками. Рыболовство, бортничество, огородничество, солевареніе, скотоводство, плотничество и звѣроловство составляли кромѣ земледѣлія дополнительныя занятія новгородцевъ. Но земледѣліе, главный источникъ существованія, оказывался недостаточнымъ. Сѣверные вѣтры, благодаря близкому присутствію моря, отзывались губительно на плодородіи, часто въ корнѣ побивая хлѣбъ. Своего хлѣба въ Новгородской волости никогда не хватало, и онъ привозился съ Юга Россіи, преимущественно изъ Кіева, который назывался „житницей Новгорода“. Но главное занятіе новгородцевъ, столько же, сколько и земледѣліе, чѣмъ они прославились, составляла торговля.

Городское населеніе Новгорода состояло изъ высшаго класса „бояръ“, затѣмъ шли гости—или старшій классъ купечества, потомъ житные люди (то есть—зажиточные), купеческія сотни и, наконецъ, разные мелкіе торговцы на мѣстахъ, у церквей и другіе разночинцы, носившіе общее названіе „черныхъ сотенъ“. Бояриномъ бывалъ обыкновенно болѣе другихъ богатый человѣкъ, имѣвшій на своей сторонѣ улицу или конецъ, отправлявшій по большей части въ своемъ приходѣ и должность церковнаго старосты. Для поддержанія положенія онъ долженъ былъ ладить со всѣми жителями своего конца или улицы, чтобы они могли при случаѣ взять его подъ свою защиту. При пріемѣ пріѣзжихъ гостей онъ, конечно, больше всѣхъ тратился изъ своихъ средствъ и отъ времени до времени дѣлалъ угощеніе жителямъ улицы.

У бояръ же и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ находились несвободные люди,—рабы, или „челядь“, какъ говорится въ документахъ; у однихъ челяди бывало до 20 семей, а у другихъ 2—3

человѣка. Всѣ торговые классы и черныя сотни составляли изъ себя общину и на собраніи всѣхъ сотенъ выбирали „тысячскаго“, въ рукахъ котораго находился торговый судъ. Какъ тысячскій, такъ и его судъ расположены были при особо устроенномъ храмѣ Іоанна Предтечи, въ торговой сторонѣ; на содержаніе его, благолѣпіе и храмовые праздники, такъ же, какъ и на Софійскій соборъ, шла третья часть всѣхъ торговыхъ пошлинъ. Правомъ же торговли пользовалось и духовенство, и даже самъ князь, впослѣдствіи отказавшійся отъ всякихъ торговыхъ оборотовъ.

Находясь у средоточія воднаго пути отъ новгородскихъ славянъ къ западнымъ сосѣдямъ, Новгородъ издавна велъ обширную торговлю мѣхами, воскомъ, хлѣбомъ и др. припасами съ Данцигомъ, ганзейскими городами, датчанами, шведами и другими иностранцами, и сами новгородцы Невою отправлялись съ товарами въ иноземные города, иностраннымъ гостямъ для ихъ кораблей были широко открыты врата новгородскія. Въ городѣ имъ были отведены два двора готскій и нѣмецкій, и въ своей гражданской жизни между собою иностранцы пользовались автономіей, выражавшейся и въ отдѣльномъ судѣ у нихъ и въ выборныхъ чиновникахъ, называвшихся „ольдерманами“ и сносившихся по дѣламъ съ новгородскими властями. Но въ отношеніяхъ иностранцевъ къ себѣ новгородцы были строго національны: они дозволяли торговать иностраннымъ купцамъ у себя въ Новгородѣ или отъѣзжать отсюда въ другіе русскіе города не иначе, какъ черезъ свое посредство,—такъ, чтобы по оставшемуся образному выраженію, „между нѣмцами и пріѣзжавшими въ Новгородъ русскими гостями другихъ городовъ ходилъ свой братъ новгородецъ“.

Въ 1424 году два нѣмца въ Новгородѣ вздумали было самостоятельно купить у одного литвина мѣха, но новгородцы объ этомъ узнали, явились и повлекли покупщиковъ къ суду у Св. Іоанна, которымъ тѣ и были присуждены къ заключенію въ оковы. Старѣйшее и болѣе знатное новгородское купечество гордилось своимъ званіемъ и въ отличіе отъ мелкаго и другихъ сословій носило особые „золотые пояса“, подъ которыми они встрѣчаются и въ иностранныхъ извѣстіяхъ.

Преданіе народное, всегда имѣющее въ первоначальномъ своемъ возникновеніи историческую истину, воспѣло богатство Великаго Новгорода въ былинѣ о „Садко богатомъ гостѣ“, гдѣ этотъ новгородецъ, получивъ чудодѣйственнымъ образомъ несмѣтныя богатства, хочетъ скупить весь Новгородъ, но терпитъ гибель, увлекается въ подземное царство и спасается только той силой, которая была такою глубокою связью у новгородцевъ, спасается вразумленіемъ явившагося къ Садко Свя-

тителя Николая. Новгородцы издавна славились своею храбростію, мужествомъ; гдѣ-гдѣ не побывали ихъ отважные и предпріимчивые купцы: въ Любекѣ, на Готскомъ берегу и даже въ Стокгольмѣ. Болѣе рѣшительные, но менѣе разбиравшіе средства для достиженія своихъ цѣлей, новгородцы на особыхъ ладьяхъ, отъ которыхъ именовались „ушкуйниками“, отправлялись разбойничать по чужимъ городамъ: такъ въ 1371 г. они разграбили Ярославль и Кострому, въ 1374 Вятку, въ слѣдующемъ году зажгли и ограбили Нижній-Новгородъ. Удальство ихъ сохранила былинная пѣсня о Василіи Буслаевѣ, гдѣ этотъ лихой молодецъ со своими бражниками вызываетъ на бой весь Великій Новгородъ и послѣ разныхъ приключеній одолѣваетъ новгородскихъ мужиковъ, которые „ему покорилися и помирилися“.

Нами уже было сказано, что первое извѣстіе о новгородскомъ вѣчѣ встрѣчается около 988 года и, насколько можно судить по оставшимся въ лѣтописяхъ слѣдамъ, оно было двухъ видовъ: 1) сбиравшееся княземъ и 2) новгородцами—народомъ. Первое вѣче сбиралось звономъ колокола на Ярославомъ дворѣ, иногда носило совѣщательный характеръ, когда дѣло касалось начинанія войны или важныхъ государственныхъ дѣлъ; часто на такомъ же вѣчѣ князь и отказывался отъ княженія въ Новгородѣ. Второе же вѣче было настолько разнообразно, что даже трудно опредѣлить его границы; несомнѣнно, что каждый новгородецъ, обладавшій умѣніемъ дѣйствовать на толпу, могъ собрать вѣче, когда хотѣлъ, при чемъ не обращалось вниманія, всѣ ли граждане присутствовали или нѣтъ. Любая толпа народа была вѣчемъ и могла обратиться въ верховное народное собраніе, если сила была на ея сторонѣ, могла перемѣнять существующій порядокъ вещей, смѣнять князя, посадника, тысячскаго, судить и наказывать. Даже присутствіе на вѣчѣ не было обязанностію гражданина, равно какъ не было правомъ того или иного сословія: каждый новгородецъ могъ тамъ участвовать или не присутствовать.

Такое положеніе вѣча давало иногда возможность злонамѣреннымъ лицамъ съ корыстолюбивыми цѣлями дѣлать мятежи, и новгородцы отличали этихъ людей, ничего общаго не имѣвшихъ съ интересами родины. Лѣтописецъ называетъ ихъ *крамольниками* и говоритъ: „Въ 1290 г. крамольники ограбили торгъ, но на другой день жители собрались на вѣче и по приговору его сбросили двухъ крамольниковъ съ моста. Въ 1332 году встали въ Новгородѣ крамольники, смѣнили посадника, поставили другого, ограбили дома и села гражданъ“.

Первымъ представителемъ власти въ Новгородѣ послѣ князя являлся посадникъ. Въ началѣ эту должность занимали болѣе или

менѣе выдающіяся лица изъ дружины князя и назначались послѣднимъ; въ такомъ положеніи это лицо было помощникомъ князя, исполнявшимъ въ его отсутствіе всѣ обязанности князя. При непрерывной смѣнѣ князей въ Новгородѣ, постоянно мѣнялись и посадники; въ переходное же время отъ отъѣзда одного князя до прибытія новаго несомнѣнно представлялась нужда и возможность въ выборѣ, хотя временнаго правителя, отсюда стремленіе къ выбору посадника изъ своей среды, увѣнчавшееся, послѣ княженія Мстислава Великаго въ Новгородѣ послѣ 1130 г., за непоколебимую вѣрность къ Мономаховичамъ, предоставленіемъ этого права.

Въ этомъ новомъ положеніи, хотя опредѣленіе посадника и не было изъято изъ власти князя, но послѣдній избиралъ и утверждалъ его вмѣстѣ съ народомъ. Князь имѣлъ право отрѣшить посадника, но не иначе, какъ объявивши его вину на вѣчѣ. Посадникъ послѣ князя былъ полномочнымъ представителемъ власти Новгорода во всѣхъ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, онъ былъ главнымъ распорядителемъ суда и расправы, и, послѣ дарованія Новгороду права выбирать собственнаго посадника, право это все расширялось и росло и наконецъ достигаетъ того, что новгородцы начинаютъ заключать съ княземъ договорныя грамоты, въ которыхъ значеніе ихъ выборнаго представителя опредѣляется уже такъ: „А безъ посадника тебѣ, княже, суда не судити“.

Срока для исполненія посаднической должности въ источникахъ не упоминается, но лица въ этой должности мѣняются чуть не ежегодно, при томъ часто, какъ видно, безъ особо уважительныхъ причинъ, а просто по своеволію той или другой партіи, по своеволію вѣча, потому что одно и то же лицо выбиралось въ посадники два и даже три раза, чего конечно не бывало бы, если бы на этомъ лицѣ была какая-нибудь вина. Въ 1359 г. было отнято посадничество у Адріана Захарыча, но не всѣмъ городомъ, а однимъ Словенскимъ концомъ, которымъ былъ избранъ въ посадники Сильверстъ Лентѣевичъ; но другія части города не согласились на это избраніе, на Ярославовѣ дворѣ произошла жестокая сѣча, при чемъ погибло много невиноватыхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Софійская сторона вооружилась противъ Словенцевъ и перекинули уже мостъ черезъ Волховъ, чтобы идти другъ на друга. Явились два владыки: жившій на покоѣ Моисей и новый Алексѣй и крестами стали благословлять народъ, восклицая: „Дѣти, не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, святымъ церквамъ и мѣстамъ этимъ пустоты, не сходитесь въ бой!“ Новгородцы усмирились, но въ посадники былъ избранъ не Адріанъ и не Сильверстъ, а новое лицо Никита Матвѣевичъ.

Въ 1388 г. Софійская сторона встала на посадника Осипа Захарыча, разбила его домъ, пожитки, но Торговая сторона вступилась за него, начала грабить людей противоположной стороны; цѣлую недѣлю продолжалась распря и наконецъ сговорились дать посадничество новому лицу Василію Ивановичу. Частые раздоры происходили также между лучшими и меньшими людьми. Такъ въ 1418 г. простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Данилу Ивановича съ крикомъ: „помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ“. Прохожіе бросились и стали бить боярина и наконецъ полумертваго бросили съ моста въ Волховъ, но рыбакъ скрылъ Данилу въ лодкѣ; тогда народъ разграбилъ домъ рыбака. Данила, вернувшись домой, ради мести, схватилъ съ своими единомышленниками своего врага Степана и сталъ его мучить. Когда толпа узнала объ этомъ, то развернула знамя и въ доспѣхахъ бросилась къ дому Данилы, разграбила его и стала грабить сосѣдніе дома. Данила по просьбѣ архіепископа выпустилъ на свободу Степана; здѣсь распря кончилась, но толпа грянула на Чудинцеву улицу, разграбила дома боярина Іевлевича и много другихъ боярскихъ дворовъ, разграбила Никольскій монастырь, считая его боярскою житницею, двинулась на Прусскую улицу, но здѣсь бунтующіе встрѣчены были жителями съ оружіемъ и послѣ битвы принуждены были отступить. Тогда они начали звонить по всему городу; жители Торговой и Софійской стороны вооруженные повалили въ доспѣхахъ, какъ на рать, на Большой мостъ; началась перестрѣлка, люди стали падать мертвые отъ стрѣлъ, сваливаться съ лошадей, въ то же время гроза разразилась надъ городомъ съ молніею, дождемъ и градомъ. Тогда архіепископъ Симеонъ изъ церкви Св. Софіи съ крестомъ и образомъ Богородицы, не взирая на перестрѣлку и тѣсноту, съ священниками крестнымъ ходомъ достигъ середины моста, остановился и началъ благословлять народъ на обѣ стороны. Нѣкоторые изъ толпы начали креститься и падать ницъ, другіе плакать, и наконецъ всѣ разошлись по домамъ.

Но бывали и такіе рѣдкіе случаи, когда посаднику силою своего вліянія, силою убѣжденія удавалось прекращать начинавшіяся вспышки между „лучшими“ и „меньшими“ людьми, водворяя миръ между обоими классами. Эти посадники принадлежали къ разряду тѣхъ, которые выбирались въ санъ не однажды; очевидно, за ними былъ большой опытъ въ знаніи человѣческаго сердца и въ средствахъ успокоить накипѣвшія людскія страсти. Выборное начало примѣнялось новгородцами и при назначеніи новаго архіепископа: на вѣчѣ, гдѣ было и духовенство, и народъ, выбиралось 3 лица, и записки съ ихъ именами клались на

престолъ собора св. Софіи. Послѣ обѣдни протопопъ выносилъ вынутыя по жребію записки, и архіепископомъ провозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣднимъ.

Историкъ Соловьевъ пересчиталъ общее число мятежей, бывшихъ въ Новгородѣ въ теченіе 4-хъ столѣтій съ 1054 г., показанныхъ въ лѣтописяхъ; ихъ оказалось 33, или среднимъ числомъ на каждыя 13 лѣтъ въ Новгородѣ приходился 1 мятежъ. Изъ всего числа 33 смутъ только 6 находились въ связи съ перемѣнами и отношеніями къ князьямъ, остальныя или были вызваны выборами посадниковъ, тысячскихъ, неудовольствіями на нихъ народа, рознью между лучшими и меньшими людьми, или по инымъ причинамъ.

Въ то время, когда въ Новгородѣ крѣпло и расширялось самоуправленіе, въ Москвѣ при сынѣ Василія Темнаго утверждался новый порядокъ—самодержавіе. Новгородцы стали чувствовать его могущество и, изъ боязни попасть рано или поздно подъ его силу, стали пересылаться съ литовскимъ княземъ Казимиромъ, въ сторону, котораго особенно тянула извѣстная и богатая въ Новгородѣ семья Борецкихъ. Великій князь Московскій послалъ предупредить новгородцевъ, чтобъ они держали его имя „честно и грозно“, но новгородцы не послушались и, заключивши съ Литовскимъ княземъ договоръ, что „онъ держитъ Великій Новгородъ по старинѣ въ волѣ мужей вольныхъ и цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду“, отправили къ Казимиру пословъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Іоаннъ Великій выслалъ противъ новгородцевъ отрядъ москвичей до 4.000 человѣкъ подъ начальствомъ князя Холмскаго; около рѣки Шелони этотъ отрядъ встрѣтилъ Новгородскую рать до 40.000 и, несмотря на такое превосходство, Холмскій напалъ на новгородцевъ и разбилъ ихъ на голову; они потеряли 12.000 убитыми, 1.700 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ взятъ и посадникъ Борецкій, захвачена была также и договорная грамота Новгорода съ Казимиромъ. Іоаннъ взялъ съ Новгорода откупъ 15.000 руб. и, подтвердивъ свои права на него, возвратился въ Москву. Но въ концѣ 1477 г., узнавъ о неисполненіи его условій и свергнувъ татарское иго, онъ вновь пришелъ съ полками наказать Новгородъ. Когда посланные владыки и бояре прислали Іоанну повинную, онъ имъ сказалъ: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ“. Послы просили объявить имъ, какъ онъ желаетъ государствовать въ Новгородѣ, потому что они московскаго обычая не знаютъ.

—„Для того, чтобы Новгородъ уподобился Москвѣ,—отвѣтилъ великій князь,—въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, ни вѣчевого колокола, должна быть одна власть государева“.

6 дней думали новгородцы и наконецъ покорились Іоанну. Сторонники Казимира Литовскаго Марѳа Борецкая со внукомъ были отосланы на заключеніе въ Москву, туда же отправили и древній вѣчевой колоколъ, повѣшенный для звона вмѣстѣ съ другими колоколами на Ивановской колокольнѣ. Послѣ того 50 семей лучшихъ купцовъ переведено было во Владиміръ, 100 крамольниковъ было казнено, а до 7.000 купцовъ и семей черныхъ людей разведено по разнымъ посадамъ, на ихъ мѣсто высланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ дѣти боярскіе и купцы.

„И тако конечне укроти Великій Новгородъ“, — говоритъ лѣтописецъ.

Въ царствованіе Грознаго, послѣ учрежденія опричнины, царь по слухамъ, что новгородцы хотятъ отдаться польскому королю, въ началѣ января 1570 г. явился въ Новгородѣ, и вотъ въ продолженіе пяти недѣль начались жестокія казни: обвиненныхъ бросали въ Волховъ, связавши руки и ноги, а младенцевъ привязывали къ матерямъ; чтобъ никто не могъ спастись, стрѣльцы на лодкахъ ѣздили по Волхову и баграми, и рогатинами всплывавшихъ погружали въ глубину (Волховъ у моста не замерзаетъ и зимою). Царь уѣхалъ 13 февраля, но наведенный имъ ужасъ былъ такъ великъ, что когда 15 мая 1571 г. послѣ службы въ одной изъ церквей стали звонить въ колокола, на народъ напалъ таинственный страхъ: всѣ побѣжали въ разныя стороны, толкая другъ друга, не зная, куда бѣгутъ, а купцы собственными руками отдавали безденежно товары первому попавшемуся.

Послѣднимъ блескомъ минувшей славы озарился Новгородъ при взятіи его шведами въ Смутное время, показавъ примѣръ преданности православію и родинѣ. Софійскій протопопъ Аммосъ съ нѣсколькими новгородцами заперся въ своемъ дворѣ, долго бился съ шведами, избивая ихъ множество. Аммосъ былъ подъ запрещеніемъ у митрополита Исидора; тотъ въ это время служилъ молебенъ на городской стѣнѣ, видѣлъ подвигъ Аммоса, заочно простилъ и благословилъ его. Озлобленные шведы зажгли домъ, и Аммосъ съ товарищами погибли въ пламени, продолжая убивать шведовъ, ни одинъ не отдавшись живымъ.

Послѣ Столбовскаго мира Новгородъ былъ возвращенъ Россіи и съ тѣхъ поръ въ титулѣ русскихъ государей читается на третьемъ мѣстѣ.

И. С. Бѣляевъ.

Семь лѣтъ неурожайныхъ [1]).

(Изъ исторіи Самарскихъ голодовокъ).

(Окончаніе).

IV.

Несмотря на точныя данныя о положеніи губерніи, извѣстномъ министерству и засвидѣтельствованномъ не одними только сухими оффиціальными отчетами, губернаторъ Климовъ въ своемъ представленіи увѣрилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что Самарскій край только на половину пострадалъ отъ недорода, а въ Ставропольскомъ и Новоузенскомъ уѣздахъ совсѣмъ нѣтъ нуждающихся. Вслѣдствіе этого, по постановленію Комитета Министровъ, 30 ноября, Высочайше было разрѣшено отпустить Самарскому земству изъ Имперскаго продовольственнаго капитала (сверхъ ранѣе выданныхъ 50 т. р.), лишь 1 милл. р., изъ коихъ 350 т. р. на продовольствіе [1]), а 650 т. р. на обсѣмененіе полей для жителей уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго, Бугульминскаго, Николаевскаго и Самарскаго. При этомъ было поставлено непремѣнное условіе, чтобы пособія выдавались не деньгами, а хлѣбомъ, закупка котораго возлагалась на губернскую и уѣздныя земскія управы. Было, впрочемъ, дозволено производить закупку и сельскимъ обществамъ, но при условіи уплаты денегъ за купленный хлѣбъ земскими управами „по удостовѣреніи въ его доброкачественности и доставкѣ на мѣсто“. Сѣмянной же хлѣбъ велѣно ссыпать въ общественные амбары, дабы онъ „хранился тамъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1909 г.

[2]) А между тѣмъ, губернская управа до 1 декабря успѣла израсходовать на продовольствіе голодающихъ, кромѣ министерскихъ 50 т. р., свыше 97 т. р. поступившихъ пожертвованій и 80 т. р. изъ остатковъ губернскаго земскаго сбора, и все-таки не могла удовлетворить и половины требованій нуждающихся, „число коихъ все увеличивалось“ („Самар. Губ. Вѣд“. 1873 г. № 73).

до времени посѣва, подъ отвѣтственность волостного и сельскаго начальства и подъ наблюденіемъ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ управъ“ съ тѣмъ, чтобы „заблаговременно до начала сѣва была удостовѣрена земскими управами „при участіи выборныхъ крестьянъ“ его доброкачественность и пригодность“.

Правительство согласилось разсрочить земству на 15 лѣтъ только продовольственную ссуду, начавъ уплату ея по истеченіи 3-хъ лѣтъ, съ начетомъ послѣ этого срока 3%. Ссуду же на обсѣмененіе полей было указано возвратить непремѣнно изъ урожая 1874 года.

Комитетъ Министровъ разрѣшилъ также выдачу безплатныхъ паспортовъ и пріостановку по всей губерніи принудительныхъ мѣръ къ взысканію податей и недоимокъ до снятія урожая 1874 г., но отклонилъ ходатайство объ освобожденіи отъ рекрутскаго набора жителей болѣе пострадавшихъ уѣздовъ Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго, въ виду какихъ-то „особыхъ соображеній“. (Можетъ быть для того, чтобы избавить часть взрослыхъ ѣдоковъ отъ дарового прокорма). Не было дано со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ никакого толчка по возбужденныхъ имъ же вопросамъ о пониженіи размѣра податей, расширеніи крестьянскаго землепользованія и проч. Только немного позднѣе, (29 декабря), должно быть, въ заботѣ о народной нравственности и подъемѣ экономическаго упадка населенія, было издано повелѣніе „о прекращеніи раздробительной продажи питей въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая“.

Сообщая (3 декабря) самарскому губернатору о такомъ постановленіи Комитета Министровъ, ген.-адъютантъ Тимашевъ одновременно сдѣлалъ сношеніе съ министромъ финансовъ о переводѣ по телеграфу милліона руб. въ Самарскую казенную палату для отпуска губернской земской управѣ [1]).

Губернатору Климову было поручено наблюденіе за правильностью дѣйствій земскихъ управъ по заготовкѣ хлѣба, „съ предоставленіемъ ему права, въ случаяхъ мѣръ, несоотвѣтствующихъ предписаннымъ условіямъ, приступать къ исполнительнымъ распоряженіямъ собственной властью, примѣнительно къ предоставленному губернатору по закону праву при неисполненіи земскими учрежденіями обязательныхъ постановленій“.

Мало этого. Давая широкія полномочія губернатору, правительство, однако, видимо, не вполнѣ было увѣрено въ его компетенціи

[1]) „Правительств. Вѣстникъ“, 1873 г., № 254.

въ этомъ дѣлѣ, что чрезъ недѣлю (7 декабря) издало новое повелѣніе объ учрежденіи въ Самарѣ особаго центральнаго совѣщательнаго комитета „для наиболѣе правильнаго и точнаго исполненія возложенныхъ на губернатора обязанностей по наблюденію какъ за дѣйствіями земскихъ управъ, такъ и за расходами поступающихъ въ земство и дамскій комитетъ Краснаго Креста пожертвованій“.

Въ составъ комитета вошли (кромѣ губернатора) губернскій предводитель дворянства Д. А. Мордвиновъ, вице-губернаторъ В. В. Лукошковъ, управляющіе мѣстными государственными имуществами П. В. Алабинъ (извѣстный самарскій исторіографъ) и удѣльной конторой П. А. Рихтеръ, предсѣдатель губернской земской управы П. С. Крыловъ, самарскій уѣздный предводитель дворянства Н. А. Путиловъ, помѣщики: С. В. Бороздинъ, Г. А. Городецкій и В. Г. Пустошкинъ, городской голова М. И. Назаровъ и купцы: М. И. Гладковъ, Андрей и Иванъ Өед. бр. Духиновы, И. В. Константиновъ и С. У. Субботинъ.

Открывая 26 декабря свои дѣйствія, комитетъ призналъ необходимымъ „для приданія дѣлу вспомоществованія болѣе правильной организаціи“, прежде всего собрать самыя точныя свѣдѣнія о голодовкѣ и числѣ нуждающихся, такъ какъ, по мнѣнію губернатора, въ спискахъ, „составленныхъ присяжными отъ сельскихъ обществъ и доставленныхъ волостными правленіями въ земскія управы, было включено много людей состоятельныхъ и въ пособіи не нуждающихся“.

Провѣрка списковъ была поручена уѣзднымъ управамъ съ тѣмъ, чтобы для опредѣленія размѣровъ дѣйствія они пригласили участвовать въ этомъ дѣлѣ „всѣхъ мѣстныхъ жителей, близко знакомыхъ съ положеніемъ и нуждами населенія“. Списки указано составить такъ, чтобы въ 1-й разрядъ были включены всѣ тѣ, кто нуждается въ продовольствіи и сѣмянномъ хлѣбѣ, во 2-мъ—нуждающихся лишь въ продовольствіи и въ 3-хъ — имѣющихъ нужду въ зернѣ для посѣва.

За норму было принято выдавать на каждаго ѣдока по 1 пуду ржи въ мѣсяцъ; для обсѣмененія же полей—по 3 п. зерна (безъ различія сорта хлѣба) на каждую ревизскую душу, дабы можно было засѣять полдесятины земли. При этомъ на первыхъ порахъ Совѣщательный Комитетъ опредѣлилъ выдавать пособіе на прочихъ ѣдоковъ семьи, кромѣ взрослыхъ работниковъ. Исключеніе допускалось лишь въ болѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ, но не иначе, какъ по указанію земскихъ управъ и только на тѣхъ взрослыхъ членовъ, если у нихъ не было никакого скота и если на каждаго работника приходилось не менѣе двухъ ѣдоковъ. При наличности скота, посо-

біе соизмѣрялось такъ, если на каждаго ѣдока приходилось двѣ или болѣе головы мелкаго скота, то пособіе не выдавалось совсѣмъ, и такія семьи исключались изъ списковъ нуждающихся; если же на душу приходилось „болѣе одной, но менѣе двухъ головъ“, то вспомоществованіе разрѣшалось въ половинномъ размѣрѣ. При одной головѣ скота пособіе сокращалось на одну четверть, а при количествѣ менѣе 1-й головы на ѣдока,—выдавалось въ нормальномъ размѣрѣ. Крупный скотъ не свыше 3-хъ головъ на каждаго въ семьѣ работника въ разсчетъ не принимался; свыше же этого числа каждая крупная скотина, при опредѣленіи пособій,считалась за 6 головъ мелкаго скота.

Опытъ показалъ однако, что такія правила, красивыя на бумагѣ, были совсѣмъ неудовлетворительными на практикѣ. Отказывая въ выдачѣ пособій семьямъ, имѣющимъ въ большемъ противъ опредѣленной нормѣ количествѣ скота, Совѣщательный Комитетъ вынуждалъ тѣмъ голодающихъ продавать за безцѣнокъ какъ будто лишнюю худобу для прокормленія себя и тѣмъ окончательно подрывать свое немудрое хозяйство. Можно смѣло сказать, что если бы не была въ тотъ годъ широко организована частная благотворительность и плодотворная дѣятельность комитета Краснаго Креста, разсыпавшаго щедрой рукой подаянія неимущимъ, зная, что взрослый человѣкъ безъ заработка безпомощнѣе дитяти, и невзирая на то, имѣетъ онъ скотину или нѣтъ,—то при подобныхъ условіяхъ добрая половина пострадавшихъ семей разорилась бы и не могла начать весеннюю пахоту.

Въ февралѣ Совѣщательный Комитетъ впрочемъ отказался отъ этой своей „экономической“ мѣры и сталъ выдавать пособіе безъ различія пола и возраста и на имѣющихъ скотъ, но только по 20 ф. на ѣдока, „дабы у земскихъ управъ всегда оставалась въ запасѣ нѣкоторая часть хлѣба на случай крайней необходимости въ увеличеніи этой пропорціи какимъ-либо отдѣльнымъ лицамъ, особенно нуждающимся“ [1]).

Послѣднее распоряженіе было вызвано отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Комитетъ надѣется въ теченіе мѣсячнаго срока получить отъ земскихъ управъ обратно исправленные списки голодающихъ. И поэтому губернаторъ распорядился выдать пособіе на ранѣе зарегистрованныхъ 729.511 душъ нуждающихся только на мѣсяцъ. Но уѣздныя управы доставили списки лишь по прошествіи трехъ мѣсяцевъ и съ тѣми же недостатками, какъ и прежніе.

Между прочимъ, губернская управа, разсчитывая на уменьше-

---

[1]) Журналъ Совѣщ. Комитета 5 февраля 1874 г.

ніе голодающихъ, не заготовила достаточнаго количества хлѣба, чтобы удовлетворить всѣхъ нуждающихся. До 26 декабря она отправила въ Бузулукскій уѣздъ 156.833 р., Бугурусланской управѣ 231.389 р., Бугульминской 67.965 р., Николаевской 74.680 р. и Самарской 17.547 р. Кромѣ того ею было куплено на счетъ правительственной ссуды 199.235 п. сѣмянной ржи и заподряжено у саратовскаго купца Плотникова 450 т. п. по 80 к. пудъ съ доставкой на мѣста и съ тѣмъ условіемъ, что, если хлѣбъ обойдется дешевле этой цѣны, то комиссіонеръ обязывался возвратить остатокъ въ управу, если же дороже, то происшедшую отъ повышенія цѣны разницу Плотниковъ принималъ на себя. Изъ этого количества управа успѣла отправить въ декабрѣ лишь 3 т. п. въ Николаевскій уѣздъ и 30 т. п. по требованію Бузулукской управы. Остальныя 166 тыс. пуд. ржи „находились на лицо въ разныхъ мѣстахъ около Самары“ безъ движенія, ибо не на чемъ было перевезти ихъ, такъ какъ у большинства населенія не имѣлось лошадей, а состоятельные крестьяне требовали за свозъ непомѣрныя цѣны.

Тогда губернаторъ Климовъ возбудилъ (28 декабря) ходатайство „о предоставленіи ему и земскимъ управамъ права требовать, чрезъ волостныя правленія, обязательнаго, въ видѣ общественной повинности, наряда подводъ въ предѣлахъ уѣзда на разстояніи, 40 верстъ безплатно, а свыше этого разстоянія по 7 коп. съ пуда за каждыя сто верстъ“. И только благодаря этой, Высочайше одобренной, мѣрѣ, заготовленный хлѣбъ могъ быть доставленъ на мѣста продовольствія въ декабрѣ и январѣ.

Въ то время дѣло продовольствія населенія для многихъ было новое и при томъ очень кропотливое, требовавшее большой опытности, энергіи и распорядительности. Нѣкоторыя земскія управы, благодаря обширности своихъ уѣздовъ и при недостаткѣ наличныхъ силъ своихъ служащихъ, не могли справиться съ возложенной на нихъ задачей, а пригласить въ помощь себѣ заслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ дѣятелей онѣ почему-то не хотѣли. Вслѣдствіе этого происходило не мало недоразумѣній. Напримѣръ, Бузулукская и Николаевская управы, въ противность Высочайшему повелѣнію, производили раздачу пособій частію деньгами, были случаи, что нѣкоторые крайне нуждающіеся не получали никакого пособія, тогда какъ многія состоятельныя семьи въ теченіе января получали два пособія, разъ деньгами и другой разъ хлѣбомъ. Наконецъ, происходили такіе курьезы: жившимъ въ селахъ мѣщанамъ и мастеровымъ выдавалась безвозвратная ссуда, тогда какъ безсрочно отпускныхъ и отставныхъ солдатъ земскія управы не признавали членами крестьянскихъ обществъ и въ пособіяхъ имъ отказывали, хотя, по закону,

они „имѣли съ крестьянами одинаковыя права на попеченіе правительства и земства о ихъ благосостояніи“ [1]).

Въ началѣ января Бузулукская управа писала губернатору, что „при отсутствіи точныхъ данныхъ о размѣрахъ дѣйствительной нужды населенія“ и недостаточности состава управы для нея „организація этого сложнаго дѣла на правильныхъ основаніяхъ представляетъ весьма серьезный и разнообразный трудъ, требовавшій особенно внимательнаго отношенія къ дѣлу“. Климовъ командировалъ въ Бузулукъ члена Совѣщательнаго Комитета П. В. Алабина, но одинъ онъ уже не могъ исправить управскихъ счетовъ. Тогда по Высочайшему повелѣнію, управа была отстранена отъ дѣла, а „исполненіе дѣйствій по обезпеченію продовольствіями уѣзда“ было возложено на особую комиссію въ составѣ старшаго совѣтника губернскаго правленія Капачинскаго, двухъ мировыхъ посредниковъ, исправника, лѣсничаго, нѣсколькихъ помѣщиковъ и одного члена той же управы [2]).

Исполняя на первыхъ порахъ функціи распорядительнаго органа, Совѣщательный Комитетъ, къ сожалѣнію, мало обращалъ вниманія на внутреннюю организацію продовольственнаго дѣла по уѣздамъ и не вѣдалъ, какія суммы поступаютъ въ земскія управы, и какъ ими расходуются. Благодаря этому и происходила несвоевременная раздача пособій. „Уѣздныя управы распоряжались медленно, нѣкоторые мировые посредники не исполняли точно своихъ обязанностей“. Послѣдствіемъ того была „поздняя выдача вспомоществованій, заставившая многихъ крестьянъ для прокормленія своихъ семействъ распродать за безцѣнокъ рабочій скотъ, лишивъ ихъ средствъ сдѣлать весенній посѣвъ“ [3]). Лишь спустя два мѣсяца, по указанію прибывшаго въ Самару по Высочайшему повелѣнію ген.-адъютанта Н. М. Яфимовича, „для болѣе удобнаго наблюденія за правильнымъ употребленіемъ и распредѣленіемъ поступающихъ въ пособіе ссудъ и пожертвованій, Совѣщательнымъ Комитетомъ была избрана особая комиссія, въ составѣ д. с. совѣтниковъ Рихтера и Алабина и купца Гладкова, которая къ 29 января выработала правила, чтобы по каждому уѣзду были заведены отдѣльныя книги, куда, по мѣрѣ поступленія, заносились всѣ свѣдѣнія о порядкѣ повѣрки списковъ нуждающимся. На каждое селеніе отводилась особая страница. „По соображеніи означеннаго въ спискахъ срока, на который требовалось пособіе и установленнаго Центральнымъ Комитетомъ размѣра,

---

[1]) „Самарскія Губернск. Вѣд.“ 1874 г., № 7.

[2]) Тамъ же, № 16.

[3]) Изъ доклада ген.-адъютанта Яфимовича Государю Императору.

въ книгу вносилась общая цифра потребнаго для населенія количества хлѣба какъ на продовольствіе, такъ и на обсѣмененіе полей, и потомъ отмѣчалось, сколько по каждому селенію выдано пособія отъ земства, сколько изъ другихъ источниковъ. Для этого требовалось отъ волостныхъ правленій, чтобы два раза въ мѣсяцъ къ 1 и 15 числамъ они представляли въ комитетъ краткія о томъ свѣдѣнія. А чтобы провѣрить правильность доставленныхъ свѣдѣній и правильность распредѣленія пособій, обязали и уѣздныя земскія управы доставлять къ тѣмъ же числамъ подробныя данныя о высланномъ въ селенія количествѣ хлѣба за тотъ же періодъ. Канцелярія комитета по этимъ свѣдѣніямъ два раза въ мѣсяцъ составляла отчеты, которые печатались въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“.

Прибывшій въ Самару съ спеціальной цѣлью на мѣстѣ провѣрить степень нужды населенія и ознакомиться съ дѣятельностью земскихъ управъ въ отношеніи облегченія участи голодающаго люда, ген.-адъют. Яфимовичъ, въ сопровожденіи адъютанта, объѣхалъ большую часть пострадавшихъ селеній Бузулукскаго, Бугурусланскаго и Николаевскаго уѣздовъ, помогая особенно нуждающимся деньгами изъ суммъ, лично переданныхъ ему Государемъ Императоромъ. Многія сельскія общества прислали ему потомъ благодарственные адресы. И въ церквахъ тѣхъ селеній, гдѣ онъ раздавалъ пособія, были отслужены молебны о здравіи Царя и Августѣйшаго Дома. Крестьяне выразили чувства благоговѣйной признательности обожаемому монарху за его милости [1]).

Ознакомившись подробно съ размѣрами крестьянской нужды, г.-а. Яфимовичъ вынесъ убѣжденіе, что только дружными усиліями самихъ крестьянъ „для снабженія общими средствами такъ называемыхъ сборныхъ плуговъ“ и при своевременной не позднѣе 15 марта доставкѣ ярового зерна на мѣста, „дабы во время распутицы и полевыхъ работъ, продолжающихся до 10—15 мая, крестьяне не были отвлекаемы отъ обязательной перевозки хлѣба“, они могли „сохранить силы рабочаго скота“ и засѣять свои поля, если ссуда на обсѣмененіе будетъ дана въ достаточномъ количествѣ.

Къ сожалѣнію, Совѣщательный Комитетъ, сокращая до minimum'а безъ всякаго видимаго основанія и точныхъ цифровыхъ данныхъ, по измышленной имъ самимъ вышеуказанной нормѣ, число голодающихъ, понизилъ количество нуждающихся съ 729 т. до 626.400 душъ. Но и несмотря на такое произвольное уменьшеніе дѣйствительнаго числа неимущихъ даже по приблизительнымъ подсчетамъ оказалось, что разрѣшенной правительствомъ ссуды не

[1]) „Самар. Губерн. Вѣдом.“, 1874 г., № 10.

достанетъ для удовлетворенія большой части поселянъ, особенно на обсѣмененіе полей.

Губернская управа успѣла (въ декабрѣ) обезпечить зерномъ для посѣва лишь уѣзды Бугурусланскій и Бугульминскій. На остальные же три уѣзда (Бузулукскій, Николаевскій и Самарскій) требовалось еще не менѣе 600 т. п. зерна, тогда какъ въ земской кассѣ изъ выданной на этотъ предметъ ссуды осталось денегъ едва на покупку 500 т. п. (по 1 р. 60 к. пудъ). Недоставало, слѣдовательно, больше 160 т. р. Да нужно было купить свыше 250 т. п. соли на потребность какъ людей, такъ и скота для сдабриванія скудной пищи, о чемъ, видимо, и не сообразилъ въ своихъ представленіяхъ самарскій губернаторъ. Это количество соли съ платежомъ въ казну акциза 23 коп. и 4 коп. попудныхъ за выработку денегъ и доставкой изъ Илецкой защиты (въ 62 верс. отъ Оренбурга) въ Самару обошлось бы въ 85 т. р. Совѣщательный Комитетъ однако сумѣлъ найти выходъ изъ такого тяжелаго положенія. Сначала возбудилъ ходатайство о сложеніи акциза съ соли, а затѣмъ обратился къ арендатору Илецкихъ соляныхъ копей Первушину о возможномъ уменьшеніи цѣны на нее. Послѣдній согласился „для общаго блага“ уступить требуемое количество по 5 к. за пудъ, такъ что соль съ доставкой до мѣстъ потребленія обошлась въ 17.330 р. и была роздана крестьянамъ безплатно, ибо израсходованную на покупку ея сумму комитетъ отнесъ на счетъ частныхъ пожертвованій [1]).

Что же касается недостачи денегъ на покупку зерна для обсѣмененія полей, то губернаторъ Климовъ, помня, какое заключеніе далъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ о самарскомъ недородѣ, никакъ не рѣшался самъ хлопотать о новой ссудѣ. Только по настоянію Совѣщательнаго Комитета и ген.-адъютанта Н. М. Яфимовича, 29 декабря было возбуждено ходатайство объ отпускѣ заимообразно еще 250 т. руб.

Но ссуда эта была разрѣшена правительствомъ только 11 марта (съ непремѣннымъ условіемъ расходовать ее съ вѣдома и по указанію Совѣщательнаго Комитета). А время не ждало. Ген.-адъютантъ Яфимовичъ, отъ имени Государя Императора, настойчиво понуждалъ произвести заготовку сѣмяннаго хлѣба возможно скорѣе. Совѣщательный Комитетъ былъ поставленъ такимъ образомъ въ затрудненіе, откуда взять недостающую сумму, чтобы исполнить Высочайшую волю.

Единственной солидной хлѣбной фирмой въ Самарѣ, пользовавшейся громаднымъ довѣріемъ по всему поволжью и въ обѣихъ сто-

---

[1]) „Журналъ Совѣщ. Комит.“ 8 января 1874 г.

лицахъ, которая могла бы взяться за 200 тысячный подрядъ съ обожданьемъ уплаты денегъ, были братья Духиновы. 2 января Климовъ пригласилъ старшаго представителя этой фирмы Андрея Ѳедоровича Духинова на засѣданіе Совѣщательнаго Комитета. Узнавъ о грустномъ положеніи земства по заготовкѣ сѣмянного хлѣба, Духиновъ заявилъ (приводимъ подлинныя слова, какъ они занесены въ протоколъ совѣщанія):

— Я берусь за дѣло лишь въ виду всенародно выраженнаго всемилостивѣйшаго монаршаго участія къ положенію пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи, не ради коммерческихъ выгодъ и наживы, но движимый чувствомъ вѣрноподданническаго задушевнаго желанія исполнить священную волю Его Величества и успокоить скорбящее о судьбахъ своего народа материнское сердце Государыни Императрицы.

Сначала Духинову было предложено доставить 200 т. п. сѣмянной пшеницы менѣе цѣнныхъ сортовъ—русской, саксонки или перерода, смотря по тому, какъ это, по наличному состоянію рынка, окажется удобнымъ въ отношеніи доброкачественности сѣмянъ и выгодности покупной цѣны. Условія были поставлены такія:

По мѣрѣ заготовленія зерна, хлѣбъ принимается уѣздными управами съ участіемъ выборныхъ крестьянъ, по испытаніи всхожести его, если на 100 посѣянныхъ зеренъ невсхожихъ окажется менѣе 20-ти. Въ противномъ случаѣ хлѣбъ оставался за подрядчикомъ безъ всякаго со стороны земства вознагражденія за убытки.

При заключеніи условія Совѣщательный Комитетъ согласился выдать ему авансомъ 100 т. р. Но когда Духиновъ явился въ губернскую управу подписать контрактъ, то послѣдняя потребовала отъ него въ обезпеченіе выдаваемыхъ денегъ, въ видѣ залога, торговый вексель за поручительствомъ нѣсколькихъ лицъ. Отъ такого требованія Духиновъ отказался, настаивая на выдачѣ аванса подъ личную его росписку, иначе-де „не возможно съ успѣхомъ исполнить предложенную операцію, основанную на довѣріи, а не на коммерческомъ разсчетѣ на барышъ“.

Дѣло такимъ образомъ затягивалось. Духиновъ обратился съ жалобой въ Комитетъ. На засѣданіи 8 января, въ присутствіи ген.-адъютанта Яфимовича, Комитетъ призналъ опасенія управы основательными, но въ то же время, „принимая во вниманіе выраженныя Духиновымъ нравственныя основанія, побудившія его принять на себя поставку хлѣба, извѣстную солидность этой фирмы, общее къ ней довѣріе въ торговомъ мірѣ и личныя качества Андрея Ѳедоровича: его опытность въ дѣлахъ коммерческихъ и полное знакомство со всѣми условіями приволжскихъ хлѣбныхъ рынковъ, на-

шелъ, что требованіе обезпеченія „столь незначительнаго по размѣрамъ операціи аванса“ имѣло бы видъ какъ бы недовѣрія къ дѣйствіямъ Духинова въ самомъ началѣ ихъ, что̀ несомнѣнно повредило бы успѣху операціи и совершенно измѣнило бы ея характеръ“. Комитетъ поэтому „единогласно“ рѣшилъ выдать ему ассигнованныя деньги безъ залога, съ чѣмъ согласился и ген.-адъютантъ Яфимовичъ.

15 января Духиновъ сообщилъ комитету, что имъ произведена закупка 400 т. п. сѣмянъ, и часть уже доставлена въ Самару. Но губернская управа медлила пріемкой и стѣсняла его „своевременной выдачей“ суммъ, необходимыхъ для успѣшной закупки остального количества хлѣба. Оказалось, что управа поздно сдѣлала распоряженіе о вызовѣ выборныхъ отъ крестьянъ для испытанія всхожести сѣмянъ, которыя должны быть приняты по истеченіи опредѣленнаго срока [1]), и отказывала въ выдачѣ денегъ Духинову потому, что онъ не представилъ ей письменнаго заявленія „съ указаніемъ, какое количество, какого сорта хлѣба и гдѣ имъ закуплено“, безъ чего управа не могла-де опредѣлить размѣра подлежащей къ выдачѣ суммы, хотя на самомъ дѣлѣ Духиновъ еще нѣсколько дней раньше далъ знать Совѣщательному Комитету, что имъ закуплено пшеницы русской или саксонки 100 т. п., перерода 50 т. п., проса 75 т. п., овса и ячменя 175 т. п. Объявлять же цѣны, за которыя подряженъ имъ хлѣбъ, по коммерческимъ соображеніямъ, онъ считалъ неудобнымъ до полнаго окончанія всей операціи по заготовкѣ сѣмянъ.

Прижимка управы и на этотъ разъ не удалась. Комитетъ категорически потребовалъ ускорить пріемку зерна и, „по мѣрѣ закупки его, немедленно развозить въ нуждающіеся уѣзды, дабы заранѣе отстранить неминуемыя затрудненія при одновременной разсылкѣ всего количества закупленнаго хлѣба изъ главныхъ складовъ на мѣста назначенія, и при томъ по послѣднему зимнему пути, когда одинъ или два дня оттепели могутъ совершенно испортить дорогу [2])“.

По контракту съ управой Духинову было указано, чтобы покупная цѣна пшеницы не превышала 1 р. 85 коп. и остальныхъ хлѣбовъ 95 коп., съ тѣмъ, чтобы было куплено 100 т. п. саксонки или русской и только 50 т. п. перерода, съ доставкой на мѣста обязательно къ 15 марта, при чемъ за перевозку въ уѣздные склады была обусловлена особая плата по дѣйствительной стоимости. Но Духиновъ произвелъ эту операцію гораздо успѣшнѣе, купивъ перерода

---

[1]) На испытаніе всхожести зерна было положено отъ 3 до 7 дней.

[2]) Журналъ Совѣщательнаго Комитета 18 января 1874 г.

103.142 п. по 1 р. 75 коп., русской 9.719 п.—по 1 р. 23 коп., саксонки 50 т. п. по 1 р. 20 к., овесъ съ провозомъ и кулями 101.842 п. обошелся около 76 к. пудъ, ячмень 12.295 п.—83 1/5 к. пудъ, просо 53.588 п. по 89 к. и греча—5.686 п. около 85 к. пудъ, такъ что противъ назначенныхъ цѣнъ получилось экономіи 74.939 р., которые цѣликомъ остались у земства.

Вся партія этого хлѣба была доставлена въ Самару ранѣе срока, при чемъ изъ 100 зеренъ, вмѣсто обусловленныхъ 20, въ среднемъ оказалось не болѣе 6 невсхожихъ. Совѣщательный Комитетъ въ засѣданіи 26 апрѣля выразилъ Духинову свою благодарность, постановивъ опубликовать о томъ „во всеобщее свѣдѣніе“.

Остальные 100 т. п. сѣмянной пшеницы для Николаевскаго уѣзда были закуплены мѣстнымъ исправникомъ у саратовскихъ купцовъ Либиха и Рено по 1 р. 25 коп. пудъ.

Такимъ образомъ сѣмянный хлѣбъ весь былъ доставленъ на мѣста ранѣе назначеннаго срока и розданъ посѣвщикамъ.

Къ 1 апрѣля 1874 г. Совѣщательный Комитетъ закончилъ всѣ работы по распредѣленію пособій и удовлетворенію нуждъ голодающихъ.

На обсѣмененіе полей было выдано земствамъ на 228.050 ревизскихъ душъ 718.840 пуд. зерна, на продовольствіе хлѣбомъ 1.106.560 п. и деньгами 162.519 р. на 452.826 челов., кромѣ того осталось къ 1 апрѣля не роздано посѣвного проса 14.756 п. и продовольственнаго хлѣба 208.218 п.

За это время, помимо продовольственной ссуды въ 1.450 руб., было собрано земскими управами пожертвованій 950.840 р. 60 1/2 к. [1]). Израсходовано изъ суммъ правительственной ссуды на продовольствіе 592.812 р. 11 3/4 к., за сѣмена 715.782 р. 10 к. и на соль 17.330 р., изъ частныхъ пожертвованій на продовольствіе 362.243 р. 87 1/4 к., за сѣмянной хлѣбъ 68.859 р. 93 к., роздано денежныхъ вспомоществованій 239.967 р. 59 1/4 к. [2]), перевозка хлѣба, почтовые и проч. расходы 173.447 р. 46 к. Такимъ образомъ отъ ссуды осталось 114.975 р. 78 1/4 к. и отъ пожертвованій 1.954 р. 52 к. Кромѣ того, было собрано непосредственно губернаторомъ 137.631 р.

---

[1]) Пожертвованія поступали и послѣ этого времени: до 25 сентября собрано еще 57.131 р. 63 1/2 к.

[2]) Изъ этого числа духовн. консисторіи на пособіе духовенству и крестьянскимъ сиротамъ 7.113 р. 90 1/2 к., въ земскія управы (до 18 декабря) Бузулукскую—133.761 р. 19 к., Николаевскую 52.408 р., Бугурусланскую 21.472 р. 70 к., Ставропольск. и Новоузенск. 25.212 р. 78 к.

27¼ к. [1]), изъ коихъ остались неизрасходованными 19.147 р. 27½ к.

Если сюда прибавить суммы, собранныя дамскимъ комитетомъ, епархіальнымъ начальствомъ, дворянствомъ и частными лицами, то Самарская голодовка 1873 г. стоила болѣе 3-хъ милл. р.

Хотя многіе крестьяне не имѣли лошадей, а у другихъ рабочій скотъ былъ сильно истощенъ голодовкой, однако кое-какъ, по нѣсколько семей въ складчину, засѣяли сельчане свои убогія поля. Весна благопріятствовала сѣву. Перепадали дожди. Теплый май ускорилъ всходы. Отовсюду изъ уѣздовъ шли самыя утѣшительныя вѣсти о ростѣ хлѣбовъ и травъ. Народъ воспрянулъ духомъ. Послѣ ниспосланныхъ тяжелыхъ испытаній, первой мыслью обрадованныхъ самарцевъ было желаніе возблагодарить Творца Вселенной „довершить въ благополучіи все, ниспосланное Господомъ“.

По постановленію Самарской Думы, въ воскресенье 23 іюня, въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи мѣстныхъ властей и громадномъ стеченіи горожанъ, преосвященнымъ Герасимомъ въ сослуженіи всего городского духовенства была совершена торжественная литургія, послѣ которой состоялся крестный, кругъ города, ходъ съ колѣнопреклоненными молебнами на Хлѣбной площади, на большой дорогѣ (въ трехъ верстахъ отъ города) у часовни Николаевскаго монастыря и на Алексѣевской (городской) площади.

Всѣ лавки, магазины, питейные дома въ этотъ день были закрыты. На улицахъ царила благоговѣйная тишина, нарушаемая только перезвономъ колоколовъ и пѣніемъ молящихся.

Урожай вышелъ небывалый. Мужички вздохнули. Не менѣе ихъ съ облегченнымъ сердцемъ радовались концу бѣдствіямъ и другія сословія. Состоявшееся 29 сентября 1874 г. очередное Губернское Земское Собраніе прежде всего рѣшило повергнуть чувства искренней признательности Государю, Государынѣ и Цесаревичу съ Супругой за оказанную населенію помощь. Выражая Его Величеству „безпредѣльныя чувства любви и благодарности за милости, изліянныя на самарскій край“, земцы говорили въ телеграфномъ адресѣ:

„Пройдутъ вѣка и съ памятью о бѣдствіи, насъ постигшемъ, будетъ связано въ благодарныхъ сердцахъ нашихъ потомковъ благословеніе Великому имени Того, Кто не только обновилъ русскую землю, но

---

[1]) Изъ нихъ передано въ губернск. управу 65.763 р. 14 к., дамск. комитету 3.888 р. 49 к., преосв. Герасиму 1.323 р., губернск. предводителю дворянства 11 т. р., Алабину 200 р., самарск. городск. головѣ 3.320 р., исправникамъ, мировымъ посредникамъ и различнымъ благотворительнымъ обществамъ 31.244 р. 37 к. и непосредственно отъ себя роздано 1.845 р.

чье сердце сочувственно откликается на каждое проявленіе нужды народной.

„Прими, Государь, отъ представителей Самарскаго земства новое безпредѣльное выраженіе его всецѣлой любви и безграничной преданности“.

Въ посланномъ чрезъ министра Двора адресѣ Императрицѣ, земцы особенно подчеркивали то обстоятельство, „что материнское сердце Вашего Императорскаго Величества всецѣло отдалось святому дѣлу помощи пострадавшему населенію нашего края и что Самарскій дамскій комитетъ попеченія о раненыхъ воинахъ, состоящій подъ Высокимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ поданіи помощи бѣдствовавшему населенію нашего края.

„Ваше Императорское Величество своею живою помощью, вовремя поданною, своимъ дѣйствительнымъ участіемъ, неоднократно выраженнымъ, дали силу нашему краю перенесть испытаніе, ему ниспосланное свыше.

„Государыня! мы, пользуясь нашимъ здѣсь собраніемъ, осмѣливаемся заявить Вашему Императорскому Величеству, что не только все земство, котораго представителями мы имѣемъ счастіе быть предъ Вами, не только весь нашъ край, но и все отечество наше, выразившее намъ свое полное сочувствіе въ годину нашего бѣдствія, не престанемъ благословлять Ваше великое имя и молить Господа за благоденствіе Ваше и Вашего Августѣйшаго Дома“.

Государь повелѣлъ благодарить земцевъ за выраженныя чувства. Всѣ дѣятели по продовольствію потомъ удостоились Высочайшихъ наградъ и отличій.

Весной слѣдующаго 1875 г., въ память видимаго проявленія милости Божіей и избавленія края отъ бѣдствій голода, противъ вокзала строившейся въ то время Оренбургской желѣзной дороги, жители Самары соорудили каменную часовню во имя Иверской иконы Божьей Матери, куда ежегодно совершается крестный ходъ.

П. Юдинъ.

Андрей Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ) [1].

Отецъ перваго русскаго почтмейстера Андрей Денисьевичъ Виніусъ упоминается въ числѣ лицъ, пожалованныхъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ:

1629 г.

Въ прошломъ во 137 году, пожалованъ гостинымъ именемъ, за прибыль хлѣбныя покупки, Галанецъ торговый иноземецъ Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ [2]).

1631 г.

Во 139 (1631) году при Голландскихъ послахъ договорился (я) принять у Архангельскаго города сто тысячъ чети ржи самою большою цѣною безъ всякой хитрости и безъ прибыли, а за всякую четь въ Московскую мѣру платилъ я въ приказъ Государевы большіе казны по сороку по шести алтынъ по четыре деньги, а платилъ тѣ деньги всѣ ефимками, и въ той хлѣбной покупкѣ и въ ефимкахъ учинилъ я Государю прибыль больше ста тысячъ рублей [3]).

1631 г.

Виніусъ Андрей Денисовъ, голландскій купецъ. Получилъ въ 1631 г. право свободной торговли. Проситъ дозволенія имѣть въ Псковѣ дворъ и выписывать для Тульскихъ заводовъ мастеровъ. Посланъ въ Голландію за товарами. Его отношенія къ Марселису [4]).

---

[1]) Въ этихъ матеріалахъ разсматриваются данныя, касающіяся Андрея Денисьевича Виніуса, отца перваго русскаго почмейстера. Изслѣдованіе о сынѣ его Андреѣ Андреевичѣ Виніусѣ, сотрудникѣ Петра Великаго, составляетъ задачу послѣдующей статьи И. П. Козловскаго. *Ред.*

[2]) Дополн. Акт. Ист. т. V. с. 212.

[3]) „Москвитянинъ“ 1855 г. т. III. с. 154.

[4]) Бантышъ-Каменскій. Обз. Вн. Торг. Рос. IV. с. 299 Указ.

1632 г.

Съ 1632 года Виніусъ, отецъ бывшаго впослѣдствіи перваго Русскаго почтмейстера, съ братомъ своимъ Абрамомъ и Англичаниномъ Вилькенсономъ, занимался добываніемъ желѣза въ окрестностяхъ Тулы, и построилъ первый въ Россіи вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна, желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ. Во время основанія *Почтоваго Вѣдомства* эти желѣзные заводы принадлежали Петру Марселіусу, который послѣ Ивана фонъ-Сведена управлялъ почтовой администраціей [1]).

1632 г.

Виніусъ занимался разными коммерческими оборотами, а потомъ онъ приступилъ, какъ мы видимъ, къ желѣзному промыслу, по собственному его выраженію: для того „чтобы государю служить и себѣ вѣчную славу учинить“, при чемъ „выискалъ своею головою въ Россійскомъ Государствѣ всякое угодье и самую добрую желѣзную руду, и заводилъ заводы своимъ умомъ“ [2]).

1632 г.

При рѣкѣ Тулицѣ устроенъ былъ Голландцемъ Виніусомъ первый въ Россіи заводъ для литья чугунныхъ пушекъ и ядеръ, равно какъ и для передѣлки чугуна въ желѣзо, изъ котораго различныя, нужныя въ общежитіи вещи работались [3]).

1632 г.

Во время бытности Андрея Денисовича Виніуса въ 1632 г. въ Голландіи былъ вырѣзанъ на стали его портретъ. Гравюра эта нынѣ весьма рѣдка и извѣстна подъ названіемъ „Homme au pistolet“ [4]).

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ нужное для Россіи Свицкое желѣзо, ружейные стволы, чугунныя пушки и разные артиллерійскіе припасы привозились почти исключительно голландскими купцами, производившими въ то время главный иностранный торгъ въ Россіи чрезъ Архангельскій портъ. Легко понять, что сіи вещи обходились въ Москвѣ весьма дорого. Чугунныя пушки стоили пудъ по полтора рубля и болѣе, а за Свицкое желѣзо платили до

---

[1]) Фабриціусъ. с. 56.
[2]) Пекарскій. Наука и Литература въ Россіи I.
[3]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 1.
[4]) Фабриціусъ.

семидесяти копѣекъ за пудъ. Высокія сіи цѣны по тогдашнему времени заставили одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ Голландскихъ купцовъ, по имени Андрея Денисьевича Виніуса думать о построеніи въ Россіи вододѣйствующаго завода для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія по иностранному способу изъ чугуна. Учинивъ нужныя розысканія, онъ (обще съ братомъ своимъ Аврамомъ и съ купцомъ же Елисеемъ Юльевичемъ Вилькенсономъ) подалъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную о томъ, чтобы позволено было имъ построить въ окрестности Тулы таковой заводъ. На сіе воспослѣдовала 29 февраля 1632 года Государева Грамота, которою, согласно съ ихъ прошеніемъ, позволялось имъ между Серпуховымъ и Тулою на трехъ рѣчкахъ [1]).

Имѣя въ виду руду, находимую съ давнихъ временъ за Тулою въ Дедиловскомъ уѣздѣ, Виніусъ хотѣлъ, вѣроятно, построить домну для плавленія оной на упомянутой имъ въ своей челобитной рѣчкѣ Воронѣ, впадающей близъ города Тулы въ Упу; но послѣ того выбралъ онъ для сего въ Тульскомъ уѣздѣ рѣчку Тулицу, и именно тотъ изъ двухъ начальныхъ протоковъ оной, который нынѣ называется большею Тулицею [2]).

1632 (7140) г.

ГРАМОТА.

Пожалованная въ 1632 (7140) году Февраля 29, Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ Голландской земли гостю, Андрею Денисьевичу Виніусу и тороговымъ людямъ: брату его Авраму, и Елисею Ульянову Вылкенсу (Вилькенсону), на устройство перваго въ Россіи вододѣйствующаго желѣзнаго завода, на которомъ отливались и первыя чугунныя пушки и ядра.

Божіею милостію Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ Нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Галанскіе земли гостя Ондрѣя Денисьева сына Виниюса, да торговыхъ людей Аврама Денисьева сына Виниюса, да Елисѣя Ульянова сына Вылкенса, что били Намъ челомъ и Отцу Нашему Великому Государю Святѣйшему Филарету Никитичу, Патріарху Московскому и всеа Русіи, они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй, чтобъ Намъ ихъ пожаловать велѣть имъ дѣлать изъ желѣзной руды межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ и впредь гдѣ они мѣста пріищутъ, которыя

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 5.
[2]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 8.

къ желѣзному дѣлу будутъ годны, всякое желѣзо *мелнишнымъ заводомъ* и Мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ и Отецъ Нашъ Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама Виниюса и Елисѣя Вылкенса, велѣли имъ изъ желѣзныя руды дать дѣлать всякое желѣзо на десять лѣтъ безоброчно, а дѣлать имъ велѣли противъ ихъ Ондрѣева и Аврамова и Елисѣева челобитья межъ Серпухова и Тулы на трехъ рѣкахъ: на рѣчкѣ Вошанѣ, да на рѣчкѣ на Скнигѣ, да на рѣчкѣ на Воронѣ и впередъ гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй мѣста пріищутъ, которыя къ тому желѣзному дѣлу будутъ годны, опричь монастырскихъ и боярскихъ и дворянскихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, на нашихъ на порожихъ земляхъ и мелницы на тѣхъ мѣстахъ ставить и желѣзо на всякіе статьи плавить и лить и ковать пушки и ядра и котлы и доски и разное прутье и всякое желѣзное дѣло дѣлать поволили, а тѣ мелницы и всякое желѣзное дѣло указали имъ Ондрѣю и Авраму и Елисѣю заводить своимъ заводомъ, а покамѣста они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ угожихъ мѣстехъ мелницъ не поставятъ и желѣзнаго дѣла дѣлать не учнутъ или въ тѣ урочные лѣта будетъ Наша служба и за службою тово желѣзново дѣло будетъ имъ дѣлать въ урочные въ десять лѣтъ зачитать имъ не велѣли. А какъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на тѣхъ рѣкахъ мелницы и всякіе заводы заведутъ и учнутъ дѣлать и какъ желѣзо пойдетъ изъ дѣла, а про Нашъ обиходъ изъ того желѣза что будетъ годно, и у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли взять на четыре года всякое желѣзо по цѣнѣ: прутовое и въ ядрахъ пудъ по тринадцати алтынъ по двѣ денги, а досчатое по двадцати по шести алтынъ по четыре денги, а въ пушкахъ по двадцати по три алтына по двѣ денги пудъ, и то желѣзо, которое пригодится про Нашъ обиходъ, имать у него велѣли гдѣ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй учнутъ желѣзо дѣлать, и съ того желѣза, которое мы укажемъ имати про свой обиходъ Нашихъ Государевыхъ пошлинъ у него Ондрѣя имать не велѣли, а будетъ послѣ тѣхъ четырехъ лѣтъ до тѣхъ урочныхъ десяти лѣтъ будетъ желѣзо въ торгу дешевлѣ той ихъ Ондрѣевы и Аврамовы и Елисѣевы уговорной цѣны и у нихъ въ Нашу казну всякое желѣзо велѣли имать пудъ передъ торговою цѣною съ убавкою какъ мочно, а на то всякое желѣзо, которое на Нашъ обиходъ возьмутъ, пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя, велѣли имъ дать на задатокъ изъ Нашіе большіе казны три тысячи рублевъ и впередъ имъ въ тѣ урочные десять лѣтъ велѣли давать ежегодъ по томужъ по три тысячи руб-

левъ, а въ которой годъ желѣзо про Нашъ обиходъ не пригодитца и у него у Ондрѣя и Аврама и Елисѣя за тѣ задаточны деньги велѣли въ свою Государеву большую казну имать ефимками по цѣнѣ по чему тово году учнутъ покупать ефимки у Архангельскаго города, а что у нихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя въ тѣ урочные десять лѣтъ всякаго желѣза за Нашимъ расходомъ будетъ влишкѣ и имъ то желѣзо поволили продавать на сторону всякимъ людемъ и возить въ свою Галанскую землю и въ тѣ десять лѣтъ какъ они мельницы на рѣкахъ поставятъ и желѣзо учнутъ плавить и всякое желѣзное дѣло дѣлать и той желѣзной руды иноземцамъ и рускимъ людямъ ни гдѣ никому на откупъ и безъ откупу отдавать и мельницъ ставить и всякаго желѣзнаго дѣла мельнишнымъ заводомъ дѣлать и за море возить никому не велѣли, а какъ тѣ урочные десять лѣтъ выдутъ и тѣ мѣста гдѣ у нихъ желѣзныхъ рудъ дѣло будетъ, и которые мѣста они впредъ пріищутъ въ Нашихъ порожжихъ земляхъ пожаловали ихъ Ондрѣя и Аврама и Елисѣя велѣли дать изъ оброку имъ же Ондрѣю, Авраму и Елисѣю, а оброкъ на нихъ велимъ положить по Нашему разсмотрѣнію какъ мочно, а желѣзо въ свою Государеву казну велѣли у нихъ имать вновь по уговорной цѣнѣ какъ мочно, а будетъ они Ондрѣй и Аврамъ и Елисѣй на Нашихъ на порожжихъ мѣстахъ нигдѣ мѣста на желѣзное дѣло не обыщутъ, а обыщутъ гдѣ на монастырскихъ на вотчинныхъ земляхъ или на боярскихъ и на дворянскихъ и у всякихъ чиновъ людей и тѣ имъ земли поволили у нихъ съ кѣмъ заговоръ будетъ, а тѣмъ мельнишнымъ заводамъ гдѣ у нихъ будетъ желѣзное дѣло, въ тѣ урочные десять лѣтъ или послѣ урочныхъ лѣтъ гдѣ они возмутъ на оброкъ, владѣти имъ Ондрѣю и Авраму и Елисѣю самимъ, а на сторону безъ Нашего Указу не продать и не заложить и никому не отдать.

Подпись у Грамоты Дьяка Степана Кудрявскова [1]).

1632 г.

Выборъ Царя (оказавшійся весьма удачнымъ) палъ на торговаго иноземца Андрея Виннiуса, переселившагося въ Россію изъ Голландіи, принявшаго русское подданство и совершенно въ ней акклиматизировавшагося (сынъ этого Виннiуса думный дьякъ временъ Петра I, былъ впослѣдствіи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ своего царя).

Допущенный Царемъ къ производству изысканій и выбору удобнаго мѣста для постановки желѣзодѣлательнаго завода по иностран-

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. Прилож. стр. 4.

ному способу (то есть доменнаго и передѣлочнаго), приспособленнаго для отливки пушекъ, снарядовъ и домашней утвари, Виніусъ удачно закончилъ свои изысканія и, пригласивъ въ компаньоны брата своего Авраама Виннiуса и купца Елисея Вилькенса, обратился къ Царю съ челобитной о разрѣшеніи ему устроить плотины и поставить желѣзный заводъ на рѣчкѣ Тулицѣ, въ окрестностяхъ гор. Тулы. Ходатайство было уважено и компаньонамъ выдана (1632 г.) Царская грамота [1]).

1632 г.

Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ нужное для Россіи Свицкое желѣзо, ружейные стволы, чугунныя пушки и разные артиллерійскіе припасы привозились почти исключительно Голландскими купцами, производившими исключительно въ то время главный торгъ въ Россіи чрезъ Архангельскій портъ. Легко понять можно, что сіи вещи обходились въ Москвѣ весьма дорого.

Чугунныя пушки стоили пудъ по полтора рубля и болѣе, а за Свицкое желѣзо платили до семидесяти копѣекъ за пудъ. Высокія сіи по тогдашнему времени цѣны заставили одного изъ самыхъ предпріимчивыхъ голландскихъ купцовъ, по имени Андрея Денисовича Виніуса (отецъ его, Денисъ Терксенъ Виніусъ, жилъ въ Амстердамѣ. Самъ же онъ производилъ значительный торгъ хлѣбомъ; въ 1631 году, напримѣръ, вывезъ онъ чрезъ Архангельскій портъ сто тысячъ четвертей ржи въ Голландію. Въ 1632 году пожалована была ему на свободную въ Россіи торговлю Царская Грамота) думать о построеніи въ Россіи вододѣйствующаго завода для отливанія разныхъ чугунныхъ вещей и для дѣланія желѣза по иностранному способу изъ чугуна. Учинивъ нужныя изысканія, онъ (обще съ братомъ своимъ Аврамомъ и съ кущомъ же Елисеемъ Юльевичемъ Вилькенсономъ) подалъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу челобитную о томъ, чтобы позволено было имъ построить въ окрестностяхъ Тулы таковой заводъ. На сіе воспослѣдовала 29 февраля 1632 года Государева грамота, которою, согласно съ ихъ прошеніемъ, позволялось имъ между Серпуховымъ и Тулою на трехъ рѣчкахъ: на Воронѣ, на Вашанѣ, на Скнигѣ и впредь, гдѣ годныя мѣста пріищутъ, построить мельнишные заводы „для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, для литья изъ перваго пушекъ, ядеръ и котловъ и для ковки изъ послѣдняго разныхъ досокъ и прутьевъ“, дабы впередъ то желѣзное дѣло было Государю прочно и Госуда-

[1]) Кнаббе В. Чугун. Лит. Дѣло I. с. 187.

ревой казнѣ прибыльно, а людей Государевыхъ имъ всякому желѣзному дѣлу научать и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать.

Заводчики могли остающееся по удовлетвореніи потребностей казны количество желѣза и прочихъ вещей, даже пушекъ, продавать на сторону и вывозить въ Голландію.

Имѣя въ виду руду, находившуюся съ давнишнихъ временъ за Тулою въ Дедиловскомъ уѣздѣ, Виніусъ хотѣлъ вѣроятно построить домну для плавленія оной на упомянутой имъ въ своей челобитной рѣчкѣ Воронѣ, впадающей близъ города Тулы въ Упу; но послѣ того выбралъ онъ для сего въ Тульскомъ уѣздѣ рѣчку Тулицу, и именно этотъ изъ двухъ начальныхъ притоковъ оной, который нынѣ называется большею Тулицею [1]).

1632 г.

Положеніе иноземцевъ въ Россіи:

Голландскій купецъ Андрей Виніусъ устроилъ на рѣкѣ Тулицѣ Городищенскіе желѣзные заводы въ 1632 г. [2]).

1632 г.

Древнѣйшая Тула была не на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась впослѣдствіи и гдѣ стоитъ нынѣ. 1632 г. устроенъ былъ голландцемъ Андреемъ Виніусомъ чугуннолитейный вододѣлательный желѣзный заводъ, который тогда назывался Городищенскимъ [3]).

1633 г.

Въ 1633 чугунно-литейный и вододѣйствующіе заводы Городищенскіе, близъ стараго Тульскаго городища, устроенные голландцемъ Андреемъ Виніусомъ учредители выписали до 600 челов. литейщиковъ и др. мастеровъ [4]).

1636 г.

ЧЕЛОБИТНАЯ.

Поданная Андреемъ Виніусомъ въ 7144 (1636) году, о дачѣ проѣзжихъ Грамотъ иностраннымъ мастерамъ, выписаннымъ имъ для чугуно-желѣзнаго завода своего въ Тульскомъ уѣздѣ.

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ Галанской земли гость Ондрюшка Виниюсъ съ

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. с. 6, 7.

[2]) Устряловъ. Царст. Пет. Вел. т. II с. 103.

[3]) Городскія поселенія т. V. с. 239.

[4]) Городскія поселенія т. V. с. 239.

товарыщи. По твоему Государеву указу велѣно намъ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякого желѣзного заводу, и нынѣ Государь ѣдутъ изъ Галанскіе земли Францужене желѣзново дѣла заводные мастеры человѣкъ съ двадцать съ прикащикомъ нашимъ съ Янкомъ Дани. Милосердный Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, пожалуй вели, Государь, намъ дать свою Государеву проѣзжую грамоту, а тѣмъ Государь людемъ ѣхать черезъ Новгородъ и Псковъ. Царь Государь смилуйся пожалуй.

На челобитной сей помѣта: Государь пожаловалъ велѣлъ дать свою Государеву Грамоту проѣзжую.

По сей челобитной къ Новгородскому Воеводѣ Князю Петру Александровичу Репнину послано было слѣдующее повелѣніе.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи въ нашу отчину въ Великій Новгородъ Боярину нашему и воеводѣ Князю Петру Александровичу Рѣпнину, да Дьяку нашему Богдану Обобурову. Били намъ челомъ Галанской земли гость Ондрей Виниюсъ съ товарыщи. По нашему де указу велѣно имъ дѣлать въ Тульскомъ уѣздѣ всякой желѣзной заводъ и нынѣ де ѣдутъ изъ Галанской земли Францужене желѣзнаго дѣла мастеры, человѣкъ съ дватцать съ прикащикомъ ево съ Янкомъ Дани, и намъ бы ихъ пожаловати велѣти тѣхъ мастеровыхъ людей пропустить къ Москвѣ, и какъ къ вамъ ся наша Грамота придетъ, а изъ Галанскіе земли Францужене желѣзного заводнаго дѣла мастеры дватцать человѣкъ Голанскаго гостя Ондрея Виниюса съ прикащикомъ съ янкомъ Дани въ Великій Новгородъ пріѣдутъ, и вы бъ ихъ отпустили къ намъ къ Москвѣ и проѣзжую Грамоту имъ дали, а пріѣхавъ къ Москвѣ велѣли имъ явитца въ посольскомъ приказѣ Дьякомъ нашимъ Думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину. Писанъ на Москвѣ лѣта 7144 февраля въ 9 день [1]).

1636 г.

Въ февралѣ 7144 (1636) года подалъ Виніусъ челобитье о проѣзжей Грамотѣ для посылаемаго имъ человѣка своего желѣзнаго дѣла мастера, Еноя Брюсена, черезъ Великій Новгородъ въ свою землю, а въ 7146 (1638) году, для служившаго у него на желѣзномъ заводѣ его, Французской земли угольника, Янки Сеава, который ѣхалъ за море потому, что по записи срокъ его отшелъ. Съ нимъ отправились жена его и трое дѣтей.

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 16.

1637 г.

Въ 7141 (1637) году получено было слѣдующее донесеніе: Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи холопи твои Петрушка Репнинъ, Богдашко Обобуровъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 145 году, августа въ 28 день писалъ къ намъ холопамъ твоимъ съ заставы Истесова заставной Голова Уваръ Борковъ, что де Государь пріѣхали изъ за рубежа съ Ивана города Нѣмцы Голанскіе земли и тѣхъ Государь Нѣмецъ, прислалъ намъ холопемъ твоимъ въ Великій Новгородъ и мы Государь, холопи твои велѣли объѣзжему головѣ Осипу Ушакову, да переводчику Ондрѣю Ніенборху, тѣхъ Нѣмецъ распросить, для какова дѣла они въ Великій Новгородъ пріѣхали, и есть ли съ ними къ тебѣ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи листы и Осипъ Ушаковъ, да переводчикъ Ондрѣй Ніенборхъ въ роспросѣ намъ холопемъ твоимъ сказали, что они тѣхъ Нѣмецъ распрашивали, а въ роспросѣ де, Государь, имъ сказались Голанскіе земли Янъ (Іоаннъ) фанъ Гиндерталенъ, Янъ Кузве, Янъ Лутунгъ, Берентъ Янсонъ съ женами и съ дѣтьми десять человѣкъ, а ѣдутъ де Государь, къ тебѣ Государю къ Москвѣ по договору Голансково гостя Ондрѣя Виниюса для желѣзного заводного дѣла и по твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи указу, мы холопи твои тѣхъ Нѣмецъ отпустили къ тебѣ Государю къ Москвѣ и роспросные ихъ рѣчи послали подъ сею отпискою сентября 1 день и велѣли, Государь, имъ явитися въ посольскомъ приказѣ твоимъ Государевымъ Дьякомъ, Думному Федору Лихачеву, да Максиму Матюшкину [1]).

1637 г.

145 августа въ 28 день пріѣхали въ Великій Новгородъ изъ Ругодива Нѣмцы Галанскіе земли четыре человѣки Янъ фанъ Гиндерталенъ, Янъ Кузве, Янъ Лутунгъ, Берентъ Янсонъ съ женами и съ дѣтьми десять человѣкъ, а въ роспросѣ сказали, что хозяинъ ихъ Голанскій гость Ондрѣй Денисовъ Виниюсъ на Москвѣ. и Государь де ево Ондрѣя пожаловалъ въ Тульскомъ уѣздѣ поволилъ дѣлать всякой желѣзной заводъ и къ тому де желѣзному дѣлу всякихъ мастеровъ на своихъ проторѣхъ изъ Нѣмеціи на Русь ему де Ондрѣю вывесть поволено и онѣ де нынѣ ѣдутъ по письму хозяина своего къ нему къ Москвѣ и бьютъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи, чтобъ Государь ихъ

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 17.

пожаловалъ велѣлъ бы ихъ изъ Новагорода пропустить къ Москвѣ безъ задержанья [1]).

1638 г.

Марселіусъ Петръ Гавриловичъ прибылъ въ Москву въ 1629 г., чтобы вести торговлю отца. Въ 1638 году за разныя службы, былъ пожалованъ гостинымъ именемъ и въ томъ же 1638 г., вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Филимономъ Акемою присталъ къ Тульскимъ заводамъ, которые устраивали Андрей Виніусъ и Елисей Вилькенсъ, но которыхъ они въ совершеніе не привели [2]).

1639 г.

Первоначальное устройство Городищенскихъ заводовъ стоило Виніусу большихъ суммъ. Онъ вошелъ въ долги и началъ уже отчаиваться въ успѣхѣ, какъ въ семъ затруднительномъ положеніи ссудилъ его деньгами комисаръ Датскаго короля Петръ Гавриловъ Марселисъ и Голландскій гость Филимонъ Филимоновъ Акема, которыхъ взялъ онъ обоихъ въ 1639 году къ себѣ въ товарищи. По челобитью ихъ приписана къ симъ заводамъ для достройки оныхъ и для производства на оныхъ работъ дворцовая Соломенская волость, состоявшая тогда изъ двухсотъ пятидесяти дворовъ, въ коихъ было триста сорокъ семь душъ крестьянъ [3]).

1640 г.

Въ декабрѣ 7148 (1640) года изъ Новгорода писали, что прибыли Нѣмцы, которые объѣзжему головѣ и переводчику въ роспросѣ сказали: одново зовутъ Яганъ Кушотъ съ женою, да Филипъ Боде, да Павелъ Масонъ, да Яганъ Генневари, а ѣдутъ де, Государь, они изъ Галанскіе земли по уговору иноземца Ондрѣя Денисова Виниюса къ Москвѣ къ тому Ондрѣю Денисову для ради желѣзнаго дѣла подъ Тулу [4]).

1641 г.

Въ февралѣ 7149 (1641) года послалъ Виніусъ, съ товарищами „для желѣзнаго дѣла мастеровъ два человѣка, Крестьяна Скиллера (Шиллеръ), да Яна Кусота въ Нѣмецкое Государство“ [5]).

---

[1]) Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 17—18.
[2]) Чарыковъ Н. Посол. въ Римъ с. 146.
[3]) Гамель. Опис. Тул. Ор. Зав. с. 12—13.
[4]) Гамель. Опис. Тул. Ор Зав. с. 18.
[5]) Гамель. Опис. Тул. Ор. Зав. с. 18.

1641 г. (7149).

Память изъ Стрѣлецкаго приказа въ Пушкарскій приказъ окольничему кн. Андрею Ѳедоровичу Литвинову-Мосальскому о присылкѣ въ Стрѣлецкій приказъ 1 пуда зелья и 30 гривенокъ свинцу: „прострѣливать тѣмъ зельемъ и свинцомъ 345 стволовъ нѣмецкихъ Ондреева дѣла Виніюса". Подобная же память изъ Стрѣлецкаго приказа въ Пушкарскій 149, февраля [1]).

1641 г. (7149) апрѣля 28.

Память изъ Пушкарскаго приказа, за приписью дьяка Посника Задонскаго, головѣ Герасиму Никифорову—принять у гостя „галанскія земли", Андрея Виніуса, 1853 пушечныхъ ядра; а каковы кружала тѣхъ ядеръ и сколько въ нихъ вѣсу, запись о томъ прислать въ Пушкарскій приказъ.

Память изъ приказа Большой казны въ Пушкарскій приказъ того же числа—о томъ же.

1641 (7149) г.

Роспись 149 г.; май, ядрамъ принятымъ отъ Андрея Виніуса.

О томъ же—память изъ Пушкарскаго приказа въ Приказъ Большой казны 149 г. мая.

Память 149 г. мая 5 головѣ Герасиму Никифорову о томъ, чтобъ онъ, по памяти изъ приказа Большой Казны за приписью дьяка Назара Чистаго, купилъ у „гостя голанскія земли Андрея Виніуса съ товарищи" желѣзныхъ ядеръ 684. Взвѣсивъ ихъ, роспись и ядра—прислать въ Пушкарскій приказъ.

Память того же числа о томъ же изъ Приказа Большой Казны въ Пушкарскій приказъ [2]).

1643 г.

Въ 1643 году Акема и Марселіусъ просили, мимо Виніуса позволеніе построить новые желѣзные заводы въ отдаленныхъ отъ Тулы мѣстахъ, а именно на Шекснѣ, Вагѣ, на Костромѣ и вообще гдѣ только удобныя мѣста приищутъ [3]).

1644 г.

Въ 1644 году далъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (Акемѣ и Марселіусу) Грамоту на владѣніе таковыми новыми заводами безъ платежа оброку и пошлины на дватцать лѣтъ, считая со времени пу-

---

[1]) Опис. Акт. Собр. гр. Уварова, с. 540, ч. III.

[2]) Опис. Акт. Собр. гр. А. С. Уварова, ч. III с. 548.

[3]) Гамель. Оп. Тул. Ор. Зав. с. 13.

щенія оныхъ въ ходъ съ тѣмъ, чтобы на сихъ заводахъ не только лить пушки, ядра и котлы и дѣлать дощатое и прутовое желѣзо, но и ружейные стволы, проволоку и бѣлую жесть и чтобъ Русскихъ людей дѣланію всѣхъ вещей обучать и никакого искуства не скрывать отъ нихъ. Не нужное казнѣ количество вещей позволено было продавать на сторону въ чужіе краи.

Сія привиллегія причинила Акемѣ и Марселіусу многія съ Виніусомъ непріятности, и сей сдѣлалъ вскорѣ по вступленіи въ 1645 году на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, на товарищей доносъ, въ слѣдствіе котораго отправленному тогда въ Голландію посломъ Ильѣ Даниловичу Милославскому поручено было объявить Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ „о многихъ неправдахъ“ Акемы и Марселіуса, что они не дѣйствовали по силѣ жалованной имъ Грамоты и между прочимъ велѣли иностраннымъ мастерамъ плавильное искуство отъ Русскихъ людей скрывать; ружейныхъ же стволовъ, проволоки и бѣлой жести совсѣмъ не дѣлали, а представленныя ими въ казну пушки были не такъ хороши, какъ тѣ, которыя они отправляютъ въ Голландію [1]).

Е. Вильчинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправки: Въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1909 г. въ статьѣ „Воспоминанія И. И. Янжула“ напечатано: стр. 37, 10-я строка сверху—74 г., слѣдуетъ читать—65 г.; стр. 47, 3-я строка снизу—Новгородскій, слѣдуетъ читать—Новоторжскій; стр. 52, 10-я строка снизу—по тому, слѣдуетъ читать—потому.

[1]) Гамель. Оп. Тул. Ор. Зав. с. 14—15.

Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго.

Введеніе.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ сотрудниковъ Петра В., Андрей Андреевичъ Виніусъ, до сихъ поръ не получилъ должной оцѣнки въ русской исторической литературѣ. Всѣ историки, интересовавшіеся его личностью, оцѣнивали ее обыкновенно съ одной какой-нибудь стороны и не заботились о полнотѣ приводимыхъ ими біографическихъ свѣдѣній; поэтому полной біографіи Виніуса до сихъ поръ не имѣется въ русской литературѣ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью собрать всѣ данныя о жизни этого замѣчательнаго лица, которыя можно найти въ изданныхъ памятникахъ и исторической литературѣ и исправить многочисленныя ошибки біографическихъ свѣдѣній о Виніусѣ, возникшія по большей части отъ того, что историки, упоминавшіе объ этой личности въ своихъ трудахъ, слишкомъ односторонне изучали его біографію.

Число біографовъ Виніуса невелико. Въ строгомъ смыслѣ этого слова такимъ біографомъ можетъ быть названъ одинъ лишь Пекарскій, посвятившій Виніусу 10 страницъ своей почтенной книги „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., ч. 1-я, Спб. 1862“. Но біографія Виніуса значительно раньше начала интересовать изслѣдователей. Первый историкъ Петра В., Голиковъ, еще не зналъ Виніуса. Ему пришлось привести въ одномъ мѣстѣ своего труда стихи, читанные во время тріумфальнаго въѣзда арміи въ Москву въ 1696 году; ссылаясь на записки Желябужскаго[1]), онъ говоритъ, что эти стихи говорилъ Веніусъ, но тутъ же считаетъ нужнымъ

[1]) Изданы Д. Языковымъ въ 1840 г.

оговориться, что, вѣроятно, надо говорить Геніусъ, а не Веніусъ. Впрочемъ, уже современное Голикову изданіе—Древняя Россійская Вивліоѳика — въ XX томѣ даетъ указанія на нѣкоторые моменты службы Виніуса. Первымъ, кто коснулся біографіи Виніуса, былъ академикъ Іосифъ Гамель.

Гамель, въ своемъ сочиненіи „Описаніе тульскаго оружейнаго завода въ истор. и технич. отношеніи, М. 1826“ отмѣчаетъ главнѣйшія стороны дѣятельности Андрея Андреевича Виніуса, особенно внимательно останавливаясь на его дѣятельности въ Сибирскомъ приказѣ. Но Гамеля занималъ больше не Андрей Андреевичъ, а его отецъ, Андрей Денисовичъ. Для біографіи Виніуса—отца сочиненіе Гамеля до сихъ поръ является первостепеннымъ источникомъ. Гамель знаетъ даже Виніуса—внука, Матвѣя Андреевича; но относительно сына и внука свѣдѣнія Гамеля недостаточны и иногда сбивчивы. Онъ, напр., говоритъ про Андрея Андреевича: „сынъ или внукъ Андрея Денисовича“.

Полную путаницу въ дѣло разработки біографіи Виніуса внесъ г. Андреевъ своей статьей „Біографическія справки о Виніусѣ“ („Москвитянинъ“ за 1855 г., № 9). Онъ самымъ страннымъ образомъ смѣшалъ біографическія данныя обо всѣхъ трехъ Виніусахъ, приписавъ ихъ просто „Андрею Виніусу“ и отрицательно отнесясь къ имени Матвѣя. Къ счастію, статья эта осталась незамѣченною послѣдующими историками.

Устряловъ, Соловьевъ и Пекарскій почти одновременно заинтересовались жизнью и дѣятельностью Андрея Андреевича Виніуса. Первые два обратили большое вниманіе на обильную переписку царя Петра I съ Виніусомъ; Пекарскій заинтересовался главнымъ образомъ литературной дѣятельностью А. А. Виніуса и открылъ цѣлый рядъ его сочиненій частію въ рукописяхъ, частію уже въ напечатанномъ видѣ въ старыхъ періодическихъ изданіяхъ (съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка). Для Устрялова и Соловьева А. А. Виніусъ былъ интересенъ, главнымъ образомъ, какъ корреспондентъ Петра, поэтому ни надъ одной стороной его дѣятельности они подробно не останавливались, хотя уже признавали А. А. Виніуса очень крупною личностью. Многія частности его біографіи ускользнули отъ ихъ вниманія; а между тѣмъ если бы они обратили вниманіе на тѣ мѣста дневника Корба (имъ, безъ сомнѣнія, извѣстнаго [1]), гдѣ онъ говоритъ о Виніусѣ, то несомнѣнно отнеслись бы къ біографіи Виніуса внимательнѣе. Пекарскій въ своемъ вышепоименованномъ сочиненіи

[1]) Первый русскій переводъ „Дневника поѣздки въ Московское государство“ Корба явился въ Чтеніяхъ М. Общества ист. и древ. за 1866—67 г.г.

посвятилъ біографіи Виніуса цѣлыхъ десять страницъ; но и у него мы не найдемъ многаго; напр., онъ ничего не говоритъ о дипломатической поѣздкѣ А. А. Виніуса за границу, о проектѣ галернаго флота, имъ составленномъ, объ образцовомъ завѣдываніи его аптеками, объ его участіи въ малороссійскихъ дѣлахъ, не считаетъ нужнымъ даже разсказать о его почтовой дѣятельности. Всѣ три историка пользовались дневникомъ Корба, но о Виніусѣ взяли у него далеко не весь даваемый имъ матеріалъ. Роль, которую игралъ Виніусъ въ обществѣ иностранцевъ и среди вліятельнаго класса тогдашняго общества осталась невыясненною даже послѣ этихъ трехъ крупныхъ историческихъ трудовъ, не говоря уже о массѣ иногда очень характерныхъ мелочей, ускользнувшихъ совсѣмъ и отъ Устрялова съ Соловьевымъ, и отъ Пекарскаго. Къ этому надо еще прибавить, что почтенные авторы не избѣжали и явныхъ ошибокъ. Составители указателей къ Исторіи Россіи С. М. Соловьева приписали посольскую роль въ 1672—74 г.г. Андрею Денисовичу Виніусу—отцу; эту ошибку С. М. Соловьевъ могъ замѣтить, ибо указатель Шипова былъ составленъ еще при жизни великаго историка. Пекарскій сдѣлалъ столь же грубую ошибку: письмо, писанное около 1712 г. отнесъ къ 1702 г., а такъ какъ письмо это имѣетъ важное значеніе въ біографіи Виніуса, то конецъ біографіи явился у Пекарскаго значительно искаженнымъ. Эту ошибку Пекарскій тоже легко могъ бы замѣтить, ибо въ письмѣ этомъ Виніусъ говоритъ, что ему около 70 лѣтъ, а въ письмѣ 1706 г., которое также цитируетъ Пекарскій, тотъ же Виніусъ заявляетъ, что ему 65 лѣтъ. Большая часть біографіи Виніуса, составленной Пекарскимъ, вошла въ нѣмецкомъ переводѣ въ соч. „Zur Geschichte des russischen Postwesens, von A. v. Fabricius, Riga, 1865“; г. Фабриціусъ повторилъ ошибку Пекарскаго.

М. Д. Хмыровъ, авторъ соч. „Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи, Спб., 1875“, приводя немногія свѣдѣнія объ участіи А. А. Виніуса въ горномъ дѣлѣ, отозвался о Виніусѣ, какъ объ „одномъ изъ дѣятельнѣйшихъ, но до сихъ поръ мало оцѣненныхъ, сотрудниковъ Петра“. Тѣмъ не менѣе послѣ Пекарскаго никто не брался за новое составленіе біографіи А. А. Виніуса[1]), пока С. А. Бѣлокуровъ въ своей работѣ „О Посольскомъ

[1]) Намъ не удалось достать „Горный журналъ“ за 1865 г., гдѣ въ № 11 напечатана статья о Виніусѣ; но такъ какъ эта статья написана по поводу ст. „Исторія основанія рус. горныхъ заводовъ“ (въ Памятной книжкѣ для рус. горныхъ людей за 1862 г.) и занимаетъ всего лишь 3 страницы журнала, то не думаемъ, чтобы она могла существенно измѣнить что-нибудь въ біографіи Виніуса.

приказѣ“ (Чтенія Моск. Общ. ист. и древн. за 1906 г., кн. 3) снова не воспроизвелъ біографію Виніуса въ видѣ его формулярнаго списка[1]). А между тѣмъ остались неиспользованными свѣдѣнія первоисточниковъ, появившіяся въ такихъ изданіяхъ, какъ „Списокъ выписокъ изъ архив. бумагъ о Петрѣ В., т. I, Спб., 1872“, „Доклады и приговоры, составл. въ Правит. Сенатѣ въ ц—ніе Петра В., Спб., 1880 и слѣдд.“, матеріалы по исторіи Сибирскаго приказа, надъ которыми много работалъ Н. Н. Оглоблинъ (Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 г.г.) въ Чтеніяхъ Моск. Общества ист. и древн. за 1895 г., кн. II, 1898 г., кн. I, 1900 г., кн. III и 1902 г., кн. I; Бытовыя черты начала XVIII в. въ томъ же изданіи за 1904 г., кн. I и др.) и мног. другихъ[2]). Затѣмъ, нѣкоторые историческіе труды, мало обращавшіе вниманія на личность Виніуса, дали богатый матеріалъ для характеристики дѣятельности тѣхъ учрежденій, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, или гдѣ онъ принималъ живѣйшее участіе; таковы, напр., „Очеркъ русской морской исторіи“, т. I, Спб., 1875; Бранденбургъ, „Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи“, Спб. 1876; И. Хрущовъ, „Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до ц. Екатерины II“, Спб., 1884; Н. Бантышъ-Каменскій, „Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи“ (по 1800 годъ), ч. 1—4, М., 1894—1902 г. и др.

Наконецъ, самая переписка Петра Великаго съ Виніусомъ, воспроизведенная въ капитальномъ трудѣ „Письма и бумаги Петра Великаго“, Спб., 1887 и слѣд., въ значительной степени также осталась неиспользованною. Въ данное время, думаемъ, пора уже подвести итоги исторической литературѣ о Виніусѣ, указать многочисленныя ошибки писателей, касавшихся его біографіи[3]); это

---

[1]) Въ Моск. Архивѣ М. Юст. есть „Дѣло о службѣ дьяка Посольскаго приказа Андрея Виніуса“, но оно доведено только до 1692—3 г. (Описаніе документовъ и бумагъ М. Архива М. Юст., т. XI, стр. 392).

[2]) Мелкія, но весьма цѣнныя свидѣтельства первоисточниковъ есть также въ слѣд. изданіяхъ: „Библіотека Моск. Общества исторіи и древн.“, М., 1845; „Древности“. Труды Моск. Археол. Общества, т. IV, М. 1874; Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. 1, Спб., 1891; Записки Юста Юля, датскаго послан. ника при Петрѣ В. (Чт. М. Общ. ист. и др. за 1899 г., кн. III). Издатели записокъ Юста Юля сдѣлали также ошибку, приписавъ сыну Андрея Андреевича Виніуса, Матвѣю, то участіе въ малоросс. дѣлахъ въ 1711 г., которое принималъ отецъ.

[3]) Таковыя есть, какъ мы видѣли, у Андреева, Соловьева, Пекарскаго; есть онѣ также у г. Бѣлокурова, Хрущова и въ другихъ сочиненіяхъ. Всѣ ошибки и неточности будутъ въ своемъ мѣстѣ указаны въ примѣчаніяхъ.

является тѣмъ болѣе необходимымъ, что самая полная біографія А. А. Виніуса—у Пекарскаго—является уже значительно устарѣвшей и, какъ мы видѣли, имѣетъ очень много пробѣловъ.

Кончимъ тѣмъ, съ чего начали. Настоящій очеркъ представляетъ изъ себя попытку собрать воедино все, что можно найти въ изданныхъ памятникахъ и исторической литературѣ о Виніусѣ, дать общую оцѣнку его дѣятельности и указать на его мѣсто среди дѣятелей Петровскаго времени. Смѣло можемъ сказать, что матеріалы для біографіи Виніуса появились въ печати уже въ такомъ количествѣ, что дальнѣйшія архивныя изысканія могутъ дать только отдѣльныя детали его біографіи. Темныхъ мѣстъ въ ней и чувствительныхъ пробѣловъ въ настоящее время почти не имѣется, если не считать семейной жизни Виніуса, которая остается очень мало извѣстною.

I.

Андрей Денисовичъ Виніусъ—отецъ.

Фамилія Виніусовъ впервые встрѣчается въ исторіи русской торговли и промышленности. Андрей Виніусъ, сынъ Амстердамскаго купца Дениса Терксена Виніуса, выѣхалъ изъ Голландіи въ 1627 г. [1]) и прибылъ въ Россію во второй половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Здѣсь онъ занялся прежде всего въ Архангельскѣ хлѣбною торговлей [2]). Въ 1631 году онъ купилъ государевы хлѣбные запасы „большою прямою цѣною безъ хитрости и безъ корысти“. За это онъ подвергся нареканіямъ со стороны своихъ соотечественниковъ, а отъ московскаго правительства получилъ жалованную грамоту (26 янв. 1631 г.) на право свободной торговли; по всѣмъ дѣламъ его долженъ былъ вѣдать Посольскій приказъ [3]). Въ 1632 году онъ подалъ царю челобитную, въ которой, сообщая, что ему удалось розыскать въ Московскомъ государствѣ „самую добрую“ желѣзную руду, просилъ разрѣшенія завести желѣзные заводы. 31 марта 1633 г. онъ получилъ новую грамоту, въ силу которой онъ получилъ, сверхъ права свободной торговли во всѣхъ городахъ,—право строить дома, гдѣ ему понадобится, а также ему дано было разрѣшеніе безоброчно въ теченіе 10 лѣтъ заниматься желѣзнымъ промысломъ при казенной

---

[1]) Бѣлокуровъ, 127.

[2]) Гамель, 7.

[3]) В. А. Кордтъ, Очеркъ сношеній Московскаго государства съ республикой Соед. Нидерландовъ по 1631 г. (Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, т. CXVI, Спб., 1902 г.), стр. CCCXLIII.

субсидіи и обѣщаніи правительства не разрѣшать желѣзнаго промысла другимъ иноземцамъ [1]). Виніусъ, вступивъ въ компанію со своимъ братомъ Авраамомъ и англичаниномъ Вилькенсономъ, открылъ вододѣйствующій заводъ для производства изъ желѣзной руды чугуна и желѣза и литья ядеръ, пушекъ и другихъ предметовъ [2]). Мѣсто для завода онъ выбралъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тулы, на р. Тулицѣ; руда копалась въ 40 верстахъ отъ завода [3]). Въ 1634 г. онъ просилъ у царя разрѣшенія выписывать мастеровъ изъ-за границы [4]). Первоначальное устройство заводовъ стоило Виніусу большихъ денегъ. Несмотря на то, что онъ получалъ отъ правительства заимообразно по 3.000 р. ежегодно [5]), онъ сильно задолжалъ и нѣсколько лѣтъ спустя принужденъ былъ вступить въ новое товарищество—съ Петромъ Марселисомъ и Тилеманомъ Акемою. Правительство вмѣняло въ обязанность заводчикамъ не скрывать своего ремесла отъ русскихъ. Лишнее, сверхъ потребностей казны, количество желѣза и другихъ вещей Виніусъ могъ продавать и вывозить въ Голландію. Новое товарищество обратилось снова къ правительству съ просьбой приписать къ ихъ заводамъ крестьянъ; правительство разрѣшило приписать къ тульскимъ заводамъ дворцовую Соломенскую волость съ 347 крестьянами. Впослѣдствіи Виніусъ поссорился и даже судился со своими товарищами [6]).

Это не помѣшало имъ снова вмѣстѣ работать въ Шенкурскомъ уѣздѣ на р. Вагѣ, гдѣ Виніусъ поставилъ свой дворъ для пушечнаго желѣзнаго дѣла [7]). Въ 1646 г. онъ принялъ православіе, былъ записанъ въ московскіе дворяне [8]) и въ этомъ же году представилъ правительству проектъ укрѣпленія Архангельска [9]). Тогдашніе руководители новаго царя Алексѣя Михайловича, Морозовъ съ товари-

---

[1]) Д. Цвѣтаевъ, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. М., 1890. Стр. 395.

[2]) Гамель, 7. Грамоту царя см. въ приложеніи къ соч. Гамеля.

[3]) Подробное описаніе мѣста см. у Гамеля, стр. 9 и 77—82 (въ приложеніи есть планъ заводовъ) и Андреева („Москвитянинъ“, 1855 г., № 9).

[4]) Бантышъ-Каменскій, 179.

[5]) Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, стр. 433.

[6]) Онъ дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ не совсѣмъ честно и они честили его „бездушникомъ, бездѣльникомъ и шельмомъ“. По отношенію къ правительственнымъ заказамъ онъ, очевидно, также не всегда былъ аккуратенъ (см. Описаніе документовъ и бумагъ М. Архива М. Юст., т. XI, стр. 457).

[7]) „Москвитянинъ“, 1843 г. № 11, стр. 144 (изъ писцовой книги). Гамель, 15.

[8]) Цвѣтаевъ, 403.

[9]) Сборникъ Рус. Истор. Общества, т. 60. Цвѣтаевъ, 396.

щами, пользовались совѣтами Виніуса въ государственныхъ дѣлахъ; современники прямо заявляли, что Виніусъ „преданъ болѣе русскимъ, чѣмъ нѣмцамъ“ [1]). Соловьевъ говоритъ, что это—первый примѣръ иностранца, имѣвшаго вліяніе на русскія государственныя дѣла [2]).

1 марта 1648 г. монополія желѣзнаго промысла перешла къ Марселису и Акемѣ. Къ челобитной, поданной въ это время Виніусомъ, послѣдній приложилъ записку о своихъ заслугахъ передъ Московскимъ правительствомъ. Здѣсь онъ указываетъ на слѣдующее: онъ дѣйствовалъ въ интересахъ Московскаго правительства въ хлѣбной торговлѣ [3]); онъ предоставилъ корабль послу Григорію Алабьеву изъ Голландіи, что стоило ему болѣе 300 рублей; онъ купилъ для царя 4 изумруда за умѣренную цѣну (съ царя продавцы хотѣли взять очень дорого); онъ открылъ руду и завелъ заводы; онъ нашелъ въ Варшавѣ каменную хоромину, съ надписью золотыми буквами на латинскомъ языкѣ, гласившею о томъ, что тамъ хранятся мощи царя Шуйскаго и его брата (по требованію Московскаго правительства камень съ этою надписью послѣ этого былъ присланъ въ Москву); онъ, наконецъ, принялъ русское подданство и православную вѣру [4]). Виніусъ получилъ право безпошлинной торговли на 6 лѣтъ [5]).

Московское правительство часто давало дѣятельнымъ и способнымъ иностранцамъ дипломатическія и коммерческія порученія. Не избѣжалъ такого порученія и Андрей Денисовичъ. Въ 1652 г. онъ былъ, по порученію русскаго правительства, съ Иваномъ Морсовымъ въ Голландіи для покупки про дворцовый обиходъ разныхъ заморскихъ товаровъ [6]). Сохранился весьма интересный портретъ его, гравированный въ Гагѣ извѣстнымъ въ то время граверомъ Корнеліемъ Фишеромъ. На этомъ портретѣ выгравированъ титулъ Виніуса: „его царскаго величества россійскаго государства комиссаръ и московскій гость Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ“ [7]).

---

[1]) „Сѣв. Архивъ“ за 1822 г., № 2 (письмо одного современника—шведа).

[2]) Соловьевъ въ изд. „Общ. Пользы“, кн. II, 1491.

[3]) См. выше.

[4]) См. въ прилож. къ соч. Гамеля.

[5]) Цвѣтаевъ, 402.

[6]) Бант.-Каменскій, I, 184.

[7]) Портретъ этотъ рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый красивый и самый цѣнный листъ въ собраніи русскихъ портретовъ (Ровинскій). Онъ извѣстенъ подъ именемъ l'homme au pistolet. Снимокъ съ него см. въ соч. Хрущова. Здѣсь умѣстно сказать, что г. Хрущовъ допустилъ грубую ошибку, приписавъ Андрею Денисовичу управленіе почтами и Сибирью. Эту же ошибку повторилъ проф. Цвѣтаевъ въ ст. „Обрусѣніе иноземцевъ-протестантовъ въ Москов. государствѣ“ („Русск. Вѣстникъ“ 1886 г., X).

Женою А. Д. Виніуса была Гертруда Мейеръ [1]).

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ Андреѣ Денисовичѣ отсутствуютъ [2]). Ровинскій полагаетъ, что онъ скончался около 1696 года. Если вспомнимъ, что онъ выѣхалъ изъ Голландіи въ 1627 году, то такая поздняя дата смерти представляется сомнительною. Странно также было бы то обстоятельство, что до 1652 г. Андрей Денисовичъ былъ очень крупнымъ дѣятелемъ, а съ этого года и до 1696 г. онъ ничѣмъ не обнаруживалъ своей дѣятельности. Гораздо правдоподобнѣе, что онъ скончался вскорѣ послѣ 1652 г., достигши приблизительно 50-лѣтняго возраста.

Въ лицѣ Андрея Денисовича Виніуса мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ предпріимчивымъ, умнымъ и ловкимъ. Онъ умѣлъ акклиматизоваться въ Россіи, проложить себѣ путь къ обогащенію и карьерѣ. Такой человѣкъ могъ дать хорошее образованіе своему сыну и въ свою очередь создать для него возможность хорошей карьеры въ будущемъ. Принятіе русской вѣры отцомъ и крещеніе въ эту же вѣру сына уничтожило для послѣдняго тѣ преграды, которыя могли мѣшать иностранцу дѣлать успѣхи на русской государственной службѣ, и этотъ сынъ, знаменитый Андрей Андреевичъ, своею дѣятельностью далеко превзошелъ отца и пріобрѣлъ право на значительно болѣе важное мѣсто въ русской исторіи.

II.

Андрей Андреевичъ Виніусъ—сынъ.—Его дѣятельность до знакомства съ Петромъ В.—Посольство за границу.—Почта.—Аптекарскій приказъ.—Мелкія порученія.

Андрей Андреевичъ Виніусъ родился въ 1641 году [3]). 14 лѣтъ отъ роду (въ 1655 г.) онъ былъ крещенъ по православному обряду [4]) и потому рано могъ поступить на службу. Имя его впервые стано-

---

[1]) Цвѣтаевъ (стр. 402) указываетъ годъ ихъ свадьбы—1648. Но въ такомъ случаѣ придется предположить, что это была вторая жена Андрея Денисовича, потому что знаменитый сынъ его, Андрей Андреевичъ, родился въ 1641 г.

[2]) Намъ не удалось достать „Тульскія губернскія вѣдомости“ за 1872 г. № 85, гдѣ есть статья объ А. Д. Виніусѣ.

[3]) Сборникъ Имп. Рус. Истор. Общества, кн. LX. Эта дата подтверждается письмомъ Виніуса Петру В. отъ 16 ноября 1706 г. (см. ниже).

[4]) Въ „Книгѣ крояльной приказному платью“ Казеннаго приказа 1655 г. подъ 22 августа указано жалованное платье гостю Андрею Виніусу по случаю его крещенія (А. Викторовъ, Описаніе записн. книгъ и бумагъ старин. дворц. приказовъ. Вып. 1. М., 1877. Стр. 148).

вится извѣстнымъ въ 1664 году, когда онъ, бывши до того „гостинной сотни торговымъ человѣкомъ“, былъ взятъ 20 марта въ Посольскій приказъ переводчикомъ голландскаго языка [1]). Въ этомъ званіи онъ состоялъ при голландскомъ посланникѣ Борелѣ; затѣмъ, въ томъ же званіи, онъ былъ въ с. Дѣдиновѣ при постройкѣ флота. Въ то же время онъ становится извѣстенъ, какъ литературный дѣятель. Въ званіи переводчика Посольскаго приказа, который имѣлъ отношеніе къ постройкѣ флота и къ путямъ сообщенія, Виніусъ заинтересовался и тѣмъ, и другимъ: писалъ сочиненія по географіи, чертилъ карты, выступивъ съ проектомъ галернаго флота. Когда ему пришлось, по порученію правительства, переводить съ нѣмецкаго языка на русскій проектъ Ботлера [2]) объ учрежденіи флота, то ему пришли въ голову нѣкоторыя предположенія, которыя онъ рѣшился изложить въ статьяхъ, поданныхъ имъ 5 дек. 1668 г. въ приказъ [3]).

Въ 1672 году, оставаясь въ томъ же званіи, Андрей Виніусъ былъ посланъ во Францію, Испанію и Англію съ предложеніемъ союза противъ турокъ, которые въ то время напали на польскую Украину. Въ наказѣ, данномъ Виніусу, упомянуто, что съ нимъ были посланы подъячій Петръ Виніусъ и толмачъ Ѳедотъ Ѳедоровъ. Маршрутъ былъ данъ ему слѣдующій. Изъ Москвы онъ долженъ былъ направиться черезъ Великій Новгородъ и Псковъ въ Ригу, оттуда моремъ въ Англію, изъ Англіи—во Францію и, наконецъ, Испанію. Вышеупомянутый наказъ заключаетъ въ себѣ также подробныя указанія насчетъ поведенія посла въ тѣхъ странахъ, гдѣ ему придется быть. Такъ, напр., въ Ригѣ онъ долженъ былъ, опираясь на условія Кардисскаго трактата, просить губернатора предоставить ему корабль „со всякимъ вспомогательствомъ“ для переѣзда въ Англію: если же губернаторъ заявитъ, что въ Кардисскомъ договорѣ насчетъ этого ничего не сказано, то Виніусъ долженъ просить губернатора позволить ему панять корабль (на этотъ случай Виніусу дано было 200 ефимковъ). Прежде, чѣмъ отправиться изъ Риги въ дальнѣйшій

---

[1]) Бѣлокуровъ, 127. Въ 1666 г. онъ подалъ челобитье объ оставленіи за нимъ московскаго двора, купленнаго за 400 руб. у гостя Петра Микляева: дворъ этотъ былъ отписанъ въ казну за долги Микляева Сибирскому приказу. (Н Оглобинъ, Описаніе... Сиб. приказа, Чт., 1900 г. кн. III, стр. 132).

[2]) Иностранецъ фонъ-Сведенъ, основатель почты въ Россіи, по порученію правительства, приглашалъ изъ-за границы знатоковъ корабельнаго дѣла. Ботлеръ, его племянникъ, былъ приглашенъ имъ для командованія будущимъ кораблемъ.

[3]) Содержаніе этого проекта, равно какъ и другихъ, литературныхъ и научныхъ, трудовъ Виніуса составитъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего очерка.

путь, Виніусъ долженъ былъ разузнать всѣ новости и подробно описать все это въ донесеніи Царю, которое отправить съ тѣми провожатыми, которые даны будутъ ему изъ Пскова. Когда посолъ пріѣдетъ въ Англію, онъ долженъ требовать, чтобы королю дали знать о его пріѣздѣ; когда король пожелаетъ принять его у себя, Виніусъ долженъ поставить непремѣннымъ условіемъ, чтобы во время его пріема никакихъ другихъ иностранныхъ пословъ не было. Во время аудіенціи надо было слѣдить за тѣмъ, чтобы король, спрашивая о здоровьѣ Царя, вставалъ и снималъ шляпу. Грамоту надо было подать въ тафтѣ, и, если король пожалуетъ къ рукѣ—надо цѣловать руку. Если бы король пригласилъ посла къ столу—надо согласиться, но опять съ условіемъ—чтобы иныхъ пословъ за столомъ не было. Побывавъ на обѣдѣ, посолъ долженъ былъ хорошо запомнить все—и какъ его будутъ встрѣчать, и кто будетъ присутствовать на обѣдѣ, и кто его будетъ потчивать, и что будетъ сказано за столомъ; все это надо будетъ впослѣдствіи записать. Самому послу слѣдуетъ „противъ королевскихъ и ближнихъ словъ держать отвѣтъ остерегательно, чтобы Государеву имени было къ чести и повышенью; а за столомъ сидѣть ему „отъ короля вѣжливо и остерегательно“. Что за люди давались тогда нашимъ посламъ въ качествѣ свиты, видно изъ слѣдующихъ наставленій наказа: „подъячему приказать накрѣпко, чтобъ онъ сидѣлъ за столомъ чинно и остерегательно, и не упивался, и словъ дурныхъ не говорилъ; а своихъ людей въ палату съ собою не имать для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было, а велѣть имъ сидѣть въ другой палатѣ потому жъ стройно, а бражниковъ и дураковъ на королевскій дворъ не имать“.

Такія же наставленія даются въ наказѣ и относительно поведенія посла при французскомъ и испанскомъ дворахъ. Наказъ предвидитъ также, что во время пріема при испанскомъ дворѣ возможно присутствіе королевы-матери; тогда посолъ долженъ привѣтствовать и эту послѣднюю отъ имени Царя и Царицы Наталіи Кирилловны. На тотъ случай, если въ Испаніи отзовутся незнаніемъ русскаго языка, и попросятъ дать латинскій или нѣмецкій переводъ Царской грамоты, то Виніусъ долженъ былъ дать таковой (оба перевода даны были ему изъ Москвы). Прежде прощальной аудіенціи вездѣ Виніусъ долженъ былъ требовать, чтобы ему дали списокъ съ той грамоты, которую король намѣренъ ему вручить, и если по этому списку окажется, что титулъ Царя написанъ неправильно или не сполна—требовать исправленія.

Предвидя возможность частныхъ бесѣдъ между вельможами разныхъ странъ и русскимъ посломъ, наказъ считаетъ нужнымъ и здѣсь

регламентировать его образъ дѣйствій и рѣчей. Если бы былъ заданъ послу вопросъ объ отношеніяхъ московскаго Царя къ папѣ, императору, королю датскому или шведскому, или къ голландскимъ штатамъ—надо отвѣчать, что между Царемъ и вышеупомянутыми государями сношенія мирныя; а если зададутъ какой-нибудь непредвидѣнный вопросъ, надо отвѣтъ держать, смотря по дѣлу, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ повышенью, а лишнихъ рѣчей не говорить. Съ принятыхъ грамотъ Виніусъ долженъ былъ просить списки и копіи этихъ списковъ посылать немедленно Царю по почтѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ во всѣхъ странахъ Виніусъ долженъ былъ узнавать объ ихъ отношеніяхъ къ папѣ, императору, Голландіи, Венеціи и другимъ государствамъ и о томъ, „нынѣшняя его, Андреева, отъ Великаго Государя посылка надобна-ль“; всѣ добытыя имъ свѣдѣнія посолъ долженъ былъ занести въ статейный списокъ и предъявить по пріѣздѣ въ Посольскій приказъ.

Передъ отправленіемъ за границу Виніусъ, какъ переводчикъ Посольскаго приказа, получалъ жалованья 50 рублей въ годъ (850 р. на наши деньги). Командировочныхъ ему было дано 250 р. (=4.250 р.) деньгами, соболей на 50 рублей, да на наемъ корабля 200 ефимковъ. По челобитной Виніуса, выдача запасовъ на дорогу ему была сдѣлана въ Москвѣ, изъ Большого прихода, въ слѣдующемъ размѣрѣ: двѣ четьи съ осьминою ржаной муки, столько же сухарей, полъосмины крупъ, столько же толокна, два полтя ветчины. Въ то же время изъ Новой Чети было выдано Виніусу два ведра вина. Предписаніе было по дорогѣ до границы и обратно давать посламъ по 10 подводъ человѣку.

Виніусъ со своею свитою прибылъ на шведскую границу 14 ноября. Немедленно онъ обратился къ коменданту Новагородка шведскаго съ просьбой дать ему провожатаго до Риги. Комендантъ заявилъ, что, безъ согласія коменданта Юрьева Ливонскаго и до полученія отъ послѣдняго паспортовъ, онъ не можетъ пропустить русскихъ пословъ. Пришлось ждать цѣлыхъ 4 дня. Наконецъ желаемое разрѣшеніе пришло даже съ разъясненіемъ—впредь не задерживать московскихъ пословъ и пропускать безъ всякихъ запросовъ. Пріѣхавъ въ Ригу, Виніусъ обратился къ губернатору съ просьбой о дачѣ корабля и содѣйствіи путешествію. Губернаторъ отказалъ. Послу не сдѣлали никакой встрѣчи въ Ригѣ, и ему пришлось стать на гостинномъ дворѣ, гдѣ становятся торговцы и извощики; ему со свитою отвели одну избенку и въ другомъ мѣстѣ нанять двора не позволили. Когда Виніусъ навелъ справки относительно корабля, то оказалось, что корабль есть, но отойти ему нельзя по причинѣ

льдовъ въ морѣ, и придется ждать 2—3 мѣсяца. Тогда Виніусъ послалъ къ Курляндскому князю, прося пропустить его черезъ его землю. Въ ожиданіи отвѣта, Виніусъ собралъ кое-какія новости и 28 ноября послалъ въ Москву свою первую „отписку“ по почтѣ.

Его замедленіе въ Ригѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе. 16 декабря была послана ему изъ Посольскаго приказа память „съ великимъ осудомъ“: „и ты то, что къ Курлянскому князю о пропускѣ своемъ писалъ, чего тебѣ безъ указу Великаго Государя дѣлать не довелось, учинилъ глупо и тою своею глупостью дѣлаешь ты Великаго Государя дѣлу мотчанье... и ты съ... ѣхалъ со всякимъ поспѣшеніемъ, а такой себѣ простоты, какъ нынѣ въ Ригѣ... впредь не чинилъ и во всѣхъ мѣстѣхъ ѣхалъ со всякимъ поспѣшеніемъ“. Зная причины перемѣны маршрута, допущенной Виніусомъ, мы не станемъ обвинять его: разумѣется, лучше было измѣнить маршрутъ, чѣмъ 2—3 мѣсяца ждать въ Ригѣ, пока море очистится ото льда. Виніусъ виноватъ былъ въ глазахъ правительства только потому, что сдѣлалъ это „не спросясь“, между тѣмъ на эти пересылки также ушло бы много времени. Если бы въ это время стоялъ во главѣ Посольскаго приказа знаменитый Ординъ-Нащокинъ, постоянно твердившій, что немыслимо во всякомъ дѣлѣ послу ждать Государева указа, то онъ не допустилъ бы обидѣть Виніуса; но его въ это время уже не было въ Москвѣ, а на его мѣстѣ былъ А. С. Матвѣевъ, который, очевидно, смотрѣлъ на дѣло иначе.

Слѣдующую отписку Виніусъ послалъ, повидимому, изъ Кенигсберга, 20 декабря; затѣмъ послѣдовала отписка изъ Данцига, отъ 3 января 1673 года; здѣсь онъ задержался по случаю распутицы. Путь отъ Данцига черезъ Эльбинъ, Маріенбургъ, Дершовъ—онъ совершилъ на подводахъ, данныхъ ему мѣстными властями.

Изъ Данцига Виніусъ прибылъ въ Гамбургъ, но и отсюда оказалось невозможнымъ отправиться въ Лондонъ, потому что на Эльбѣ было много льду. Пришлось ему ѣхать въ Голландію и сѣсть тамъ на англійскій почтовый корабль. 26 февраля онъ прибылъ въ Гарвичъ, гдѣ былъ задержанъ до 3 марта. Въ Лондонъ пришлось ему ѣхать на нанятыхъ подводахъ. Не доѣзжая Лондона, онъ послалъ извѣщеніе о своемъ прибытіи „мастеру церемоній“, который выѣхалъ къ нему навстрѣчу и отвелъ мѣсто для остановки въ городѣ. Здѣсь Виніусъ узналъ, что разсчитывать на скорый пріемъ ему нельзя, потому что въ это время происходили бурныя засѣданія парламента. Пришлось ему ждать около недѣли. Наконецъ, пріемъ состоялся; но „король пришелъ изъ парламенту и былъ зѣло смутенъ“, спросилъ о здоровьѣ царя сидя, такъ что пришлось напомнить ему о необходимости встать и снять шляпу. Послѣ пріема послу пришлось ждать

отвѣта и отпуска почти мѣсяцъ. Въ ожиданіи отпуска Виніусъ вступилъ въ сношенія съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ, и тотъ извѣстилъ о немъ свой дворъ, такъ что въ Калэ уже готовы были принять русскаго посла и проводить его въ Парижъ на счетъ правительства. Здѣсь же въ Лондонѣ Виніусъ разузнавалъ, нѣтъ ли какихъ-либо листовъ отъ Польскаго короля по поводу Андрусовскаго перемирія; никакихъ листовъ не оказалось. Хотѣлъ онъ также нанять трубачей, но и этого ему не удалось.

Въ своей отвѣтной грамотѣ Карлъ II, уклоняясь отъ союза противъ Турціи, обѣщаетъ сдѣлать попытку примиренія съ Голландіей и проситъ возвратить англійскимъ купцамъ въ Россіи ихъ прежнія права и привилегіи. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: „послѣди же, яко мы всякимъ пріятствомъ и должнымъ склоненіемъ поволили и приняти велѣли . . . посланника Андрея Виніуса, тако не можемъ вотще его отпустити безъ достойной славы и ходатайства, занеже его благоуміе и прилежаніе то заслужило отъ рукъ вашихъ воспріяти, которое довольно будетъ къ пользѣ и къ милости ко всякимъ явнымъ службамъ сотворити, къ которымъ ваше царское величество его избрати благоизволиши“ [1]).

18 апрѣля Виніусъ прибылъ въ Калэ и ожидалъ встрѣчи, но напрасно. Онъ собирался уже писать по почтѣ королю, но 28 апрѣля прибылъ дворянинъ, посланный королемъ ему навстрѣчу, и сообщилъ, что 1 мая можно будетъ имъ ѣхать къ королю въ тотъ городъ, въ которомъ король будетъ. Оказалось, что король былъ не въ Парижѣ, а во Фландріи, гдѣ собраны были его войска для войны съ Голландіей и Бранденбургомъ. 29 апрѣля Виніусъ послалъ новую отписку царю черезъ Англію и Гамбургъ.

Отбывъ изъ Калэ, Виніусъ достигъ мѣстечка Менеина, недалеко отъ Куртрэ. Дальнѣйшія подробности пути намъ неизвѣстны; извѣстенъ только результатъ посольства. Людовикъ XIV, въ письмѣ къ царю отъ 22 мая 1673 г., отказался принять участіе въ войнѣ съ турками, ссылаясь на войну съ Голландіей. 14 іюня 1673 г. Виніусъ отбылъ изъ Парижа въ Мадритъ, куда прибылъ 6 іюля и 20 іюля имѣлъ аудіенцію у короля. Испанскій король Карлъ II отвѣтилъ, что, по свойству съ королемъ польскимъ, намѣренъ помочь ему деньгами, войскомъ же помочь неудобно по причинѣ дальняго разстоянія. 15 августа Виніусъ выѣхалъ изъ Мадрита въ Англію [2]), а въ

---

[1]) Б.-Каменскій, I, 120, прим.: „Сего благоразумнаго мужа посольство можетъ служить примѣромъ и на нынѣшнее время“.

[2]) Свѣдѣнія о посольствѣ Виніуса см. въ Памятникахъ Дипломат. Сношеній, т. IV, стр. 803—946 и у Б.-Каменскаго, I, 120 и 163 и IV, 82. См. также Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 537.

январѣ 1674 г. вернулся въ Москву и въ этомъ же году былъ пожалованъ въ Московскіе дворяне [1]).

Въ 1675 году Виніусъ получилъ проѣзжую жалованную грамоту для поисковъ серебряной, золотой и иныхъ рудъ на всѣхъ безъ различія земляхъ, въ чемъ мѣстныя власти должны были оказывать полное содѣйствіе—давать подводы, людей, конвой, не взимать пошлинъ [2]). Онъ хотѣлъ, повидимому, по примѣру отца, посвятить себя горному дѣлу; но въ это время на него была возложена совсѣмъ иного рода обязанность—завѣдываніе почтовымъ дѣломъ.

Первыя почты между Москвою съ одной стороны, Швеціей и Польшей съ другой стороны появились у насъ около 1665 г. Первымъ лицомъ, державшимъ почту съ подряда, былъ иноземецъ фанъ-Сведенъ. Его смѣнилъ протеже Ордина-Нащокина—Леонтій Марселисъ, а этого послѣдняго—его отецъ, Петръ Марселисъ, извѣстный намъ компаньонъ Андрея Денисовича Виніуса по заводскому дѣлу. Правительство было недовольно этими почтмейстерами, главнымъ образомъ, потому, что письма сильно запаздывали. Рѣшено было взять у старика Марселиса почту и передать ее въ вѣдѣніе Посольскаго приказа, поставивъ ко главѣ почтоваго дѣла Андрея Андреевича Виніуса, бывшаго уже въ чинѣ дьяка [3]). Въ указѣ по этому поводу (4 дек. 1675 г.) значится, что Виніусъ, принявъ почты въ свое завѣдываніе, долженъ „смотрѣть съ великимъ радѣніемъ, чтобы та почта приходила къ Москвѣ въ недѣлю, въ указное число, а въ числѣ въ часъ указный, противъ постановленія Леонтія Марселиса, какъ онъ, будучи въ Вильнѣ и въ Ригѣ, съ почтари постановилъ, и объ отпускѣ той почты писать... отъ себя въ Вильну и въ Ригу къ почтарямъ, чтобъ той почтѣ въ отпускѣ замедленія и въ дорогѣ нигдѣ задержанія никакого не было и становилась бы на указныхъ мѣстахъ въ указный часъ, какъ довлѣетъ быть почтѣ“; велѣно было также „изъ Посольскаго приказа въ Ямской приказъ послать память, чтобы ямщики съ почтовыми сумками впредь пріѣзжали на дворъ къ дьяку Андрею Виніусу и объявили ему тѣ почтовыя сумки въ цѣлости за печатью“ [4]).

Во главѣ почтоваго дѣла Виніусъ стоялъ при четырехъ прави-

---

[1]) Бѣлокуровъ, 128. Къ этому времени относятся и свѣдѣнія о придачѣ жалованья Виніусу въ документахъ Разряд. приказа (столбцы Моск. Стола). См. Описаніе докум. и бумагъ М. Архива М. Юст. XI, 240.

[2]) Доп. къ А. И. VII, № 10. П. Хмыровъ, 177—178.

[3]) Нижеприведенный текстъ служитъ доказательствомъ того, что Виніусъ былъ дьякомъ уже въ 1675 г., а не въ 1677 г., какъ это сказано у г. Бѣлокурова (стр. 127).

[4]) Полн. Собр. Зак., III, № 1402.

тельствахъ, немного болѣе четверти вѣка (1675—1701 г.). Во время его управленія въ исторіи русскихъ почтъ произошло много перемѣнъ; новое учрежденіе принесло много пользы государству; не безвыгодно оно было и для самого Виніуса, принеся ему значительные доходы. Ограничимся пока перечисленіемъ всего, сдѣланнаго по почтовой части Виніусомъ за первыя 20 лѣтъ управленія его почтою (до 1695 г.)

Первыя 8 лѣтъ дѣло улучшалось медленно.

20 дек. 1675 г. была введена форма для ямщиковъ: цвѣтные суконные кафтаны съ орлами изъ краснаго сукна; для отправляемыхъ за границу грамотъ велѣно было изготовить пять ящиковъ изъ бѣлаго желѣза [1]).

Въ 1682 г. во главѣ Посольскаго приказа становится знаменитый князь В. В. Голицынъ, который очень интересовался почтовымъ дѣломъ и сношеніями вообще. Виніусъ получилъ возможность приступить къ крупнымъ улучшеніямъ въ почтовомъ дѣлѣ.

16 дек. 1683 г. былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось ямщикамъ возить почту какъ можно быстрѣе и не посылать съ почтою вмѣсто себя работниковъ или наемныхъ людей; въ случаѣ, если ямщики съ почтою будутъ запаздывать, они должны подвергаться наказанію—нещадному битью батогами.

Вслѣдствіе жалобы Виніуса на медленность Рижской почты (изъ Пскова и Новгорода въ Москву) была послана 3 іюня 1684 года грамота новгородскому воеводѣ о наказаніи ямщиковъ и о принятіи мѣръ къ улучшенію постановки этой почты [2]). Въ концѣ того же года вышло недоразумѣніе у Виніуса съ рижскимъ почтмейстеромъ Штейномъ. По жалобѣ московскаго правительства шведскій король распорядился назначить комиссію для разбора дѣла [3]).

24 авг. 1685 г. Виніусъ заключилъ новый почтовый договоръ съ виленскимъ почтмейстеромъ Бисингомъ взамѣнъ прежнихъ. По этому договору: 1) почта чрезъ Польшу отъ прусской до московской границы должна доходить на 8 день, приходя въ опредѣленные дни; 2) такса съ каждаго письма между Кенигсбергомъ и Москвою въ пользу Бисинга—18 грошей; замедленіе почты въ осеннюю или весеннюю распутицу въ вину не ставится; 3) со всѣми почтами понедѣльно Бисингъ долженъ присылать по двое адвизовъ, за что Виніусъ долженъ посылать ему по парѣ соболей въ 25 ефимковъ; 4) грамоты государей московскаго и польскаго пересылаются безплатно; 5) гра-

---

[1]) Памятникъ законовъ Имперіи Россійской, ч. 1, Спб., 1825. Стр. XXXVI.
[2]) П. С. З., т. II, № 1082.
[3]) Б.-Каменскій, IV, 201.

моты и листы другихъ государей или ихъ пословъ, находящихся въ Москвѣ, оплачиваются по 2 ефимка; 6) съ ящиковъ и посылокъ Бисингъ получаетъ по 90 грошей съ фунта; 7) утерянныя письма, связки и посылки обѣими договаривающимися сторонами должны быть розысканы во что бы то ни стало; 8) если будетъ возможно, слѣдуетъ принимать грамотки и отъ торговыхъ людей; 9) необходимо внимательно слѣдить за правильнымъ обозначеніемъ вѣса на посылкахъ и связкахъ [1]).

Въ договорѣ о „вѣчномъ мирѣ“ съ Польшею (26 апр. 1686 г.), (который считается крупнѣйшимъ дипломатическимъ успѣхомъ кн. Голицына) также находятся статьи о почтѣ, въ которыхъ упоминается не только о грамотахъ и письмахъ, но и о курантахъ, т. е. газетахъ [2]). Этотъ послѣдній видъ почтовыхъ полученій заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что Виніусъ, какъ знатокъ языковъ, игралъ видную роль въ пересмотрѣ, переводѣ и сообщеніи царскому двору свѣдѣній изъ этихъ газетъ; познакомимся съ исторіей ихъ появленія въ Россіи.

Едва закончилось тяжелое смутное время, какъ возродились и стали быстро развиваться наши сношенія съ Западною Европою. Правительство первыхъ Романовыхъ, Михаила и Филарета, озабочено было установленіемъ дипломатическихъ сношеній и потому крайне нуждалось въ полученіи свѣдѣній о заграничныхъ государствахъ, ихъ правительствахъ и порядкахъ. Въ Россіи не были извѣстны даже имена царствовавшихъ государей; вѣрющія грамоты нашимъ посланникамъ нерѣдко писались на имя такихъ владѣтелей, которыхъ давно уже не было въ живыхъ. Какъ разъ въ это время появляются за границей газеты [3]), заключавшія въ себѣ всевозможныя свѣдѣнія о всѣхъ странахъ. Узнавъ объ этомъ, наше правительство позаботилось о томъ, чтобы добыть такіе листки. До этого наши немногочисленные заграничные агенты, особенно бывшіе въ Польшѣ, сообщали по мѣрѣ возможности всякаго рода извѣстія о заграничныхъ новостяхъ; изъ этихъ извѣстій составлялись въ Посольскомъ приказѣ „вѣстовыя письма“ для прочтенія царю и его ближайшимъ совѣтникамъ. До заведенія правильныхъ почтовыхъ сношеній вѣсти изъ-за границы получались чрезвычайно медленно— черезъ 2, 3, а иногда 6 мѣсяцевъ. Съ присылкой заграничныхъ газетъ это дѣло пошло быстрѣе и оживленнѣе. „Вѣстовыя письма“

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1402

[2]) П. С. З., т. II, № 1186 и т. III, № 1402.

[3]) Нейкампъ (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, VII, 931) считаетъ первою газетою ту, которая появилась въ Страсбургѣ въ 1609 году.

получаютъ названіе „курантовъ“ отъ одной заграничной газеты „Courante vigt Italien“. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о полученіи выписокъ изъ заграничныхъ газетъ съ 1621 г.; а самыя эти газеты сохранились съ 1631 г. [1]). По хронологіи имѣющихся экземпляровъ этихъ газетъ видно, что до 1663 года газеты эти получались въ очень небольшомъ количествѣ: сохранилось 9 экземпляровъ за это время, т. е. за 32 года; за время съ 1665 до 1695 г., т. е. тоже за 30 лѣтъ, сохранилось уже 27 экземпляровъ, т. е. втрое больше. Газеты присылались нѣмецкія, французскія, голландскія, польскія и др. Содержатели почтъ (особенно Леонтій Марселисъ) зачастую распечатывали газеты и прочитывали ихъ раньше передачи въ Посольскій приказъ; это вызвало жалобы со стороны приказа [2]). При Виніусѣ такихъ недоразумѣній возникать уже не могло, потому что онъ распечатывалъ газеты не какъ содержатель почтъ, а какъ дьякъ того самого Посольскаго приказа. Изъ писемъ и газетъ, получавшихся въ Посольскомъ приказѣ, дѣлались выборки и переводы и составлялись „куранты“ для чтенія царю и его ближайшимъ совѣтникамъ. Въ эти куранты вносились свѣдѣнія: 1) о военныхъ событіяхъ въ разныхъ европейскихъ государствахъ, иногда даже съ критическими замѣчаніями; 2) о придворныхъ событіяхъ при разныхъ дворахъ; 3) о дѣйствіяхъ государственныхъ сеймовъ; 4) о дипломатическихъ сношеніяхъ между различными правительствами; 5) о рѣдкихъ случаяхъ въ научной области; 6) о положеніи торговли въ различныхъ государствахъ; 7) о церковныхъ событіяхъ и суевѣріяхъ; 8) о народныхъ волненіяхъ [3]).

Въ 1690 году впервые встрѣчаемся въ исторіи русской почты съ перлюстраціей: предписано было вскрывать въ Смоленскѣ всѣ письма, идущія за границу [4]). Брикнеръ видитъ въ этомъ распоряженіи проявленіе реакціонной политики патріарха и др. лицъ, захватившихъ временно власть въ свои руки послѣ сверженія Софіи [5]); по нашему мнѣнію, поводомъ къ этому распоряженію послужилъ болѣе опредѣленный фактъ; событія 1689 г. въ перепискѣ ино-

---

[1]) А. Булгаковъ, Отвѣтъ на библіографическій вопросъ („Моск. Телеграфъ“ за 1827 г., ч. XVI).

[2]) Хрущовъ, 15—16.

[3]) Куранты отъ 28 іюня 1655 г. и 20 іюля 1665 г. напеч. въ Чт. М. Общ. ист. и древ. 1880 г., кн. II; отрывокъ изъ курантовъ за 1665 г.—въ Историч. хрестоматіи Ѳ. Буслаева, М., 1861, стр. 1143; куранты отъ 12 сент. 1683 г.—въ Лѣтописяхъ занятій Археогр. Комиссіи 1865—66 г., вып. 4.

[4]) Хрущовъ, 20.

[5]) A. Brückner. Russisches Postwesen im 17 u. 18 Jahrh. (Zeitschrift für allgem. Geschichte, 1884 г., Heft. XII), стр. 897.

странцевъ могли получить нежелательное для правительства освѣщеніе.

Въ это время Виніусъ жаловался, что въ Мемелѣ увеличена вѣсовая плата за письма. Въ отвѣтъ на представленіе московскаго правительства по этому поводу, бранденбургскій курфирстъ заявилъ, что жалобы эти неосновательны, что повышенія платы не было и не будетъ. Но тутъ же курфирстъ проситъ запретить русскимъ „почтовымъ служителямъ“ взиманіе „приватнаго прибытку“, что̀ онъ намѣренъ запретить и у себя [1]).

По должности почтмейстера Виніусъ не получалъ жалованья (чѣмъ онъ отличается отъ прежнихъ содержателей почтъ); за то, подобно своимъ предшественникамъ, онъ употреблялъ въ свою пользу сборы съ отправителей писемъ и даже съ казны. Ямщики за доставку почты получали жалованье изъ Посольскаго приказа [2]) (предшественники Виніуса держали людей и лошадей на свой счетъ). Были случаи, что иногда правительство заставляло Виніуса платить ямщикамъ; но за то считалось непремѣннымъ условіемъ— въ случаѣ превышенія расходовъ почтмейстера надъ его доходами, правительство должно возмѣстить ему убытки [3]). Въ виду повторявшихся случаевъ неаккуратности ямщиковъ, въ маѣ 1691 года еще разъ сдѣлано было имъ внушеніе „подъ жестокимъ страхомъ“: ѣздить не медленно, возить письма лично, почтами среди дороги не мѣняться; Приказнымъ избамъ велѣно было при отсылкѣ писемъ писать на оберткѣ число мѣсяца и часъ отпуска почты, а равно имя ямщика, съ которымъ отправляется или получается почта.

По ходатайству англійскихъ и голландскихъ купцовъ, 8 іюня 1693 г. была учреждена новая почта—отъ Москвы до Архангельска, черезъ Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Вологду и Вагу. Изъ указа, даннаго по этому поводу, узнаемъ, что почта должна была поспѣвать изъ Москвы въ Архангельскъ лѣтомъ и зимою на 8—9 день, а въ иное время года—на 10—11 день; отправка почты должна была производиться разъ въ недѣлю или даже въ 2 недѣли; почтари должны были дѣлать 9—10 верстъ въ часъ, письма везти бережно въ мѣшкахъ подъ пазухою—„а буде подмочатъ или потеряютъ, и имъ въ потерѣ тѣхъ писемъ быть пытаннымъ“; по всѣмъ ямамъ надо завести записныя тетради для записи отправки и полученія почты и именъ ямщиковъ. Одновременно съ этимъ было при-

---

[1]) Бант.-Каменскій, VI, 22.
[2]) П. С. З., т. III, № 1402.
[3]) Brückner, 903.

казано мѣстнымъ жителямъ исправить дороги и сдѣлать мосты черезъ болота [1]). Изъ дневника знаменитаго Патрика Гордона видно, что письма изъ Тобольска въ Архангельскъ доходили въ 2 мѣс. 20 дн.; московскую же почту въ Архангельскѣ Гордону удавалось получать на 7-й день.

Надо вообще сказать, что врядъ-ли кто-либо изъ русскихъ или иностранцевъ того времени пользовался молодою русскою почтою такъ энергично, какъ Гордонъ (бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Виніусомъ). Изъ дневника его узнаемъ, что послать въ день 14—16 писемъ было для него не рѣдкостью [2]). Вслѣдствіе этого ему точно были извѣстны многія подробности о Виніусовскихъ почтахъ. Онъ зналъ, напр., что письмо изъ Данцига въ Москву идетъ 4 недѣли, а обратно—3 недѣли, что плата берется съ золотника писемъ, что такса за золотникъ отъ границы до Москвы—8 коп., отъ Новгорода до Москвы—4 коп., отъ Риги до Пскова—6 коп. [3]), такса за пересылку денегъ—3% изъ суммы.

Такъ разросталось мало-по-малу почтовое дѣло. Виніусъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ своего сына Матвѣя, который и начинаетъ работать вмѣстѣ съ отцомъ, завѣдуя различными почтовыми путями съ 1695 г. [4]).

Работой въ Посольскомъ приказѣ и завѣдываніемъ почтовымъ дѣломъ не ограничивались служебныя обязанности Виніуса. Съ 30 декабря 1677 г. мы видимъ его также въ званіи дьяка Аптекарскаго приказа [5]). Въ исторіи русской медицины имя Виніуса также не осталось безызвѣстнымъ. Уже въ 1677 г. послѣдовало важное распоряженіе: продавать изъ царской новой аптеки разныя лѣкарства для всякаго, кому будетъ нужно. Относительно дѣятельности Виніуса въ Аптекарскомъ приказѣ мы имѣемъ также свѣдѣнія отъ иностранцевъ. Корбъ слышалъ отъ аптекарей, что царскія аптеки при Виніусѣ были хорошо снабжены всѣмъ необходимымъ. Виніусъ отлично понималъ это дѣло и внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы лѣкаря и аптекари имѣли все по первому требованію у себя подъ руками [6]). Въ это же время состоялось распоряженіе

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1470.

[2]) Онъ получалъ черезъ Виніуса также заграничныя газеты.

[3]) По интересному подсчету Брикнера, плата эта была столь высока, что, напр., за пересылку письма изъ-за границы въ Москву приходилось платить въ 60 разъ больше, чѣмъ теперь за пересылку письма изъ Австраліи въ Москву (Brückner, 900).

[4]) Хрущовъ, 21.

[5]) Бѣлокуровъ, 127.

[6]) Корбъ, 253.

принимать „въ аптекарское наученіе“ учениковъ изъ русскихъ или хоть и не русскаго происхожденія, но подданныхъ московскаго правительства. Есть свѣдѣнія, что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ внимательно относился къ Аптекарскому приказу и его начальнику. По указу царя изъ Тайнаго приказа были переданы въ Аптекарскій медицинскія книги [1]); тотъ же царь, въ знакъ особой милости, пожаловалъ дьяка Аптекарскаго приказа Андрея Виніуса цѣнною и старинною иконою Нерукотвореннаго Спаса [2]).

О другихъ обязанностяхъ Виніуса имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. 28 дек. 1681 г. постельничему Лихачеву и дьяку Виніусу велѣно было вѣдать „дѣло бархатнаго мастера Захарія Павлова съ его мастеровыми“; при этомъ дѣлѣ Виніусъ упоминается до 1684 г. включительно [3]). Въ 1683 г. онъ дѣлалъ покупки у иноземцевъ для царской мастерской палаты; 26 апр. 1687 г. ему было дано въ подарокъ съ казеннаго двора 6 арш. объяри соломенной [4]). 1 дек. 1691 г. и 29 февр. 1692 г. онъ упоминается въ Новгородскомъ приказѣ; въ 1691 г. встрѣчаемъ его скрѣпу на приходо-расходныхъ книгахъ Устюжской четверти [5]).

Въ началѣ 1693 года Виніусъ былъ посланъ въ Малороссію для наблюденія за состояніемъ умовъ по поводу попытки нѣкоего Петрика съ помощью татаръ замутить Малороссію. Онъ доносилъ, что всюду населеніе остается вѣрнымъ православной церкви и московскому царю и не думаетъ о союзѣ ни съ Польшею, ни съ татарами [6]).

18 іюня 1693 г. Виніусъ выигралъ въ Посольскомъ приказѣ мѣстническое дѣло: велѣно имя его писать выше именъ дьяковъ Посникова и Михайлова [7]).

Андрею Андреевичу было уже болѣе 50 лѣтъ, когда онъ былъ замѣченъ молодымъ царемъ Петромъ и сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ его сотрудниковъ.

И. П. Козловскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Рус. Ист. Библ., т. XXI. Дѣла Тайнаго Приказа, кн. I. Спб., 1907, стр. 383—4.

[2]) Древности. Труды Моск. Археол. Общества, т. IV, стр. 146—147. Этотъ образъ былъ списанъ по просьбѣ ц. Іоанна IV съ подлинной чудотворной иконы въ Римѣ въ 1583 году.

[3]) Бѣлокуровъ, 128.

[4]) Сборникъ выписокъ изъ арх. бум. о П. В. т. I, стр. 36 и 278.

[5]) Бѣлокуровъ, 128.

[6]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III, 1133—1134.

[7]) Бѣлокуровъ, 128.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ" живоп. Харламова; 12 новѣйш. ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ изъ раскрашенныхъ и черн. листахъ; 12 илл. книжекъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 вып. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ"; „МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ НАТУРАЛИСТЪ"; игра „СТЕПКА-РАСТРЕПКА" и мн. др

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл." для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получатъ

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „ПОДАЙТЕ СЛѢПОМУ"; 12 иллюстр. кн. ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для юношества, 8 вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ"; 6 вып. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА", Л. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНАГО НАТУРАЛИСТА"; „КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ" съ записной книж. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ" и „ДѢТСКІЯ МОДЫ".

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой,—за годъ ШЕСТЬ рублей. Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая—по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

1—3

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415295